

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Москва
2020

УДК 930
ББК 63
И90

Издание основано в 1937 году
Возобновлено в 1995 году

Редакционная коллегия:

Е.И. ПИВОВАР, член-корр. РАН (составитель и ответственный редактор);
Л.А. БЕЛЯЕВ, член-корр. РАН; М.Ю. МУХИН, доктор исторических наук
(зам. ответственного редактора);
И.С. КОНДРАШОВА (секретарь); П.П. ЧЕРКАСОВ, член-корр. РАН;
В.С. ХРИСТОФОРОВ, член-корр. РАН.

Рецензенты:

доктор исторических наук С.В. ДЕВЯТОВ
член-корреспондент РАН С.В. МИРОНЕНКО

Очередной номер ежегодника «Исторические записки» представляет спектр статей по наиболее актуальным проблемам современной отечественной историографии. Статьи, помещённые в номере, объединены в разделы, посвящённые наиболее важным и востребованным на современном этапе направлениям работ российских историков. Это актуальные проблемы археологии, историографии и архивоведения, социальная и экономическая история России XX – начала XXI вв., история культуры, а также история российского зарубежья.

Для историков, преподавателей истории и студентов высших учебных заведений.

ISBN 978-5-907036-98-7

© Пивовар Е.И., 2020

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ

Державин В.Л.

Дискуссионные вопросы в истории Шпицбергена6

Вах К.А.

Первые русские раскопки у Храма Гроба Господня в Иерусалиме
в 1859–1861 гг.23

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.

«Русский Антик». Выставка Эллино-скифского отделения
Государственного Эрмитажа в интеллектуальном контексте эпохи 78

Катагощина М.В.

Эволюция социального облика и статуса частного коллекционера
в России XIX – начала XX века.....99

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Виттенберг Е.Я.

У истоков социальной ответственности гражданского
общества в России 124

Мухин М.Ю.

Причины и предпосылки отказа от НЭПа..... 155

Никитин Н.И.

Вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества:
исследовательские подходы и исторические реалии..... 175

ИСТОРИОГРАФИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЕ

Исакова М.С., Гусева Ю.Н., Христофоров В.С.

Архивы и архивная политика Узбекистана в XXI веке
(к 100-летию архивной службы Республики Узбекистан)226

Ланской Г.Н.

Геополитические репрезентации внешней политики России
в отечественных и зарубежных историографических источниках242

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Ершов В.Ф.

Северокавказское зарубежье XX века и становление
культурно-исторического пространства глобального Русского мира254

Бочарова З.С., Мосейкина М.Н.

Организация переселения российских эмигрантов в страны
Латинской Америки в 1920-е гг.: правовой и социальный аспекты298

Contents

ARHEOLOGY

Victor L. Derzhavin

Debatable issues in the history of Spitsbergen6

Kirill A. Vach

**The first Russian excavations near the Church of the Holy Sepulcher
in Jerusalem in 1859–1861.....23**

HISTORY OF CULTURE

Vitaly G. Ananyev, Mikhail D. Bukharin

**«Russian Antique». Exhibition of the Helleno-Skythian Branch
of the State Hermitage in the Intellectual Context of its Time..... 78**

Maria V. Katagoshchina

**The evolution of social appearance and status of private collector
in Russia XIX – the beginning of the XX century.....99**

SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY

Eugene Y. Wittenberg

At the origins of social responsibility of civil society in Russia..... 124

Mikhail Yu. Mukhin

The reasons and background of the refusal of the NEP 155

Nikolay I. Nikitin

**The question of the origin of ethnic identification of the Cossacks:
research approaches and historical realities 175**

HISTORIOGRAPHY AND ARCHIVAL STUDIES

Mohaa S. Isakova, Yulia N. Guseva, Vasily S. Khristoforov

Archives and archival policy of Uzbekistan in the XXI century.....226

Grigorii N. Lanskoï

**Geopolitical representations of Russia's foreign policy in domestic
and foreign historiographical sources.....242**

HISTORY OF THE RUSSIAN ABROAD

Vitaly F. Ershov

**The North Caucasian abroad in the 20th century and the formation
of cultural and historical space of the global Russian world254**

Zoya S. Bocharova, Marina N. Moseikina

**The organization of relocation of the Russian emigrants
to Latin America in the 1920s: legal and social aspects.....298**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. ТИШКОВ (Россия) – сопредседатель Совета

М. ЭМАР (Франция) – сопредседатель Совета

А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)

П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)

А.П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)

С.П. КАРПОВ (Россия)

М.А. ЛИПКИН (Россия)

Н.А. МАКАРОВ (Россия)

И.П. МЕДВЕДЕВ (Россия)

Р.М. МУНЧАЕВ (Россия)

Ю.А. ПЕТРОВ (Россия)

Е.И. ПИВОВАР (Россия)

М.Б. ПИОТРОВСКИЙ (Россия)

У. РОЗЕНБЕРГ (США)

Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)

М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)

А.О. ЧУБАРЬЯН (Россия)

Ю. ШЕРРЕР (Франция)

В.Л. ЯНИН (Россия)

АРХЕОЛОГИЯ

В.Л. Державин

Дискуссионные вопросы в истории Шпицбергена

Аннотация: В статье излагаются проблемные вопросы в истории Шпицбергена. Ровно 100 лет назад на Парижской конференции было принято решение об особом статусе Шпицбергена, но под юрисдикцией Норвегии. Скандинавы считали архипелаг мифическим Свальбардом («Ледяной берег»), открытым викингами в XII веке, по мнению норвежских историков. Но анализ исландских карт дает основание считать, что эта земля находилась в восточной Гренландии. Этого мнения придерживались датские ученые XIX–XX вв., которые в погребениях эскимосов нашли находки, принадлежавшие викингам. После открытия Шпицбергена экспедицией В. Баренца в 1596 г. на архипелаге сезонным китобойным промыслом занимались сначала англичане, потом голландцы и др. представители европейских стран. Версия о добаренцевом освоении острова поморами не получает подтверждения, что доказывают и данные дендрохронологии. Письменные источники позволяют отнести появление русских на Шпицбергене не раньше XVIII в. Первая норвежская экспедиция отправилась на архипелаг в 1795 г. Русские (в основном это были староверы) промышляли на Шпицбергене вплоть до середины XIX в. наравне с норвежскими трапперами. После разгрома старообрядческих центров поморы оставляют архипелаг, не имея государственной поддержки. Эти исторические события предрешили судьбу Шпицбергена, который в 20-е годы стал территориальным владением Норвегии.

Ключевые слова: Шпицберген, Свальбард, поморы, Парижская конференция 1920 г., китобой, промыслы, становище, Гренландия, эскимосы, археологические памятники, Баренц, исландские саги.

Debatable issues in the history of Spitsbergen

Abstract: The article sets out problematic issues in the history of Svalbard. Exactly 100 years ago, at the Paris Conference, a decision was made on the special status of Svalbard, but under the jurisdiction of Norway. The Scandinavians considered the archipelago a mythical Svalbard ("Ice Coast"), discovered by the Vikings in the XII century according to Norwegian historians. But an analysis of Icelandic maps gives reason to believe that this land was in eastern Greenland. This opinion was shared by Danish scientists of the XIX–XX centuries, who found finds belonging to the Vikings in the burials of the Eskimos.

After the discovery of Spitsbergen, the expedition of V. Barents in 1596 in the archipelago, the British first engaged in seasonal whaling, then the Dutch and other representatives of European countries. The version of the pre-Barents development of the island by the Pomors does not receive confirmation, incl. and dendrochronology data. Written sources make it possible to attribute the appearance of Russians to Svalbard not earlier than the 18th century. The first Norwegian expedition set off for the archipelago in 1795.

The Russians (mainly the Old Believers) traded on Spitsbergen until the middle of the 19th century on a par with the Norwegian trappers. After the defeat of the Old Believer centers, Pomors leave the archipelago without state support. These historical events predetermined the fate of Svalbard, which in the 20s became the territorial possession of Norway.

Key words: Spitsbergen, Svalbard, Pomors, Paris conference 1920, whalers, hunting, camp, Greenland, eskimos, archaeological sites, Barents, Icelandic sagas.

9 февраля 2020 г. исполнилось 100 лет со дня подписания на конференции в Париже Шпицбергенского трактата, согласно которому над архипелагом, включая о. Медвежий, устанавливался суверенитет Норвегии, хотя до этого он считался «ничейной землей» (*terra nullius*). Договор был подписан государствами-победителями в Первой мировой войне, а также присоединившимися к ним союзникам, и архипелаг объявлялся демилитаризованной зоной (статьи 9 и 10 трактата). В 1925 г. норвежский парламент (стортинг) переименовал Шпицберген в Свальбард («Ледяной берег» в исландских сагах), который, по предположениям норвежских исследователей, был открыт в конце XII в. викингами – предками скандинавов.

Советская Россия присоединилась к договору в 1935 г., что дало ей возможность вести экономическую деятельность на архипелаге как подписавшей трактат.

Вопросы, касающиеся приоритета открытия Шпицбергена какой-либо страной и дальнейшего его освоения, стали предметом острых дискуссий, начиная с XIX в.

Но насколько обоснованы исторические притязания Норвегии на далекий арктический архипелаг, который позже был переименован в мифический Свальбард. Этой спорной проблеме, точнее ее картографическому аспекту, посвящена недавно опубликованная статья автора¹.

Несколько лет назад на русский язык была переведена книга норвежского историка Тура Арлова «История архипелага Шпицбергена». В ней последовательно излагался взгляд автора на его 400-летнюю историю, начиная с момента его открытия². Официально Шпицберген был открыт экспедицией В. Баренца в 1596 г., который нанес его на карту и дал привычное на слух название. В переводе с голландского оно обозначает «острые горы». К тому же мореплаватель считал открытую землю частью, т. е. продолжением, Гренландии. Этой точки зрения придерживались почти все картографы и мореплаватели вплоть до XIX в. Т. Арлов излагает эту версию наряду с другими (первобытной и поморской). Да и поморское название архипелага Грумант восходит, как считают, к искаженному поморами топониму Гренландия.

Первобытная версия возникла в середине XX в., когда скандинавские археологи обнаружили в районе Ис-фьорда кремневые сколы, давшие основание считать их свидетельством для подтверждения гипотезы о пре-

¹ Державин В.Л. Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVII вв. //Российская археология. 2016. № 4, с. 151–161.

² Арлов Т. История архипелага Шпицберген. М., 2016. 592 с.

бывании людей эпохи каменного века на Шпицбергене. И даже появилась необычная теория о миграции первобытного человека из бассейна Печоры по льду Баренцева моря на архипелаг. А через несколько лет советский геолог М. Соловьева нашла на северо-западе Шпицбергена фрагмент наскального рисунка с изображением, как она думала, кита, как бы свидетельствующий в пользу первобытной концепции. Но проведенные норвежцами трасологические анализы этих находок не подтвердили их рукотворного происхождения.

Поморская версия открытия Шпицбергена до плавания В. Баренца появилась в работах еще дореволюционных авторов. Дату первых походов русских на Грумант относят обычно к XII в., но никаких документальных данных не приводится. Поэтому она вряд ли может считаться исторически достоверной. После работ Шпицбергенской экспедиции Института археологии, начавшей исследования поморских памятников в 1978 г., были получены данные дендрохронологии, позволившие датировать появление самых ранних становищ на архипелаге серединой XVI в.³ Этого мнения придерживался и такой авторитетный ученый, как В.Ю. Визе, хотя дендрохронологические датировки ему не могли быть известны, а опирался он исключительно на исторические документальные источники⁴.

Свальбардская версия получила широкую популярность в норвежском обществе во второй половине – конце XIX в., когда страна переживала небывалый всплеск национального самосознания и двигалась в сторону выхода из Шведско-Норвежской унии, в которой занимала зависимое положение. Именно тогда Норвегия дала миру многих выдающихся деятелей в разных сферах общественной и культурной жизни и, что важно, в первую очередь полярников, сыгравших впоследствии огромную роль в деле установления норвежского суверенитета над Шпицбергенем, как, например, Фритьоф Нансен, который перед Первой мировой войной был назначен норвежским посланником в Лондоне и много сделал для просвещения британского истеблишмента в отношении полярной истории своей страны в целом и Шпицбергена в частности.

Версию об открытии Шпицбергена викингами впервые выдвинул норвежский историк и филолог Густав Сторм, которого безоговорочно поддержал Ф. Нансен⁵, пользовавшийся безупречным авторитетом. Но одновременно существовала «параллельная» гипотеза об открытии Свальбарда викингами, но размещали его на острове Ян-Майен, расположенном между Шпицбергенем и Гренландией. Этот небольшой островок вулканического происхождения, раньше также никому не принадлежавший и открытый в начале XVII в. голландцами, сейчас является владением Норвегии, которая аннексировала его в 1929 г. Наиболее убежденным сторонником этой гипотезы был русский полярный исследователь В.А. Русанов, но его точка зрения не получила широкой поддержки.

³ Старков В.Ф. Хронология и периодизация русских памятников на Шпицбергене. // Очерки истории освоения Шпицбергена. М. 1990. 124–133.

⁴ Визе В.Ю. Моря Российской Арктики. М., 2008. Т. 1, с. 111.

⁵ Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. II. с. 463.

В 90-х годах XIX в. Сторм опубликовал в норвежском переводе исландские саги, в которых упоминался берег Свальбард. Первое сведение о нем содержится в хрониках 1194 г. и весьма лаконично: «Найден Свальбард», – по которой судить, где точно находилась эта земля, практически невозможно. Свальбард упоминается в сагах всего шесть раз, но ни в одном случае нет и намек на Шпицберген, о котором викинги, конечно, не могли знать. Свальбардская версия, помимо Нансена, приобрела немало сторонников, но и оппонентов у нее было более чем достаточно. В первую очередь, это датские ученые, а также другие европейские и североамериканские исследователи. Они опирались преимущественно на исландские карты XVI–XVIII вв., изданные датским придворным историком Тормоди Торфаусом⁶. Несколько позже карты Гренландии с указанием Свальбарда появились в других странах Европы. И на всех «Ледяной берег» нанесен на восточно-гренландском побережье между 68° и 74° северной широты.

Появление этих карт объяснялось попытками Датского королевства в XVI–XVII вв. вторично открыть Гренландию и узнать судьбу норманнских поселений и их жителей, связь которых с материком прервалась еще в XV в. Датский король беспокоился, что потомки викингов Гренландии, если они к тому времени еще были живы, могли отойти от христианской веры. Но главная задача исландских историков заключалась в детальной локализации географических названий, встречающихся в сагах, для приведения их в соответствие с данными карт того времени. В свою очередь Свальбард ими рассматривался как один из обычных историко-географических топонимов, и особого значения ему не придавалось. Но к тому времени картографы хорошо себе представляли, где расположены Шпицберген и остров Ян Майен. Помимо этого, им предстояло определить местонахождение Западного (Westerbugd) и Восточного (Osterbugd) поселений викингов, погибших в XIV–XV вв., а также земли Винланд, Маркланд, Хелленланд, упоминавшиеся в сагах.

Наиболее подходящей в ландшафтно-климатическом отношении зоной для поселений викингов являлось юго-западное побережье Гренландии, где они в конце X в. основали два поселения с многочисленными усадьбами и фермами между ними и вокруг них: Западное и Восточное, – расстояние между которыми составляло около 300–400 км.

Когда Эрик Рыжий прибыл в конце X в. в Гренландию, то нашел там абсолютно необжитую землю. Но чтобы привлечь колонистов, он, как считают многие исследователи, назвал ее «Зеленой землей». Численность населения в этих поселках, по разным оценкам специалистов, колебалась от 3 до 5 тысяч человек. В научной литературе встречается и цифра 10 000, но для определения реальной численности все же нет четких данных. В XIV в. из-за похолодания (начало Малого ледникового периода) норвежские корабли, раньше регулярно привозившие колонистам хлеб, металл, древесину и другие необходимые товары, стали все реже посещать остров. Связь с Европой ежегодно ослабевала и настолько, что в конечном счете оборвалась из-за блокировки льдами южного побережья Гренландии. А суровый климат вы-

⁶ Torfæus T. Gronlandia Antiqua. Havniæ.: 1706. 6 tab.

нудил эскимосов-инуитов, двигавшихся со стороны Северной Америки, кочевать с севера Гренландии по западному побережью острова в южном направлении вслед за мигрировавшими оленями и ластоногими – традиционными объектами их охоты. В результате этого передвижения эскимосы вступили в неизбежный контакт с викингами, в первую очередь с жителями обоих поселений на юго-западе острова, и, вероятно, отношения между ними вряд ли были миролюбивыми. В результате в XV в. европейские поселки окончательно обезлюдели. Последний норвежский корабль, по официальным данным, вернулся из Гренландии в Европу в 1410 г.⁷

Т. Арлов ошибочно считал, что гипотезу об открытии Шпицбергена викингами первым выдвинул не Г. Сторм, а норвежский натуралист геолог Б. Кейльхау, который посетил архипелаг с научными целями в первой трети XIX в. на голландском китобойном судне. Однако он предполагал, что норманны, вероятно, могли знать о таких землях, как Гренландия, Шпицберген, Свальбард и другие, но в его представлении это были разные полярные области⁸.

Географические знания в Европе в то время были таковы, что даже в конце XVIII в. некоторые географы считали, будто Гренландия представляла собой суперполуостров, который включал не только Шпицберген-Свальбард (Гренландию), но и Новую Землю, а соединялся с материком в северной Евразии. Это наглядно показал Ф. Нансен на одной своей гипотетической карте, знакомый с материалами исландских историков, локализовавших Свальбард в восточной Гренландии, но ему надо было как-то подтвердить концепцию Г. Сторма⁹, поскольку исландские карты не вписывались в его версию, а наоборот, противоречили ей.

Самыми слабыми звеньями «свальбардской» версии являются сведения исландских хроник (саги) о четырех днях морского пути из Исландии до Шпицбергена/Свальбарда и заселенности открытой викингами земли. Однако напомним, что постоянного населения на архипелаге не было, а расстояние до него в 1 600 км (почти 900 миль) суда викингов никак не могли преодолеть за четыре дня. Их драккары и кнорры в X–XII веке не были столь быстроходны, поскольку косою парус, позволявший двигаться против ветра, а также руль еще не были изобретены. Вместо последнего использовали рулевое весло.

Датский гидрограф и этнограф Густав Хольм в статье об исландских лодках Свальбарда пришел к выводу, что викинги могли все же достигнуть Шпицбергена, но только в том случае, если он действительно находился в восточной Гренландии¹⁰. Ближайшее расстояние от Исландии составляло приблизительно 300 км, что подтверждается исландскими картами. На одной из них (копия карты Йенса Бьорна 1669 г.) четко указано расстояние до Свальбарда – 24 старых скандинавских мили (без малого 300 км), а это

⁷ Файнберг Л.А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М.: Наука, 1971. 279 с.

⁸ Keilhau B.M. Reise i Øst-og Vest Finnmarken samt til Beeren-Einland og Spitsbergen i årene 1827 og 1829. Christiania. 1831. S. 225.

⁹ Krawczyk A. Zagadnienie nomsmskfego Svalbardu. // XIV Sympogum Polarne, Lublin. 1987. Rys. 2.

¹⁰ Holm G. 1926 De islandske Kursforskifters Svalbarde// Geografisk Tidsskrift, Bind 29. C.18.

и есть кратчайшее расстояние до «Ледяного берега», которое норманнское судно реально могло пройти за четыре дня. К этому можно добавить, что путь от Исландии до европейских колоний в юго-западной Гренландии сопоставим по расстоянию до современного Шпицбергена. Между тем суда викингов преодолевали его только за две недели согласно информации, содержащейся в сагах, а значит, и до Свальбарда потребовалось бы примерно столько же времени, но, конечно, не четыре дня¹¹.

Касаясь исландских карт, нельзя не сказать о замечательном норвежском миссионере и крестителе эскимосов XVIII в., лютеранском священнике, а впоследствии епископе Хансе Эгеде, который провел пятнадцать лет в Гренландии, куда он был послан датским королем Фредериком IV в 1721 г. для просвещения местного населения, где становится их апостолом. Ему также поручалось выяснить судьбу Западного и Восточного поселений и их обитателей. Его жена отправилась вместе с ним и там скончалась от оспы, леча и выхаживая больных эскимосов. Эгеде был автором книги «Описание Гренландии», в которой размещал Свальбард на восточном побережье острова. Его данные использовали европейские картографы XVIII в. (англичанин Эммануэль Боэн в 1747 г., австриец Франц-Иоганн Рейли в 1791 г. и др.). Сын Х. Эгеде, Пауль, также занимавшийся миссионерской деятельностью среди эскимосов, в 1788 г. издал свою карту Гренландии, отличающуюся от карт Боуэна и Рейли, но не принципиально. И на ней Свальбард также расположен на восточном берегу острова¹². Таким образом, все европейские карты XVI–XVIII вв. практически не имеют расхождений, а их составители везде обозначали «Ледяной берег» в одном месте: между 68° и 74° северной широты.

Таким образом, легендарный Свальбард, на наш взгляд, находился на восточном побережье Гренландии, а если его локализовать более конкретно, – в районе Скорсби-фьорда – самого крупного фьорда мира. Об этом также писал известный датский этнограф, исследователь эскимосов Гренландии Кай Биркет-Смит: *«Имеются указания на то, что они /викинги/ знали местность в окрестностях залива Скорсби, которая, несмотря на северное положение, все же является одной из наиболее доступных частей побережья. Во всяком случае, вероятно, здесь надо искать ... Свальбард, независимо от того, что в более поздние времена это наименование было перенесено на Шпицберген»*¹³. Канадский полярный исследователь Вильямур Стефанссон пошел еще дальше, но высказался примерно в том же духе *«...норвежцы выдвинули свою версию главным образом по политическим причинам – для утверждения своего суверенитета над Шпицбергеном»*¹⁴.

Практически все исследователи, напомним, сходятся во мнении, что на Шпицбергене не было постоянного населения. Тогда как относиться к сообщениям исландских хроник о населении Свальбарда?

¹¹ Байок Д. Исландия в эпоху викингов. М., 2012. Карта 2. С. 912.

¹² Higgins A.K. Exploration history and place names of northern East Greenland. /Gtological survey of Denmark and Greenland bulletin № 21. Copenhagen.: 2010. S. 3. 368 p.

¹³ Гренландия. М. 1953. С. 37.

¹⁴ Stefansson V. Greenland. 1944. New-York. P. 232, 251.

Их сведения об заселенности «Ледяного берега» (Свальбарда) приверженцами теории Сторма-Нансена не принимаются всерьез¹⁵ (Хенниг, 1960. Т. 2. С. 463). Во-первых, они ссылаются на сказочные черты, которыми составители саг наделили их жителей, а во-вторых, на якобы абсолютную недоступность восточного берега Гренландии из-за дрейфующего льда (ледяного барьера), вдоль которого суда викингов были вынуждены двигаться только на северо-восток, а в результате, по мнению Ф. Нансена, неизбежно выйти к Шпицбергену. А в качестве подтверждения этой гипотезы ссылаются на экспедицию англичанина Генри Гудзона 1607 г., пытавшегося найти северо-восточный проход и который почти этим же маршрутом (вдоль восточного гренландского берега) вышел к северо-западной оконечности архипелага. Однако плавание викингов проходили в период Малого климатического оптимума (потепления), и, несмотря на сложные ледовые условия, им все же удавалось порой проникать на берег Свальбарда. И об этом убедительно свидетельствуют, пусть и немногочисленные, археологические находки: бусы, пуговицы, костяной гребень с изображением двух крестов, найденные в эскимосских погребениях залива Скорсби (70°–71° с.ш.), которые имеют норманнское происхождение и указывают на контакты, хотя и случайные, викингов с эскимосами¹⁶. Но главное, эти артефакты подтверждают сведения исландских письменных источников о присутствии автотонного (эскимосы) и случайного (викинги), т. е. пришлого, населения в восточной Гренландии.

Интересно в этой связи сопоставить хронологические фазы пиков Малого ледникового периода (МЛП) Шпицбергена и Новой Земли с аналогичными климатическими аномалиями Гренландии, где, по данным изотопии ледниковых кернов, он начался почти на 250 лет раньше, чем в восточной Приатлантической Арктике. Но именно с ними исследователи связывают гибель норманнских поселений на юго-западном побережье Гренландии¹⁷. В свою очередь Малому ледниковому периоду предшествовал Малый климатический оптимум, во время которого Эрик Рыжий в X веке открыл Гренландию, основав на юго-западе первое норманнское поселение. Этот район побережья в ландшафтно-климатическом отношении был наиболее благоприятным для занятия викингами, помимо охоты, скотоводством и в допустимых рамках ограниченным земледелием.

После открытия голландцами Шпицбергена в XVI в. его население сменилось несколько раз, но никогда не проживало там постоянно, за исключением XX столетия. Это было связано с тем, что представители ряда европейских стран, включая Россию, вели на архипелаге лишь сезонные промыслы, да и климатические условия проживания там желали оставлять лучшего. Следом за В. Баренцем появились первые китобои из Англии и Голландии. Но родоначальниками китобойного промысла на Шпицбергене были англичане, которых этому ремеслу обучили баски, занимавшиеся охотой на китов

¹⁵ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. I. М., 1960. С. 463.

¹⁶ Tornøe, J.K. Lysstreif over Norgesveldets historie. Meddelelser Norges Svalbard og Ishavsundersøkelser 56. Oslo.: 1944. P. 79.

¹⁷ Корякин В.С. Ледники Арктики. М., 1988. С. 123–124.

в Бискайском заливе и северной Атлантике. Большую роль в отправке судов к Шпицбергену сыграла Московская компания купцов в Лондоне, которая была создана после экспедиции Уиллоуби – Ченслера 1553 г., основной целью которой было открытие северо-восточного прохода для налаживания торговых отношений с Индией и Китаем. Но вышло так, что англичане вместо заманчивых восточных стран открыли через гавани Мурман и Поморья обширный российский рынок, а вскоре оказались в акватории Шпицбергена, где оценили все перспективы и выгоды китобойного промысла (китовый жир, китовый ус и проч.). Англичанин Йонас Пул (а не Г. Гудзон) стал первым, кто обратил внимание на большие стада китов в районе Шпицбергена, отчитавшись о результатах своего плавания в Московской компании. Но до этого он несколько раз вначале XVII в. из Колы ходил к Медвежьему острову, где англичане добывали моржей¹⁸. А на архипелаг Й. Пул впервые попал в 1610 г., попытавшись найти морской путь в Индию и Китай через Северный полюс, считавшийся, по географическим понятиям того времени, свободным ото льда, и, пройдя который, он планировал затем достигнуть и Японии. Таким образом, англичане, как и голландцы, очутились в районе архипелага вследствие своих неоднократных попыток открыть северо-восточный проход (Северный морской путь).

Полярные экспедиции европейцев в XVI–XVII веках (Кабот, Уиллоуби, Барроу, Баренц, Фробишер, Дэвис, Гудзон, Баффин, Мунк и др.) носили преимущественно рекогносцировочный характер, как и большинство подобных плаваний, конечная цель которых все-таки сводилась к приобретению новых земель. Вот почему они прикладывали огромные усилия, чтобы пробиться через крайне опасные полярные моря в Индию и Китай, традиционные пути к которым контролировались Испанией и Португалией – самыми мощными тогда морскими державами¹⁹.

Что касается появления поморов на архипелаге до плавания Баренца, то эта точка зрения разделяется в основном отечественными исследователями, но была обстоятельно обоснована на археологическом материале В.Ф. Старковым²⁰. Если, однако, опираться на археологические артефакты, то ее все-таки весьма сложно подтвердить из-за консервативности поморской промысловой культуры. Поэтому российский исследователь использовал в качестве решающего, по его мнению, аргумента дендрохронологию. Но данный метод подвергся резкой критике (и для этого были основания) европейскими археологами и историками, в т. ч. норвежскими и польскими (Я. Хохоровский, М. Ясински, Т. Хелтгрен, А. Кравчик, Т. Арлов). Интересно также заметить, что польские археологи вели на Шпицбергене в 80-х – начале 90-х гг. прошлого века крупномасштабные исследования поморских памятников, в частности в заливе Хорнсунн. Но какие конкретно задачи они тогда перед собой ставили и почему ими изучались главным образом объ-

¹⁸ Гаммель И.Х. Англичане в России в XVI–XVII столетиях. Т. 2. Спб., 1869. С. 188.

¹⁹ Державин В.Л., Шумкин В.Я. Приморская адаптация от истоков до освоения арктических островов. //Материалы XIII конференции «Комплексные исследования природы Шпицбергена и прилегающего шельфа». – Мурманск., 2016. – С. 418–423.

²⁰ Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Шпицберген. Т. I. – 2009. – С. 32.

екты русского историко-культурного наследия, можно только догадываться. Очевидно то, что взгляды польских и норвежских археологов в итоге странным образом совпали. У нас не вызывает сомнения, что их совместные исследования в рамках общей научной программы («Русские охотничьи станции Свальбарда») проводились исключительно в противовес работам советских археологов с целью опровержения гипотезы о поморском «следе» в «добаренцев» период²¹.

По подсчетам В.Ф. Старкова, ранних поморских памятников XVI–XVII вв., как он их датирует, на архипелаге насчитывается не более десятка. Практически все они сосредоточены в южной и средней частях западного побережья Шпицбергена. Оппоненты российских археологов также ссылаются на отсутствие в судовых журналах Баренца, а позднее и европейских китобоев, упоминания о поморах. Надо вместе с тем заметить, что оба корабля Баренца, по данным его судового журнала, и близко не подходили к этим берегам, ограничившись тремя краткосрочными высадками на берегу, в то время как на Новой Земле голландские моряки фиксировали русские становища и православные кресты, о чем оставляли запись. А что касается судовых журналов европейских моряков, то на китобойный промысел к архипелагу уходили в XVII в. десятки и даже сотни судов ежегодно из разных стран Европы.

Но справедливости ради следует заметить, что палеографический анализ найденных на поморских памятниках Шпицбергена русских надписей, проведенный в свое время известными российскими специалистами, все-таки не подтверждает достоверно их раннюю («добаренцевскую») датировку. Разумеется, полностью исключить версию появления поморов на архипелаге в XVI в. нельзя, но ей тоже не хватает аргументов, как в свое время и свальбардской.

Переименование в 1925 г. стортингом архипелага Шпицберген в Свальбард имело далекоидущие политические цели. А за два года до этого состоялось признание Норвегией Советской России. За переименованием последовала искусственная трансформация исторической топонимики архипелага. Изменения коснулись в основном английских и голландских географических наименований, когда, по выражению российского историка полярных экспедиций и гляциолога В.С. Корякина, «все ненорвежские топонимы на архипелаге получили норвежское звучание»²². Вместе с тем составители словаря по топонимике Свальбарда не скрывали, что с 1933 г. официально проводилась норвегизация (norwegianizing) географических наименований Шпицбергена для того, чтобы исторические топонимы иностранного происхождения соответствовали норвежской грамматике²³.

Почеркнем, вскоре после открытия Шпицбергена В. Баренцем первыми его сезонными обитателями были англичане, занявшиеся на архипелаге

²¹ Chochorowski J. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. 1999. Krakow. P. 6.

²² Саватюгин Л.М., Дорожкина М.В. Архипелаг Шпицберген. Российские имена и названия. Спб., 2009. С.8.

²³ The Place Names of Svalbard. //Rapportserie № 122. Norwegian Polar Institute. Tromsø. 2003. P. 15.

в XVII в. китобойным промыслом. На английских картах Шпицберген назывался «Новая земля короля Якова I», хотя об открытии В. Баренца они уже тогда знали. Дав архипелагу новое название, англичане тем самым хотели монополизировать свое право на китобойный промысел как «первооткрывателей». Но наибольший импульс он получил после установления торговых и дипломатических связей между Русским государством и европейскими странами, в первую очередь Англией и Нидерландами.

В XVI в. благодаря неутомимым поискам северо-восточного прохода мореплаватели этих государств открыли для своих стран обширный российский рынок, а следом стали осваивать акваторию Шпицбергена. Правда, голландцы не обратили тогда внимание на возможность добычи китов, поскольку не ставили перед собой такой цели и опыта у них не было. В этом деле их опередили англичане. Сначала Генри Гудзон в 1607 г. заметил большие стада китов у Западного Шпицбергена, а затем Йонас Пул после плавания 1610 г. сообщил о них купцам Московской компании, которая к тому времени более полувека вела торговлю с Русским государством. В начале XVII в. англичане приобрели практические навыки для охоты на моржей, за которыми организовали несколько экспедиций на небольшой остров Медвежий, открытый голландцами вместе со Шпицбергеном (остров Черри на английских картах), где в течение короткого времени выбили почти всю их популяцию²⁴. Однако при этом они поняли, что значительно больше ворвани можно извлечь из одного кита, нежели из многих десятков туш ластоногих. Но и голландцы, пользуясь своими, как они справедливо считали, правами первооткрывателей архипелага, приступили к добыче китов в 1612 г., которую организовала Северная Ост-Индская компания, основанная в Амстердаме. Однако англичане постоянно оспаривали первенство голландцев, что приводило к военным столкновениям, известным в истории Шпицбергена как «китовые войны», из-за чего суда китобоев часто отправлялись в Арктику под охраной военных кораблей. Обе страны не обладали опытом в новом и необычном для них ремесле, поэтому первое время пришлось прибегать к услугам басков, бывших родоначальниками европейского китобойного промысла. Однако быстро овладев всеми приемами китовой охоты, европейцы отказались от услуг басков. А довольно скоро в водах Шпицбергена появились датчане, немцы, французы, испанцы. Китобойные станции европейцев были раскинuty во многих районах Западного Шпицбергена и острова Эдж, а расцвет их промысловой деятельности в целом пришелся на XVII в. и отчасти XVIII в., пока прибрежные воды еще изобиловали китами.

На Шпицбергене были известны два типа китобойных станций. Это наблюдательные пункты, т. е. смотровые площадки, которые назывались «look out» (Фестнингсодден, остров Серкапп, залив Хорнсунн) и сезонные станции, где разделявали туши китов, а в печах вытапливали ворвань. На смотровых площадках печей не было. Собственно станции представляли собой промысловые поселки двух типов: относительно крупные поселения с домами, жиротопнями и соответствующей инфраструктурой, как, например,

²⁴ Гаммель И.Х. 1869. Ук. соч. С. 187–190.

Смееренбург, Лагернесет, Хабенихтбукта и др., а также небольшие палаточные поселки на берегу с жиротопнями: Ренардодден, Ренардбрееен, Коке-ринесет, Трюггхамна и др. По мере истребления китов в акватории Шпицбергена суда вынуждены были удаляться для охоты все дальше в открытое море, где и разделявали туши китов, а жир вытапливали непосредственно на кораблях, что представляло определенный риск для судов.

По подсчетам голландских исследователей только в течение XVII–XVIII вв. между островом Ян-Майен и Шпицбергенем (Гренландское море) было добыто более 60 тысяч китов.

Вскоре за англичанами на Шпицбергене появились голландские китобойные суда, отправленные туда учрежденной в Нидерландах Ост-Индской Северной компанией. Несколько позднее на архипелаг пришли и представители других европейских государств. Существует предположение, что вместе с датскими промысловиками на Шпицбергене могли оказаться первые норвежцы, поскольку после распада Кальмарской унии Норвегия с 1536 г. входила в состав датского королевства наравне с Исландией и Гренландией.

Как уже говорилось выше, между европейскими государствами, начавшими добычу китов на Шпицбергене, складывались непростые отношения из-за конкуренции, приводившей к войнам. В 1617 г. заинтересованные в добыче китов государства пришли к соглашению о разделе зон промысла. Именно в эти годы на северо-западе архипелага был основан (1614 г.) самый северный в мире голландский промысловый поселок Смееренбург на 80° с.ш. – центр китобойного промысла на архипелаге²⁵. В конце 70-х – начале 80-х годов его раскопки вела археологическая экспедиция под руководством Л. Хаккеборда, возглавлявшего Арктический научный центр в Гронингене.

Китобойные суда выходили из незамерзающих гаваней северной Европы в апреле – мае, а завершали промысел к осени, но при этом экипажи не оставались зимовать на архипелаге, кроме единичных экспериментальных случаев, обычно заканчивавшихся трагически. Но одного удачного сезона было вполне достаточно, чтобы, хотя и с большим риском, окупить все затраты на промысловую экспедицию.

Излишне говорить, сколь тяжел и опасен был труд китобоев. На архипелаге известны сотни погребений моряков-китобоев, причем многие из них не сохранились, не говоря о погибших в море. Захоронения Смееренбурга даже сейчас насчитывают не одну сотню погибших или умерших от цинги. Это самый известный китобойный поселок Шпицбергена на 80° северной широты, исследованный голландскими археологами в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия. Его население летом достигало около 200 человек. Но к 1671 г., когда там побывал немецкий врач и натуралист Фридрих Мартенс, автор первого описания путешествия на Шпицберген, на месте самого северного в мире поселка он застал лишь развалины²⁶ (Ставницер М. 1948. Русские на Шпицберген. С. 17).

²⁵ Hacquebord L. Smeerenburg. The rise and the fall of a Dutch whaling settlement on the west coast of Spitsbergen. 1981. Groningen.

²⁶ Ставницер М.Ф. 1948. Русские на Шпицберген. С. 17.

Таким образом, на Шпицбергене в XVII–XVIII вв. широкий размах получает преимущественно английский и голландский китобойный промыслы. Если для XVIII в. имеется немало архивных данных о китобоях, как в европейских, так и российских источниках, то для предшествующего времени (XVI–XVII вв.), которым датируются, согласно археологическим исследованиям В.Ф. Старкова, ранние поморские памятники архипелага, таких источников мы не знаем. Точка зрения появления русских промышленников на Шпицбергене в XVIII в. активно поддерживается европейскими археологами (норвежскими, голландскими, польскими и др.). Ее аргументы сводятся к следующим положениям, которые следует напомнить:

– В российских источниках пока не найдено сведений о поморах на архипелаге ранее первой трети XVIII в. Именно к этому времени относятся многие документы ГААО (Государственный архив Архангельской области), в которых Шпицберген упоминается наравне с Грумантом.

– Данные дендрохронологии о существовании русских памятников XVI–XVII вв., полученные в лаборатории Института археологии, объясняются тем, что при строительстве поморы использовали еще и плавник, а не только привозное дерево. Например, на становище Мосватнетт 2 (остров Серкапп) жилая постройка датируется 1648 г., а приставленная к ней баня – 1588 г.²⁷. Первое сообщение о русских на Шпицбергене в зарубежных источниках относится к 1697 г., когда голландская эскадра сопровождала нидерландские китобойные суда из залива Белльсунн, а вместе с ними и несколько поморских лодий, взяв их под защиту перед угрозой нападения французской эскадры в ходе «китовых войн».

– А с другой стороны первая промысловая норвежская экспедиция на Шпицберген была организована в 1795 г. из Хаммерфеста, причем ее проводниками были поморы, которые должны были обучить норвежцев основным приемам охоты и выжить во время зимовки. Экспедиция не добилась серьезных успехов, но это первое задокументированное свидетельство о появлении норвежцев на архипелаге²⁸. Именно поэтому норвежские исследователи долгое время упорно придерживались «свальбардской» версии, хотя осознавали ее уязвимость. Такие исследователи, как Т. Арлов, Т. Хелтгрен, У. Ристе, в последнее время стали считать её, и вполне справедливо, на наш взгляд, мифической, к тому же не подкрепленной убедительными историческими аргументами.

В.Ф. Старков выделил три этапа в освоении поморами Шпицбергена.

Первый – «добаренцевский» – датируется XVI в.; второй этап (XVII в.) совпал с размахом европейского китобойного промысла; третий – расцвет русских звериных промыслов на Шпицбергене в XVIII в., которые прекращаются к середине XIX в. в связи с уходом поморов с архипелага²⁹. Но некоторые зарубежные и российские исследователи не согласны с этой периодизацией, поскольку она не подтверждается археологическим материалом

²⁷ Старков В.Ф. Ук. соч. 2009. С. 49.

²⁸ Conway M. No Man's Land. Cambridge. 1906. P. 225–226.

²⁹ Старков В.Ф. Ук. соч. 1990. С. 127–129.

и другими источниками³⁰. Находки поморской промысловой культуры Шпицбергена довольно консервативны, а эволюция методов охоты и предметов материальной культуры поморов на протяжении столетий на архипелаге не претерпела значительных изменений, поэтому отличить промысловые орудия XVI в. от XVIII в. пока не представляется возможным, как, впрочем, и керамику.

Заметим, что вопрос о начале освоения Шпицбергена в добаренцев период остается во многом дискуссионным. Как отмечалось выше, для доказательства этой точки зрения В.Ф. Старковым были использованы дендрохронологические данные, достоверность которых не подвергается сомнению зарубежными археологами, но интерпретируется несколько иначе³¹. Основной их довод состоит в том, что поморы при возведении или ремонте жилищно-хозяйственных комплексов часто использовали плавник, который дает более ранние датировки.

Но когда все-таки поморы и каким путем оказались на Шпицбергене?

В научной литературе можно встретить два варианта маршрута достижения поморами архипелага.

Первый пролегал через Новую Землю и являлся каботажным. Достигнув севера острова, поморы по кромке льда затем выходили к Шпицбергену. У нас нет убедительных данных о времени ее освоения, но, согласно зарубежным и российским источникам, это произошло не позже середины XVI в.³² Исходя из этой гипотезы (С.В. Обручев, Н.Н. Зубов, В.А. Перевалов), ни о каком более раннем времени появления поморов на Шпицбергене речи идти не может. Второй путь обосновал В.Ф. Старков, предложивший свою классификацию морских ходов поморов, которая, правда, не всеми признается. «Груманландский» ход (по В.Ф. Старкову) проходил вдоль мурманского берега Кольского полуострова до северной Норвегии. А в районе Нордкапа поморские суда резко разворачивались на север и шли к Шпицбергену мимо Медвежьего острова. Следовательно, этот маршрут частично совпадал с «немецким» ходом, ведущим в Европу. Но О.В. Овсянников, например, считает, что о «груманландском» ходе в русских источниках ничего не говорится, поскольку Шпицберген, как промысловый район, не был известен в отечественных документах, по крайней мере, до конца XVII в.³³

Напомним также, что В.Ф. Старков на основе дендрохронологии самые ранние поморские становища датировал XVI–XVII вв. Но если строго опираться только на письменные источники, то время начала и расцвет поморской колонизации архипелага приходится на XVIII в. Помимо дендродат, им были использованы данные геоморфологии, которые показали, что поморские становища делятся на три хронологические группы, уровень залегания которых соответствует трем гипсометрическим уровням. Боль-

³⁰ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск – русский город в Арктике. Спб., 2003. С. 32.

³¹ Chochorowski J., 1999. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow. P. 93–101.

³² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.-Л., 1936. – С. 107.

³³ Ясински М., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 282.

шинство памятников (XVIII в.) располагалось на первой морской террасе, вторая группа залегала на уровне пляжей, и некоторые постройки здесь оказались перекрыты береговыми валами (конец XVI – первая половина XVII в.), а третья группа (середина – вторая половина XVI в.) залегала ниже первых террас. По этой версии получается, что чем древнее становище, тем на меньшей гипсометрической высоте оно находится. Выделенные В.Ф. Старковым по данным геоморфологии хронологические группы также подвергаются сомнению норвежским специалистом Т. Хелтгреном³⁴ (Hultgreen T. The Chronology of the Russian Hunting Stations on Svalbard: A Reconsideration.// Acta Borealia, Vol. 22, No. 1, 79–91, 2005, s. 87). Одним из контрдоводов является тот факт, что на Шпицбергене есть памятники XVIII в., которые расположены на очень низкой высоте, а также находки из этих становищ ничем не отличаются от найденных в ранних (по В.Ф. Старкову) становищах.

Проблема освоения архипелага промышленниками Поморья представляет безусловный интерес. На наш взгляд, колонизация Шпицбергена, как убеждают археологические и письменные источники, началась в начале XVIII в., о чем свидетельствуют в первую очередь архивные документы. А движущей силой этого процесса были старообрядцы, уходившие на промыслы из Архангельска, Мезени, Выгорецкого общежития (Даниловой пустыни). Но помимо них в промыслах участвовали и представители синодальной (официальной) церкви, например, от Соловецкого монастыря. Однако старообрядческий фактор был преобладающим³⁵. Первыми на старообрядцев Шпицбергена обратили внимание норвежский исследователь XIX столетия Бальтасар Кейльхау, а несколько позже шведский ученый Вильгельм Карлхейм-Гюлленшельд. В недавно опубликованной монографии, основанной на документах государственного архива Архангельской области, рассматривается важная роль старообрядческой Даниловой пустыни (центр беспоповского поморского согласия на Русском Севере) в организации промысловых экспедиций на Шпицберген и Новую Землю в XVIII–XIX вв.³⁶ Насколько важны были для староверов отхожие промыслы, свидетельствует составленный свод правил «Выгорецкий чиновник», которым должны были руководствоваться промышленники на арктических островах.

Из Поморья на отхожие промыслы (моржовый клык, птичий пух, шкуры животных, ворвань и др.) зверобой уходили в разных направлениях: Северный Мурман, Беломорье, Печора, Новая Земля и др. области Русского Севера. Документальные свидетельства о промысловых экспедициях к Новой Земле известны с XVI в., а на Шпицберген, если не принимать во внимание малонадежные дендродатировки – не ранее XVIII в.

³⁴ Hultgreen T. The Chronology of the Russian Hunting Stations on Svalbard: A Reconsideration.// Acta Borealia, Vol. 22, No. 1, 79–91, 2005, s. 87

³⁵ Державин В.Л. Староверы Груманта.//Живая старина. № 3. 2018. С. 7–10.

³⁶ Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы выговского старообрядческого общежития в XVIII–XIX веках: суда, кормишки, работные люди. Архангельск. 2016. 187 с.

В середине XIX в. Данилова старообрядческая пустынь в результате государственной политики была запечатана, а вместе с ней прекратилось снаряжение купцами-староверами промысловых экспедиций в Арктику, которые отправлялись от Выгорецкого общежительства³⁷.

Таким образом, русские сами были вынуждены оставить Шпицберген, уступив архипелаг норвежским трапперам (охотникам), которые, как говорилось выше, организовали свою первую экспедицию в 1795 г. и не без помощи наших соотечественников. В XIX в. на архипелаге промышляли как русские, так и норвежцы, и отношения между ними не были враждебными³⁸. Но преимущество скандинавов заключалось в том, что навигация из Норвегии начиналась раньше, поэтому их суда достигали Шпицбергена до того, как к нему приходили русские суда, поскольку Беломорье позже освобождалось ото льда. Известны случаи, когда прибывшие на становища поморы обнаруживали, к своему удивлению, поселившихся в их домах норвежцев. Но к острым конфликтам такие ситуации обычно не приводили из-за миролюбивого характера соседей по промыслам. Второе. Поморы, особенно староверы, не пользовались никакой государственной поддержкой в отличие от норвежцев, которых финансировали частные и государственные структуры. И это несмотря на проводившийся русским правительством целый комплекс мер по финансовой поддержке населения Русского Севера во второй половине XIX в. Но Шпицберген, как ничейную землю («terra nullius»), обходили стороной³⁹.

Что касается экспедиций норвежских трапперов, то их первым организатором и «спонсором» был английский вице-консул в Хаммерфесте и предприниматель Джон Кроу, который и сам принимал в них участие и даже зимовал на архипелаге. У него, например, сложились приятельские отношения с легендарным помором Иваном Старостиным († 1826), промышлявшим от Соловецкого монастыря и проводившим на архипелаге 32 зимовки (по другим источникам 39), причем последние 17 лет из них без выезда на материк.

Какими все-таки свидетельствами о пребывании староверов на Шпицбергене мы располагаем? Раскол Русской православной церкви произошел во второй половине XVII в. при правлении царя Алексея Михайловича. А в XVIII в. бурную промысловую деятельность на архипелаге развернули поморы из разных районов Русского Севера. Как раз на это время приходится пик поморской колонизации Шпицбергена. Поскольку тогда на Русском Севере значительную часть населения составляли староверы⁴⁰, то они, как опытные мореходы, принимали активное участие в освоении полярных островов. К этому их подталкивали не только традиционные для них промыслы (охота на морских и наземных животных, рыболовство), нуждавшиеся в постоянном расширении (или смене) территорий, а также

³⁷ ГААО. Фонд 4, опись 9.

³⁸ Conway M. No Man's Land. Cambridge. 1906. P. 272.

³⁹ Державин В.Л. Рец. на: Т.Б. Арлов. История архипелага Шпицберген. М.: Paulsen, 2016. 592 с. // Российская история. 2018. № 2. 2018. С. 184–189.

⁴⁰ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 2016. С. 367.

социально-политические процессы на материке, отражавшиеся на положении староверов. Но главное, это их стремление к отшельничеству, личному спасению, т. е. духовный аспект являлся доминирующим.

Писатель Вас. Ив. Немирович-Данченко, автор ряда интересных очерков о Русском Севере, приводит разговор с одним из монахов Валаамского монастыря, в котором можно уловить отголоски того времени, когда верующие для личного спасения стремились оказаться в самых труднодоступных и опасных местах: «Сказывают, далеко земли такие есть – море да камень. Зима десять месяцев. Никакой травки... Лишай один по камню да мох где-нибудь в низине. Небо тоже грозное там – все в тучах. Вот бы где обитель устроить. Где бы спастись!»⁴¹. Вероятно, он имел в виду Шпицберген или Новую Землю. А староверы в XVIII–XIX в. ходили на промыслы к обоим архипелагам.

Таким образом, после открытия Шпицбергена первыми его сезонными обитателями были английские китобои, а вслед за ними и голландцы. Представители других европейских стран составляли сравнительно небольшой процент от всех китобойных экспедиций. Время этих плаваний на архипелаг приходится на XVII и отчасти XVIII вв. Поморы осваивают Шпицберген в XVIII столетии, а о более раннем их появлении на архипелаге у нас нет убедительных доказательств. Колонизация поморами архипелага продолжалась вплоть до середины XIX в., когда окончательно была разгромлена Выгорецкая (Данилова) пустынь в Карелии – главный центр поморского старообрядчества на Русском Севере⁴².

Норвежские трапперы (охотники) занимались звериными промыслами в течение почти всего XIX – первой половины XX вв., а впервые попали на архипелаг, как отмечалось выше, только в 1795 г. и то не без помощи русских. Что касается промышленной угледобычи на Шпицбергене, то она началась в начале XX века⁴³, а ее основателем был американец Джон Лонгир. Впрочем, кроме американцев, в ней с разной степенью активности участвовали и многие европейцы, в том числе и русские компании.

В заключение статьи вернемся к Парижской конференции 1920 г., которую необходимо рассматривать в рамках Версальского мира, когда происходил передел существовавшего до войны миропорядка странами-победительницами, т. е. Антантой и ее союзниками. Договор сначала был подписан девятью государствами: Великобританией, Францией, Италией, США, Японией, Данией, Нидерландами, Швецией, Норвегией – и вступил в силу в августе 1925 г., т. е. после признания СССР королевства Норвегии. И хотя подпись под договором со стороны Советской России тогда не стояла, все равно он был неофициально уязван с установлением русско-норвежских дипломатических отношений. Однако в Парижской конференции не участвовали Германия и Россия: первая как проигравшая сторона, вторая – из-за заключения сепаратного Брестского мира.

⁴¹ Немирович-Данченко. Мужичья обитель. М., 1993. С. 104–105.

⁴² Державин В.Л. Староверы Груманта. //Живая старина. № 3. 2018. С. 9.

⁴³ Арлов Т. История архипелага Шпицберген. М., 2016. С. 407–412.

Реакция Советской России на заключение Шпицбергенского трактата была более чем отрицательной.

Обеспокоенность СССР была вызвана опасениями большевиков в вероятности передачи Англии постоянной гавани в Ледовитом океане, т. е. на Шпицбергене⁴⁴. «Если такая возможность маловероятна для текущего момента, – писал замнаркома М.М. Литвинов советскому торговому представителю в Норвегии в 1923 г., – то она отнюдь не исключена в ближайшие годы в случае международных осложнений...»

Через три дня после завершения парижской конференции нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин направил ноту норвежскому правительству следующего содержания: «С глубочайшим изумлением узнало Российское Советское Правительство из парижской радиограммы от 11 февраля о том, что Правительства Великобритании, Франции... заключили между собой договор, постановляющий присоединение Шпицбергенских островов к Норвегии. ... Советское Правительство заявляет поэтому, что не признает себя связанным этим актом. ... ни одно международное соглашение, в котором оно /Советское правительство/ не участвовало, не обладает для него обязательностью или силой политической или юридической»⁴⁵. Но в мае 1935 г. Советский Союз все же присоединился к парижскому договору «без всяких условий и договорок»⁴⁶. Опасения советских дипломатов не были надуманными. В 40-х годах прошлого столетия даже рассматривался вопрос о совместной (советско-норвежской) обороне Шпицбергена, который, в конечном счете, был отвергнут норвежским правительством⁴⁷. В 1949 г. Норвегия стала членом Североатлантического альянса, а в январе 1951 г. не без влияния своих союзников архипелаг Шпицберген и остров Медвежий были включены в зону ответственности верховного командования НАТО. В ответ МИД СССР осенью того же года ограничился лишь несколькими нотами, в которых возложил всю ответственность за последствия проводимой политики на норвежское правительство⁴⁸. Норвежцы в свою очередь настаивали на оборонительном характере этого решения, а статс-секретарь МИД Норвегии Йенс Бойессен прямо заявил, что «с технической стороны ... в отношении Шпицбергена действует гарантия Североатлантического пакта»⁴⁹.

Таким образом, есть все основания утверждать, что легендарный Свальбард в исландских сагах – это «Ледяной берег» на восточноренландском побережье, открытый викингами, так называемая «Земля Эрика Рыжего», которую в 30-е годы Норвегия попыталась аннексировать у Дании, но международный суд в Гааге вынес вердикт не в пользу Норвегии⁵⁰.

⁴⁴ Советско-норвежские отношения 1917–1955. М., 1997. № 66. С. 88.

⁴⁵ Советско-норвежские отношения 1917–1955. М., 1997. № 20. С. 36

⁴⁶ Там же. № 159. С. 220.

⁴⁷ Арлов Т. История архипелага Шпицберген. М., 2016. С. 472–473.

⁴⁸ Советско-норвежские отношения 1917–1955. М., 1997. № 347, 353.

⁴⁹ Там же. № 350.

⁵⁰ Ристе У. История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 158–162.

Первые русские раскопки у Храма Гроба Господня в Иерусалиме в 1859–1861 гг.*

Аннотация: Статья посвящена практически не известным сегодня страницам раскопок в Иерусалиме возле Храма Гроба Господня, произведенным русским консулом В.И. Доргобужиновым и архитектором М.И. Эппингером в 1859–1861 гг. Раскопки рассмотрены в контексте проводившихся с начала 1840-х гг. исследований в этой местности европейскими учеными. Общий взгляд на историю изучения русского участка позволил уточнить хронологию и результаты этих исследований. Сделан вывод о том, что до проведения раскопок были известны только колонны, пилястр и кусок стены на западной стороне Базарной улицы. Основные древние памятники: большой фрагмент стены с пилястрами, угол другой стены, помост и арка – были обнаружены только В.И. Доргобужиновым и архитектором М.И. Эппингером. Они организовали масштабную расчистку территории от земли и камней и таким образом раскрыли все эти памятники для визуального исследования учеными после них. Результаты этих раскопок были подведены В.И. Доргобужиновым. Этот архивный документ с планом местности публикуется в приложении.

Ключевые слова: топография Иерусалима, русские раскопки в Иерусалиме, история археологических исследований, базилика Св. Константина, Храм Гроба Господня, В.И. Доргобужинов.

The first Russian excavations near the Church of the Holy Sepulcher in Jerusalem in 1859-1861

Abstract: The article is devoted to the pages of excavations in Jerusalem near the Church of the Holy Sepulcher, practically unknown today, made by the Russian consul V.I. Dorgobuzhinov and architect M.I. Eppinger in 1859-1861. Excavations are considered in the context of those conducted since the beginning of the 1840s. research in this area by european scholars. A general look at the history of the study of the Russian site made it possible to clarify the chronology and results of these studies. It was concluded that prior to the excavation, only columns, pilasters and a piece of the wall on the western side of Bazar street were known. The main ancient monuments: a large fragment of a wall with pilasters, the corner of another wall, a platform and an arch were discovered only by V.I. Dorgobuzhinov and architect M.I. Eppinger. They are carried out a large-scale clearing of the territory from the earth and stones and thus unveiled all these monuments for visual research by scientists after them. The results of these excavations were summed up by V.I. Dorgobuzhinov. This archived document with a local plan is published in the appendix to the article.

Keywords: Topography of Jerusalem, Russian excavations in Jerusalem, history of archaeological research, Basilica of St. Constantine, Church of the Holy Sepulcher, V.I. Dorgobuzhinov.

Русское место у Храма Гроба Господня

На пересечении двух главных туристических артерий Старого Иерусалима: улицы Паломников и улицы Св. Стефана (или Базарной улицы) – трудно не заметить красивый, не типичный для окружающей архитектуры фасад здания, над входом в которое помещается русская надпись: «Александровское подворье». Большая постройка, по форме напоминающая базилику, вмещает церковь во имя Св. благоверного князя Александра Невского, небольшую гостиницу и археологическую зону, центром которой является продолговатый камень со следами от установленных некогда деревянных створок: так называемый Порог Судных Врат⁵¹. Рядом с ним возвышается массивный фрагмент древней стены, сложенный из больших, тщательно подогнанных камней, а немного в стороне сохранились остатки большой арки, опирающейся одним концом свода на колонну. В соседнем помещении, там, где и сейчас находится устроенная для вывоза мусора еще в 1860 г. дверь на Базарную улицу, можно увидеть две гранитные колонны. Значение этих древностей, несмотря на длительную историю их изучения, до конца не выяснено.

Задача настоящей статьи – описать общую историю изучения данного места до его приобретения Россией в 1859 г. и русские раскопки, произведенные тут в 1859–1861 гг. Следуя тезису В. Вилара о том, что археология представляет собой одновременно науку как методологию и искусство, как умение использовать косвенные свидетельства⁵², мы намерены предложить кроме исторических фактов и некоторые допущения, основанные только на логике возможности, главным образом, в качестве вопросов для дальнейшего изучения истории археологических исследований на территории Александровского подворья.

Перевод цитируемых текстов на русский язык выполнен автором статьи.
Состояние участка до его покупки в 1859 г.

До 1859 г. на месте парадного входа в Александровское подворье на углу улиц Паломников и Базарной располагалась турецкая хлебопекарня, а за ней, загороженный со всех сторон постройками, находился небольшой участок, принадлежавший священнику местной коптской общины. По форме он напоминал латинскую букву L с длинной узкой ножкой и широким основанием⁵³. Турецкие лавки, пристроенные со стороны коптского участка по Базарной улице, фактически были встроены тыльной стороной в высокую насыпь векового мусора⁵⁴. Стены некоторых лавок включали остатки древних сооружений, погребенных в толще насыпи. Именно так прусский консул Е. Шульц, войдя в одну из них, обнаружил древний пилястр, выступавший из

⁵¹ В настоящей работе мы сознательно не касаемся вопроса этой идентификации.

⁵² Vilar V. Archeologia della Palestina. Enciclopedia della Bibbia, Vol 1. Turin, 1969. P. 672.

⁵³ Общий вид участка, приобретенного консулом Доргобужиновым в 1859 гг., представлен на плане М.И. Обпингера, опубликованном в приложении к настоящей статье.

⁵⁴ Еще в середине 1840-х гг. Р. Виллис, за неимением достаточных археологических данных, был вынужден искать доказательства существования второй стены евангельского Иерусалима недалеко от Храма Гроба Господня, основываясь на географическом рельефе местности. Он обратил внимание на необычно высокий слой грунта, как бы нависавший над Базарной улицей. Willis R. Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre of Jerusalem. London, 1849. P. 112–113.

стены, образованной склоном⁵⁵. Своей высокой северной стороной участок был обращен к Коптской улице, точнее к небольшому переулку. В первой половине XIX в. со стороны Базарной улицы он был едва заметен и круто поднимался вверх подобно горной тропе, а не улице города. В конце переулочка, упиравшегося в стену Абиссинского монастыря, в самой высокой его части располагалась единственная дверь: тут и был вход на Коптский участок.

Место это было как будто спрятано от посторонних глаз и долгое время оставалось незастроенным и вообще никак не используемым по бедности его владельца. О том, что на участке был сад, мы узнаем лишь из косвенных свидетельств путешественников, описавших эту часть Базарной улицы. Соседи копта – греки и турки, пользуясь слабостью хозяина, понемногу расширяли свои владения, копая подвалы в толще мусора под землей. Эти молчаливые захваты стали, на наш взгляд, одной из причин, побудивших владельца продать свой участок не соседям, а постороннему: русскому консулу В.И. Доргобужину, действовавшему в интересах созданного в тот момент в Санкт-Петербурге Палестинского комитета и его управляющего – Б.П. Мансурова⁵⁶.

Проект длиной в 35 лет

Палестинский комитет намеревался построить на приобретенном Русском месте небольшое здание для временного размещения в нем небольшого количества паломников для того, чтобы они могли переждать в нем отрезок ночи, когда двери Храма Гроба Господня уже затворялись, а городские ворота еще не были открыты⁵⁷. Но уже в апреле 1860 г., в связи с обнаруженными на участке древностями⁵⁸, от идеи строительства отказались, вплоть до полного завершения раскопок. Однако учитывая значение открытых древностей, бывший уже в тот момент консул В.И. Доргобужин, по мнению которого они являлись частью базилики Константина Великого, предложил построить на этом месте здание с домовым храмом во имя свв. Константина и Елены.

⁵⁵ О находках Е. Шульца см. ниже.

⁵⁶ О покупке см.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. М.: «Индрик», 2015. С. 36. Эта же информация дословно продублирована в разделе об Александровском подворье в 3-м томе указанного издания: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: «Индрик», 2020. С. 42; Nagorsky A. The nineteenth-century Excavation at the Chapel of St. Alexander Nevsky // The Archaeology and History of the Church of the Redeemer and the Muristan in Jerusalem / ed. by Dieter Vieweger and Shimon Gibson. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2016. P. 163; Мансуров Б.П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме. По поводу русских раскопок близ Храма Гроба Господня. М., 1885. С. 39.

⁵⁷ Доргобужин В.И. О русском участке земли у Святогробского храма в Иерусалиме. АВПРИ. Ф. 161 СПбГА. II-9. Оп. 46. 1850 г. Д. 27 Л. 26-26об; Мансуров Б.П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме... С. 23.

⁵⁸ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме... С. 23, 35. Позднее В.Н. Хитрово писал, что тут намеревались построить отдельное здание «для независимого помещения» Русской Духовной Миссии. (Там же) или, даже, паломнического приюта на 1000 мест (Хитрово В.Н. Научное значение раскопок, произведенных Православным Палестинским Обществом на Русском месте близ Храма Гроба господня в Иерусалиме. СПб., 1885. С. 6). Хотя планов таких в действительности не было, но сам В.И. Доргобужин, в публикуемой ниже записке, говорит о насущной потребности иметь здание на 1000 человек. (Доргобужин В.И. О русском участке земли у Святогробского храма в Иерусалиме... Там же. Л. 11.)

Раскопки на Русском месте продолжались достаточно интенсивно в 1859, 1860 и 1861 гг. Затем к ним возвращались по мере возможности в 1862 и 1863 гг., правда, уже в более скромном масштабе. Наконец, после преобразования в 1864 г. неправительственного Палестинского комитета в Палестинскую комиссию при Азиатском департаменте МИД⁵⁹ вся русская деятельность на участке возле Храма Гроба Господня прекратилась.

Новые раскопки, завершившие начатое Палестинским комитетом дело, были проведены только в 1883 г. недавно образованным в России Православным Палестинским Обществом. Русское место после этого стало именоваться Русскими раскопками. В 1887–1891 гг. над раскопками воздвигли подворье в форме Базилики, получившее название Русский дом⁶⁰. Несмотря на то что на подворье была практически готова церковь и поставлен иконостас, из-за противодействия Греческой Патриархии освятить храм смогли лишь 22 мая 1896 г. в память о почившем императоре Александре III. С тех пор Русский дом на раскопках с домовою церковью во имя св. Александра Невского и небольшой гостиницей носит имя Александровского подворья. То, что планировали в 1859–1860 гг. первый российский консул в Иерусалиме В.И. Доргобужинов и Б.П. Мансуров, было реализовано в точности спустя почти 35 лет⁶¹.

Александровское подворье, возведенное на раскопках, – одна из важных археологических зон в старом городе; только здесь можно свободно ходить среди остатков первой базилики императора Константина Великого или, во всяком случае, среди памятников, существовавших тут в одно с нею время. Естественно, это место и эти древности всегда привлекали и продолжают привлекать к себе внимание исследователей Иерусалима.

ИППО и первый историографический обзор исследований на Русском месте

Источниковедческий обзор исследований древностей на участке, занимаемом теперь Александровским подворьем, появился в отчете Православного Палестинского Общества в 1884 г.⁶². Он мог бы стать полноценной историей археологического изучения древностей на Русском месте за 40 лет (с 1843 по 1883 г.), если бы единственной целью собранных там свидетельств не была поддержка тезиса о том, что все вообще предшественники Палестинского Общества так и «не осветили ни один из спорных вопросов топографии древнего Иерусалима»⁶³. Для публикации были отобраны отдельные цитаты, вырезанные из историографического контекста, вне связи

⁵⁹ См.: Вах К.А. Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания. Международная научная конференция 10 ноября 2011 г. М., 2011. С. 17–30.

⁶⁰ Освящено и официально открыто 5 сентября 1891 г.

⁶¹ Благодарю о. Романа Гулятьева за указание на это обстоятельство.

⁶² Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. IV–VII, 59–61; 113–140.

⁶³ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. 60.

с целями и задачами, которые ставили перед собою цитируемые ученые. Вот перечень имен исследователей с датами, которые указаны в упомянутом отчете⁶⁴: Е. Шульц (1843), Дж. Уильямс (1844, 1849), В. Крафт (1846), Э. Робинсон (1847, 1857), Т. Тоблер (1851, 1853), М. де Вогюэ (1860, 1861, 1864), Э. Пьеротти (1858, 1860, 1869), Ч. Уильсон (1864, 1865), К. Кондер (1872–1873), И. Сепп (1845, 1863, 1873), Ш. Клермон-Ганно (1873, 1874, 1884), Ч. Уоррен и К. Кондер (1884).

В этом несистематизированном списке Палестинского Общества сразу же оказались лакуны и неточности. Отсутствовало указание на результаты первых археологических работ консула В.И. Доргобужина, а вместо этого руководство раскопками и честь открытия древней стены и арки на Русском месте в 1860 г., без каких-либо оснований, была приписана Э. Пьеротти. Пропущено упоминание о работе А.А. Олесницкого в 1874 г.⁶⁵ Свидетельства тех, что посещал этот участок и, тем более, производил на нем раскопки, перемешаны с именами и суждениями тех, кто или никогда не был в Иерусалиме (Р. Уиллис), или не мог видеть древностей, откопанных только в 1859–1860 гг. (например, Э. Робинсон и др.). Учитывая приведенный выше внушительный список исследователей, противоречивым утверждением выглядят и сами сведения в отчете Палестинского Общества, что с момента покупки участка в 1859 г. и до начала раскопок в 1883 г. «...место близ Храма Воскресения оставалось в течение 25 лет таким же, каким было приобретено, пустырем, покрытым вековым мусором, из которого только кое-где выглядывали бесформенные остатки каких-то развалин»⁶⁶.

На некоторые ошибки в отчете Палестинского Общества обратили внимание еще современники⁶⁷. Но возражения, представленные Б.П. Мансуровым в книге «Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме», вызвавшие в 1885–1887 гг. полемику в российском научном сообществе, позднее были забыты. Попытки дополнить и уточнить историю изучения памятников на «Русском месте», которые встречаются в современной научной литературе⁶⁸, как правило, не учитывают эти важные для изучения древностей на Александровском подворье аргументы.

⁶⁴ Для удобства список организован в соответствии с хронологией упомянутых в отчете дат. В отчете Палестинского Общества указаны датировки как посещения русского участка, так и изданий, в которых содержатся сведения о работах и древностях на нем. Такой подход порождает путаницу при работе с указанным отчетом.

⁶⁵ Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874 гг. [Ч. 1]. Киев, 1875. – С. 460–462.

⁶⁶ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме... С. 59. Указание на запущенность участка, наполненного археологическими древностями, было в первую очередь общественно-политическим посланием, обращенным против «хозяина» участка, Палестинской комиссии и ее управляющего Б.П. Мансурова.

⁶⁷ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме. По поводу русских раскопок близ Храма Гроба Господня. М., 1885. С. 9–13.

⁶⁸ Alla Nagorsky. The nineteenth-century Excavation at the Chapel of St. Alexander Nevsky // The Archaeology and History of the Church of the Redeemer and the Muristan in Jerusalem / ed. by Dieter Vieweger and Shimon Gibson. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2016. P. 163; Shimon Gibson. The date of the Pilaster wall in the Chapel of St. Alexander Nevsky // The Archaeology and History of the Church of the Redeemer and the Muristan in Jerusalem / ed. by Dieter Vieweger and Shimon Gibson. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2016. P. 177.

Исследования возле Коптского места до 1859 г.

Предварительные замечания

Указанный выше источниковедческий раздел отчета о раскопках Палестинского Общества в 1883 г. озаглавлен: «Последовательное с 1843 г. исследование развалин на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме»⁶⁹. Но было ли это исследование последовательным? Кто из указанных в разделе ученых сам исследовал Коптское место и прилегающую к нему Базарную улицу? И, наконец, какие древности обнаружили на нем те исследователи, которые действительно там побывали до 1859 г.? Вопрос не кажется праздным, поскольку даже в статьях известных современных ученых можно встретить совершенно неожиданные утверждения о том, что древние стены, в том числе и стена с пилястрами, были описаны в 1849 г. в книге Р. Уиллиса и обследованы М. де Вогюэ в 1854 г. и Э. Пьеротти в 1856 г. соответственно⁷⁰. Получается, что к моменту покупки этого участка русским консулом В.И. Доргобужинным он уже был хорошо известен европейским исследователям.

В Святом Граде поработало множество исследователей. Собственно говоря, значительное число путешественников в 1840–1850 гг. одновременно были и исследователями тоже. Но нас в первую очередь интересует деятельность Е. Шульца и Дж. Уильямса. Их труды вызвали серьезную научную полемику, в первую очередь со стороны Э. Робертсона; пробудили интерес других ученых. Можно сказать, что современное научное исследование древностей Иерусалима началось с этого спора представителей трех ветвей протестантизма: американской, прусской и англиканской. Портреты Э. Робинсона, Е. Шульца и Дж. Уильямса должны находиться на первой странице летописи открытия Святой Земли, хотя настоящий «краеугольный камень исследования Палестины в XIX веке»⁷¹ имеет, конечно, много граней с именами различных исследователей 1840-х – 1850-х гг.

Значение труда Э. Робинсона⁷², который был издан одновременно в Америке, Англии и Германии, в том, что он обозначил научную методологию дальнейших исследований и открыл возможность для систематической работы в области «библейской археологии» и в целом при изучении памятников Палестины. Одновременно он спровоцировал взрывной интерес к тем

⁶⁹ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. 113.

⁷⁰ Shimon Gibson. The date of the Pilaster wall in the Chapel of St. Alexander Nevsky // The Archaeology and History of the Church of the Redeemer and the Muristan in Jerusalem / ed. by Dieter Vieweger and Shimon Gibson. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2016. P. 177. Пользуясь случаем отметим, что в этой же работе неверно указана дата обследования арки и стены М. де Вогюэ. Материалы, опубликованные в книге, на которую ссылается исследователь, были получены при его раскопках в 1861 г., а не в 1853 г.; ссылка на 1854 г. ошибочна. Наконец, нет никаких данных, позволяющих заключить, что план (Pl. XXX), опубликованный Пьеротти во втором томе *Jerusalem Explored*, создан в 1856 г.

⁷¹ Goldman, Shalom L. *God's Sacred Tongue: Hebrew and the American Imagination*. Chapel Hill – London, 2004. P. 215.

⁷² Robertson E. *Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia Petraea: A Journal of Travels in the year 1838*. Boston and London, 1841; Немецкое издание: Halle, 1841.

выводам, к которым он пришел в итоге. В отношении интересующего нас участка в Иерусалиме этот интерес объясним. Проводя свое топографическое исследование в 1838 г., Э. Робинсон сделал заключение, что традиционное место почитания могилы Христа появилось много позднее описанных в Евангелиях событий. То, что Христианская Церковь именует Гробом Господним и Голгофой, нельзя признать таковыми, потому что во времена земной жизни Христа место это уже располагалось в черте города за Второй городской стеной. Местоположение этой стены он определял на основании данных исторических источников (в первую очередь, Иосифа Флавия) и географических особенностей самой местности. Опровергнуть выводы Робинсона можно было, лишь предъявив неопровержимые доказательства того, что современный Храм Гроба Господня все-таки находился вне городской черты. Таким доказательством могли стать остатки самой стены, которые в таком случае должен был кто-то найти.

Е. Шульц и Дж. Уильямс были первыми, кто принял «правила игры» Э. Робинсона, и вместе с тем первыми, кто ответил на его вызов, брошенный авторитету главных святых мест христианства. В отличие от Э. Робинсона, Е. Шульц и Дж. Уильямс долго жили в Святом Граде и имели возможность заниматься необходимыми разысканиями систематически. Имея на руках книгу Э. Робинсона, каждый из этих ученых был в состоянии лично перепроверить выводы автора и собрать на месте собственные аргументы. Характерной чертой исследователей 40-х – 50-х гг. XIX в. было стремление опереться на какой-нибудь материальный памятник глубокой древности: от эпохи Соломона до Ирода, но не позже⁷³. Поэтому не удивительно, что и Е. Шульц, и Дж. Уильямс предпринимали немалые усилия в этом направлении и, в конце концов, обнаружили свои «материальные аргументы» на Базарной улице с восточной стороны от Храма Гроба Господня. Так произошло открытие первых древностей, позднее оказавшихся на территории русского участка.

Фактически Е. Шульц и Дж. Уильямс выступили против Э. Робинсона вместе, хотя их исследовательская работа в Иерусалиме велась независимо друг от друга, а результаты не во всем совпадали. Антитрадиционализм⁷⁴ Э. Робинсона в отношении церковных преданий Святой Земли казался им чрезмерным и неосновательным. Общим было стремление избежать «противоположных крайностей: доверчивости и скептицизма»⁷⁵, а также серьезное внимание к традиционной церковной топографии, которая подлежала тщательной научной перепроверке. Этот «корпоративный» дух, заметный и в их книгах, позволил Э. Робинсону обвинить обоих исследователей в организации против него «крестового похода за Гроб Господень» по религиозным (с точки зрения Э. Робинсона – идеологическим) мотивам.

⁷³ В начале 1860-х гг. среди исследователей возобладает обратное убеждение: что пророчество о судьбе Иерусалима сбылось буквально и следов древности на поверхности культурного слоя Святого Града не сохранилось. Чтобы их обнаружить – нужно вести планомерные раскопки.

⁷⁴ Термин используется нами для характеристики основных методологических различий двух научных направлений в исследовании Палестины и Иерусалима в первой половине XIX в.

⁷⁵ Williams G. The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem with some account of its antiquities and of its present condition. London, 1845. P. 257.

вам⁷⁶. Однако их несогласие с Э. Робинсоном основывалось не на религиозном убеждении, а на критической научной оценке его аргументации. В этом отношении спор имел исключительно научный характер.

Первая публикация интересующих нас древностей принадлежала Е. Шульцу. Поэтому именно с него мы начинаем обзор исследований на упомянутом участке.

Е. Шульц

Доктор Эрнст Густав Шульц (1811–1851) – немецкий востоковед, прусский вице-консул (1842–1844, с подчинением консулу в Дамаске, прибыл в Иерусалим 21 января 1843 г.⁷⁷), затем консул (1844–1851) в Иерусалиме, учился в Париже у известного арабиста С. де Саси, свободно владел арабским и ивритом, на дипломатическую службу поступил по протекции министра культуры Пруссии Ф. Айххорна. С осени 1844 по июль 1845 г. Е. Шульц находился в Берлине, где готовил к печати свой научный труд по топографии древнего Иерусалима⁷⁸. Вернулся в Иерусалим в звании консула в 1845 г., так и не дождавшись завершения печати своего труда. В 1847-м занимался картографированием Галилеи (работа осталась незавершенной). В 1848 г. в связи с революционными событиями в Европе приехал в Германию. В 1850 г. вновь вернулся в Палестину. Умер в октябре 1851 г. от последствий перенесенной лихорадки и травмы, полученной при падении с лошади. Похоронен на Сионском протестантском кладбище в Иерусалиме.

История первых находок Е. Шульца возле Коптского места на Базарной улице частично связана с его приятелем по Иерусалиму Дж. Уильямсом. Здание, где размещалось прусское консульство, было арендовано Е. Шульцем при помощи Дж. Уильямса, который сам жил в нем до отъезда из Иерусалима⁷⁹. По иронии судьбы этот дом нашел и арендовал для американских

⁷⁶ «В предисловии к *Bibliotheca Sacra* за 1843 год я сделал ссылку на намеки, дошедшие до меня из разных мест, о том, что некоторые положения, принятые в библейских исследованиях в отношении топографии Иерусалима, могут подвергаться нападкам в ходе крестового похода в защиту известного местонахождения Гроба Господня. Эти ожидания с тех пор сбылись <...> Что касается этих работ, то, раз они настолько совпадают в вопросах, главным образом, защиты предполагаемого Гроба Господня, что не могут считаться результатом двух независимых исследований, проведенных в разное время и без ведома друг друга, а скорее являются продолжением их личного общения и деятельности в интересах одного любезного им объекта». Robinson E. *Topography of Jerusalem* // *Bibliotheca Sacra and Theological Review*. Vol. 3. № XI. August. 1846. P. 413–414.

⁷⁷ Tobler T. *Denkblätter aus Jerusalem von Dr. Titus Tobler*. St. Gallen und Konstanz, 1853. S. 391. «Консул был проникательным человеком с большими познаниями, которого любили и уважали местные жители, даже из числа мусульман... Пруссия оказывает действительную услугу всему научному миру тем, что столь тщательно отбирает на консульскую должность для выдающихся ученых». Ibid. S. 392.

⁷⁸ Книга вышла в свет уже после отъезда Е. Шульца в Палестину. См.: Ernst G. Schultz. *Jerusalem. Eine Vorlesung von Dr. Ernst Gustav Schultz*. Berlin, 1845. К изданию прилагалась подробная карта Иерусалима, исполненная Г. Кипертом по указаниям Е. Шульца, которая сохраняет свое значение для изучения истории исследований Иерусалима. Haim Gorem. Edward Robinson, Eli Smith and the Cartography of Berghaus and Kiepert // *Mapping the Holy Land. The Foundation of a Scientific Cartography of Palestine*. London – New York, 2017. P. 5–55.

⁷⁹ Дж. Уильямс сам рассказывает об этом в примечании к рисунку с видом на Елеон: «Вид сделан с террасы дома, который занимал автор во время своего пребывания в Иерусалиме и впоследствии арендованного консулом Его Величества короля прусского». Вид на Елеон с террасы этого дома помещен в первом издании книги Уильямса (Pl. 9). См.: Williams G. *The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem with some account of its antiquities and of its present condition*. London, 1845. P. XV.

миссионеров в 1838 г. Э. Робинсон⁸⁰. Он находился как раз на Базарной улице к северу от заброшенных лавок, недалеко от пересечения с *Via Dolorosa*. По Базарной улице к югу от консульства нужно было идти и к Храму Гроба Господня, и к Яффским, и к Сионским, и к Дамасским воротам. Это был обычный, едва ли не ежедневный, маршрут консула, что, вероятно, и поспсобствовало сделанной им находке.

В середине 1843 г., проходя по Базарной улице, Е. Шульц обратил внимание, что на ее западной стороне, застроенной турецкими лавками, как раз напротив Храма Гроба Господня, в стене, служащей ограждением улицы от находившегося далее холма, встроены три гранитные колонны. Четвертая колонна лежала неподалеку. Заинтересовавшись находкой, он обследовал заброшенные лавки, пристроенные к холму. В одной лавке Е. Шульц обнаружил пилястр, выступавший из стены, обращенной к насыпи, в следующей – остаток стены из больших, хорошо обтесанных камней, по-видимому, уходящей в слой мусора за стеной лавки. Для нас имеет значение важное свидетельство Е. Шульца, которое не попало в отчет Палестинского Общества 1883 г.: «За наполовину погребенными колоннами находится земляная стена, над которой дорога ведет к абиссинскому монастырю, примыкающему к церкви Гроба Господня, над подземной часовней Св. Елены»⁸¹. Ясно, что Е. Шульц не осматривал сам Коптский участок, хотя описал границы и характер насыпи в этом месте.

Значительно дальше, на пересечении с *Via Dolorosa*, на одной линии с гранитными колоннами находилась другая, хорошо известная всем путешественникам колонна, согласно средневековой католической традиции отмечавшая место Судных ворот. Связав эти факты, Е. Шульц предположил, что тут в древности существовал большой портал⁸². Тот факт, что колонны были вделаны в каменную кладку, укрепил исследователя в том, что перед ним фрагменты городских ворот⁸³ или даже самой стены⁸⁴. Далее на севере

⁸⁰ Robinson E. Later Biblical Researches in Palestine and adjacent regions: A Journal of Travels in the year 1852. London, 1856. P. 162.

⁸¹ Ernst G. Schultz. Jerusalem... P. 60–61.

⁸² «Там, где наша (Базарная – К.В.) улица пересекает Виа Долороза, предание указывает место, где во времена Христа находились старые городские ворота, через которые Иисуса вели к месту казни и которые назывались Судными вратами. Для меня более важным, чем это свидетельство традиции, является старая, полностью сохранившаяся колонна, которая стоит рядом с современным арочным проходом в мастерскую и смотрит на крышу над ней. Если мы проследуем вдоль заброшенного базара до конца, мы увидим три изуродованные колонны, которые все еще выступают прямо из земли. На земле лежит аналогичная сломанная колонна. Если мы войдем в следующие две ремесленные лавки за самой южной колонной, мы обнаружим нижнюю часть пилястра в первом и остатки стены, сделанной из больших древних строительных блоков, во втором. Эти отдельные части соответствуют друг другу и, вероятно, приводят к заключению о том, что здесь находился большой портал». См.: Ernst G. Schultz. Jerusalem. Eine Vorlesung von Dr. Ernst Gustav Schultz. Berlin, 1845. P. 60.

⁸³ «Напротив входа в этот монастырь, на севере, находится дверь в здание, которое принадлежит коптскому монастырю, в котором есть спуск к цистерне, называемой сокровищницей Св. Елены. Эта самая древняя и необычная цистерна, которую я видел в Иерусалиме, расположена на таком расстоянии, что если бы этот предполагаемый портал был старыми городскими воротами, то цистерна могла принадлежать могучей крепостной башне...» См.: Ernst G. Schultz. Jerusalem. Eine Vorlesung von Dr. Ernst Gustav Schultz. Berlin, 1845. P. 61.

⁸⁴ По словам лорда Ньюжента, которому Е. Шульц продемонстрировал свою находку в том же 1843 г., каменная кладка «очевидно, принадлежала древней стене». См.: Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме... С. 115.

находились Дамасские ворота, которые Е. Шульц определил как крайнюю точку искомой стены в этой части города⁸⁵. Другую опорную точку в своем рассуждении он еще раньше нашел при помощи Дж. Уильямса. Важно отметить, что Э. Робинсон считал именно Дж. Уильямса отцом идеи о прохождении Второй стены по Базарной улице⁸⁶. Последний, забравшись на развалины гостиницы рыцарей-госпитальеров, расположенных также на Базарной улице, обнаружил в южной части комплекса среди кактусов фрагмент древнего, как он считал, каменного столба со следами арки⁸⁷. Дж. Уильямс определил находку как место Енномовых ворот (или ворот Геннатах) и отсюда повел маршрут своей Второй стены на запад в направлении так называемой башни Давида⁸⁸. Шульц же, как это показано на его карте, предпочел другую точку и довел свою стену немного далее: до места, известного в паломнической литературе под именем Железных ворот. Понимая, что все обнаруженные древности стоят на одной линии, Е. Шульц посчитал это существенным основанием для того, чтобы указать на Базарную улицу, как на искомое местоположение Второй стены Иерусалима.

Большинство ученых, занимавшихся топографией Иерусалима в 50-е и 60-е гг. XIX в., были в принципе согласны с Е. Шульцем относительно его локализации Второй стены вдоль Базарной улицы, хотя это не отменяло появление новых интерпретаций и аргументов. Согласно оценке архимандрита Леонида (Кавелина), сделанной в конце 1860-х гг., книга Е. Шульца была, «несмотря на свой малый объем, важнее многих обширных сочинений»⁸⁹,

⁸⁵ Ernst G. Schultz. Jerusalem... P. 60; Williams G. The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem with some account of its antiquities and of its present condition. London, 1845. P. 285, 391. Это утверждение принимали большинство исследователей. См.: Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. P. 417. «Древние останки, связанные с нынешними Дамасскими воротами, принадлежат древним воротам, бывшим на этом месте, и относятся ко второй стене Иосифа».

⁸⁶ «Следуя за английским автором, которому принадлежит сама эта идея, он (Е. Шульц) выбирает аналогичный курс для древней Второй стены и соглашается с ним же далее в определении положения холма Акра к северу от храма». Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. P. 415.

⁸⁷ «18 декабря 1842 года я шел по руинам госпиталя рыцарей святого Иоанна, когда, глядя вниз с вершины одной из палат, среди некоторых опущий на южной стороне этого здания, я обнаружил твердое тело и компактную массу каменной кладки совершенно другого характера, чем я когда-либо видел в Иерусалиме. Качество изготовления было намного лучше, а камни намного белее и тверже, чем те, что использовались в больнице или в любом современном здании. При ближайшем рассмотрении я обнаружил, что это был столб ворот, а упор арки все еще был целым. Постройка никогда не разрушалась изнутри, то есть с северной стороны; тогда как на южной стороне стена была полностью разрушена и масса столба теперь удерживалась камнями совсем другого рода, очень неуклюже вставленными. Столб может иметь глубину восемь или девять футов и высоту четырнадцать или шестнадцать от его нынешнего основания, но его нынешнее основание находится на одном уровне с крышей базара, примерно на такой же высоте от земли. <...> Впоследствии я попытался пробраться со стороны базара, чтобы осмотреть нижнюю часть, но безуспешно. Многократный осмотр этого уникального и древнего столба не убедил меня в том, что он принадлежит воротам второй стены, хотя я едва ли могу надеяться, что этого небольшого рассказа будет достаточно, чтобы мои читатели пришли к такому же выводу, как и я». Williams G. The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem with some account of its antiquities and of its present condition. London, 1845. P. 286–287.

⁸⁸ См. карту Иерусалима в первом издании книги Дж. Уильямса 1845 г. и более подробную карту в книге Е. Шульца.

⁸⁹ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инок-паломника. М., 2008. С. 87.

и «разрешила окончательно вопрос: почему Голгофа и Гроб Господень находятся ныне внутри стен»⁹⁰.

Однако открытие в этом месте колонн, пилястра и фрагмента древней кладки поставило новый вопрос: к какому сооружению относятся эти древности? Можно ли считать их остатками ворот Второй стены или они принадлежат постройкам другого времени?

Лорд Ньюжент

Джордж Ньюжент-Гренвилл, 2-й барон Карланстаун (1788–1850) – ирландский политик, общественный деятель, публицист и писатель, в 1832–1835 гг. исполнял должность Верховного комиссара Ионических островов. Лорд Ньюжент путешествовал по Греции, Египту, Палестине и Сирии с декабря 1843 по май 1844 г. Одной из главных причин, побудивших его посетить Святую Землю, была книга Э. Робертсона и высказанные там суждения о сакральной топографии и церковном предании. Лорд Ньюжент отправляется в Иерусалим, чтобы убедиться во всем самому. С первых же дней в Палестине, еще не доехав до Иерихона, он начинает замечать ошибки, допущенные, по его мнению, Э. Робертсоном в своем исследовании. В Иерусалиме он практически не расстается с его книгой. Там он познакомился с ученым, консулом Е. Шульцем и с его недавними открытиями возле Храма Гроба Господня. Они сошлись на почве критического отношения к выводам Э. Робертсона и продолжили изучение Святого Града совместно.

Результат их исследований был опубликован лордом Ньюжентом во втором томе описания своего путешествия⁹¹. В этом издании можно встретить три иллюстрации, сделанные, вероятно, по рисункам самого автора. Один из них представляет собой идентифицированные Дж. Уильямсом ворота Геннатах в развалинах комплекса Иоаннитов⁹². Поскольку Дж. Уильямса уже давно не было в Иерусалиме – показать и назвать эти ворота подобным именем лорду Ньюженту мог лишь Е. Шульц. К сожалению, в книге нет рисунка колонн на Базарной улице, но содержится весьма интересное суждение Его Светлости об этом предмете: «Здесь находятся три массивные гранитные колонны,строенные в то, что было очевидно старой стеной, на равных расстояниях в десять футов друг от друга и являющиеся частью ее внутреннего убранства. Их стволы поднимаются от шести до восьми футов над вершиной насыпи, а их основания образуют часть задних стен лавок, которые стоят под ним. Таким образом, вход в эти лавки указывает на первоначальный уровень земли, откуда начиналась стена; и если добавить к колоннам капители и фронтоны, это даст возможность определить высоту стены в 25–30 футов. На западе и, следовательно, за стеной в этой части, и несколько более чем в шестидесяти ярдах от нее, находится восточная часть Храма Гроба Господня, или то, что называется часовней Обретения Креста. Место, показанное в церкви, как Голгофа, опять же, находится бо-

⁹⁰ Там же, С. 96.

⁹¹ Nugent, lord. *Lands Classical and Sacred*. Vol. 1-2. London, 1845. Второе издание с небольшим изменением цензурного характера вышло в свет в Англии в 1846 г. Мы пользовались первым изданием.

⁹² В первом издании лист между С. 54 и С. 55; второе издание С. 40.

лее чем в сорока ярдах к западу от восточной оконечности этой часовни, а ближайшая стена Храма Гроба Господня – чуть более чем в сорока четырех ярдах дальше; и Гроб Господень, по крайней мере, в шести ярдах от нее; так что если в дальнейшем мне удастся доказать, что отрог скалы или куча земли, в которой видны эти колонны, являются остатками части Второй стены, то до Голгофы было бы не менее ста ярдов, а до места погребения не менее ста пятидесяти ярдов; без лишних рассуждений ясно, что это расстояние вполне соответствует описанию апостола Иоанна: "Эта надпись читалась многими евреями, потому что это место было близко к городу"»⁹³.

Вдвоем с Е. Шульцем они вновь осмотрели Базарную улицу и в результате нашли новые любопытные свидетельства: ряд больших тесанных камней с характерными особенностями, аналогичными кладке Гиппиковой башни (Башни Давида), по которым можно было предположить в них остатки угловой башни первой иерусалимской стены. Изучив характер западной стороны улицы, лорд Ньюжент заметил в отдельных местах характерные бугры, предположив, что они также скрывают остатки стены. Основываясь на том, что ни остатки угловой башни, ни бугры не упоминаются в книге Е. Шульца, Э. Робертсон сделал вывод, что ученый сам сомневается в их древности⁹⁴, и поэтому их ценность в качестве доказательства местоположения Второй стены – несущественна. Несмотря на это, Э. Робинсон довольно часто использует наблюдения лорда Ньюжента, отдавая, тем самым, дань проделанной им работе.

Дж. Уильямс и Р. Уиллис

Джордж Уильямс (1814–1878) – английский священник, богослов, ученый, один из первых исследователей топографии древнего Иерусалима, сторонник объединения Православной и Англиканской Церквей. В 1841–1843 гг. находился в Иерусалиме в составе первой англиканской миссии епископа Александера. Покинул миссию в мае 1843 г. в знак протеста против попытки принятия в англиканство православных арабов. В 1844 г. направлен капелланом в Кронштадт ввиду его желания познакомиться с Греко-Российской Церковью. В Петербурге близко познакомился с А.Н. Муравьевым и А.С. Норовым, в Москве был представлен митрополиту Филарету (Дроздову), который помогал ему подготовить к изданию проповеди, сказанные Дж. Уильямсом в Иерусалиме⁹⁵. Текст первого издания его наиболее известной книги «Святой Град. Заметки об истории, топографии и древностях Иерусалима» был написан в России и завершен в Петербурге в день празднования Богоявления в 1845 г.⁹⁶ В том же году Дж. Уильямс вернулся в Англию, где впоследствии занимал административные должности

⁹³ Nugent, Iord. *Lands Classical and Sacred*. Vol. 1-2. London, 1845. P. 51–52.

⁹⁴ Robinson E. *Topography of Jerusalem* // *Bibliotheca Sacra and Theological Review*. Vol. 3. №. XI. August. 1846. NY and London, P. 454.

⁹⁵ Смирнова И.Ю. Англо-американское миссионерское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в середине XIX в. (Англикано-православный аспект) // *Иерусалимский православный семинар*. Вып. 6. М., 2016. С. 76.

⁹⁶ Williams G. *The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem with some account of its antiquities and of its present condition*. London, 1845. P. X.

в различных колледжах страны. В 1853 г. подписал коллективное письмо с требованием отозвать из Иерусалима епископа С. Гобата за попытки распространять англиканство среди православных арабов. В 1860 г. совершил новое путешествие в Россию. В 1864 г. способствовал приезду в Англию из Иерусалима Э. Пьеротти, помогал ему в издании двухтомного труда об исследованиях Иерусалима⁹⁷ и защищал его от обвинений в плагиате⁹⁸. Скончался внезапно 26 января 1878 г.

Дж. Уильямс приехал в Иерусалим, вероятно, в конце 1841 г. или в начале 1842 г., уже зная работы Э. Робертсона и совершенно не разделяя многие его выводы. Он занялся перепроверкой, а затем и поиском новых оснований для выяснения топографии древнего города. Важно было определить местоположение упомянутых в Библии холма Акры, долины Тиропеон и Второй иерусалимской стены, в поисках которой Дж. Уильямс и оказался на Базарной улице, привлеченный туда живописными развалинами сооружений рыцарей ордена Св. Иоанна.

Знакомство Дж. Уильямса и Е. Шульца тоже состоялось в Иерусалиме. Но в первом издании книги Дж. Уильямса, увидевшем свет в Лондоне в 1845 г., упоминание его иерусалимского товарища встречается на удивление скупо. Работы Е. Шульца и Дж. Уильямса писались параллельно, причем одна в Берлине, а другая в Петербурге. Каждый ученый использовал свой материал, собранный во время исследований. По всей видимости, Дж. Уильямс закончил свой труд раньше Е. Шульца. Он ничего не знал о его находках, в частности о колоннах и пилястре на Базарной улице, поскольку они были сделаны после того, как Дж. Уильямс покинул Святой Град. Об этом свидетельствует фраза, помещенная во втором дополненном издании его книги: «Мне было очень приятно узнать, что мои доказательства местоположения Второй стены⁹⁹ оказались удовлетворительными для путешественников, которые по моим следам сами осмотрели эту местность. [Среди тех, кто высказался печатно после первого издания моей книги, я могу упомянуть доктора Шульца, Тишендорфа, Краффта, Штрауса, и лорда Ньюджента]. И хотя они, возможно, не признают древность некоторых из памятников, на которые я указал, они все же находят их достаточным аргументом для подтверждения основных моих выводов, в то время как доктор Шульц, возможно, обнаружил другие остатки древней стены по той же линии. [Я говорю с сомнением, потому что я думаю, что у профессора Уиллиса есть теория, которая лучше истолковывает значение большого портала, руины которого доктор Шульц определяет как остатки Второй стены]»¹⁰⁰.

⁹⁷ Pierotti, E. *Jerusalem Explored, Being A Description of the Ancient and Modern City, with Numerous Illustrations Consisting of Views, Ground Plans and Sections*. Vol. I-II. London, 1864.

⁹⁸ Williams G. Dr. Pierotti and his assailants: or a defence of «Jerusalem Explored». London, 1864.

⁹⁹ О местоположении Второй стены и аргументах Дж. Уильямса см.: Williams G. *The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem with some account of its antiquities and of its present condition*. London, 1845. P. 285–289.

¹⁰⁰ Williams G. *The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem*. The second edition included an *Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre* by Robert Willis. Vol. 2. London. 1849. P. 59–60. В квадратные скобки взяты примечания Дж. Уильямса к тексту, которые мы сочли возможным воспроизвести единым фрагментом.

Довольно странно, что изучив снизу доверху развалины комплекса Иоаннитов, Дж. Уильямс не осмотрел территорию, расположенную между Абиссинским монастырем с одной стороны и лавками на Базарной улице с другой. Остается заключить, что местность не представляла из себя ничего интересного или ее осмотр был затруднен. На довольно подробной карте, опубликованной в книге Е. Шульца, территория эта специально не выделена. Дополнительные сведения мы находим в книге Р. Уиллиса. Сделав очень подробное описание рельефа местности, он упоминает, что на участке были разбиты сады, настолько разросшиеся, что ветви деревьев свободно простирались над Базарной улицей (Р. Уиллис называет ее улицей Св. Стефана) и в одном месте даже образовали тоннель. Конечно, такой сад не мог расти на камнях. Участок был предварительно выровнен и засыпан слоем земли. Кроме этого, из того же рассказа мы узнаем, что эта высокая насыпь, состоящая из камней и земли, свободно выходила к улице как минимум в двух местах¹⁰¹.

Правда, в описании Дж. Уиллиса встречается любопытный сюжет, связанный с обнаружением им полностью засыпанной грунтом арки с хорошо сохранившимся замковым камнем, расположенным практически вровень с улицей в том месте, где паломническая топография Иерусалима указывает на остатки Железных ворот¹⁰². Этот текст не относится к Коптскому месту, однако доказывает, что его древности могли быть полностью скрыты под поверхностью грунта.

В конце 1845 г. Дж. Уильямс вернулся из России на родину. К этому времени (в 1844 г.) в Англии было создано Археологическое общество, душой которого стал Роберт Уиллис (1800–1875), выдающийся исследователь

¹⁰¹ «Земля, расположенная непосредственно к западу от улицы Святого Стефана (GI), в настоящее время, по-видимому, образовалась в результате накопления. Я предполагаю, что в своем первоначальном состоянии горизонт постепенно спускался к востоку от вершины Голгофы и маленького перешейка, FE, который соединял этот холм с главным склоном улицы Гроба Господня. Следует помнить, что городская стена GI образовала западную границу улицы Святого Стефана, согласно мнению тех, кто защищает подлинность нынешнего Гроба Господня, с чем я согласен. Однако земля между часовой Св. Елены (А) и этой стеной выше, чем улица Св. Стефана, и ограничена резким спуском, похожим на земляную насыпь (не из камня), которую можно увидеть на юге позади тамошней кожаной фабрики на улице Пальм (в северной части) и на востоке между часовой Св. Елены и улицей. На этой насыпи возведен коптский женский монастырь, бывший монастырь Каноников Гроба Господня. Часть улицы Святого Стефана, занятая пустынным базаром, выгнута (от Н до I), и насыпанный грунт в этой точке намного выше уровня улицы так, что растительность из сада образует непрерывную галерею и этот конец улицы выглядит как тоннель или как место раскопок. Но это скопление земли определенно является естественным результатом того, что горизонт наклонен вниз к стене. Когда устроенные на нем сооружения пришли в упадок, низкий угол неизбежно должен был быть завален, благодаря чему появилась возможность выравнивания и устройства садов». См.: Willis R. Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre of Jerusalem. London, 1849. P. 112–113.

¹⁰² «Опять же, сразу же за базаром, на западе, начинается резкий подъем к Сиону, на вершине которого виден верх старых ворот, настолько засыпанных мусором, что ключевой камень находится почти на уровне улицы. Он несет на себе следы древности как по своей структуре, так и по размеру камней, сильно изношенных от времени. Похоже, они образуют круглую арку, которая, вероятно, могла бы быть успешно откопана, если бы можно было получить разрешение. ... Если бы это были городские ворота, то они принадлежали второй стене, а не первой и, должно быть, были очень близко к углу. Я пытался отыскать следы ворот в лавке красильщиков, но с этой стороны они недоступны.» Williams G. The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem with some account of its antiquities and of its present condition. London, 1845. P. 286.

в разнообразных областях знания, историк архитектуры¹⁰³, обладавший даром интуитивно угадывать исторические слои изучаемого им памятника. Хотя сам Р. Уиллис никогда не был в Святой Земле, его привлекла история Храма Гроба Господня, и он занялся изучением этой темы. Подробности он черпал из исторических источников, описаний путешественников и научных трудов современных ученых. Среди последних едва ли не настольной книгой Р. Уиллиса стали работы Е. Шульца¹⁰⁴ и Э. Робертсона.

В какой-то момент научная деятельность Дж. Уильямса и Р. Уиллиса стала напоминать работу единой команды¹⁰⁵. Первый обладал знанием местных реалий современного Иерусалима и его памятников, а второй – прекрасным знанием источников, аналитическим умом и интуицией, которые он продемонстрировал в своей архитектурной реконструкции Храма Гроба Господня. И оба не сомневались, что занимаются историей подлинного Гроба Господня, поставленного императором Константином Великим на месте трехдневного ложа и воскресения Господа. Вклад Р. Уиллиса в реабилитацию места распятия, погребения и воскресения Иисуса Христа был не менее значителен, чем труды Е. Шульца и Дж. Уильямса. Он филигранно объединил в своей реконструкции сведения греческих и латинских авторов с данными геологии и современными открытиями. Его книга впервые доказала логичность и историчность современной постройки с Кувуклией (могильной пещерой) посередине ротонды и Голгофой, заключенных в единое с ней пространство. Его аргументы убедили многих, и значительное количество претензий, высказанных ранее различными путешественниками и учеными, потеряли свою остроту и значение.

Труд Р. Уиллиса был напечатан в 1849 г. сразу в двух вариантах: отдельной книгой¹⁰⁶ и в качестве самостоятельного раздела во втором издании книги Дж. Уильямса¹⁰⁷. Сделанная Р. Уиллисом реконструкция базилики Константина Великого опиралась на исторические источники, рельеф местности и существующее здание Храма Гроба Господня. Единственным «археологическим» элементом реконструкции оказались четыре колонны Е. Шульца, которые на плане Р. Уиллиса поставлены в ряд перед главным входом в базилику. Вывод

¹⁰³ О нем см.: Buchanan A. Robert Willis (1800–1875) and the Foundation of Architectural History. Cambridge, 2013.

¹⁰⁴ В отчете Палестинского Общества ошибочно сказано, что Дж. Уильямс сначала узнал о находке колонн и пилястра от Е. Шульца, а потом, вернувшись в Англию, рассказал об этом Р. Уиллису. Последний познакомился с книгой Е. Шульца самостоятельно, а Дж. Уильямс, как мы установили, до выхода этой книги ничего не знал о колоннах и пилястре на Базарной улице. См.: Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме... С. 113. Прим. 1.

¹⁰⁵ «Мистер Уильямс и профессор Уиллис, равно как и миссис Лейард и Росс, – экскаваторы, хотя и с несколькими другими агентами и инструментами. Они заняты расчисткой от векового мусора не крылатых быков и клинописных надписей, а преданий и проверенных временем верований; они копают не в Бир-Нимроуде, а среди скопившихся куч фактов или басен, которые сгрудились вокруг священных мест Иерусалима». Buchanan A. Robert Willis (1800–1875) and the Foundation of Architectural History. Cambridge, 2013. P. 146.

¹⁰⁶ Willis R. Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre of Jerusalem. London, 1849.

¹⁰⁷ Williams G. The Holy city. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem. The second edition included an Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre by Robert Willis. Vol. 1–2. London. 1849.

о принадлежности колонн не к воротам Второй стены, а к базилике Константина был сделан на основании суждений В. Крафта и Э. Робинсона¹⁰⁸.

Второе издание исследования Дж. Уильямса, куда вошла работа Р. Уиллиса, было также значительно переработано. Сказалась их совместная работа и вовлеченность в научные споры, вспыхнувшие после появления первого издания. Книга учитывала возражения Э. Робертсона, опубликованные сначала в журнале «*Bibliotheca Sacra and Theological Review*» в 1846, 1847 и 1848 гг., а затем отдельным изданием в переводе на немецкий язык, направленном преимущественно против Дж. Уильямса¹⁰⁹.

В. Крафт

Вильгельм Людвиг Крафт (1821–1897) – профессор богословия в университете в Бонне, с 1860 г. возглавлял университетский Протестантский богословский семинар, в 1866 г. – стал ректором университета.

Поездка В. Крафта по Ближнему Востоку состоялась в 1844–1845 гг. в рамках подготовки его диссертации по топографии древнего Иерусалима. Выбор такой специфической темы для диссертации, связанной с трудным путешествием, говорит о значении, которое в середине 1840-х годов приобрел вопрос о подлинности святых мест в богословских кругах немецких протестантов. В. Крафта сопровождал его двоюродный брат Ф.А. Штраус (1817–1888)¹¹⁰. Вдвоем они посетили Грецию, Египет, Синай и Палестину; в середине 1845 г. прибыли в Иерусалим, где провели «несколько месяцев»¹¹¹, и вернулись в Германию в декабре 1845 г. Ф.А. Штраус во время поездки вел дневник, занося туда преимущественно свои собственные впечатления¹¹². В. Крафт же собирал материал для диссертации, опираясь на работу, проделанную Э. Робинсоном. Его книга была опубликована в 1846 г. уже после защиты диссертации¹¹³.

Когда В. Крафт находился в Иерусалиме, прусский консул был в отъезде. С идеями Е. Шульца, равно как и Дж. Уильямса он смог познакомиться лишь после возвращения со Святой Земли. И он с ними познакомился. Эти книги оказали влияние на труд В. Крафта. По мнению Э. Робинсона и Э. Рёдигера, он почти полностью следовал за Е. Шульцем и Дж. Уильямсом¹¹⁴.

¹⁰⁸ Об этом см. далее.

¹⁰⁹ «Этот труд, в частности, направлен против книги Уильямса... В то же время, взгляды прусского консула в Иерусалиме доктора Шульца, изложенные в его работе, которые частично совпадают с результатами этого английского автора, принимаются во внимание». См.: Robinson E. Neue Untersuchungen über die Topographie von Jerusalem von Ed. Robinson. Halle, 1847.

¹¹⁰ Foerster F. The Journey of Fridrich Adolf Strauss to the Holy Land and the beginnings of German missions in the Middle East // Christian Witness Between Continuity and New Beginnings: Modern historical missions in the Middle East. Berlin, 2006. P. 125-132.

¹¹¹ Krafft Wilhelm. Die Topographie Jerusalems mit Ansichten, Charten und Plänen. Bonn, 1846. P. VII.

¹¹² Strauss F. A. Sinai und Golgatha. Reise in das Morgenland von Friedrich Adolph Strauss. Berlin, 1847. Книга, написанная в стиле позднего немецкого романтизма, пользовалась большим успехом и к 1882 г. выдержала 11 изданий.

¹¹³ Krafft W. Die Topographie Jerusalems mit Ansichten, Charten und Plänen. Bonn, 1846.

¹¹⁴ «Работа Крафта, о которой упоминалось выше, была опубликована почти одновременно с оригинальными статьями, но, как заметил Рёдигер в своем вступлении, он в целом так близко следует результатам Уильямса, что не меняет существенно позицию спора.» См.: Robertson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 5. №. XVII. 1848. P. 92.

Но В. Крафт скорее пытался с ними полемизировать, чем им подражать¹¹⁵. Его метод в исследовании топографии Святого Града – историко-филологический, а основной материал – тексты Иосифа Флавия, Евсевия и Библии. Сведения этих источников он анализировал, опираясь на последние достижения немецкой экзегетической критики текстов, и затем сопоставлял с существующим пространством Иерусалима, рассчитывая понять логику и последовательность развития древнего города¹¹⁶. Так поступали многие, в том числе Э. Робинсон, Е. Шульц и Дж. Уильямс. Но письменные источники можно было истолковать по-разному и, таким образом, прийти к совершенно иным выводам. Хотя В. Крафт и признал, что Вторая стена должна была идти по Базарной улице, но он не согласился с тем, что обнаруженные Е. Шульцем колонны, которые он самостоятельно обследовал в Иерусалиме¹¹⁷, были частью этой стены или городскими воротами¹¹⁸. Это отметил и Э. Робинсон.¹¹⁹ Более того, В. Крафту принадлежит атрибуция, с которой в дальнейшем согласился Э. Робертсон¹²⁰ и которую развил в своей архитектурной реконструкции Храма Гроба Господня Р. Уиллис. Именно В. Крафт первым связал открытые Е. Шульцем колонны с остатками пропилей базилики Константина Великого¹²¹.

¹¹⁵ «Что касается основных вопросов в топографии Иерусалима... я не могу согласиться с результатами обоих, за исключением отправной точки второй стены...» Krafft W. Die Topographie Jerusalems mit Ansichten, Charten und Plänen. Bonn, 1846. P. VII.

¹¹⁶ «Что касается хода наших исследований, то мы смотрели на современный Иерусалим, его долины и холмы, его все еще сохранившиеся руины и древние памятники через описание Иосифа, самого полного из древних авторов, продолжая собирать, на этой надежной основе, информацию по топографии, время от времени переплетающуюся с Ветхим и Новым Заветом, в том или ином рассказе, чтобы проследить за постепенным формированием города с самого его начала». См.: Krafft W. Die Topographie Jerusalems mit Ansichten, Charten und Plänen. Bonn, 1846. P. V.

¹¹⁷ Поскольку он в тот момент не мог быть знаком с книгой Е. Шульца, остается предположить, что или он сам обратил внимание на колонну, или ему кто-то на нее указал. Нужно отметить, что он пишет лишь об одной колонне, «свободно» стоящей на улице, и о колонне, встроенной в стену в лавке. Термин «пиластр» он не употребляет, но, вероятно, речь идет о нем. Такая «неполная» картина может свидетельствовать о том, что В. Крафт все-таки не видел их в Иерусалиме.

¹¹⁸ «Следующие предполагаемые остатки второй стены находятся в 180 шагах дальше к северу, где от пересечения с дорогой, ведущей с севера на юг через главный базар, на запад по земляной насыпи идет проулок к коптскому и расположенному над подземной часовней Св. Елены абиссинскому монастырям. Гранитная колонна, свободно выступавшая из земли, побудила меня осмотреть местность: в двух лавках, расположенных к югу от этой колонны, я обнаружил еще одну гранитную колонну на богато украшенном квадратном основании, встроенную в остатки стены, сделанной из гладко обработанных каменной кубической формы. Раньше здесь был большой портал, ведущий во двор или во дворец, но городские ворота невозможно представить даже отдаленно. Стиль указывает на поздние римские времена, и очень вероятно, что эти останки были частью построек, которые Константин воздвиг на месте Святого Гроба и Голгофы. Я очень сомневаюсь, что цистерна, расположенная далеко от этого древнего портала, называемая именем Св. Елены, была связана с крепостной башней стены». См.: Krafft W. Die Topographie Jerusalems... S. 30–31.

¹¹⁹ «...предполагаемые останки древности вдоль западной стороны улицы Базаров также отвергнуты Крафтом; который тем не менее считает, что вторая стена проходила по этой улице». См.: Robertson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 5. №. XVII. 1848. P. 93–94.

¹²⁰ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме... С. 115.

¹²¹ «Остатки того большого портала, который мы описали более подробно на с. 30, были, несомненно, частью подлинных пропилей всего [здания]. Стиль относится к позднему римскому времени и более всего соответствует периоду Константина». См.: Krafft W. Die Topographie Jerusalems... S. 239.

К. Тишендорф

Константин фон Тишендорф (1815–1874) – немецкий филолог, библеист, исследователь текста Септуагинты, открыл и издал кодекс Синайской Библии¹²².

Впервые он отправился на Христианский Восток: в Египет и Палестину в марте 1844 г. В каком-то смысле К. Тишендорф имел очень схожую с Е. Шульцем и Дж. Уильямсом мотивацию своих исследований, намереваясь научно доказать, что тексты Ветхого и в особенности Нового Заветов не были искажены позднейшими вставками. Иными словами, К. Тишендорф выступил в защиту церковного предания. Вскоре научный авторитет его резко вырос в связи со знаменитой находкой фрагментов древнейшего рукописного текста греческой Библии на Синае.

По возвращении в Германию он обнаружил изданными книги Е. Шульца и Дж. Уильямса. Если в Иерусалиме К. Тишендорф не находил достаточных контраргументов против жестких выводов Э. Робинсона относительно Храма Гроба Господня и, может быть, даже поддался его скептическому взгляду¹²³, то познакомившись с новыми исследованиями, – изменил свое отношение. На это впоследствии и сетовал Э. Робинсон¹²⁴. Описание его путешествия вышло в Лейпциге в двух томах в 1846 г. Из слов К. Тишендорфа следует, что он был на Коптском месте и осматривал его вместе с руинами зданий ордена Иоаннитов. Разросшиеся сады возле Храма Гроба Господня, о которых он пишет, могли находиться только на этом незастроенном участке. К. Тишендорф идентифицировал его, как место бывших царских садов возле «Садовых ворот» древнего города¹²⁵.

Дж. Уайтинг

Джордж Б. Уайтинг (1801–1855) – американский миссионер в Бейруте и Иерусалиме в 1830–1855 г. В 1840–1843 гг. находился в Святом Граде, когда там работали Дж. Уильямс и Е. Шульц. Позднее также посещал Иерусалим. Он поддерживал тесный контакт с другом и соавтором Э. Робинсона бейрутским миссионером Э. Смитом. Об исследованиях Дж. Уайтинга можно узнать из письма к Э. Робинсону от 22 августа 1847 г. «Мистер Уильямс и другие много говорили о некоторых предполагаемых древностях возле угла,

¹²² О нем см.: Böttlich Chr. Tischendorf-Lesebuch. Bibelforschung in Reiseabenteuern, Leipzig 1999.

¹²³ «В последние годы новый ученый, профессор Робинсон, с огромным количеством причин и доказательств выступал против этого мнения. Я сам, основываясь на собственном изучении предания, вернулся домой, расположенный в пользу точки зрения Робинсона. Но материалы исследований древнего Иерусалима, которые всего несколько месяцев назад представили два человека, пролили новый свет на мои воспоминания и мои мысли. Этими двумя людьми являются Уильямс, бывший в течение четырнадцати месяцев капелланом при епископе Александре, и доктор Шульц, более двух лет служащий прусским консулом в Иерусалиме. Результат их исследований, как можно легко заметить, является одним из самых полезных плодов основания евангельского епископства в Святом Граде». См.: Tischendorf C. Reise in den Orient von Constantin Tischendorf. Bd. 2. Leipzig, 1846. S. 18–19.

¹²⁴ Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. P. 415–416.

¹²⁵ «Наконец, название ворот Геннатах также заслуживает внимания. Садовыми можно было бы называть их ради царских садов, которые тут находились. Ведь даже сейчас я видел там сады, а именно в бывшем дворе древней больницы Иоаннитов, рядом с церковью Святого Гроба». См.: Tischendorf C. Reise in den Orient von Constantin Tischendorf. Bd. 2. Leipzig, 1846. S. 24.

образованного улицей, идущей от Яффских ворот, и улицей, проходящей через базары на север; а также о предполагаемом «столбе древних ворот» на открытых площадках к западу от базаров. Я приложил немало усилий, чтобы изучить обе эти находки вместе с профессором Фиске. Первые упомянутые останки представляют собой не что иное, как квадратный угол знаменитого дворца Рыцарей Святого Иоанна, в хорошем состоянии сохранности. Вы наверняка помните ряд почти целых арок вдоль северной стороны улицы, простирающейся от базаров в сторону Яффских ворот почти до христианской улицы. Я полагаю, всем известно, что этот ряд арок относится к эпохе крестовых походов и, очевидно, образовывал южную сторону большого рыцарского дворца. Квадратный угол, о котором идет речь, является продолжением или, точнее, завершением этого ряда арок. Он точно совпадает с ними и построен в том же стиле, камни того же размера и формы, что и арки и опоры.

Глядя на север от этого угла старого дворца, мы заметили, точно на линии с его восточной стороной и примерно посередине между ним и северной стороной ограждения дворца, «столб от ворот» мистера Уильямса, который, как он говорит, по своему архитектурному стилю отличается от всего, что он видел в Иерусалиме, и, как он думает, – принадлежит глубокой древности. Теперь если бы мистер Уильямс тщательно сопоставил эту реликвию с вышеупомянутым рядом арок, он обнаружил бы, что стиль архитектуры в обоих случаях одинаков. Даже форма и размеры камней их одинаковы. Камни в основном имеют продолговатую форму, три или четыре фута в длину, как мне кажется, и, возможно, чуть меньше двух футов в ширину и толщину. И далее, если бы он посмотрел с уже описанной верхней части угла через открытое пространство на этот «столб от ворот», он удостоверился бы в том, что и «столб», и «угол» являются неотъемлемой частью одного и того же здания, и это здание – старый дворец рыцарей святого Иоанна¹²⁶.

В конечном итоге складывалась парадоксальная ситуация. Древности, которые Е. Шульц и Дж. Уильямс считали остатками Второй стены, постепенно выводились за скобки этой проблемы, но мысль о том, что она, вероятнее всего, должна была проходить по всей длине современной Базарной улицы, делалась все более и более «естественной» для тех, кто лично знакомился с конфигурацией города.

Т. Тоблер

Титус Тоблер (1806–1877) – швейцарский врач, лингвист, географ, библиограф, выдающийся исследователь топографии Палестины и издатель средневековых паломнических путешествий в Святую Землю¹²⁷. Впервые приехал в Иерусалим в 1835 г., параллельно с А.С. Норовым и в дальнейшем возвращался на Святую Землю еще трижды через каждые 10 лет: в 1845–1846 гг.¹²⁸, в 1857–1858 гг. и последний раз в 1868–1869 гг.

¹²⁶ Robinson E. Topography of Jerusalem // *Bibliotheca Sacra and Theological Review*/ Vol. 5. №. XVII. NY and London, 1848. P. 96.

¹²⁷ О нем см.: Furrer K. «Tobler, Titus» in: *Allgemeine Deutsche Biographie* 38 (1894), S. 395–402 [Online-Version]; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd117402656.html#adbcontent>.

¹²⁸ Одновременно с И.-Н. Сеппом. Т.Тоблер присоединился к его каравану для поездки на Иордан и в Иерихон 5 января 1846 г. См.: Tobler T. *Denkblätter aus Jerusalem von Dr. Titus Tobler*. St. Gallen und Konstanz, 1853. S. 696.

Его вторая экспедиция в Иерусалим была вызвана желанием еще раз увидеть Святую Землю после того, как он прочитал написанное о ней современными исследователями. Книги Дж. Уильямса и Е. Шульца уже вышли в это время из печати и могли быть известны Т. Тоблеру. В любом случае он ехал в Палестину с намерением собрать собственный материал по основным спорным научным вопросам. Не последним мотивом этой поездки стало и его личностное вдохновенное отношение к библейской стране. «Однажды Святая Земля должна быть объявлена свободной от всех религиозных общин, будь то мусульмане, христиане или иудеи, и отдана от Дана до Берсебы, впредь со всеми своими драгоценными древностями, для науки. Это ее право. Это интеллектуальный долг Запада перед Палестиной, которой он во многом обязан своим просвещением и которая сама на половину погружена в варварство»¹²⁹.

Т. Тоблер прибыл в Святой Град 30 сентября 1845 г. хорошо подготовленным. Имея в руках карту Э. Робинсона, он не только быстро ориентировался на местности, но и уверенно указывал удивленным францисканским монахам неизвестные им библейские местечки возле Иерусалима¹³⁰. Но трудами Э. Робинсона он пользуется в поездке критически, сверяет, измеряет и исправляет¹³¹. В Иерусалиме Т. Тоблер прожил до 18 марта 1846 г. Эта поездка стала наиболее результативной с точки зрения опубликованных им научных результатов¹³².

В Иерусалиме Т. Тоблер не раз встречался с Е. Шульцем, знал о найденных им колоннах, но не считал, что их привязка к городским воротам евангельского времени ни на чем не основана¹³³. Вопрос о подлинности Гроба Господня был для него важен: после возвращения домой он посвятил ему отдельную книгу «Голгофа». Однако Т. Тоблер как ученый был ближе к Э. Робинсону, чем к его противникам. Их сближало резко критическое отношение к церковному преданию. Высказавшись очень кратко вслед за В. Крафтом, Дж. Уильямсом и Р. Уиллисом о том, что колонны Э. Шульца скорее всего есть остатки пропилей базилики Константина¹³⁴, он в целом

¹²⁹ Tobler T. Denkblätter aus Jerusalem von Dr. Titus Tobler. St. Gallen und Konstanz, 1853. S. VII–VIII.

¹³⁰ Tobler T. Denkblätter aus Jerusalem von Dr. Titus Tobler. St. Gallen und Konstanz, 1853. S. 599.

¹³¹ Например, 9 декабря 1845 г. Т. Тоблер вновь делает обмеры Царских гробниц именно с целью исправить ошибки Э. Робинсона. См.: Tobler T. Denkblätter aus Jerusalem von Dr. Titus Tobler. St. Gallen und Konstanz, 1853. S. 635.

¹³² См.: «Grundriss von Jerusalem nach Catherwood und Robinson, mit einem neu eingezeichneten Gassennetze und etlichen, theils zum ersten Male erscheinenden, theils berichtigten Gräberplänen nach seinen Beobachtungen» (St. Gallen, 1849); «Bethlehem in Palästina, topographisch und historisch nach Anschau und Quellen geschildert» (St. Gallen und Bern, 1849); «Golgotha, seine Kirchen und Klöster; nach Quellen und Anschau von Titus Tobler, praktischem Arzte in Horn am Bodensee» (St. Gallen und Bern, 1851); «Die Siloahquelle und der Oelberg. Mit einer artistischen Beilage» (St. Gallen, 1852); «Topographie von Jerusalem und seinen Umgebungen» (Bd. 1–2. Berlin, 1853, 1854); «Die neuesten Leistungen in der Planographie von Jerusalem» (Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd. 7. Leipzig, 1853. S. 223–228). Подробную характеристику палестинских работ Т. Тоблера см.: Bibliotheca geographica Palaestinae. Berlin, 1890. S. 379–382.

¹³³ Tobler T. Topographie von Jerusalem und seinen Umgebungen. Bd. 1. Berlin, 1853. S. 99–100. Прим. № 5; См.: Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме... С. 117. Прим. 4.

¹³⁴ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме... С. 117.

принял точку зрения, согласно которой вся данная местность в евангельский период находилась в черте города, а сам Константин стал жертвой благочестивого обмана, воздвигнув тут свои сооружения. Из работ Т. Тоблера тех лет большего об исследовании древностей на Коптском участке и прилегающей к нему стороне Базарной улицы почерпнуть не удастся.

Аббат Мишон

Жан-Ипполит Мишон (1806–1881), католический священник, проповедник, историк, археолог, публицист, основатель графологии и принципов христианского экуменизма. Он приехал в Иерусалим 23 декабря 1850 г. в составе официальной французской экспедиции, возглавлявшейся археологом-любителем, графом Феликсом де Сольси, и занимал в ней место второго археолога и ботаника. Руководитель экспедиции не ограничил свободу его исследований, и Ж.-И. Мишон занимался самыми разнообразными изысканиями: топографией, ботаникой, археологией, историей, этнографией, а также религиозными и конфессиональными вопросами христианства в Святой Земле. В том числе он проверил теорию Е. Шульца¹³⁵ и Дж. Уильямса и без колебаний высказался в пользу тех, кто считал, что современный Храм Гроба Господня находится за чертой евангельского Иерусалима. Естественно, он осмотрел колонны, пилястр, лавки на Базарной улице, местность возле Храма и провел собственные исследования в этом районе, рассчитывая внести свой вклад в иерусалимскую топографию.

«Следуя направлению предполагаемой стены между этими [Судными – К. Вах] воротами и старым городом, Шульц упоминает три изуродованные колонны, которые все еще выступают из-под земли.... На небольшом расстоянии от этих драгоценных останков, указанных Шульцем, и которые я изучал сам, я обнаружил древнюю стену, о которой еще никто не упоминал. Она пересекает пустынный двор здания рыцарей святого Иоанна Иерусалимского с востока на запад и проходит справа от стены, описанной Шульцем ранее, обходя, таким образом, местоположение нынешней Голгофы»¹³⁶.

Э. Робинсон

Эдвард Робинсон (1794–1863) – американский ученый, основатель библейской топографии, археолог, географ, переводчик. Его имя и его заслуги в исследовании Иерусалима хороши известны¹³⁷. Он посещал Иерусалим дважды: в 1838 и 1852 гг.

В 1838 г. Э. Робинсон пробыл в Святом Граде около двух месяцев. В этой поездке его сопровождал американский миссионер из Бейрута Элия Смит, знаток арабского языка и местных обычаев. Во время первого посещения Святого Града Э. Робинсон не обратил внимания на колонны вдоль западной стороны Базарной улицы. Его оценки этих памятников древности были

¹³⁵ «Покойный доктор Шульц, консул Пруссии в Иерусалиме, провел интересное исследование по этому вопросу, и я очень внимательно проверил их на местности». См.: Michon J.-H. Jean Hippolyte Michon Voyage religieux en Orient par M. l'abbé J.H. Michon T. 2 P. 124.

¹³⁶ Michon J.-H. Jean Hippolyte Michon Voyage religieux en Orient par M. l'abbé J.H. Michon T. 2 P. 124–125.

¹³⁷ О нем см.: Williams J.-G. The Times and Life of Edward Robinson: Connecticut Yankee in King Solomon's Court. Society of Biblical Literature, 1999.

сделаны лишь в ответ на публикации Е. Шульца, Дж. Уильямса¹³⁸. Э. Робинсон, правда, сообщает об упоминании гранитных колонн на Базарной улице в неопубликованном письме американского миссионера С. Уолкотта¹³⁹. К сожалению, ни дата, ни содержание этого письма нам не известны¹⁴⁰.

По итогам первой экспедиции Э. Робинсон выпустил книгу, которая буквально перевернула ситуацию с исследованием Святой Земли. Ученые и большинство путешественников из Европы и Америки ехали теперь в Палестину с двумя книгами: Библией и Библейскими исследованиями Э. Робинсона¹⁴¹. За новыми исследованиями в Иерусалиме Э. Робинсон следил при помощи своего спутника по путешествию и друга, американского миссионера в Бейруте Э. Смита и американских миссионеров, до 1843 г. базировавшихся в Святом Граде¹⁴². Последний в 1844 г. специально ездил туда, чтобы подробно описать Э. Робинсону открытые Е. Шульцем и Дж. Уильямсом древности в районе Базарной улицы. Э. Смит обследовал также некоторые другие важные для теории Э. Робинсона места: в частности, могилу Иосифа Аримафейского и Никодима в Храме Гроба Господня. На Базарной улице Э. Смит обнаружил не отмеченные ранее другими тесаные камни, имевшие характерные признаки древнего происхождения, которые при этом явно были использованы повторно¹⁴³. В могиле Иосифа и Никодима он нашел, как ему показалось, следы каменной кладки времен крестоносцев, что автоматически снимало как вопрос о ее подлинности, так и аргумент в пользу существования в этом месте древнего еврейского кладбища¹⁴⁴.

Сам Э. Робинсон, после издания трудов Дж. Уильямса и Е. Шульца, с удвоенной энергией продолжил свои исследования. «Моя единственная цель, которая, надеюсь, всегда таковой останется, установить истину. Я не выступаю против церковного предания как такового. Я ничего не имею ни за, ни против так называемого Святого Гроба. Если бы я мог найти удовлетворительное доказательство в его пользу, а все мои первоначальные сужде-

¹³⁸ Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. 1846. NY and London, P. C. 413–461; Ibid. Vol. 5. №. XVII. NY and London, 1848. P. 92–97.

¹³⁹ Семюэль Уолкотт (1813–1886), американский проповедник и гимнограф. В 1840–1841 гг. работал миссионером среди друзов в местечке Дейр-эль-Камар в Ливане, затем в Бейруте, вместе с Эли Смитом, сопровождавшим Э. Робертсона во время поездки в Палестину в 1838 г. В результате военных действий англо-австрийского флота против Ибрагима-паши вынужден был перебраться в Иерусалим и потом в Яффу для помощи местным американским миссионерам. См.: Report of the American Board of Commissioners for Foreign Missions. Boston, 1841. P. 78, 107, 117.

¹⁴⁰ Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. NY and London, P. 453.

¹⁴¹ Яркий пример – поездка Уильяма Генри Бартлетта в 1842 г. для изучения исторической топографии Иерусалима. «Реконструирование древнего города было вызвано замечательной работой доктора Робинсона, которому все путешественники глубоко обязаны. Автор воспользовался своими исследованиями и предложениями; и хотя в некоторых отношениях они расходятся во мнениях с ученым профессором, было бы неправильно не сказать, что именно он был первым, кто осветил все эти вопросы». См.: Bartlett W.-H. Walks about the City and Environs of Jerusalem. London, 1844. P. IV.

¹⁴² Robinson E. Neue Untersuchungen über die Topographie von Jerusalem von Ed. Robinson. Halle, 1847. S. IV.

¹⁴³ Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. NY and London, P. 455.

¹⁴⁴ Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. NY and London, P. 461.

ния были бы против, я, безусловно, должен был бы быть в числе первых, кто признает его подлинность и испытает благоговение, связанное с таким местом. Но я не могу отказаться от убеждения, что истина опирается на простые и понятные доказательства чувств и здравого смысла и полностью подтверждается историческими фактами, на том только основании, что мне хочется, чтобы было по-другому, либо потому, что так учит какое-то предание»¹⁴⁵.

Э. Робинсон отметил, что и его главные оппоненты Е. Шульц, Дж. Уильямс и лорд Ньюжент не согласны друг с другом и не приводят никаких доказательств того, что обнаруженные ими памятники действительно такие древние, как они говорят¹⁴⁶; что стена, украшенная с внутренней стороны колоннами, никогда не встречалась в Палестине¹⁴⁷; что указанные древности найдены в той части города, которая больше всего страдала от постоянных разрушений, тогда как никаких остатков стены далее на север в сторону Дамасских ворот, где они должны были бы сохраниться с большей степенью вероятности, – не обнаружено¹⁴⁸; и, наконец, исторические источники прямо и довольно подробно описывают существовавшую на этом месте базилику императора Константина в продолжение нескольких веков, включая и ее реконструкцию крестоносцами¹⁴⁹. Таким образом, Э. Робинсон принял мнение В. Крафта о том, что четыре гранитные колонны являются остатками пропилей базилики Константина¹⁵⁰.

Свои выводы Э. Робинсон резюмировал в немецком издании полемических статей против теории Е. Шульца и Дж. Уильямса, адресованном европейским протестантским ученым¹⁵¹. Однако его исследование 1838 г. требовало обоснований, учитывавших многочисленную критику и появившиеся новые данные¹⁵². Это делало повторную экспедицию в Палестину делом ближайшего будущего. Она осуществилась в 1852 г. и снова в компании с Э. Смитом.

В этот раз Э. Робинсон провел в Иерусалиме всего две недели: с 28 апреля по 10 мая 1852 г. «Поскольку наше время было ограничено, нам необходимо было использовать каждый момент. Наши исследования были, конечно, в какой-то степени отрывочными и состояли больше в том, чтобы снова

¹⁴⁵ Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. P. 415–416.

¹⁴⁶ «Читатель не может не быть поражен различием в свидетельствах трех писателей, которые общались друг с другом в самом Иерусалиме и впоследствии их книги были опубликованы почти одновременно... Также можно отметить, что не указано никаких доказательств, по которым читатель может сам судить, действительно ли эти останки считаются древними». См.: Robinson E. Topography of Jerusalem // Bibliotheca Sacra and Theological Review. Vol. 3. №. XI. August. 1846. P. 454.

¹⁴⁷ Ibid. P. 455.

¹⁴⁸ Ibid. P. 456.

¹⁴⁹ Ibid. P. 457–459.

¹⁵⁰ Ibid. P. 459–460.

¹⁵¹ Robinson E. Neue Untersuchungen über die Topographie von Jerusalem von Ed. Robinson. Halle, 1847.

¹⁵² Robinson E. Later Biblical Researches in Palestine and adjacent regions: A Journal of Travels in the year 1852. London, 1856. P. 1.

изучить то, что мы видели раньше, и то, что с тех пор привлекло внимание других, чем в поисках нового. На новые открытия вряд ли можно надеяться, пока не появится возможность для обширных раскопок»¹⁵³.

Несмотря на эти ограничения, он вместе с Э. Смитом успел обойти не только весь Иерусалим, но и окрестности. Базарная улица и район вокруг Храма Гроба Господня не раз упоминаются на страницах его дневника. Личное знакомство с открытием Е. Шульца убедило Э. Робинсона в том, что колонны могут иметь отношение только к пропилеям базилики Константина и ни к чему иному¹⁵⁴. При этом, пройдя раз или два по небольшому переулку в верхней части коптского участка, Э. Робинсон не проявил к нему интереса и не заглянул внутрь.

Граф М. де Вогюз

Шарль-Жан-Мельхиор де Вогюз (1829–1916) – французский дипломат и археолог, в 1849–1851 гг. служил во французском посольстве в Санкт-Петербурге, после переворота Луи-Наполеона во Франции оставил дипломатию и сосредоточился на археологических исследованиях в Сирии и Палестине. В 1853 и 1860–1861 гг. проводил исследования и раскопки в Иерусалиме.

М. де Вогюз продолжил работу Р. Уиллиса, занявшись исследованием Храма Гроба Господня как архитектурного памятника. Это позволило ему, опираясь на данные топографии, археологические артефакты, открытые Е. Шульцем и Дж. Уильямсом, а также на собственные находки, – предложить свою реконструкцию базилики Константина, существенно переработав и дополнив работу Р. Уильямса. Для начала он попытался получить «полное представление о конфигурации земли»¹⁵⁵ во время евангельских событий; точно определить геологию и топографию пространства, занимаемого Храмом Гроба Господня и участка за его восточной абсидой вплоть до Базарной улицы, которая отмечала, как признавал М. де Вогюз, линию Второй стены¹⁵⁶. Кроме этого, он привел достаточно аргументов, чтобы доказать, что западное полукружие современной ротонды вокруг Кувуклии поставлено на древ-

¹⁵³ Robinson E. Later Biblical Researches in Palestine and adjacent regions: A Journal of Travels in the year 1852. London, 1856. P. 162–163.

¹⁵⁴ «Среди очень многих предметов, которые требовали изучения во время нашего предыдущего визита в Иерусалим в 1838 году, мы не обратили внимание на эти гранитные колонны, остававшиеся незамеченными на протяжении веков. О них впервые было публично заявлено Шульцем в 1845 году, который обозначил их как остатки древней Второй стены. В следующем, 1846 году я рискнул высказать мнение, что эти колонны первоначально составляли часть великолепных пропилей на востоке большой базилики, воздвигнутой Константином... В той самой точке, где, согласно этому описанию, должны быть расположены Пропилеи, все еще видны эти гранитные колонны; и я был рад узнать, что мое собственное мнение было подтверждено в более поздний день более компетентным органом проф. Уиллиса. В настоящее время эти колонны намного ниже, чем земля на западе; и не исключено, что первоначально лестничные марши вели от них к воротам двора выше». См.: Robinson E. Later Biblical Researches in Palestine and adjacent regions: A Journal of Travels in the year 1852. London, 1856. P. 168–169.

¹⁵⁵ «Чтобы иметь возможность изучать и понимать описание этого здания, необходимо иметь полное представление о конфигурации земли во время Страстей Иисуса Христа». Vogüé C.-J.-M., de. Les Églises de la Terre Sainte. Paris, 1860. P. 124.

¹⁵⁶ «Все пространство, занимаемое христианским кварталом, находилось за пределами самого города, под углом входа от стены, которая образовывала его внешнюю оболочку. Этот факт общепризнан всеми, кто изучал святой город; вряд ли это может быть оспорено при наличии очень многочисленных фрагментов, все еще сохраняющихся от этой стены, по которым доктор Шульц прекрасно распознал ее очертания». Vogüé C.-J.-M., de. Les Églises de la Terre Sainte. Paris, 1860. P. 125.

ние основания, вырубленные в скале строителями Константина Великого¹⁵⁷. Опираясь на полученные при этом данные, он принял за центральную точку базилики Кувуклию, устроенную над погребальной пещерой, и, посчитав диаметр, определил центральную ось и ширину искомого здания. Далее надо было посмотреть, как эти умозрительные архитектурно-геометрические построения соотносятся с известными на тот момент остатками базилики, обнаруженными за десять лет до этого Е. Шульцем. «На Базарной улице, старой улице св. Стефана, которая идет на юг от Судных ворот, среди руин и лавок, которые сгрудились за монастырем коптов, доктор Шульц впервые обнаружил остатки древнего портика, который он, без сомнения, ошибочно относит к первым годам Римской империи. Во времена Иисуса Христа здесь проходила городская стена, которая соединяла Судные ворота с воротами Геннатах. Мистер Уиллис признал, что эта колоннада должна принадлежать пропилеям Константина; но обманутый ложными измерениями, которые были в его распоряжении, он не извлек из своей идеи все те возможные преимущества, которыми воспользовался теперь я, чтобы исправить столько, сколько позволяют трудности на земле, положение этих интересных руин и уточнить их природу. Они состоят: сначала из массивной каменной кладки *p*, которая кажется углом стены, и ширина которой на фасаде составляет 80 сантиметров (лист. 6, рис. 2), к этому массиву вмещает пилястр размером 75 сантиметров, выступающий на 3 сантиметра из стены; за этим пилястром все еще стоят четыре колонны из серого египетского гранита; они имеют в диаметре 60 с небольшим сантиметров и отстоят друг от друга на 2,5 м. Как мы видим, в довольно больших пропорциях, потому что карниз подобной колоннады должен был находиться на расстоянии 8 или 9 метров над землей. Угловой пилястр находится примерно в 18 метрах к югу от оси нынешней церкви Гроба Господня и в 54 метра от восточного конца той же церкви, рассчитанной по этой же оси. Я измерил эту точку как можно точнее, насколько позволяли всевозможные загромождающие территорию постройки, и отметил ее на плане»¹⁵⁸.

Этим он не ограничился. Стараясь точно привязать к местности мысленную ось постройки Константина, М. де Вогюэ забрался на кровли Коптского и Абиссинского монастыря и в какой-то момент обнаружил слева от абсиды Храма Воскресения выступающую из стены квадратную колонну и арку, древность которой показалось ему очевидной¹⁵⁹. Связав ее с пилястром Е. Шульца по прямой линии, он получил южную границу для реконструкции базилики. Построив затем вдоль нее ось или центр сооружения, он мог назначить и границу северной стены. При этом колоннада на Базарной ули-

¹⁵⁷ «Я считаю, что стена нынешней ротонды поднята на обломках древней стены...» Vogüé C.-J.-M., de. *Les Églises de la Terre Sainte*. Paris, 1860. P. 137.

¹⁵⁸ Vogüé C.-J.-M., de. *Les Églises de la Terre Sainte*. Paris, 1860. P. 139.

¹⁵⁹ «Я полагаю, что обнаружил второй, не менее ценный фрагмент. Когда, преодолев кучу обломков, заваливших вышеупомянутую колоннаду почти на половину ее первоначальной высоты, пройдя лабиринт улочек, образовавшихся на месте великолепных сооружений Константина, заходишь во двор коптского монастыря через маленькую, низкую дверь, которая находится рядом с IX остановкой Крестного пути, справа от этой двери, то есть в северо-западном углу двора, находишь вмурованные в стену современной лачуги остатки колонны и резных аркад, древность которых осознаешь с первого взгляда».

Vogüé C.-J.-M., de. *Les Églises de la Terre Sainte*. Paris, 1860. P. 139-140.

це практически идеально вписалась в созданное М. де Вогюэ пространство храма. Еще одним аргументом того, что все использованные древности могут быть частью одной постройки, стало определение общего уровня пола, который оказался идентичным и для колоннады, и для пола ротонды¹⁶⁰.

Можно сказать, что М. де Вогюэ сделал все, что можно было сделать в тот момент для исследования Храма Гроба Господня, не прибегая к большим археологическим раскопкам, воспользовавшись для этого продвинутой методикой и проведя на месте собственные разыскания. «Мало того, что два фрагмента, которые нас занимают, несут явные признаки четвертого века нашей эры, но восстановление, основанное на их форме и месте, которое они занимают, легко завершается, оно приспособливается к земле, соединяется с другими остатками, соглашается с данными, предоставленными традицией и последующими реконструкциями; увидев эту гармонию, вы будете поражены правдоподобием всей системы, согласованностью всех ее частей, и, я надеюсь, вы поймете, что шансы на ошибку, неотделимые от работ такого рода, уменьшились настолько, насколько это вообще возможно».

Что открыл Эрмет Пьеротти на русском участке?

Первым, кто указал российским представителям на свободную для приобретения землю у Храма Гроба Господня в 1858 г., был Э. Пьеротти¹⁶¹. При этом он сделал и ее краткое описание, до настоящего времени не публиковавшееся¹⁶².

Поскольку именно российское Православное Палестинское Общество утвердило за Пьеротти статус первооткрывателя древней стены и арки на Русском месте у Храма Гроба Господня¹⁶³, мы считаем необходимым более подробно рассмотреть его вклад в это открытие.

Информация о том, что Э. Пьеротти осуществил раскопки на Русском месте возле Храма Гроба Господня, была высказана самим Пьеротти только в 1869 г. во второстепенной по отношению к его главному археологическому труду книге¹⁶⁴, но при этом посвященной автором российскому императору Александру II¹⁶⁵. Всю свою научную жизнь Пьеротти старался попасть в поле зрения коронованных особ¹⁶⁶. Возможно, именно русский

¹⁶⁰ «Основание этих пропиленов находится примерно на том же уровне, что и пол Храма Гроба Господня, что можно увидеть, пройдя от современного двора до улицы Св. Стефана через небольшой переулочек кожевенных заводов». Vogüé C.-J.-M., de. Les Églises de la Terre Sainte. Paris, 1860. P. 142.

¹⁶¹ Вах К.А. Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины // Славянский альманах 2011. М. 2012. С. 127.

¹⁶² АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 17–18.

¹⁶³ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. V–VI.

¹⁶⁴ Pierotti E. Jerusalem explored: being a description of the ancient and modern city, with numerous illustrations consisting of views, ground plans, and sections. Vol. 1–2. London, 1846

¹⁶⁵ Pierotti E. Topographie ancienne et moderne de Jérusalem. Lausanne, 1869. P. 3. Как утверждает отец Л. де Сент-Аньян, автор большого обзора этого последнего труда Э. Пьеротти, книга представляет собой развернутое пояснение к его опубликованному ранее плану Иерусалима. См.: V.-P. Laurent de Saint-Aignan. La topographie ancienne de Jérusalem d'après M. Pierotti. Paris, 1872. P. 4.

¹⁶⁶ Подробнее см.: Вах К.А. Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 130–132.

адрес¹⁶⁷ этого издания повлиял на заявление Э. Пьеротти о сделанных лично им открытиях на Русском месте¹⁶⁸, которых на самом деле он не производил.

В отчете Палестинского Общества напечатана лишь сухая выжимка из его текста. Для понимания контекста сделанного Э. Пьеротти заявления приведем этот отрывок полностью:

«В январе 1857 года в Иерусалиме выпало столько снега, что обрушилась часть западной стены мусульманского, так называемого мясного, базара, которая на востоке ограничивала бывший участок рыцарей Св. Иоанна. В 1858 году, возглавив ремонтные работы, проводившиеся по предписанию паши, я искал скальную породу, чтобы заложить новый фундамент, и на глубине 3,8 метра от нынешней поверхности обнаружил иудейскую стену, сложенную из крупных камней с заметными выступами, которые были обработаны и подогнаны с такой тщательностью, что это напомнило мне финикийскую каменную кладку времен Соломона. Я измерил ее ширину – она равнялась 9 м – и увидел, что стена состоит из трех прочных рядов камней. Самый нижний, соприкасавшийся со скальной породой, имел около метра в высоту, второй – около 65 см, а самый близкий к поверхности улицы – 75 см. Я хорошо рассмотрел, что стена продолжалась как на юг, так и на север.

В 1858 году Русская [Духовная] Миссия в Иерусалиме поручила мне приобрести участок, расположенный к востоку, совсем рядом с церковью Воскресения. Вскоре после этого, расчищая его от земли, которая скапливалась там веками, я обнаружил угол стены Ирода, которая опиралась на стену Соломона. Я был первым, кто идентифицировал ее и объявил частью второй иерусалимской стены, но затем, в 1861 и 1862 годах господ Эрнест Ренан и граф Мельхиор де Вогюэ, два сотрудника Института Франции, присвоили это открытие, по справедливости принадлежащее мне. Г-н де Сольси разоблачил этот поступок и потребовал признать меня автором этого открытия; я всегда буду готов отстаивать его, поскольку оно мое и только мое.

В 1860 году возле западной стороны врат, сегодня называемых Судными, драгоман французского консульства строил дом и, отыскивая скальную породу, обнаружил на глубине около 5–7 м остатки иудейской стены, которая во всем походила на ту, что была обнаружена на мусульманском базаре. На основании этих трех точек я определил участок второй стены, который шел на север и был обращен к западу»¹⁶⁹.

В этом небольшом тексте хорошо заметны эмоции. Но много и любопытных пересечений, например: открытие характерных камней возле

¹⁶⁷ Издание книги Пьеротти в Лозанне позволяет сделать предположение о поддержке его труда русским меценатом графом Гавриилом (Габриэлем) Рюминым, который в качестве фотографа в 1859 г. сопровождал в поездке по Православному Востоку великого князя Константина Николаевича и вероятно познакомился там с Пьеротти. В 1868–1870 гг. Рюмин жил в Париже и в Лозанне. В 1871 г. он принял новое путешествие на Восток, однако скончался в Бухаресте от тифа 18 июня 1871 г. Весь свой капитал он завещал муниципалитету Лозанны. См.: Герд Л.А., Вах К.А. Один малоизвестный русский фотограф XIX века: Гавриил Васильевич Рюмин // Новое искусствознание. 2019. № 4. С. 32–41.

¹⁶⁸ Pierotti E. Topographie ancienne et moderne de Jérusalem. Lausanne, 1869. P. 160.

¹⁶⁹ Там же.

легендарных Судных врат; обращение к авторитету Ф. де Сольси¹⁷⁰, известному в науке не столько варварскими раскопками Царских гробниц в Иерусалиме в 1863 г., сколько многочисленными произвольными топографическими идентификациями Содомы и Гоморры, Иерихона, революционными подходами к реконструкции ветхозаветного храма и др.¹⁷¹; упоминание Э. Ренана¹⁷², изучавшего в 1861 г. Палестину, имея перед глазами, как он сам говорил, лишь Новый Завет и сочинения Иосифа Флавия. О таком же научном инструментарии при исследовании Святой Земли пишет и сам Э. Пьеротти: «не имея никаких других руководств, кроме Библии, Иосифа Флавия и нескольких древних авторов, я начал проводить многочисленные раскопки...»¹⁷³.

Вместе с тем ясно, что Э. Пьеротти в приведенном фрагменте сводит вместе все собранные им сведения о камнях, характерных, как тогда считалось, для эпохи Соломона и Ирода. Его цель – показать, что именно он первым дал надежное (для своего времени) археологическое определение местоположения Второй городской стены.

Нам не удалось обнаружить никаких свидетельств, подтверждающих, что Э. Пьеротти вообще когда-либо занимался раскопками на Русском месте. Действительно, министр иностранных дел России А.М. Горчаков поручил начальнику Русской Духовной Миссии епископу Кириллу (Наумову) скрытно заняться поиском свободных участков земли. В феврале 1858 г. на

¹⁷⁰ Цитируя приведенный нами фрагмент из книги Э. Пьеротти, Сент-Аньян добавляет, что идентификация остатков стены на Русском месте в качестве второй стены древнего Иерусалима сделана Э. Пьеротти по согласованию с Ф. де Сольси. V.-P. Laurent de Saint-Aignan. *La topographie ancienne de Jérusalem d'après M. Pierotti*. Paris, 1872. P. 46. Де Сольси вторично (причем по поручению Наполеона III) посетил Иерусалим в 1863–1864 гг., произвел не только обследования местных памятников, но и раскопки Царских гробниц. Его задачей было собрать доказательства для подтверждения своих прежних датировок палестинских памятников. Однако после возвращения из Палестины он отказался публиковать материалы своих исследований прежде, чем о том же напишут его научные противники, т. е. Вогюз. Герц К.К. Новые труды по археологии Древнего Востока, Греции и Рима // Герц К.К. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1901. С. 102–103. Конечно, если предположить, что Ф. де Сольси прибыл в Иерусалим для сбора фактических данных, имея своим главным антагонистом Вогюз, он просто обязан был увидеть то же, что видел Вогюз и тем более посетить место, где он производил раскопки на русском участке в 1861 г. Можно надеяться, что свидетельства об этом будут обнаружены при изучении переписки Ф. де Сольси или документов его архива. О второй экспедиции Ф. де Сольси см. также: Герц К.К. Сочинения. Т. 7. С. 336–338.

¹⁷¹ М. де Вогюз деликатно говорит, что в своем исследовании не решился примкнуть к теории Ф. де Сольси, которая в таком случае «ни больше ни меньше совершенно перевернула бы историю искусства и логическим следствием которой должно было бы стать сожжение всех книг по археологии, написанных за последние полвека. В самом деле, она полностью подрывает все принятые классификации, поскольку наиболее отдаленным эпохам приписывает архитектурный характер, который до сих пор считали присущим эпохе заката греческого искусства». См.: Vogüé C.-J.-M., de. *Le Temple de Jérusalem, monographie du Haram-Ech-Chérif, suivie d'un essai sur la topographie de la Ville Sainte*. Paris, 1864. P. VII.

¹⁷² С. М. де Вогюз Э. Ренан, очевидно, пересекся в Иерусалиме. Таким образом, вполне вероятно, что Ренан посетил Русское место, когда на нем работал Вогюз, и, возможно, принял участие в этих работах. В результате внезапной смерти сестры Э. Ренана в Бейруте последний не смог продолжить экспедицию на Кипре и попросил М. де Вогюз заменить его. Раскопки на Кипре М. де Вогюз осуществил в начале 1862 г. См. также: Герц К.К. Новые труды по археологии Древнего Востока, Греции и Рима // Герц К.К. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1901. С. 101–102.

¹⁷³ Pierotti E. *Topographie ancienne et moderne de Jérusalem*. Lausanne, 1869. P. 7. Тут любопытным кажется то, что два схожих принципа привели Пьеротти и Ренана к совершенно различным результатам.

это коптское место епископу Кириллу указал именно Э. Пьеротти.¹⁷⁴ В 1858–1859 гг. Э. Пьеротти также, примерно около года, состоял на русской службе при архитекторе М.И. Эппингере¹⁷⁵ и, вероятно, мог участвовать в обсуждении планов обустройства участка. С марта 1858 г. он сотрудничал с начальником Русской Духовной Миссии епископом Кириллом¹⁷⁶, по просьбе которого делал какие-то чертежи¹⁷⁷, и выстроил цистерну на участке Кушелева-Безбородко в Мамилле¹⁷⁸. В апреле 1859 г. выяснилось, что Э. Пьеротти не передал по назначению деньги, присланные ему Кушелевым-Безбородко для расчетов с русским консульством и Духовной Миссией¹⁷⁹. После разбирательств с консулом В.И. Доргобужиновым Э. Пьеротти в счет погашения причитавшейся консульству суммы согласился продать российскому правительству принадлежавший ему на Мейдаме участок земли¹⁸⁰. Финансовые претензии к нему со стороны епископа Кирилла (Наумова) были урегулированы только при содействии консулов России и Франции¹⁸¹. После этого репутация Э. Пьеротти в глазах всех русских представителей была подорвана и любые отношения с ним были прерваны. Таким образом, когда В.И. Доргобужинов в начале июля 1859 г. производил первую пробную расчистку на Русском месте, Э. Пьеротти не мог быть приглашен для исполнения этих работ¹⁸².

Важно отметить, что в своей основной книге по археологии и топографии Иерусалима Э. Пьеротти дважды рассказывает о раскопках на Русском месте, не сообщая при этом о своем личном участии и тем более о своем руководстве этими работами. Хотя он сбивается в датах, указывая то 1859 г., то 1860 г., но он и не думает еще спорить с М. де Вогюз о приоритете сде-

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 161 СПбГА. II-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 17-18 (подлинник на итальянском языке), русск. пер. Л. 3-8. Подробнее об участии Э. Пьеротти см.: Вах К.А. Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 120–139.

¹⁷⁵ Э. Пьеротти был нанят Б.П. Мансуровым в 1858 г. и служил при Русском консульстве до конца апреля 1859 г., занимаясь преимущественно вопросами покупки и оформления земельных участков на Мейдаме и в Мамилле, купленных графом Кушелевым-Безбородко. См.: Мансуров Б.П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме. По поводу русских раскопок близ Храма Гроба Господня. М., 1885. С. 11–12.

¹⁷⁶ Вах К.А. Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 128.

¹⁷⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 71об.

¹⁷⁸ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 95; Pierotti E. Topographie ancienne et moderne de Jérusalem. Lausanne, 1869. P. 125.

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 70-70об.

¹⁸⁰ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 85об. Ранее мы ошибочно полагали, что продажа Пьеротти своего участка России практически за ту же цену, по которой он покупал его, может характеризовать его исключительное отношение к своим обязанностям как нештатного сотрудника русского консульства. См.: Вах К.А. Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 129.

¹⁸¹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 71об.

¹⁸² «Пьеротти не делал на нашем месте никаких открытий и не мог делать таковых, ибо он устранился от всяких работ на русских землях до приступа к расчистке участка...». См.: Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 27. Теперь мы имеем документальное подтверждение этим словам.

ланных там открытий, зато четко говорит о том, что раскопки осуществили сами русские. Вот эти свидетельства:

1. «В 1858 году русская миссия в Иерусалиме, по моему предложению, получила участок земли рядом с церковью Воскресения на востоке. В 1859 году они убрали накопленный мусор, и во время работы был обнаружен угол еврейской стены; камни которых были обработаны до глубины 4 или 5 линий и тщательно подогнаны; это были остатки реставрации времен Ирода на древнем фундаменте стены Соломона»¹⁸³.

2. «Земельный участок, на котором находятся руины Святой Марии, был приобретен русскими в 1858 году. В 1860 году они начали убирать мусор и землю, накопленные веками, чтобы заложить фундамент дома для консульства; и в ходе расчистки были обнаружены фрагменты стен и зданий более ранней даты, чем крестовые походы. История сообщает нам, что некоторые дома были построены на этом месте местными рабочими для амальфийских торговцев; и в соответствии с этим мы не находим в этих останках ту точность и безупречность исполнения, которые характеризуют работу, выполненную европейцами. Я пытался соединить стены с изуродованным зданием; но я нашел невозможным восстановить их в достаточной степени, чтобы составить какой-либо план; разрушения, нанесенные временем и людьми, слишком велики. Я уже упоминал, что фрагменты древней еврейской стены были найдены во время раскопок на этом же участке земли, которые можно связать с найденными на восточной стороне этого участка колоннами из черного гранита: остатками портика. М. де Вогюэ, который прибыл в Иерусалим после моего отъезда, в ходе раскопок, несомненно, сделает дальнейшие открытия. Надо надеяться, что вскоре мы получим их описание, сделанное умелым и опытным исследователем»¹⁸⁴.

Несмотря на появившееся в Англии в 1864 г. во всех отношениях капитальное двухтомное издание *Jerusalem Explored*¹⁸⁵, несмотря на замеча-

¹⁸³ Pierotti, E. *Jerusalem Explored, Being A Description of the Ancient and Modern City, with Numerous Illustrations Consisting of Views, Ground Plans and Sections*. Vol. I. London, 1864. P. 130. «In 1858 the Russian mission at Jerusalem, by my suggestion, obtained a piece of land near to the church of the Resurrection on the east. In 1859 they cleared away the accumulated rubbish, and during the work a corner of a Jewish wall was discovered; the stones of which were rusticated to a depth of 4 or 5 lines, and carefully finished; these were the remains of a restoration of the time of the Herods on the ancient foundation of Solomon's wall».

¹⁸⁴ Pierotti, E. *Jerusalem Explored, Being A Description of the Ancient and Modern City, with Numerous Illustrations Consisting of Views, Ground Plans and Sections*. Vol. I. London, 1864. P. 125-126. «The plot of land on which are the ruins of S. Mary Latin was acquired by the Russians in 1858. In 1860 they began to clear away a quantity of rubbish and earth, the accumulation of centuries, in order to lay the foundations of a house for the Consulate; and, in the course of the removal, fragments of walls and buildings were found of an earlier date than the Crusades. History informs us that some houses were erected on this spot by native labourers for the Amalfi merchants; and in accordance with this we do not find in these remains that precision and perfectness of execution which characterizes work executed with European aid. I endeavoured to connect the walls with the mutilated building; but I found it impossible to restore them sufficiently to draw out a plan of any sort; the ruin wrought by time and man is too complete. I have already mentioned that some remains of an ancient Jewish wall were found during the excavations in this same plot of land, and now add that, below it, near to the street on the east, there seems to have been a portico, some fragments of columns of black granite having been found there. M. de Vogüé, who arrived at Jerusalem after my departure, and during the progress of the excavations, will no doubt have made further discoveries; and it is to be hoped that before long we shall have them described by so able and learned an explorer».

¹⁸⁵ Pierotti E. *Jerusalem explored: being a description of the ancient and modern city, with numerous illustrations consisting of views, ground plans, and sections*. Vol. 1-2. London, 1846

тельные планы Иерусалима, на книги по истории и этнографии Палестины, Э. Пьеротти так и не стал своим в кругу профессиональных исследователей Святой Земли. Его известный многим авантюризм отбрасывал тень на его достижения в археологии Иерусалима. Однако его одержимость, с которой он пытался исследовать древности, вызывала, и вызывает до сего дня, искреннее сочувствие. Приведем его слова, которыми он заканчивает и свою последнюю книгу о Иерусалиме, и свой путь в науке: «Это все, что я могу сказать о древней топографии Святого Града. Мне удалось показать читателю, что в Библии много сведений о топографии и что я хорошо понял Иосифа [Флавия]. Я верю ему, а тем, кому этого недостаточно, я вновь повторю: отправляйтесь в Иерусалим, путешествуйте, изучайте, копайте, но не оставайтесь в Европе, уж коль вы с такой решительностью и самоуверенностью собираетесь писать на тему, совершенно вам не знакомую, поскольку вы не исследовали местность, которая одна может рассказать вам о топографии города столь древнего и столь интересного в историческом и религиозном отношении. Вперед! Вот Иерусалим, он ждет вас! Исследователю откроются его сокровища, тяжкие труды увенчаются успехом, и, возможно, вы окажетесь удачливее меня и добавите свои открытия к тем, которые уже сделал я»¹⁸⁶.

Промежуточные итоги исследований

Древности на восточной стороне коптского участка вдоль Базарной улицы оказались вовлеченными в один из наиболее принципиальных вопросов иерусалимской топографии своего времени: о месте прохождения Второй стены и о подлинности Гроба Господня. Их горячее обсуждение можно считать самым старым научным спором в области «современных» исследований Иерусалима. Кроме этого, обнаружение колонн и пилястров прямо за Храмом Гроба Господня позволило вывести на новый уровень изучение архитектурной истории базилики императора Константина.

Но, как мы видим, до 1859 г. никто из упомянутых исследователей, кроме, возможно, К. Тишендорфа и Э. Пьеротти, не заходил на коптский участок, ограничиваясь его осмотром со стороны турецких лавок на Базарной улице. Никакие иные древности, кроме обнаруженных в этом месте еще Е. Шульцем колонн, пилястра и фрагмента каменной кладки, до 1859 г. зафиксированы не были.

Дальнейшее изучение местности, как и ответы на возникавшие вопросы или сомнения, могли дать только раскопки, но учитывая плотность застройки вокруг Храма Гроба Господня, сделать это было крайне непросто. Лишь с появлением в Иерусалиме русского консульства и представителей Палестинского комитета, вслед за приобретением ими Коптского места, появилась возможность впервые провести археологическое исследование в данной местности. При этом книга М. де Вогюз, основанная на материалах его экспедиции в 1853 г., стала отправной точкой для идентификации и изучения древностей, открытых тут в 1859–1860 гг. В.И. Доргобужинным и М.И. Эппингером.

¹⁸⁶ Pierotti E. Topographie ancienne et moderne de Jérusalem. Lausanne, 1869. P. 174–175.

Раскопки Палестинского комитета в 1859–1861 гг. и их результаты

Цель приобретения участка в 1859 г.

По свидетельству Б.П. Мансурова, решение о покупке участка возле Храма Гроба Господня принималось не для «непременной постройки на нем дома консульства, а для успокоения всех тех, которые в то время сильно осуждали нас за решимость выстроить все русские заведения вне городской черты... Нам нужно было обеспечить возможность, в случае необходимости, устроить в возможной близости к Храму Гроба Господня такое подворье¹⁸⁷, в котором и Русская Духовная Миссия, и наши поклонники могли бы находить временный приют в течение тех часов вечера и раннего утра, когда городские ворота еще не были отперты, а Храм Гроба Господня уже затворялся»¹⁸⁸.

Представление об археологическом значении Русского места у Храма Гроба Господня в 1859 г.

Несомненно, еще до оформления сделки консулу В.И. Доргобужинкову было известно, что приобретается земля, на которой могут находиться какие-то древние постройки, а в связи с близостью Храма Гроба Господня, скорее всего, очень важные с религиозной точки зрения. Именно для того, чтобы прояснить этот вопрос, консул уже в июле 1859 г. решает заняться раскопками. Эти действия можно считать скорее трендом, чем исключением для европейских дипломатов на Востоке¹⁸⁹. Почти сразу же из земли стали извлекать куски мраморных карнизов, фрагменты надписей и отдельные предметы¹⁹⁰. Приоритет археологических раскопок на Русском месте однозначно вышел на первый план, а вопрос о строительстве на приобретенном участке был отложен на неопределенное время. Причиной этого решения

¹⁸⁷ См. письмо Б.П. Мансурова директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому от 21.03.1859 г.: «Дозволение на постройку в Иерусалиме консульского дома испрашивается мною потому, что нам необходимо устроить в самом Св. Граде подворье для Русской Духовной Миссии, – а при необходимости строить главное русское странноприимное заведение вне города, было бы, может быть, неудобно ходатайствовать пред Оттоманскою Портою о дозволении устроить другие подобные заведения в самом Иерусалиме». АВПРИ. Ф. СПбГА. II-9. 1857. Д. 17. Ч. 1. Л. 54-54об.

¹⁸⁸ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 23. К числу влиятельных в Петербурге критиков данного решения принадлежал и А.С. Норов, входивший в неофициальный Иерусалимский комитет (преобразован в середине 1859 г. в Палестинский), собиравшийся у великого князя Константина Николаевича в 1858 г. Описывая русское строительство в Иерусалиме в 1861 г. Авраам Сергеевич считал, что единственное связанное с ними неудобство как раз и состоит в том, что они находятся вне городских стен. Норов А.С. Палестина и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова / Под ред. В.Н. Хитрово. СПб., 1878. С. 29-30

¹⁸⁹ В 1842–1844 гг. французский генеральный консул в Мосуле П.-Э. Ботта, пытаясь найти библейскую Ниневию, в результате предпринятых им раскопок впервые обнаружил остатки ассирийского дворца Саргона II. Его преемник В. Плас в 1851–1854 гг. продолжил археологические работы и обнаружил уникальную клинописную библиотеку на металлических пластинах. С именем британского посла в Константинополе С. Каннинга связаны обнаружение и организация раскопок галикарнассского мавзолея в Будруне в середине XIX в. и т. д. Не говоря уже о работах в Иерусалиме прусских консулов Е. Шика и Г. Розена.

¹⁹⁰ [Леонид (Кавелин), Мансуров Б.П.] Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине. Прил. к № 13 Морского сборника. СПб., 1860. С. 53; Nagorsky A. The nineteenth-century Excavation at the Chapel of St. Alexander Nevsky... P. 163.

«стало обилие археологических древностей на приобретенном участке»¹⁹¹. В утвержденном императором Александром II 21 апреля 1860 г. проекте строительства русских паломнических приютов¹⁹² никакого здания тут запланировано не было¹⁹³.

Раскопки консула В.И. Доргобужина и архитектора М.И. Эппингера в 1859–1862 гг.

По словам Б.П. Мансурова, подкрепленным документами финансовых отчетов, расчистка участка началась почти сразу после его приобретения – в начале июля 1859 г.¹⁹⁴. Удалось обнаружить и свидетельство консула В.И. Доргобужина, сделанное буквально в самом начале раскопок.

«В подземельях городского, бывшего Коптского, места я нашел своды чуть не из циклопических камней. Большая часть их – размером с $\frac{1}{2}$ кубических четвертей. Стоимость одного такого камня теперь доходит до 500 пиастров¹⁹⁵. Подвальный этаж нашего будущего консульского дома будет завидной прочности. Откопано пока очень немного с целью помешать воровству. С приездом академика Эппингера явится возможность начать систематически правильную очистку подземелий от мусора и развалин нескольких поколений. Я рассчитываю на какую-нибудь археологическую находку: место обок с Храмом Воскресения; в отрытых частях сводов мы отрыли уже кое-какие знаки, например, пять крестообразных знаков, как бы вдавленных в камень пальцем и залитых свинцом. Все это чрезвычайно интересно. Но процессов не оберешься: я уже теперь ратую с одним из местных ябедников, объявившим претензию на право владения частью наших подземелий. У них нет документов, и доказать несостоятельность его притязаний будет дело нетрудное. Но греки захватили – вот уже несколько лет – часть наших подземелий, в другом угле, – силою у коптского священника, слишком их боявшегося, чтобы начать процесс. С этими господами, по приезде, Бог даст, Мансурова, придется вести дело крайне осторожно и только путем согласительным, а не гласно спорным»¹⁹⁶.

Своды, о которых идет речь, принадлежали известной теперь арке. Таким образом, именно она была первой обнаружена в процессе начавшихся раскопок.

Записка В.И. Доргобужина о древностях на русском участке.

О том, что В.И. Доргобужин занимался не просто расчисткой участка для будущего строительства, а проводил именно археологические раскопки, пытаясь выяснить значение и характер обнаруженных им остатков древно-

¹⁹¹ Лисовой Н.Н. Откровение Святой Земли. Путеводитель. М., 2012. С. 93.

¹⁹² Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские Постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 31.

¹⁹³ Нужно добавить, что вопрос о строительстве был отложен по формальным основаниям: требовалось расширить существующий участок за счет покупки соседних турецких лавок и хлебопекарни.

¹⁹⁴ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 20.

¹⁹⁵ Имеется в виду стоимость аналогичного строительного материала. В качестве древностей такие предметы не фигурировали и, соответственно, не оценивались.

¹⁹⁶ В.И. Доргобужин – Д.А. Оболенскому. Иерусалим. 5/17 июля 1859 г. АВПРИ. Ф. СПбГА. II-9. 1857. Д. 17. Ч. 1. Л. 98об.

сти, свидетельствует составленная им летом 1860 г. и поданная в феврале 1861 г. главе Палестинского комитета великому князю Константину Николаевичу записка¹⁹⁷.

В.И. Доргобужинков в попытке прояснить «историческое и археологическое значение нашего участка» опирается на книгу М. де Вогюэ, вышедшую в 1860 г.¹⁹⁸, поскольку она была гораздо новее трудов Уильямса и Тоблера, а также представляла собой некоторый итог всех прежних исследований в отношении базилики Константина и Храма Гроба Господня. Хотя выводы автора основываются на материалах его исследований в 1853 г. и не учитывают находки 1859–1860 гг., но для В.И. Доргобужинкова эта книга служит мостом, связывающим открытые русскими на своем участке памятники с общей традицией археологического изучения Иерусалима. Предложенная М. де Вогюэ реконструкция плана базилики императора Константина без учета открытых В.И. Доргобужинковым и М.И. Эппингером стен и арки провоцировала желание вписать в этот план результаты раскопок. Это была чисто научная задача. Для ее решения академик Эппингер специально составил подробный план русского участка и открытых на нем древностей и совместил его с планом М. де Вогюэ, сделанным по обмерам 1853 г. В результате проведенных обмеров и сравнения результатов с данными М. де Вогюэ М.И. Эппингер несколько исправил его план «в соответствии с дополнительными, сделанными им самим, измерениями»¹⁹⁹. Однако и сам он допустил ошибку, неверно указав расположение пещеры обретения Святого Животворящего Креста²⁰⁰.

В своем споре с Палестинским Обществом, пытаясь восстановить справедливость в отношении тех, кто потратил и силы, и значительные ресурсы на проведение раскопок в 1859–1861 гг., Б.П. Мансуров многократно ссылаясь на эту записку. В декабре 1885 г. В.Н. Хитрово опубликовал спешно написанный ответ на книгу Б.П. Мансурова²⁰¹, в котором без каких бы то ни было новых доказательств, полностью игнорируя документальные свидетельства, озвученные Б.П. Мансуровым, повторялись старые утверждения о том, что на небольшом русском участке планировали построить дом для консульства и гостиницу для паломников на 1 000 человек²⁰². Там же В.Н. Хитрово ссылается на опубликованные в 7-м выпуске Палестинского сборника два отчета (написанные, по его словам, весной и осенью 1860 г.) о работах, произведенных на русском участке, и делает заключение, что «из обоих этих донесений явствует,

¹⁹⁷ «В этой записке излагается подробное историческое, топографическое и археологическое описание нашего участка с указанием на исследования графа Вогюэ и на возможность нахождения в наших руках остатков атриума, портика и пропилеев константиновской базилики». См.: Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 40.

¹⁹⁸ Vogüé C.-J.-M., de. Les Églises de la Terre Sainte. Paris, 1860.

¹⁹⁹ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 24.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Хитрово В.Н. Научное значение раскопок, произведенных Православным палестинским Обществом на Русском месте близ Храма Гроба Господня в Иерусалиме. СПб., 1885. 44 с.

²⁰² Хитрово В.Н. Научное значение раскопок... С. 6.

что писавшие их видели на этом месте лишь то, что видел в 1853 г. граф Вогюэ»²⁰³. Вероятно, составленный «осенью 1860 г.» отчет – это и есть записка В.И. Доргобужина. Однако самое интересное заключается в том, что указанных В.Н. Хитрово в ссылке страниц (С. 143–153), на которых помещались эти отчеты, в 7-м выпуске Палестинского сборника не оказалось. Свидетельства В.И. Доргобужина и М.И. Эппингера о работах на русском участке в 1859–1860 гг. бесследно исчезли из опубликованного Палестинским обществом отчета о его раскопках в 1883 г.

Общий объем археологической расчистки на Русском месте

С прибытием в Иерусалим архитектора М.И. Эппингера в ноябре 1859 г. раскопки приняли планомерный и масштабный характер. Официально их именовали расчисткой участка и финансировали из средств, выделенных на строительство русских богоугодных заведений. Из-за того, что на узкой части участка, граничившего с лавками Греческой Патриархии, часть греческих подвалов заходила на русскую территорию, копать там было невозможно. Поэтому раскопки начались на широкой площадке, между абиссинским монастырем, турецкими лавками и хлебопекарней. 80 ослов совершали каждый по 13 рейсов в день. С ноября 1859 по март 1860 г. с площади 910 м² (200 кв. саженей) было вывезено более 200 тыс. выюков²⁰⁴.

Объем снятого и вывезенного в 1859–1862 гг. на Русском месте культурного слоя был очень большим. К. Шик еще до начала работ в 1883 г. предположил, что на Русском месте археологов ожидает культурный слой высотой в 7–8 метров, потому что Патриархия на соседнем участке копала траншею под фундамент какого-то здания на глубину 10,5 метра²⁰⁵. Но в ходе раскопок оказалось, что самое глубокое место на русском участке составило не более 2,5 метра, а по всему остальному периметру глубина не была более 1,5 метра²⁰⁶. Таким образом, в результате расчистки участка в 1859–1862 гг. был снят слой примерно в 8,5 метра высотой, что вполне нормально для культурного слоя Иерусалима²⁰⁷. Стоимость этих работ в наиболее интенсивный период: с июля 1859 по сентябрь 1860 г. – составила очень большую сумму – 6641 руб.²⁰⁸.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ АВПРИ. Ф. Главархив. II-9. Оп 46. 1850. Д. 27. Л. 10об. По свидетельству архимандрита Антонина (Капустина) в 1883 г. в его распоряжении было 20 ослов и 12–14 рабочих. За два месяца раскопок с 7 марта по 9 мая он вывез всего 13 100 выюков. Если принять, что работа шла 60 дней, получается, что в день каждый осел совершал не более пяти рейсов, вывозя одновременно два переметных тюка. Т. о. масштаб раскопок 1883 г. по объему снятого слоя не сопоставим с раскопками 1859–1861 гг. См.: Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. 3.

²⁰⁵ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. 61. Тут и далее старорусские меры длины переведены в метрическую систему.

²⁰⁶ Там же. С. 62

²⁰⁷ В данном контексте совершенно не понятно, на чем основано утверждение, что во время раскопок 1883 г. культурный слой на русском участке доходил до 10 метров глубины. Лисовой Н.Н. Откровение Святой Земли. Путеводитель. М., 2012. С. 93.

²⁰⁸ По курсу на 1885 г. в пересчете Б.П. Мансурова – 9 706 кред. руб. См.: Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 20, 32.

Понятно, что успешные археологические исследования ИППО в 1883 г. с капиталом в 1 600 руб.²⁰⁹ стали возможны лишь благодаря проведенным тут ранее раскопкам силами российского консульства в Иерусалиме, Палестинской комиссии, а после них и некоторых европейских ученых²¹⁰. Две хорошо известные фотографии Ч. Уильсона, снятые в 1864 г. возле арки и древней стены, как раз показывают масштаб проведенных В.И. Доргобужинским и М.И. Эппингером в 1859–1860 гг. работ и глубину снятого тут грунта. То же демонстрирует и рисунок арки, опубликованный в книге М. де Воюэ в 1864 г.²¹¹

Б.П. Мансуров перечислил то, что было расчищено именно русскими в 1859–1862 гг. В привязке к плану раскопок 1883 г., составленному о. Антонином после их завершения, список этот выглядит следующим образом:

1. Все «древнееврейские» стены, отмеченные буквами *a, б, x, ч*.
2. Помост – *с*.
3. Верхняя часть арки – *ш*.
4. Пилястр – *ф* и колонны *я, я, я*.

При этом М.И. Эппингер выстроил на участке две новые фундаментальные стены; одну – разделяющую подвал *Е* от магазина *Л*, и вторую подпорную, отмеченную на плане буквой *м*. Кладка этих стен основана на природной скале: «явное доказательство того, что в 1860 и 1862 гг. раскопки русского архитектора доходили в двух пунктах до той же глубины, которой достиг о. архимандрит Антонин в 1883 году»²¹².

Публикации о раскопках на Русском месте в 1860–1863 гг.

Одним из главных аргументов В.Н. Хитрово, подтверждающим его тезис о том, что Палестинский комитет в начале 1860-х гг. не уделял внимания изучению приобретенной территории у Храма Гроба Господня, – было указание на практически полное отсутствие опубликованных сведений об археологическом и историческом значении обнаруженных древностей. Это признавал и Б.П. Мансуров, поясняя при этом, что в 1860–1864 гг. деятели Палестинского комитета в Иерусалиме были поставлены в сложное положение из-за необходимости договариваться о покупке прилегающих участков. Любая публикация результатов раскопок, свидетельствующая о большой ценности находящихся на Русском месте древностей, об интересе к ним, влияла не только на стоимость соседней земли, но и на саму возможность такой покупки²¹³.

²⁰⁹ На работы по расчистке участка в 1883 г. было потрачено только 1 500 руб. См.: Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. 36.

²¹⁰ Полный перечень работ по расширению территории и раскопкам на Русском месте см.: Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 39–41.

²¹¹ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. 36. С. 127.

²¹² Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 33.

²¹³ Историю округления Русского места в 1860–1864 гг. см.: Вах К.А. Иерусалимский консул К.А. Соколов: между Палестинским комитетом, Русской Духовной Миссией и Греческой Патриархией. (Причины «консервации» Русских раскопок на участке у Храма Гроба Господня в Иерусалиме) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 9. М., 2019. (В печати)

Кроме того, не будучи специалистами в археологии или знатоками древностей, ни В.И. Доргобужинов, ни М.И. Эппингер, ни сам Б.П. Мансуров не считали себя вправе делать научные выводы или предлагать гипотезы на основании открытых ими археологических свидетельств.

Однако признание собственной научной некомпетентности приводило к взаимодействию с теми, кто этой компетенцией обладал. Первые консулы В.И. Доргобужинов (сентябрь 1858 – июнь 1860), К.А. Соколов (июль 1860 – декабрь 1862) и А.Н. Карцов (март 1863 – 1867) во всем, что касалось древностей на Русском месте, довольно тесно контактировали с европейскими археологами. Результатом стало вполне научное и внимательное отношение российских дипломатов к открытым археологическим памятникам. Возможно, включенностью в археологическую проблематику в Иерусалиме объясняется просвещенный взгляд А.Н. Карцова на сохранение памятников: «Мне лично кажется, что вывоз из Палестины древностей, открываемых учеными путешественниками разных наций, совершенно бесполезен – несравненно больший для всего ученого мира интерес имели бы эти памятники, оставаясь, под должным наблюдением властей, на своих местах, где они могли бы с большим успехом служить доказательствами совершившихся событий и в совокупности впоследствии способствовать к полному уяснению топографии древнего Иерусалима, о которой до настоящего времени так много противоречащих мнений»²¹⁴.

В течение четырех лет о результатах раскопок или о русском участке с древностями в Старом городе упоминалось в отчетах, публиковавшихся совместно Б.П. Мансуровым и архимандритом Леонидом (Кавелиным). Ранее не обращалось внимания на то, что эти сведения публиковались в научно-справочных изданиях Императорской Академии Наук: Месяцеслове и Академическом календаре. Соответственно, они предназначались для научного сообщества и читателей этих изданий. Это обстоятельство, конечно, надо иметь в виду. Возможно, более подробные сведения о раскопках, произведенных В.И. Доргобужиновым и М.И. Эппингером, будут отысканы в архивах. Мы располагаем лишь уже приведенным выше письмом В.И. Доргобужинова и его Запиской о раскопках на Русском месте, в которой сделаны все основные выводы об археологическом значении как самого участка, так и обнаруженных на нем памятниках. Записка В.И. Доргобужинова публикуется нами в приложении.

Обнародованные Палестинским комитетом сведения в хронологическом порядке выглядят следующим образом:

1860 год.

«На сем месте находятся развалины вековых сводов, относящихся, вероятно, к эпохе римского владычества в Палестине и содержащих, без сомнения, замечательные остатки древности. У входа стоят две разбитые мраморные колонны, принадлежащие, как говорят, древней паперти, окружавшей Храм Гроба Господня, а при начатии очистки подземелий, уже

²¹⁴ Слова, сказанные по поводу варварских раскопок Гробницы царей близ Иерусалима, проведенных Ф. де Соси в 1863 г. См.: Чехановец Я., Вах К. Российский консул, евреи Иерусалима и первые раскопки на Святой Земле // Иерусалимский православный семинар. Вып. 5. М., 2014. С. 198.

найлены огромные обвалившиеся мраморные и гранитные корниши, бронзовые вещи и надписи, высеченные в камне. Весьма важно и любопытно будет исследовать все, что содержит этот участок, но, к сожалению, сделанные изыскания обнаружили, что очистка подземелия потребует долгих работ и больших расходов, ибо здесь оказалась насыпь развалин и векового мусора, вышиною более пяти сажень. Очистка подземелий начата была в 1859 году и будет производиться по мере средств»²¹⁵.

1861 год.

«Принадлежащее нам место в самом Святом Граде Иерусалиме, в смежности с Храмом Гроба Господня, очищается от находившейся над ним толщи мусора в 5 сажень высоты. При очистке этой отрыты в подземельях остатки портиков и пропилей, образовывавших главный вход в преддверие древнего Святогробского храма времен св. равноапостольного царя Константина»²¹⁶.

1862 год.

Третий отчет, опубликованный в «Приложении к Месяцеслову на 1863 год»²¹⁷, в общих чертах повторяет отчет 1860 года. Его задачей было подтвердить, что после произошедших в России бюрократических перемен 1861–1862 гг., Палестинский комитет продолжает пользоваться покровительством великого князя Константина Николаевича и Императорского Дома в целом, строительные работы в Иерусалиме продолжаются полным ходом, пожертвования на общее иерусалимское дело поступают и т. д. О раскопках на Русском месте сказано следующее: *«Место в Св. Граде; оно отстоит от Храма Гроба Господня лишь на несколько шагов и находится позади греческого Авраамиевского монастыря, в смежности с жилищами абиссинов, окружающими купол подземной церкви Обретения Святого и Животворящего Креста Господня. К этому месту открыто и свободно обращена восточная часть Храма Гроба Господня, а именно окна алтаря греческой церкви Воскресения Христова, тогда как со всех других сторон Храм Пресвятого Гроба загроможден разными зданиями. При очистке этого места от толщи мусора в 5 саж. высоты, открыты там остатки портиков и пропилей, образовавших главный вход в преддверие древнего Святогробского храма времени св. равноапостольного царя Константина»*²¹⁸.

1863 год.

«Пользуясь удобным случаем, <Палестинский> комитет выписал из Иерусалима заказанную там искусному художнику <К. Шику> модель внешнего вида Храма Гроба Господня, составленную из разбирающихся частей

²¹⁵ [Леонид (Кавелин), Мансуров Б.П.] Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине. Прил. к № 13 Морского сборника. СПб., 1860. С. 53.

²¹⁶ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 17–18. Опубликовано в Академическом календаре на 1862 г.

²¹⁷ [Леонид (Кавелин), Мансуров Б.П.] Отчет о русских сооружениях, воздвигаемых в Иерусалиме для улучшения быта православных поклонников // Месяцеслов на 1863 год. Раздел: Приложения к Месяцеслову на 1863 год. Отдельная пагинация. СПб., 1862. С.31–66. С прил. 5 листов гравюр.

²¹⁸ Там же. С. 54. Курсивом выделен фрагмент, напечатанный в отчете о раскопках 1883 г. См.: Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып.7. С. 121.

и показывающую во всей подробности всю массу пристроек, окружающих и прикрывающих древний храм с трех сторон. Излишне и говорить о занимательности этой модели для всех, интересующихся топографией Иерусалима и изучающих историю и археологию Святого Града. Достаточно припомнить, что весьма сложные исторические и политические вопросы связаны были именно с вопросами, касающимися топографии Храма Гроба Господня»²¹⁹.

Очевидно, что Палестинским комитетом была сделана первая попытка включить археологические результаты раскопок на Русском месте в научный компендиум знаний о топографии Храма Гроба Господня.

Почему молчали русские исследователи Палестины А.С. Норов и архимандрит Леонид (Кавелин)

Среди людей, состоявших в очень близких отношениях к Палестинскому комитету, были не только дипломаты, но и ученые, чьи имена связаны с исследованием Святой Земли. Это архимандрит Леонид (Кавелин) и А.С. Норов.

Иерусалимский археолог Алла Нагорская делает предположение, что честь открытия колонн базилики Константина на русском участке и одновременно идентификация их с Судными воротами могла принадлежать А.С. Норову²²⁰, упредившему в этом отношении и архимандрита Антонина (Капустина), и В.Н. Хитрово. Однако из слов самого Авраама Сергеевича следует, что в 1835 г. он проходит по единственному известному в то время Крестному пути, топография которого восходит к средневековой католической традиции. А.С. Норов точно описывает известные тогда Судные ворота, отмеченные колонной²²¹. При этом на принадлежавшем коптам месте он в 1835 г. не мог увидеть больше того, что увидел в 1843 г. Е. Шульц: вместо «водруженной колонны» там могли находиться лишь три малозаметных черных гранитных столба, вмонтированные не то в стену, не то в насыпь на южной стороне Базарной улицы.

Об «ущелвших» Судных вратах, «которыми прерывается так называемый Страстной путь», пишет и архимандрит Леонид (Кавелин). И уже затем он упоминает о колоннах Е. Шульца: от Судных ворот «в направлении от севера к югу, идет крытая улица, по которой видны довольно приметно следы (целые колонны) того, что прежде в этом направлении шла древняя городская стена»²²². Несомненно, и А.С. Норов, и архимандрит Леонид говорят об одном и том же месте на пересечении Via Delarosa и Базарной улицы, но архимандрит Леонид в 1860-х гг. уже знает об открытии Е. Шульца, а А.С. Норов в 1835 г. этими сведениями не располагает и сам эти гранитные колонны не упоминает.

²¹⁹ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 18. Опубликовано в Месяцеслове на 1864 г.

²²⁰ Nagorsky A. The nineteenth-century Excavation at the Chapel of St. Alexander Nevsky // The Archaeology and History of the Church of the Redeemer and the Muristan in Jerusalem / ed. by Dieter Vieweger and Shimon Gibson. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2016. P. 164.

²²¹ Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 г. М.: «Индрик», 2008. С. 59.

²²² Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М.: «Индрик», 2008. С. 98.

Судные врата с колонной отмечены на плане Э. Пьеротти под № 10²²³ и на плане Е. Шульца под № 8²²⁴ в существенном удалении от Русского места. Рисунок Судных врат и колонны приведен во втором издании книги Дж. Уильямса²²⁵. Таким образом, следует признать, что в 1835 г. Норов описывал хорошо известные со времени крестоносцев Судные врата, не более того.

И А.С. Норов, и о. Леонид (Кавелин) довольно трепетно относились к освященной веками религиозной традиции, особенно к Крестному пути. А.С. Норов негативно воспринимал попытки предложить его новую топографию, основанную на археологических данных: «Новые изыскания <...> многое затемнили от излишнего скептицизма к местным преданиям»²²⁶. Ему вторит и о. Леонид (Кавелин): «Как часто здесь предание объясняет св. Писание и дает лучше узнать красоту и возвышенность слов евангельских!»²²⁷. Однако в своих осторожно-традиционных суждениях он порой оказывался более компетентным исследователем, чем многие их современники. Описывая второе свое пребывание в Святом Граде в 1861 г., А.С. Норов заметил, что Крестный путь сохранился благодаря священной топографии событий, выраженной «подробным обозначением эпизодов мученического шествия Христа Спасителя»²²⁸. И далее: «Не верю также, чтобы какое-либо здание Иерусалима времени Спасителя осталось не разрушенным. Одни только подземные построения храма и гробницы сохранились и пророчество Спасителя относилось не до одного храма, но до всего Иерусалима, в котором не осталось камня на камне, но многие из громадных камней сохранились и послужили основанием вновь воздвигаемых зданий в Элие Капитолийской, заменившей Иерусалим»²²⁹. Его скептицизм, высказанный сразу после проведенных В.И. Доргобужинным раскопок на Русском месте, сильно

²²³ Pierotti, E. *Jerusalem Explored, Being A Description of the Ancient and Modern City, with Numerous Illustrations Consisting of Views, Ground Plans and Sections*. Vol. II. London, 1864. Pl. XXX.

²²⁴ https://de.wikipedia.org/wiki/Ernst_Gustav_Schultz#/media/Datei:Plan_von_Jerusalem_nach_den_Untersuchungen_1845.jpg (дата обращения: 12.04.2020).

²²⁵ Williams G. *The Holy city*. Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem. The second edition included an Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre by Robert Willis. Vol. 2. London. 1849. P. 58-59.

²²⁶ Норов А.С. Палестина и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова / Под ред. В.Н. Хитрово. СПб., 1878. С. 26. По сути, Норов высказал *credo*, сформулированное Дж. Вильсоном в полемике с отцом позитивистского антиклерикального подхода в Библейской археологии Э. Робинсоном: «При рассмотрении вопроса необходимо учитывать, что характер дела не допускает неопровержимых доказательств; самое большее, что мы можем ожидать, это высокая степень вероятности. И если мы сможем избавиться от неоправданного предубеждения против предания, мы будем вынуждены признать, то, что оно опирается на какие-то древние и глубокие знания о прошлом и само является частью большой и важной проблемы, а также, что оно имеет право на уважение и заслуживает некоторой степени доверия, пока его достоверность не будет явно опровергнута. По таким вопросам, как эти, кажется более безопасным и мудрым, и, безусловно, более приятным, стремиться примирить явно противоречивые свидетельства, чтобы как можно больше верить, а не противопоставлять их как совершенно взаимно-исключающие друг друга. Наша обязанность – по мере возможности защищаться от противоположных крайностей доверчивости и скептицизма». См.: Williams G. *The Holy City*. London. 1845. P. 256-257.

²²⁷ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности... С. 179.

²²⁸ Норов А.С. Палестина и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова / Под ред. В.Н. Хитрово. СПб., 1878. С. 26.

²²⁹ Норов А.С. Палестина и Синай... С. 27.

диссонировал с мнением тех, кто до и после новых раскопок Палестинского Общества в 1883 г. признавал в открытых развалинах остатки «древних городских стен I в. до Рождества Христова»²³⁰.

Вопрос: почему Норов, посетив в 1861 г. Иерусалим, ничего не говорит о Русском месте в Старом городе возле Храма Гроба Господня, раз он упоминает о том, что русские паломнические приюты было бы лучше устроить внутри города? Почему он молчит о русских раскопках возле Храма Гроба Господня, когда он интересуется новыми открытиями, посещает недавно обнаруженные Царские пещеры (каменоломни Седекии) и подземелья церкви греческого монастыря Иоанна Предтечи? С одной стороны, бросается в глаза то, что его контакты с русскими представителями в Святом Граде вообще сведены в этот момент к минимуму. Он ничего не сообщает о консуле К.А. Соколове, о начальнике Духовной Миссии епископе Кирилле (Наумове), почти ничего – о главном строителе М.И. Эппингере. По-видимому, он практически не общается с ними, находясь в качестве гостя «на территории» Иерусалимского Патриарха. Но вряд ли это помешало бы ему посетить русский участок с новыми раскопками, о которых он несомненно знал. Тем не менее он полностью игнорирует этот факт в описании своего путешествия 1860–1861 гг., хотя занимался этой книгой вплоть до своей кончины в 1869 г.

Такой же вопрос вызывает молчание другого русского знатока Иерусалима – архимандрита Леонида (Кавелина), который находился в Иерусалиме в составе Русской Духовной Миссии в 1858–1861 гг. в сане простого иеромонаха, а затем вернулся сюда уже как ее начальник в 1864–1865 гг. Б.П. Мансуров называет его «одним из замечательных русских палестинистов», а также указывает, что ему «вследствие его искренне дружеских отношений к первому русскому консулу в Иерусалиме <...> были вполне известны обстоятельства, касавшиеся покупки нами в 1859 г. места близ Храма Гроба Господня»²³¹. Архимандрит Леонид редактировал отчет о деятельности Палестинского комитета, напечатанный в Академическом месяцеслове на 1863 г., на который ссылается Хитрово. Вероятно, он был редактором и остальных отчетов Палестинского комитета. «Очевидно, что о. архимандрит Леонид <...> весьма хорошо знал и ценил открытые в 1859–1860 гг. остатки древности, и если он не говорил специально и подробно об этих остатках древности, то это объясняется какими-нибудь вескими соображениями, так и тем, что цель отчета была не археологическая, а так сказать повествовательная по отношению к новым сооружениям»²³².

«Вопиющее молчание» А.С. Норова и о. Леонида (Кавелина) относительно археологии Русского места у Храма Гроба Господня объясняется, по всей видимости, кроме свойственного им бережного отношения к церковной традиции и священному преданию, теми же соображениями, которыми руководствовались и остальные сотрудники Палестинского комитета:

²³⁰ Лисовой Н.Н. Откровение Святой Земли. Путеводитель. М., 2012. С. 100.

²³¹ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 15.

²³² Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 15.

корпоративной этикой. Все они «были убеждены в том, что нужно много познаний, специальной подготовки и в особенности терпеливой работы на месте для того, чтобы иметь право предварять суждения будущих изыскателей. Можно было с совершенно спокойною совестью оставить нетронутыми еще на долгие годы такие остатки древности, которые оказались охраненными судьбою в течение 1 800 лет, и предоставить оценку их ученым-специалистам»²³³.

Европейские консультанты Палестинского комитета.

Палестинский комитет нельзя было обвинить в научной беспечности отнесенных оказавшихся в его распоряжении древностей. Его представители: В.И. Доргобужин и Б.П. Мансуров привлекали в процессе работ для консультаций признанных специалистов.

О значении открывшихся в 1859–1860 гг. развалин Б.П. Мансурова в конце марта 1860 г. консультирует прусский консул, археолог, историк и дипломат Георг Розен (1821–1891)²³⁴. Несмотря на то что документального подтверждения знакомства Розена с археологическими раскопками на Русском месте не обнаружено, однако трудно допустить, чтобы немецкий археолог, будучи в Иерусалиме, сделал заключение о значении обнаруженных древностей, не посмотрев на них хотя бы из профессионального любопытства. К тому же Г. Розен явно не упускал возможности ближе познакомиться с интересующими его памятниками. В частности, он входил в число сопровождавших британского принца Уэльского, когда 8 апреля 1862 г. принц посетил гробницы праотцов в Хевроне²³⁵. В своей книге, изданной в 1866 г., Г. Розен на первой же странице пишет: «...как в Иерусалиме, так и в Палестине нет какой-либо стены, которую на основании внешних признаков можно отнести ранее времени хасмонеев»²³⁶. Можно предположить, что к этому утверждению Розен пришел в том числе и на основании осмотра стены на Русском месте.

Другим «консультантом» выступил К. Шик. К. Шик приехал в Иерусалим в 1846 г. и прожил в нем до своей смерти в 1901 г. Вероятно, нет такого археолога, который, работая в Иерусалиме во второй половине XIX в., не встречался бы с ним и не пользовался его советами или услугами. К. Шик не был ни профессиональным археологом, ни профессиональным архитектором, но именно эта деятельность прославила его имя в Святом Граде²³⁷. Участие и руководство различными строительными и инженерными проектами в Иерусалиме позволили ему стать археологом и непревзойденным

²³³ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 28–29.

²³⁴ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 40.

²³⁵ Philipp Wolff. Jerusalem: nach eigener Anschauung und den neuesten Forschungen von Philipp Wolff. Leipzig, 1862. P. VIII.

²³⁶ Georg Rosen. Das Haran zu Jerusalem und der Tempelplatz des Moria. Eine Untersuchung über die Identität beider Stätten. Gotha, 1866. P. 1. (Nur schüchtern wagte sich dieser Maasslosigkeit gegenüber Anfangs die Ansicht hervor, welche jetzt hoffentlich bald in der Gelehrtenwelt allgemein anerkannt sein wird, dass nämlich, wie zu Jerusalem, so überhaupt in Palästina kein sich durch äussere Form irgendwie characterisirendes Gemäuer vorhanden ist, welches über die Zeit der Hasmonäer hinausragt).

²³⁷ О нем см.: Хальфран З. Конрад Шик в Иерусалиме // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М., 2015. С. 112–134.

знатоком скрытых под многочисленными постройками остатков древних сооружений, каналов, цистерн и т. п. Кроме этого, он был известен как часовщик, столяр, изготовитель макетов.

Именно к Шик у в 1863 г. обратился Палестинский комитет, чтобы заказать «модель внешнего вида Храма Гроба Господня, составленную из разбирающихся частей и показывающую во всей подробности всю массу пристроек, окружающих и прикрывающих древний храм с трех сторон»²³⁸. В этой разбирающейся на части модели должна была быть представлена и территория Русского места, отмечены найденные на ней древности²³⁹. Для этого Шик должен был произвести обмеры и Русского участка археологических памятников. Таким образом, именно К. Шик, а не Э. Пьеротти был в числе первых европейских исследователей русских раскопок. Позднее, в 1883 г., К. Шик вновь принял участие в раскопках Палестинского Общества и составил «подробный план всей местности, между восточную часть Храма Воскресения и Базарною улицею»²⁴⁰.

Оценка Палестинским Обществом археологических работ на Русском месте.

Можно сказать, что все, кто позднее занимался раскопками и исследованием древностей на Русском месте у Храма Гроба Господня, могли делать это лишь благодаря заинтересованности российских владельцев участка в его изучении. Тем не менее в оценке Палестинского Общества все эти работы оказались малоценными, а их значение – близким к нулю.

«Очевидно, что Комиссия [*т. е. Палестинский комитет – К.В.*] не придавала никакого особенного значения отысканным на нем остаткам древности. Великолепная крестильная купель, о которой пишет К.В. Уильсон, неизвестно где ныне находится, а масса найденных пращевых камней, свидетелей разорения Иерусалима Титом, были приобретены д-ром Барклаем и выставлены им в 1869 г. в Лондоне в Дудлеевской галерее. Но и эта краткая заметка, выше нами помещаемая, касается только гранитных колонн в Сук ец-Цейт. Ни об открытии Пьеротти в 1860 г., ни о результатах раскопок, произведенных на этом месте в 1861 г., здесь не упоминается. Но и граф Вогюэ, производивший свои раскопки, только частью, не мог вывести из них особенно важных заключений, ибо направление отысканной им стены противоречило общему направлению, которое предполагали для второй иерусалимской стены. Наконец, раскопки, произведенные в 1864 г. Уильсоном, посредством трех траншей, и затем в 1872 г. Кондером, также не разъяснили дела и последнее слово, сказанное в 1884 г. столько потрудившимся для исследования Святой Земли и Иерусалима – Palestine exploration fund заключается в следующем: *Общее впечатление, вынесенное из этого исследования (остатков на Русском месте) то, что вышеупомянутый угол, вероятно, принадлежит к раннему христианскому времени и представляет подражание постройке*

²³⁸ Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 18.

²³⁹ Судьба этой модели в настоящее время неизвестна.

²⁴⁰ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. VIII.

храма, причем выступающая часть оной определяет юго-восточный угол атриума Константиновской базилики, так как стоящие к востоку колонны – остатки пропилей, находившихся на лицевой стороне входных ворот атриума (см. стр. 139). Таким образом, те, которые со вниманием прочтут настоящий выпуск Палестинского сборника, увидят, что раскопки и исследования, произведенные ныне Православным Палестинским Обществом, завершают дело, которым интересовались столь много людей. Да не поставят нам в укор это длинное примечание, которое мы принуждены были сделать ввиду нареканий, уже ныне высказываемых, что своими раскопками оно повторило лишь то, что давно было сделано и русскими, и иностранцами. Настоящий выпуск служит ответом этим нареканиям...»²⁴¹.

Бросается в глаза, что к Палестинской комиссии обращены лишь упреки, а европейские археологи упоминаются в связи с отсутствием в их работе окончательных выводов. В заключении делается утверждение, что теперь, после раскопок 1883 г. в исследованиях на Русском месте поставлена точка.

Полемичность в сочетании с амбициозностью обычно плохо уживается с принципом беспристрастности научного исследования. Так и вышло: история археологических раскопок на Александровском подворье в настоящее время остается не изученной в полном объеме, а значение открытых там памятников находит новые интерпретации. При этом первые русские раскопки В.И. Доргобужина и М.И. Эппингера оказались незаслуженно забыты.

Заключение

Раскопки на Русском месте возле Храма Гроба Господня были проведены В.И. Доргобужиновым и М.И. Эппингером в 1859–1861 гг., значительно раньше раскопок Ф. де Сольси в Царских гробницах, от которых иерусалимская археология сегодня официально ведет свою историю²⁴². Русские раскопки в Иерусалиме оказались результативными²⁴³. Были открыты ранее не известные памятники и созданы условия для их дальнейшего изучения европейскими исследователями: М. де Вогюэ (1862), Ч. Уильсоном (1864), К. Кондером (1872), И. Сеппом (1872), Ш. Клермон-Ганно (1873)²⁴⁴ и др. Поэтому раскопки на Русском месте нужно поставить в число первых археологических (в современном значении этого слова) предприятий в Иерусалиме в XIX в.

²⁴¹ Раскопки на Русском месте близ Храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный палестинский сборник. 1884. Т. III. Вып. 7. С. 121–122.

²⁴² Galor K., Bloedhorn H. The Archaeology of Jerusalem: From the Origins to the Ottomans. New Haven-London, 2013. P. 3–4. Статья демонстрирует странное невнимание к датам: раскопки де Сольси в Царских гробницах помечены 1850–1851 гг.

²⁴³ «Они еще до графа Вогюэ нашли три древнееврейские стены и верхнюю часть византийской арки, они же в нескольких местах доходили до самого природного грунта скалы». См.: Мансуров Б.П. Базилика императора Константина... С. 42.

²⁴⁴ Мы перечисляем европейских исследователей, свидетельства которых напечатаны в Отчете Палестинского Общества о раскопках 1883 г. в хронологическом порядке, соответствующем времени их личного знакомства с рассматриваемыми памятниками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикация Записки В.И. Доргобужина и плана М.И. Эппингера²⁴⁵

О русском участке земли у Святогробского храма в Иерусалиме

Весною 1859 года Императорское правительство купило в Иерусалиме место, принадлежавшее коптскому священнику отцу Георгию и прилегающее западную стороною своею к восточной окраине подземной церкви обретения Честного Креста, которою заканчиваются с этой стороны святыни храма Гроба Господня. Купленное место ограничено с востока Базарною (бывшею Св. Стефана) улицею и отделяется от нее только узкою полосою террас над турецкими лавками, расположенными под бугром, на котором лежит наш участок; с юга террасами турецкой хлебопекарни и греческих магазинов, которые выходят на улицу паломников, ведущую от Базарной к калитке в юго-восточном углу Святогробского двора у Гефсиманского подворья; с запада Авраамиевским монастырем и Абиссинским двором, в центре которого возвышается купол церкви Св. Елены и который тремя сторонами своими вдается в русское место; и с севера – безымянною улицею, идущею от базарной к Коптскому и Абиссинскому монастырям.

С южной стороны участка находятся развалины церкви Св. Марии Латинской, сооруженной в XII веке крестоносцами на месте храма того же наименования, построенного в XI веке амальфитанцами; а этот последний возведен ими на фундаментах первого странноприимного латинского монастыря, основанного при Карле Великом в начале IX века.

Но развалины, гораздо для нас драгоценнейшие, хотя и менее всего сохранившиеся, лежат в северо-восточной стороне нашего участка. Это остатки портиков и пропилей, образовывавших главный вход в атриум Святогробской базилики Святого Равноапостольного царя Константина.

В текущем году вышла в Париже книга *Les Eglises de la Terre Sainte* графа Мельхиора де-Вогюэ, бывшего в последний раз в Палестине в 1854 году и проследившего в книге своей все памятники зодчества крестоносцев в Святой Земле. Святогробскому храму он посвящает большую главу, где подробно и отчетливо изложена монументальная история этого сооружения. Сопоставляя свидетельства Евсевия Кесарийского, св. Кирилла Иерусалимского, поклонника Бордосского, Антонина Пиаченцкого и других очевидцев Константиновского храма до времени разрушения его Хозроем, – с немногими уцелевшими доныне остатками этого памятника IV века, – граф де-Вогюэ реставрирует его во всех частях весьма, сколько можно судить, добросовестно и без гадательных предположений, на которые так падки реставраторы вообще и французские в особенности.

В 35-й главе III книги евсевиевской биографии святого царя говорится: «У храма он (царь) повелел расчистить значительную площадь, которую

²⁴⁵ Записка В.И. Доргобужина публикуется по писарской копии, написанной несколькими почерками (Л. 1–30), к которой приложен подлинный план М.И. Эппингера. Документы хранятся в АВПРИ. Ф. Главвархив. П-9. Оп 46. 1850. Д. 27. Л. 1–31.

устлал полированными камнями и окружил с трех сторон²⁴⁶ широкими портиками и колоннами».

Далее в 37-й главе той же книги: «Тремя великолепно изукрашенными дверьми, пробитыми на восток, народ входил во храм».

И, наконец, в 39-й главе: «перед входом в храм устроили атриум. Был в нем первый двор, окруженный портиками; затем ворота из этого двора; затем уже на площади пропилей или главный вход, по великолепным украшениям которого можно было предугадать чудеса искусств, наполнявшие внутренность храма».

Эти цитаты графа де-Вогюэ положительно доказывают, что атриум служил как бы продолжением базилики с восточной стороны; а по трем пунктам уцелевших от того времени развалинам его автору удалось точно определить его размеры и план. Пункты эти отмечены литерами А., Б. и Д., на прилагаемом рисунке; из них первые два лежат по диагонали параллелограмма атриума и важностью своею в общем плане сооружения дают реставратору возможность воссоздать главные линии его, не насилуя правды гадательными предположениями. Первый из этих двух пунктов, составлявший северо-западный угол портиков, открыт самим графом де-Вогюэ в северо-западном угле двора Абиссинского монастыря, направо от входа в него, у колонны IX падения, над самым крыльцом, по которому спускаются на двор. Это заделанный в стену новой постройки превосходно сохранившийся угольный столб четырехстороннего портика, восточный и южный фасады столба образуют пилястры, на которые опираются два порядка аркад изящной орнаментации, сходящиеся под прямым углом на столбе, меж тем как пилястра северной его стороны, выходящая на улицу, равно как и падающая на нее с этой стороны арка, гораздо проще стилем. Очевидно, что лицевая сторона орнаментов находилась в северо-западном угле, обращенном ко внутренней площади атриума.

Вторые его развалины лежат в восточной стороне Русского участка.

Для точнейшего уразумения следующего ниже описания их, не излишним будет сказать предварительно несколько слов о местности самого Русского участка, где находятся эти драгоценные остатки.

Каждому, хотя несколько знакомому с топографией Иерусалима, известно, что теперешний уровень города значительно выше нормального его горизонта. История Святого Града — история разрушений, из которых каждое наносило свой пласт развалин, ложившийся основой новых построек. Постройки эти большею частью удовлетворяли только незатейливой потребности крова; лепились как-нибудь в интервал двух разорений, из камня и глины, которые в Иудее всегда под рукой; дорываться до нови было и некогда, и не из чего. Иерусалим только иудейский был действительно городом монументальным и построенным не на скорую руку. Адриановская Элия Капиталина — уже не столица, а провинциальный только центр, в котором могло выстроиться несколько храмов, театр да цирк, имевшие какое-либо эстетическое значение, но где сплошною массою города, вероятно,

²⁴⁶ Червертая, прилекая к самому храму, могла составлять как бы открытый нартекс его, связывая базилику с атриумом.

были Титовские развалины да мазанки, сложенные на них и из них. То же замечание можно с достоверностью отнести и к Иерусалиму и Константиновского времени: христианская царица сменяет императора. На месте капищ возводятся церкви; но муниципальной жизни нет в городе без коммерции, без денежной аристократии, где не может быть и места жизненным интересам у могилы Богочеловека, где жизнь не коренится в туземном населении, а приносится только извне сменяющимися толпами богомольцев, искренних в своем подвиге и обрекающих себя, с энергиею детски-чистой веры первых веков христианства, на пост и лишения во все времена пребывания своего у Святого Гроба. Потребности таких людей не в силах возбудить промышленное движение в крае. Еще большую нищету средств видим мы и в постройках модестовского времени. Вслед за нашествием Персов: в VII веке бедны деньгами уже и строители храма Святого Гроба: вместо одного сооружения, вмещающего в себя группу святогробских святынь, возникают в это время отдельные над каждою из них небольшие церкви; а разрушение Хакимово в начале XI века исправляется деньгами Константина Мономаха из Византии. Более серьезное архитектурное движение начинается в Иерусалиме с Крестоносцев; но и в это время строят прочно только пришедшие; местные жители продолжают громоздиться на развалинах и постройки Крестоносцев на скале, при всей значительной их численности, составляют только исключение из ставшей правилом привычки туземцев строиться на мусоре. Нашествие Ховарезмиев снова и в последний раз разрушает город, и затем, в течение шести веков, арабы постоянно и усердно засыпают Иерусалим развалинами своих каменных кочевий, не выстаивающих долее 30–40 лет.

Этим только путем можно объяснить себе настоящую физиономию города, где большая часть кварталов образует группу мусорных бугров, изрезанных широкими и узкими канавами улиц. В двенадцативековой период разрушений города самым толстым слоем развалин засыпаны, разумеется, кварталы, прилегающие к Храму Святого Гроба. Русский участок лежит в 50 шагах от алтарного абсида Храма Воскресения. Это-то столь близкое соседство с палладиумом христианской святыни и было причиной поднятия всей площади нашей земли на пять почти сажений над уровнем смежной с ней Базарной (Стефановской) улицы, направление и горизонт которой, как и большинства улиц города, остались неизменными с XII века²⁴⁷.

Одно из невыгоднейших условий поземельной собственности в этих засыпанных мусором кварталах Иерусалима заключается в том, что, в противность общесложившихся о ней понятий, факт приобретения, со всеми законными гарантиями, верхней площади земли не всегда дает владельцу право обладания и всегда толщею лежащего под нею мусора вплоть до материка. В значительной части иерусалимских недвижимостей подвалы принадлежат одному, а выстроенный на них дом другому владельцу. Легко можно себе представить, какое раздолье произвольным захватам под землю дает подобный порядок вещей в городе, где продажность турецких властей и низкий уровень понятий о чести в большинстве населения нередко спо-

²⁴⁷ Смотри. Citez de Jerusalem, описание города в 1187 году.

собствуют людям с деньгами отнять силою у бедняка и верхнюю площадь принадлежащей ему земли. Во избежание неудобств владения корою только участка, ядро которого изрыто чужими погребями, остается одно средство: очистить мусор вплоть до материка и оградить всю площадь плотными стенами, высота которых определится горизонтом мусорного наноса в смежных дворах. Но многим ли по средствам расходы таких работ?

Купленный нами у коптского священника пустырь подвергся участи большей части недвижимостей, составляющих собственность людей недостаточных: сильные деньгами и влиянием соседи отхватили у копта часть подвалов его в юго-западной стороне участка. Захват этот простирается на 50 шагов в длину и во всю ширину той полосы земли нашей, которою подходит она к Авраамиевскому монастырю между Абиссинскою сенною и улицею Паломников. По счастью полоса эта, за незначительностью своей ширины, не могла и без того быть занята нашими постройками; главная же предназначаемая для них площадка, смежная с Абиссинским двором, осталась не подрytoю по бедности соседней общины. Помянутая попытка, конечно, не остановилась бы на 50 шагах, если бы вслед за покупкою не было приступлено к расчистке места. Каков был на ней слой мусора, можно заключить из того, что работы очистки, начавшиеся с ноября и продолжавшиеся безостановочно во всю зиму, при 80 ослах, из которых каждый делал до 13 поворотов в день (всего более 200 т. выюков) – не кончены еще и в июле, и что расчистка этой площади в 200 квадратных саженой обошлась нам до сих пор более чем в 120 т. пиастров. После этого опыта становится понятным, как при постройке австрийцами своей на Страстном пути странноприимницы на 150 человек в фундаменты уложили они ровно половину расходов всего сооружения. Во что же обошлась бы русским постройка, в черте городской стены, всех корпусов наших по размеру на тысячу человек!?

Так как единственная входная на землю нашу дверь лежит в северо-западном углу ее и выходит на узкую глухую улицу, ведущую от Базарной к Коптскому и Абиссинскому монастырям, вдоль северной стены русского участка, где для нас было делом крайней важности заполучить вход с восточной его стороны прямо на эту Базарную улицу, как потому что она одна из главных в городе, так и для сокращения пути выючным ослам при расчистке места. Восточная окраина нашей земли возвышается на пять почти саженой над уровнем Базарной улицы; спуск к последней идет двумя довольно крутыми наклонными террасами, из которых верхняя, упираясь в оконечность Коптско-Абиссинской улицы, под прямым углом спускается вдоль восточной нашей стены до заворотной площадки на половине всего подъема, а нижняя, от этой площадки параллельно верхней террасе, доводит до Базарной улицы. Обе террасы, составляя собой продолжение Коптско-Абиссинской улицы, – городская собственность, и не могут быть куплены; но подвалы под ними принадлежат частным лицам: из них подвалы верхней террасы захвачены баликиатидом города, а в подвалах нижней – три мелочные лавки.

По контрфорской стене, на рубеже обеих террас, предохраняющей нижнюю от обвалов верхней, идет ряд колонн серого гранита. Эта-то колоннада и признана доктором Шульцем, Робинсоном и г. Уиллисом за остат-

ки пропилей, составлявших главный вход в атриум базилики святого царя Константина. Позднейшие изыскания графа де-Вогюэ подтвердили этот факт, как уже сказано выше. Граф де-Вогюэ упоминает об угольном столбе, заканчивавшим пропилей с юга и четырех стоявших еще в его время колоннах. Теперь остаются только: угольный столб, сильно потерпевший от времени, и две колонны, означенные на прилагаемом плане буквами В. и Г. и возвышающиеся более сажени от земли.

Очистку нашего места, заваленного толщею мусора в пять почти сажений, надо было производить не с верхней только площади, но и снизу, в пункте наиболее подходящем к горизонту Базарной улицы, так как открытые под участком своды много затруднили бы расчистку при условии работ сверху только, колодезями. Пунктом наиболее удовлетворительным для пробоя двери снизу признан был промежуток контрфорсной стены между двумя константиновскими колоннами. Открывшаяся за этою дверью часть подземелий, проходящая под верхнею террасою до подвалов на нашей уже земле, захвачена была местным баликиатидом, который, не зная, по счастью, цены тому, что продает, – уступил нам эту часть подземелий, а с нею и колонны контрфорсной стены за 15 т. пиастров. От подземелий баликиатида, идущих к северу, на право от нашего входа, – мы тотчас же отгородились стеною во всю вышину их и этим положили конец захватам под замлею северо-восточного угла участка.

Но затратою на это приобретение положено начало целому ряду мер, сопряженных с значительными, конечно, расходами, однако неизбежных для округления нашего участка и увеличения площади его настолько, чтобы явилась возможность вывести на ней сооружение, вполне соответствующее и знаменательной местности, нам доставшейся, и достоинству России. Будущее значение наше в области Православия неоспоримо, а потому завистливо и молчаливо сознается не одними иноверными только исповеданиями. Но на Востоке – и особенно в Иерусалиме – мерилом значения привыкли считать богатство внешней обстановки и представительности. Факт этот доказывается всего нагляднее протестантскими институтами Святого Града. Протестанту Иерусалим дорог воспоминаниями только историческими, но не религиозными, поэтому и число протестантских путешественников в нем ничтожно сравнительно с цифрою католических даже поклонников; а протестантская пропаганда между палестинскими евреями до того бедна результатами, что ее можно признать претекстом, но не причиною создания в Иерусалиме протестантских церквей, епископии, странноприимницы, госпиталей и Английского литературного общества с публичными чтениями при нем. Многое в деле существования этих институций можно, конечно, отнести к желанию Англии и Пруссии заявить в Палестине значение свое в ряду первостепенных государств. В том же духе, но руководствуясь уже побуждениями гораздо более уважительными, действуют там и католические державы. Независимо от благотворительных заведений, существующих при францисканской кустодии Спасского монастыря и удовлетворяющих вполне потребностям поклонников из латин, Франция, усвоившая себе трактатами официальное покровительство католиков на Востоке, создала в Иерусалиме Диспенсарий и госпиталь Св. Лудовика и сгладила влиянием своим

все препятствия, мешавшие в первое время аббату Ратисбону расширить круг деятельности учрежденной им в Иерусалиме общины Сионских сестер до тех размеров, в коих существует она ныне. Община эта, имеющая ближайшею целью распространение христианских истин между еврейками, не довольствуется элементарными только классами, но включила в программу свою преподавание и по более широкому плану (*institution secondaire*). В новом доме, возводимом ею у арки «Се Человек», всего 47 комнат и церковь, алтарь которой упирается в левый столб самой арки. Прекрасное сооружение это должно быть закончено к апрелю 1861 года, в нем будет госпиталь на 10 кроватей, 12 странноприимных комнат, воспитательное заведение для 24 постоянно живущих и неограниченного числа приходящих евреек; и помещение для 8 сестер. Наконец, воспользовавшись влиянием своим на Порту в последнюю войну, Франция выговорила себе уступку церкви Св. Боготец Иокима и Анны, в которой помещалось до того времени турецкое училище. Великолепная церковь эта, постройку которой Робинсон и де Вогюэ приписывают крестоносцам, так хорошо сохранилась, что не потребует капитальных исправлений, а только поновления, к чему ныне и приступаю уже, имея особенно в виду реставрацию вертепа Рождества Богоматери. Полное подчинение себя римскому влиянию во всех вопросах и церковных, и воспитательных, так решительно доказанное Австриею заключением последнего конкордата, не помешало, однако, этой державе создать в Иерусалиме национальное благотворительное учреждение, в настоящее время уже законченное. Не имея возможности приобрести в собственность какое-либо место, освященное религиозными воспоминаниями, Австрия возвела странноприимницу в 36 комнат для 150 человек с церковью при ней на Страстном пути, неподалеку от колонны первого падения.

Для русских благотворительных заведений в Иерусалиме, возводимых по широкому плану и в размере до 1 000 человек,²⁴⁸ нужна была площадь не менее 6 десятин. Очевидно, что приобретение участка земли подобной величины в черте города, имеющего не более 4 верст в окружности, было делом положительно невозможным. Вот почему для построек наших и приобретена загородная Мейдамская возвышенность, лежащая в 10 минутах тихого хода от Яффских ворот. Возвышенность эта и в настоящее время соединена уже с городом непрерывною цепью участков, скупленных разноплеменными промышленниками под постройки, вслед за открытием работ на Русском месте. Не подлежит сомнению, что в непродолжительном времени застроится сплошными улицами пространство, отделяющее нас от Старого города, и что тогда инициативую местного консульского корпуса явится возможность исхлопотать у Порты отмену срочного закрытия и открытия Яффских ворот, что до сих пор совпадает со временем захода и восхода солнца и соблюдается с формальной точностью, как в крепостях. Впредь уже до осуществления этой меры нам необходимо было приобрести и в черте города небольшой участок земли, с целью постройки на нем приюта для тех из поклонников, которые, проведя ночь у Святого Гроба, откуда по окончании

²⁴⁸ Число русских во Святом Граде поклонников возросло уже в последнее время до 900 человек ежегодно.

службы выходят обыкновенно в 3-м часу утра, не имели бы без такого приюта места, где дожидаться открытия городских ворот, что смотря по восходу солнца в разное время года, бывает между 5 и 7 часами утра. Потребность такой постройки в черте города тем нужнее, что время наибольшего прилива поклонников, с ноября по апрель, – время сырого холода, постоянных дождей и самого позднего восхода солнца. В здании приюта предполагается и русское консульство, как по необходимости для этого учреждения находится в центре местности, где расположены турецкие присутственные места и другие консульства, так и в видах обеспечения здоровым жильем официального покровителя соотечественников наших в Иерусалиме, где дома местной постройки постоянно сыры и не удовлетворяют самым невзыскательным требованиям гигиены. В этом отношении прусское правительство сделало более всех других для консула своего в Св. Граде.

Для сих-то построек и куплено городское место наше, с находящимися на нем развалинами. В настоящее время, когда с отдачею французскому правительству церкви Св. Анны не осталось уже в Св. Граде ни одной святыни Евангельского периода, которую можно было бы приобрести путем купли или уступки, значение этих памятников константиновского века становится по справедливости неоценимым для всего Православия.

Подлинность их не может подлежать и малейшему сомнению, как единодушно подтверждаемая не католическими только, но и протестантскими археологами, отличающимися, как известно, упрямым скептицизмом во всем, что касается не на библейских указаниях основанной топографии Иерусалима. В 1845 году Шульц первый заявил ученому миру об этой находке; вслед за ним Робинсон,²⁴⁹ а затем и Уиллис²⁵⁰ признали подлинность ее. И несмотря на то, развалины эти 15 лет дожидались верующей руки, которая подняла бы их из праха. Факт тем более знаменательный, что участок, ими занимаемый, лежит в такой близости от Святогробского храма и что местные разноисповедные корпорации, располагающие большими средствами, постоянно оспаривают друг у друга приобретение малейшего в черте города участка земли.

На представляемом чертеже реставрация базилики и атриума заимствованы из книги гр. де-Вогюэ; но все размеры ее определены по трем пунктам развалин (А. Б. В. Г. и Д.), изменены согласно измерениям, сделанным в истекшем году русским консулом и архитектором как внутри ныне существующего храма, так и вне оного. Затем линии Константиновского храма нанесены легкими штрихами на план кварталов современного Иерусалима, лежавших под сооружениями IV века, с целью показать, у кого из теперешних частных собственников проходят стены этих сооружений.

Из чертежа видно:

а., что самая Базилика находилась на местности, занимаемой Святогробским храмом.

б., что площади атриума соответствует теперь Абиссинский двор и мыловарня баликиатиба, и

²⁴⁹ Biblical Researches, VIII p. 168.

²⁵⁰ Holy City II p. 250

в., что южный портик атриума проходил по северной окраине русского участка.

Таким образом, из трех групп развалин базилика одна лежит основою Ротонды, окружающей величайшую из святынь христианства – Святогробскую Кувуклию, другая принадлежит Абиссинской общине и не освящена никаким памятником, по крайней нищете владельцев, питающихся подаванием и живущих в землянках, которых нельзя даже назвать хижинами; – третья же и последняя досталась нам и в наших руках, конечно, не останется в запустении. Все, что сделано в Иерусалиме греками, армянами, католиками и греко-униатами в деле обновления святынь, им доставшихся, указывает и нам на необходимость следовать их примеру.

Православная Церковь ублажает царственного строителя базилики как святого. Усердие русских к его памяти свидетельствуется сотнями храмов во имя святых равноапостольных царя Константина и матери его Елены, украшающих города и села богомольной родины нашей. Можно ли поэтому не надеяться, что и доставшиеся нам развалины будут обращены к первобытному их назначению? Чем приличнее и увековечить память всего, что сделано русскими в последнее время в Иерусалиме, как не возведением церкви во имя Св. Константина на драгоценных остатках его же сооружений и рукою соименного ему деятеля, склонившего сердобольное внимание Государя Императора к положению русских поклонников в Палестине и облегчившего уже силою любви своей к ним тяготы и лишения тамошнего их быта.

О таковом предположении, одобрение и осуществление которого зависит от Императорского Правительства, было предварительно заявлено уже как начальнику Русской Духовной Миссии во Св. Граде, так и посланнику нашему в Константинополе, причем епископ Мелитопольский выразил полное сочувствие свое к этой мысли, а князь Лобанов-Ростовский отозвался, что к приведению оной в исполнение не предвидится важных препятствий и со стороны турецкого правительства.

Затрата на этот предмет не может быть велика: предполагаемый храм и по ограниченности размеров нашего участка, и по уважению затруднений со стороны местного правительства должен быть не отдельным сооружением, а малою домовою церковью, в общей связи со зданием приюта и консульского дома именно в северо-восточном угле участка, лежащем над развалинами и означенном в чертеже буквою Г. Добавочный расход ограничится поэтому только сооружением более изящного фасада по выходящей на восток линии алтаря (Ж. Е.) и легкой колокольни над этим углом, снабжением церкви утварью, ризницею и иконостасом, да самой незатейливою реставрацией развалин Б. В Г. по контрфорской стене. Архитектор Эппингер занимается в настоящее время составлением, между прочим, соображения о том, какое назначение всего приличнее дать этим колоннам, так как от Русского участка они отделены верхнею террасою узкой улицы, составляющей собственность города и которой поэтому приобрести нельзя, то и сообщение остатков колоннады с проектируемою церковью может быть только подземное. Из этого подземелья можно образовать вестибюль церкви, открытый только во время службы и освещаемый фонарями, как в не-

которых из местных греческих монастырей, в Архангельском, например. На сей конец между двумя колоннами контрфорской стены в пункте К. может быть устроена дверь в византийском стиле, простой и строгой орнаментации; самые колонны и угольный столб Б. должны, казалось бы, остаться в их настоящем виде, столь дорогим и для верующего и для антиквария; контрфорсную же стену можно облицевать чисто обтесанными плитами белого местного камня, от чего много выиграет темно-серый цвет идущих на ней гранитных колонн, а над ними устроить наконец фронтон одинакового с колоннадою цвета. Задача архитектора при всей этой ограничивающейся одним только фасом и потому уже не много стоящей, реставрации состоит в том, чтобы впечатление общего мотива ее на зрителя прямо указывало бы, что все, вновь в ней сделанное, имеет значение только аксессуаров, сгармонизированных с главным ее предметом – развалинами; что единственную целью реставратора было только сохранить эти драгоценные остатки в том виде, как они достались нам, не насилуя простого характера их ни поновлениями, ни орнаментами, а добавив только необходимейшее для того, чтобы связать их в одно архитектурное целое.

Необходимость городского для поклонников приюта и при нем помещения для консула доказывается фактом приобретения под эти постройки земли у Святогробского храма. Расходы на них в более или менее отдаленном времени неизбежны. Но для того чтобы это было завершено достойным образом и без опасений за будущность его, нам надо избавиться от соседей наших с южной и восточной стороны участка и округлить его прикупкою 12 турецких лавок и хлебопекарни, означенных на чертежах цифрами 7 и 8. Эти дополнительные приобретения необходимы по нижеследующим уважениям:

в корпусе на городском месте проектируются:

а) Помещение приюта:

1. Три комнаты для Духовной Русской Миссии, на случай прибытия оной в город для службы в Святогробском храме: одна для начальника Миссии, одна для членов ее и одна для причетников.

2. Несколько комнат для поклонников простого звания.

и 3. Две комнаты (одна мужчинам и одна дамам) для поклонников высшего класса.

и б) Консульская квартира с помещениями при ней:

1. для канцелярии,

2. для секретаря консульства, драгомана и кавасов.

и 3. для арестантских: мужской и женский.

Здесь не говорится о церкви, так как в случае соизволения на устройство оной одна лишняя зала, при вышепомянутых помещениях, не на многое изменит размер их.

Городской же участок наш так невелик, что хотя и можно возвести на нем все предполагаемые помещения, расположив их в несколько этажей, но здание выйдет темно, так как кроме надворных окон с улицы его можно будет осветить только по северному фасу и по части восточного (на чертеже линия Ж.-Ш.), где ничто не отделяет нас от улиц; с южной же и с большей части восточной (линия М. У. Ж.) окон пробить нам не позволят владель-

цы прилегающих вплотную к нашей земле турецких лавок и хлебопекарни; потому не позволяют, что, хотя узкость участков их и исключает особенно с восточной стороны всякую возможность возведения на таковых отдельных домов, однако дает владельцам способы войти в соглашение с домохозяевами в кварталах П. и Р., через улицу от них лежащих и продать им право укрепить на этой узкой полосе лавок и хлебопекарни подошву свода, перекинутого от покупателей с противоположной стороны улицы; это делается постоянно в Иерусалиме, образчик чему мы видим и на чертеже, где в пунктах С. Т. латины, одев сводом коптско-абиссинскую улицу, соединили новыми на нем постройками главный дом свой с небольшим, находящимся в Абиссинском уже дворе. С целью предотвращения подобной сделки хоть с восточной стороны, русское консульство в июле минувшего года приобрело уже за 18 т. пиастров (685 р. сер.) прилегающую к нашему участку половину террас над 12-ю турецкими лавками, до линии I. И. Подвалы под купленною частью террас принадлежали уже нам прежде, так как глубина лавок доходит с улицы только до линии I-И, по которой и идет капитальная подземная стена, отделяющая лавки от наших подземелий. Оставшаяся у владельца лавок часть террас настолько уже узка, что пята свода укрепить на ней едва ли возможно. Владелец этот, араб из магометан, оказался при продаже террас человеком довольно сговорчивым: если бы не невозможность для консула решиться на значительную затрату комитетских сумм без спроса из С.-Петербурга и не необходимость выжидать разрешительного ответа на месте, где дело каждой покупки надо кончать, не выпустив продавца из комнаты, то все эти лавки можно бы тогда купить тысяч за сто (около 5 1/2 тыс. р. сер.). Совсем не таков владелец хлебопекарни: это богатый и крайне жадный турок, привыкший к вымогательствам и подаркам на должности вратаря Святогробского храма. Из желаний напортить русским, ему предлагали уже за хлебопекарню его крайне выгодную сумму 150 т. пиастров, которой, может быть, и не дали бы, рассчитывая, что турок, спекулируя на нас, не отдаст своей развалины и за эту, неслыханную до появления нашего в Иерусалиме, цену. Расчет оказался верен: он точно не согласился, ожидая предложений от русских. Вообще дело скупки этих участков можно будет ожидать сходно для нас законченным, если удастся порешить его на 350–400 т. пиастров (от 20 до 23 т. р. сер.). Позже и особенно в случае покупки домов в кварталах П и Р какою-либо из местных разноисповедных корпораций нам придется иметь дело с людьми некорыстными уже только, но и фанатическими, и тогда приобретение этих необходимых нам участков обойдется, быть может, и в четверо дороже.

С покупкою же их явится возможность выдвинуть наши постройки на юго-восточной стороне с линии М. У. Ж. на линию Н.О., вывести их прямо фасадами на улицы Базарную и Паломников и увеличить чрез то площадь внутреннего двора.

Если в чем-либо, то, конечно, в расходах организационных, как проектируемых, соображения экономические должны уступить место требованиям необходимости. Затрата эта делается раз навсегда, так как и ремонтный даже расход на все городские постройки может быть покрыт квартирными деньгами (500 р. сер), отпускаемыми в настоящее время иерусалимскому

консульству Министерством иностранных дел и которые с водворением консульства в комитетском доме должны быть передаваемы ежегодно уже Палестинскому комитету.

Наконец в деле удешевления покупки против предполагаемой цифры (20–23 т. р.) весьма много зависит от умения воспользоваться обстоятельствами на месте. В Иерусалиме, менее, нежели где-либо, возможно определение стоимости чего-либо цифрою приблизительною: главная тому причина редкость денег. С наличным капиталом и умением выждать время, когда владельцу нужны деньги (что всегда легко узнать через тамошнего нашего банкира, оказывавшего нам уже неоднократно подобные услуги), легко может случиться, что земли эти обойдутся нам и в 17 т. или даже 15 т. рублей.

Подлинную подписал камер-юнкер статский советник Доргобужин.

* Статья написана в рамках гранта РФФИ № 18-09-40075

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

«Русский Антик».

Выставка Эллина-скифского отделения Государственного Эрмитажа в интеллектуальном контексте эпохи

К 150-летию Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева

Аннотация: В центре внимания статьи – выставка Эллина-скифского отделения Эрмитажа, открывшаяся в 1927 г. и ставшая новым словом в презентации археологического материала музейными средствами в нашей стране. Авторы впервые вводят в научный оборот новый источник – доклад, посвященный концепции выставки, сделанный 2 декабря 1926 г. на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Государственного института истории искусств выдающимся российским археологом и историком искусства, одним из создателей выставки Б.В. Фармаковским. На основании широкого круга источников в статье анализируются институциональные связи Фармаковского с Эрмитажем и Институтом истории искусств. Рассматривая сюжет выставки в общем интеллектуальном контексте эпохи, авторы связывают интерес к данной теме и методы ее визуализации с так называемой позднеимперской эпистемологической революцией, отвергавшей культ чистых форм и кодифицировавшей гибридность в качестве нормы исторического развития. Сопоставляя музейную презентацию исторических феноменов с их аналитическим рассмотрением в историографии (труды М.И. Ростовцева), авторы аргументируют релевантность истории культуры как широкого исследовательского поля, в рамках которого могут найти свое место как история музейного дела, так и история науки.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, история археологии, история культуры, Б.В. Фармаковский, М.И. Ростовцев, «звериный стиль».

«Russian Antique».

Exhibition of the Helleno-Skythian Branch of the State Hermitage in the Intellectual Context of its Time

Abstract : The article focuses on the exhibition of the Helleno-Skythian branch of the State Hermitage, which opened in 1927 and became a new word in the presentation of archaeological material by museum means in our country. The authors introduce into scientific circulation a new source – a report dedicated to the concept of the exhibition, held on December 2, 1926 at the session of the Museum Section of the Committee of Sociological Study of Art of the State Institute of Art History by the outstanding Russian archeologist and historian of art, one of the creators of the exhibition B. V. Farmakovskiy. Based on a wide range

of sources, the article analyses Farmakovsky's institutional ties with the State Hermitage and the Institute of Art History. Considering the main topic of the exhibition in the general intellectual context, the authors associate the interest to it and its visualization methods with the so-called "Late Imperial epistemological revolution", which rejected the cult of pure forms and codified hybridicity as the norm of historical development. Comparing the museum presentation of historical phenomena with their analytical consideration in historiography (works of M.I. Rostovtzeff), the authors argue the relevance of the history of culture as a wide research field, within which both the history of museums and the history of science can find their place.

Keywords: State Hermitage, history of archaeology, history of culture, B.V. Farmakovsky, M.I. Rostovtsev, "animal style".

Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) – крупнейший отечественный антиковед – археолог, искусствовед, организатор археологических исследований в Северном Причерноморье. Основной заслугой Б.В. Фармаковского в области классической археологии можно считать ведение систематических раскопок античной Ольвии в 1901–1915 и 1924–1926 гг.²⁵¹. Как отмечал Л.С. Клейн, ученый не только первым в России начал последовательно применять полевую методику, разработанную в наиболее передовых европейских школах классической археологии, раскапывая Ольвию по квадрату, но и стал основателем всех основных школ советской античной археологии: ленинградской, московской и киевской²⁵².

Выпускник Новороссийского университета, в конце 1890-х гг. он переехал в столицу и с 1904 г. занимал профессорские кафедры в различных научно-образовательных учреждениях Санкт-Петербурга: Петербургском историко-филологическом институте (с 1904 г.), Бестужевских курсах (с 1910 г.), Петроградском археологическом институте (с 1917 г.), Петроградском университете (с 1919 г.). В 1918 г. Б.В. Фармаковский выступил одним из основателей Российской Государственной археологической комиссии, ставшей затем Российской (с 1926 г. – Государственной) академией истории материальной культуры (далее – РАИМК), в которой в 1921–1928 гг. он выполнял обязанности ученого секретаря, а также заведовал Разрядом греко-римского искусства Художественно-исторического отделения и Разрядом археологии Скифии и Сарматии Археологического отделения.

Достаточно тесные связи сформировались у Б.В. Фармаковского и с Эрмитажем – одним из основных центров петроградского антиковедения поздней имперской эпохи. Еще до революции его ученики изучали здесь археологические находки, сделанные исследователем в ходе южнорусских раскопок²⁵³, в апреле 1918 г. Б.В. Фармаковский приглашался сюда в качестве стороннего эксперта для оценки предполагаемых к покупке материа-

²⁵¹ См.: Фармаковский Б.В. Ольвия. М., 1915.

²⁵² Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб., 2014. Т. 2. Археология советской эпохи. С. 48.

²⁵³ См.: Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М., 2018. С. 830.

лов²⁵⁴, затем в качестве делегата от Археологической комиссии участвовал в выборах хранителей²⁵⁵, а в ноябре 1919 г. даже просил от лица РАИМК «о разрешении прочесть некоторые ученые доклады по академии в Эрмитаже ввиду низкой температуры в академии»²⁵⁶. Впрочем, когда в феврале 1922 г. его кандидатура была выставлена на замещение должности одного из внешних членов Совета Эрмитажа, за нее был подан всего один голос²⁵⁷.

Летом того же года по инициативе Эрмитажа Б.В. Фармаковский был приглашен войти в состав комиссии, которой предстояло решать один из самых спорных и сложных вопросов музейного дела первых пореволюционных лет – вопрос, обернувшийся шумным скандалом и разделивший музейную общественность Петрограда на два лагеря – передавать ли в Эрмитаж антики из пригородных дворцов или оставить их в экспозиции на местах²⁵⁸. В январе 1923 г. он был избран в комиссию по распределению между существующими отделениями Эрмитажа предметов упраздняемого Средневекового отделения²⁵⁹. А 18 февраля 1924 г. Б.В. Фармаковский единогласно был избран на должность хранителя Отделения греческих городов на юге России (с июня 1924 г. – Отделения эллино-скифских древностей) Эрмитажа²⁶⁰ и вошел в состав Совета музея. Он активно включился в работу музея и способствовал перемещению сюда на тех или иных условиях службы своих учениц. На первом же заседании Совета, на котором он присутствовал в качестве члена, по его предложению, поддержанному заведующим Отделом древностей О.Ф. Вальдгауером²⁶¹, перед РАИМК было возбуждено ходатайство «о временном откомандировании для работ в Эрмитаже сотрудников Академии» Т.Н. Книпович, О.А. Пини и Е.О. Прушевской²⁶². Все они в итоге стали штатными сотрудниками музея. В июне 1924 г. на Б.В. Фармаковского было возложено общее наблюдение за реставрационными работами в музее, и в проекте замещения штатных должностей, помимо должности хранителя, за ним была закреплена и должность заведующего Реставрационной мастерской²⁶³. Хранителем он оставался вплоть до своей смерти в 1928 г.

²⁵⁴ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2001. Ч. I. 1917–1919 годы. С. 42, 45.

²⁵⁵ Там же. С. 149, 200.

²⁵⁶ Там же. С. 529. Разрешение было получено.

²⁵⁷ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2009. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 428–429.

²⁵⁸ Там же. С. 456. О нем см.: Королев Е.В., Кучумова А.М. Античная скульптура Павловска в 1918–1922 гг. и проблемы музейной специализации // Античное искусство в советском музееведении. Л., 1986. С. 20–34; Исагулова Т.Д. Почему же все-таки «в Эрмитаже Павловской статуе обломали руки»? (граф Валентин Платонович Зубов и дворцово-парковый ансамбль Павловска в 1920-е гг.) // Павловские чтения. Материалы V и VI научных конференций. Павловск, 2003. С. 134–145.

²⁵⁹ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 511–512, 515.

²⁶⁰ Там же. С. 644, 657, 693.

²⁶¹ Вальдгауер Оскар Фердинандович (1883–1935) – историк античного искусства; с 1903 г. – на различных должностях в Эрмитаже: прошел путь от внештатного сотрудника без оплаты до исполняющего обязанности директора.

²⁶² Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 647.

²⁶³ Там же. С. 693, 700, 705.

В 1914 г. Б.В. Фармаковский за заслуги в области классической археологии был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. Кандидатура его выдвигалась на выборах и в действительные члены АН СССР. Например, в феврале 1927 г. академик В.П. Бузескул²⁶⁴, не имевший возможности прибыть в Ленинград из Харькова для личного участия в выборах, направил академику-секретарю Отделения историко-филологических наук И.Ю. Крачковскому²⁶⁵ телеграмму следующего содержания: «По классической филологии по-прежнему предлагаю Жебелёва²⁶⁶. Мотивы – в моей “Записке”»; ссылаюсь и на отзыв Ростовцева²⁶⁷. По новой истории первым кандидатом Кареева²⁶⁸, по истории искусств – Фармаковского, если оправится, затем Айналова²⁶⁹. Подробности письмом. Прошу сообщить мое мнение совещанию»²⁷⁰. О том же в июле 1927 г. он писал и академику С.Ф. Платонову²⁷¹: «Со своей стороны я полагал бы, что необходимо подумать и о замещении вакансий по ближайшим к нам специальностям. Необходим археолог или историк искусства (Б.В. Фармаковский или Д.В. Айналов). В настоящее время громадное значение приобрела папирология (греческая), и по этой части есть, по-моему, прекрасный специалист в лице Г.Ф. Церетели²⁷²; кстати, это установило бы связь и с Грузией. А может быть, понадобится латинист. Думаю, что и тут найдутся подходящие кандидаты»²⁷³. Избрание, однако, не состоялось. Возможно, одной из причин стало резкое ухудшение здоровья Б.В. Фармаковского, которое, фактически, в конце 1920-х гг. лишило его возможности работать и, в итоге, привело к скорострительной смерти 29 июля 1928 г.

Наряду с С.А. Жебелёвым, избранным академиком в мае 1927 г., и Г.Ф. Церетели (бывшим членом-корреспондентом с 1917 г.) Б.В. Фармаковский был ведущим отечественным антиковедом поздней имперской – раннесоветского периодов. Заслуги ученого перед наукой неоднократно рассматривались

²⁶⁴ Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) – историк-антиковед, действительный член РАН (1922), профессор Харьковского университета (1885–1924).

²⁶⁵ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – историк, филолог-арабист, профессор Петроградского университета (1918), действительный член РАН (1921).

²⁶⁶ Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) – историк, филолог-антиковед, действительный член АН СССР (1927), заслуженный деятель науки РСФСР (1940).

²⁶⁷ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк, археолог, искусствовед, ученик Н.П. Кондакова, профессор Санкт-Петербургского университета (1902), член-корреспондент (1908), действительный член (1917) РАН; с 1918 г. – в эмиграции: профессор университетов Медисон (1920) и Йель (1925).

²⁶⁸ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, специалист по истории нового и новейшего времени (Франция и Польша), философии истории, член-корреспондент ИАН (1910), почетный член (1929) АН СССР.

²⁶⁹ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) – историк русского, византийского и западноевропейского средневекового искусства, член-корреспондент ИАН (1914).

²⁷⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 7 об.

²⁷¹ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк-русист, профессор Петербургского университета (1890), действительный член РАН (1920).

²⁷² Церетели Григорий Филимонович (1870–1938 или 1939) – российский, грузинский филолог-классик, папиролог, член-корреспондент РАН (1917).

²⁷³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403. Л. 13 об.

в исследовательской литературе²⁷⁴, и его работы по-прежнему активно используются в исследованиях по античной археологии и истории искусства. Меньше изучена его музейная деятельность. Центральным ее элементом справедливо считается работа над экспозицией Эллино-скифского отделения, проводившаяся в 1926–1927 гг. и ставшая для Эрмитажа, по замечанию А.Ю. Алексеева, «первым опытом связи экспозиционной программы в художественном музее с историческим пониманием закономерностей развития культуры на юге нашей страны»²⁷⁵. Исследователь, опираясь на материалы ведомственных архивов Эрмитажа, ёмко охарактеризовал структуру выставки и ее научную программу, выделил намеченные самими ее создателями перспективы возможного развития. Следует отметить, что выставка, как и ряд других музейных начинаний, приуроченная к 10-летию Октябрьской революции, вероятно, вызвала интерес в среде специалистов и за стенами Эрмитажа. Так (о чем не было известно раньше), 2 декабря 1926 г. ее обсуждение состоялось на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Государственного института истории искусств, где сам Б.В. Фармаковский выступил с докладом «Эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа»²⁷⁶. Сохранившийся протокол заседания позволяет еще раз уточнить позицию самого исследователя по вопросу о «русском антике» и вслушаться в мнения выступавших в прениях коллег. Этот текст представляет интерес как для истории исторической науки, так и для истории музейного дела, демонстрируя тесную связь и в то же время специфику этих направлений производства знания. Прежде чем обратиться к его анализу, однако, следует сказать несколько слов о том учреждении, в стенах которого доклад был сделан, и связи с ним самого докладчика.

6 апреля 1923 г. С.А. Жебелёв писал Н.П. Кондакову²⁷⁷: «Фармаковскому я Ваше письмо, конечно, передам немедленно. Почему он Вам не отвечает, не понимаю – вероятно, мешают лекции, кои он читает всюду, где возможно, и даже там, где их читать не годится серьезному человеку, например в “Институте истории искусств”, похожем на то общество, которое, как Вы пишете, основал Окунев²⁷⁸, а может быть, и похуже»²⁷⁹. Такое скептическое отношение, характерное для умонастроения автора письма, на деле едва ли было

²⁷⁴ См.: Кругликова И.Т. К 100-летию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // Советская археология. 1970. №1. С. 3–8; Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; Гаркуша Н.М. Борис Владимирович Фармаковский. Николаев, 2010.

²⁷⁵ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года // Античное искусство в советском музееведении. Л., 1986. С. 59–66.

²⁷⁶ Архив Государственного Эрмитажа (Далее – АГЭ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 136–139.

²⁷⁷ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – выдающийся искусствовед, археолог, член-корреспондент (1892), действительный член (1898) ИАН, один из главных учителей большинства российских антиковедов, искусствоведов, византистов конца XIX – начала XX в.; с 1920 г. – в эмиграции.

²⁷⁸ Окунев Николай Львович (1885–1949) – историк искусства и архитектуры; с 1920 г. – в эмиграции в Югославии и Чехии; основал Архив и галерею славянского искусства при Славянском институте в Праге.

²⁷⁹ Цит. по: Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики. Под ред. члена-корреспондента РАН И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 701.

оправдано. Основанный меценатом и историком искусства графом В.П. Зубовым (1884–1969) в 1912 г. как центр «для изучения истории искусств в точном значении этого понятия»²⁸⁰, Институт истории искусств (с 1920 г. – Российский, с 1924 г. – Государственный, далее в статье – Институт) в 1920-е гг. стал одним из наиболее ярких центров интеллектуальной жизни Петрограда – Ленинграда²⁸¹, развивавшим уникальную программу комплексного изучения изобразительного, музыкального, театрального и словесного искусства.

Преподавательская деятельность Б.В. Фармаковского в Институте началась в первые послереволюционные годы (хотя первые контакты с ним относятся к 1917 г., о чем будет сказано ниже). Осенью 1918 г. для преподавателей средних и высших начальных учебных заведений при Институте были организованы каникулярные курсы с целью подготовки преподавателей к разбору памятников искусства в классе и к проведению художественно-исторических экскурсий с учениками. Руководил курсами М.И. Ростовцев, Б.В. Фармаковский прочел на них 4 лекции, посвященные Ольвии²⁸². В 1919 г., с увеличением в Институте числа профессорских кафедр, ученый был избран его профессором²⁸³. В том учебном году по кафедре античного искусства Отдела древнего искусства Института он читал лекции по введению в классическую археологию, вел семинарий на тему «Классические города и храмы», а также проводил занятия «по быту греков и римлян по памятникам коллекции Академии истории материальной культуры и Эрмитажа»²⁸⁴. На следующий год он читал лекции на тему «Быт и религия греков» и вел семинарий «Греческие архаические храмы и города»²⁸⁵. В 1921–1922 учебном году ученый объявил общий курс «Греческая архитектура», а в 1922–1923 г. вернулся к лекциям по теме «Введение в археологию» и хронологически продолжил тематику семинария, взяв тему «Эллинистические города и храмы»²⁸⁶. На 1923–1924 учебный год был поставлен семинарий «Древнеиталийская археология»²⁸⁷. Кроме того, он выступал с докладами на открытых заседаниях совета Института (например, 3 июня 1920 г. делал доклад на тему «Золотые медальоны из Куль-Оба с изображением головы Афины», а 23 марта 1922 г. – «Религиозный смысл фронтонов храма Зевса в Олимпии»)²⁸⁸, а после закрепления за Институтном

²⁸⁰ Институт истории искусств в С.-Петербурге // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 12.

²⁸¹ Лихачев Д.С. Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти XX века // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 35.

²⁸² Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924. С. 195. Сам М.И. Ростовцев на аналогичных курсах весной 1918 г. прочел 6 лекций на тему «Античное искусство на Юге России». См.: Там же. О курсах в целом см.: Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2016. Vol. 2. P. 9–20.

²⁸³ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 177.

²⁸⁴ Там же. С. 203.

²⁸⁵ Там же. С. 204.

²⁸⁶ Там же. С. 205.

²⁸⁷ Там же. С. 233.

²⁸⁸ Там же. С. 189.

в 1922 г. статуса научно-исследовательского учреждения вел научную работу на тему «О взаимоотношении древневосточного, греческого и римского искусств к одновременному с ними искусству стран средней и северной Европы»²⁸⁹. Таким образом, как видим, с конца 1910-х гг. связи Б.В. Фармаковского с Институтом были достаточно прочными, и он регулярно проводил занятия на Отделении (факультете, разряде) истории изобразительных искусств.

Музейная проблематика присутствовала в сфере интересов Института практически с момента его создания, однако последовательно и систематично начала разрабатываться с 1925 г., после того как новым директором Института стал видный искусствовед и музеевед Ф.И. Шмит²⁹⁰. Тогда в рамках созданного в 1924 г. Комитета социологического изучения искусства, призванного объединять и направлять «научную работу всех отделов института в области социологии искусства»²⁹¹, была создана особая Музейная секция, ставшая одним из интереснейших феноменов в истории развития музееведческой мысли Петрограда – Ленинграда 1920-х гг. Возглавлял секцию О.Ф. Вальдгауер, бывший не только одним из старейших преподавателей Института и председателем институтского Отделения истории изобразительных искусств, но и руководителем Отдела древностей, т. е. непосредственным начальником Б.В. Фармаковского, в Эрмитаже.

Определяя цели и задачи секции, О.Ф. Вальдгауер отмечал 7 января 1925 г. на первом заседании ее президиума: «Новая общественная обстановка требует новых приемов музейного строительства, новых методов в экспозиции материала, при каковой должен быть учтен социологический момент. Применение социологических принципов в музейном деле требует осторожности и внимания и обязывает к предварительной основательной проработке этих вопросов. Поставленная на очередь проблема не может быть решена исходя из теоретических предпосылок, она требует практического изучения наличного музейного материала». Поэтому-то «в своей исследовательской работе, тесно связанной с живой практикой, само собой музейной секции придется начать с изучения тех музеев, в которых социологический метод легче применим, и отчасти уже применим. Таковыми являются музеи быта и музей революции. Искусство прежде всего элемент быта. Учет бытовых явлений для изучения социологических основ искусства – необходим»²⁹².

В 1926–1927 академическом году для обсуждения в открытых заседаниях (которые и были основной формой работы секции) были намечены три основных темы: принципы строительства и экспозиции музеев революции, археологии и этнографических музеев²⁹³. Однако вторая половина 1920-х гг.

²⁸⁹ Там же. С. 187–188.

²⁹⁰ Шмит Федор Иванович (1877–1937) – историк русского и византийского искусства, теоретик искусства, музеевед, профессор ЛГУ, директор Института с 1924 г.

²⁹¹ АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 43–44. О создании комитета см.: Кумпан К.А. К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 345–360.

²⁹² АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 51.

²⁹³ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 3. Д. 27. Л. 8.

стала для Института тяжелым временем постоянных волнений, вызванных как внутренними кризисами, так и усилившимся давлением извне. Возглавлявший секцию О.Ф. Вальдгауер в 1927 г. неоднократно выезжал в научные командировки, затем был назначен временно исполняющим обязанности директора Эрмитажа и не мог уделять должного внимания руководству работами секции. В итоге за этот период, судя по всему, состоялось всего три заседания с обсуждениями докладов М.Б. Каплана «Музей Революции» (14 декабря 1926 г.), Е.З. Медведева «Елагин музей на фоне быта островов» (18 апреля 1927 г.) и Б.В. Фармаковского «Эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа» (2 декабря 1926 г.)²⁹⁴.

Выступление Б.В. Фармаковского на заседании секции, одной из задач которой была разработка «новых методов в экспозиции материала, при какой должен быть учтен социологический момент», не было случайностью. Современники отмечали тот интерес, который в середине 1920-х гг. возник у исследователя к вопросам социологии искусства. Так, например, С.А. Желобов в письме Н.П. Кондакову от 21 сентября 1924 г. неодобрительно отмечал: «Фармаковский столько набрал себе лекций (а теперь еще, сверх того, хранитель Эрмитажа), что заниматься наукой ему некогда. К тому же он интересуется теперь социологией искусства, марксизмом в искусстве, одним словом, пошел далеко»²⁹⁵. И 10 февраля 1925 г. продолжал: «Он тоже “модерничает”; привлекает самоновейшее искусство, всякие экспрессионизмы и т.п.»²⁹⁶. Ученый в 1924–1925 учебном году читал в Институте курс «Социология изобразительного искусства», курс социологии искусства (вероятно, в 1925–1926 г.) он читал и в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена²⁹⁷, а в 1925 г. на Археологическом отделении Факультета общественных наук Петроградского университета он вел семинарий на тему «Искусство и общество античного мира»²⁹⁸. Когда в начале 1924 г. в РАИМК была создана Комиссия социологии искусства, возглавить которую в апреле того же года любезно согласился Нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский, фактическим руководителем новой структурной единицы стал опять же Б.В. Фармаковский²⁹⁹. В материалах Института, относящихся к осени 1926 г., Б.В. Фармаковский значится даже как заместитель председателя Музейной секции³⁰⁰, впрочем, возможно, это опечатка, и имеется в виду его брат, сотрудник Историко-бытового отдела

²⁹⁴ Там же. Л. 21 об.

²⁹⁵ Цит. по: Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 728.

²⁹⁶ Там же. С. 752.

²⁹⁷ Ср. в личном деле доцента этого института И.И. Иоффе: «Новейшую литературу вел сам, социологию искусства взял после смерти проф. Фармаковского». См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4331. Оп. 42. Д. 72. Л. 26.

²⁹⁸ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 277.

²⁹⁹ Отдел рукописей Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1925). Д. 1. Л. 103.

³⁰⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. Д. 21. Л. 50.

Русского музея М.В. Фармаковский, принимавший гораздо более активное участие в работе секции.

Помимо интереса исследователя к проблемам социологии искусства важным фактором, стимулировавшим научный поиск именно в этом направлении, был и сам материал – археологические памятники Эрмитажа и, конкретнее, южнорусские древности. Как отмечает И.Л. Тихонов, к началу XX в. археологические предметы экспонировались в музее так, что «прежде всего, подчеркивалась эстетическая ценность экспонатов, чаще всего произведений ювелирного искусства. Преобладал художественный, а не исторический подход, вещи выставлялись в большей степени как самоценные произведения древнего искусства, а не элементы единой культурной среды. Предметы из одного комплекса вместе не выставлялись <...> В одной витрине могли экспонироваться вещи, не связанные между собой ни хронологически, ни территориально, ни культурно»³⁰¹. Это было естественным отражением идеалистической эстетики, восходящей к идеям Гегеля и немецких романтиков начала XIX в., для которой развитие искусства являлось имманентным процессом развертывания мирового духа, никак не связанным (тем более, не детерминированным) с социо-экономическими факторами³⁰². Сказывалось и понимание Эрмитажа как преимущественно художественного музея. Как отмечают, характеризуя такой тип экспонирования археологических материалов, М. Шенкс и К. Тилли: «Эстетизированный артефакт – бегство от кошмара истории»³⁰³. После событий 1917 г. ситуация изменилась. Сам музей в большей степени стал рассматриваться как музей истории мировой культуры. Стало меняться и понимание феномена искусства. Ср. приведенные выше слова О.Ф. Вальдгауера: «Искусство, прежде всего, элемент быта. Учет бытовых явлений для изучения социологических основ искусства – необходим». Социологический подход (совершенно не обязательно совпадающий с марксистским) начал теснить господствовавший прежде идеализм. Естественно, это ставило на повестку дня вопросы нового подхода к экспонированию музейного материала как одному из основных средств визуализации и популяризации нового понимания искусства и исторического процесса как такового. Более конгениальной духу времени стала другая стратегия экспонирования археологического материала, которую М. Шенкс и К. Тилли определяют как «гуманизацию нарратива», т. е. «помещение артефактов в их конкретный “человеческий” контекст», в частности, посредством «нарративного показа», предполагающего включение в экспозицию контекстуальной информации (как правило, в форме диаграмм с текстом, карт и т. п.)³⁰⁴.

Эллино-скифские памятники оказывались как нельзя более подходящим материалом для экспериментирования. Интерес к ним был высок как в Рос-

³⁰¹ Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. СПб., 2014. С. 456.

³⁰² О роли Гегеля как одного из предтеч «философской музеологии» см.: Ананьев В.Г. История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты. М., 2018. С. 53–54.

³⁰³ Shanks M., Tilley Ch. Re-Constructing Archaeology. Theory and Practice. London; New York, 1987. P. 73.

³⁰⁴ Ibid.

сии, так и за рубежом. Так, например, когда в 1913 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча членов Ассоциации руководителей музеев для защиты против подделок и незаконной деятельности, объединявшей элиту музейного мира Европы – директоров и главных хранителей многих художественных и археологических музеев³⁰⁵, наряду с крупнейшими музеями столицы участники посетили и выставку недавно обнаруженных золотых предметов с Юга России³⁰⁶.

Музейная презентация этих находок стала предметом специальной дискуссии весной – летом 1917 г. Тогда при Институте была создана особая комиссия, призванная выработать общий проект особого Министерства искусств, которое бы, среди прочего, взяло на себя заботу «о существующих произведениях искусства и сохранение их в жизни», а также отвечало за сохранение произведений искусства, «вышедших из круга жизни», т. е. создание и деятельность музеев³⁰⁷. Эту комиссию возглавил М.И. Ростовцев. В ее рамках был образован и ряд подкомиссий, одна из которых посвящалась музейному делу и охране памятников (в частности, вопросу о регулировании археологических раскопок). Именно работа в этой подкомиссии и стала первым известным нам случаем сотрудничества Б.В. Фармаковского с Институтом. М.И. Ростовцев выступил на ее заседании с программным докладом «Раскопки и охрана памятников, добытых путем раскопок», а Б.В. Фармаковский участвовал в его обсуждении, солидаризовавшись с основными тезисами коллеги. Тогда же М.И. Ростовцев сделал доклад на тему «Центральный археологический музей», в котором не только обосновал необходимость того, что такой «музей должен сосредоточить в себе вещи, найденные в России», но и особо подчеркнул: «При размещении предметов необходимо сделать их живыми и поучительными, то есть предварительно разобравшись в их назначении и в их принадлежности к тому или другому целому. В большинстве случаев предметы должны быть размещены по отдельным находкам с выставлением тут же планов, разрезов или моделей тех сооружений, где предметы были найдены, если это важно для понимания самих предметов»³⁰⁸. Продолжением именно этой дискуссии и назовем в 1926 г. обсуждение доклада Б.В. Фармаковского о Эллино-скифской выставке О.Ф. Вальдгауер³⁰⁹.

Впоследствии и сам О.Ф. Вальдгауер, еще в ноябре 1918 г. ратовавший за создание в структуре Эрмитажа особого Отделения археологии России³¹⁰,

³⁰⁵ О ней см.: Ананьев В.Г. История зарубежной музеологии. С. 288–294.

³⁰⁶ Verhandlungen der sechzehnten Versammlung des Verbands von Museums-Beamter zur Abwehr von Fälschungen und unlauterem Geschäftsgebaren. St. Petersburg, 16/25. September 1913. Hamburg, [1913]. S. 27.

³⁰⁷ См.: Курбатов В.Я. Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств? Доклад, прочитанный по поручению Совета Института истории искусств на совещании деятелей искусства 7 марта 1917 года. Пг., 1917.

³⁰⁸ Подробнее о дискуссии см.: Ананьев В.Г. «До сих пор нет археологического музея в настоящем смысле этого слова». Петроград: Проекты и планы 1917 г. // Российская археология. 2017. № 2. С. 172–177.

³⁰⁹ См. ниже.

³¹⁰ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. I. 1917–1919 годы. С. 200.

неоднократно указывал на необходимость выделения именно южнорусского археологического материала³¹¹. 3 марта 1924 г. он же на заседании Совета Эрмитажа выступил с сообщением «о желательности устроить выставку, посвященную греческой культуре на Юге России». Совет тогда постановил: «Принципиально одобрить, просить Российскую Академию истории материальной культуры передать нужные для выставки предметы»³¹².

Недоступность этого материала для исследователей, не связанных с Эрмитажем, вызывала резкую критику. С.А. Жебелёв негодовал в письме Н.П. Кондакову от 17 декабря 1924 г.: «Южнорусские вещи, сибирские, сасанидские еще не выставлены. Фармаковский – он теперь хранитель Эрмитажа – давно устраивает выставку вещей из Ольвии, Херсонеса и Керчи, но пока и ее нет, так что не эрмитажному человеку заниматься южнорусскою классическою археологией нечего и думать, да и византийской тоже и кладами – ничего не выставлено»³¹³. И добавлял 10 февраля 1925 г.: «А ольвийский материал лежит без движения; чуть ли не более года [Б.В. Фармаковский – *В.А.*, *М.Б.*] устраивает в Эрмитаже ольвийскую выставку»³¹⁴.

Этот конкретный материал представлял существенный интерес и в свете того, что современные исследователи определяют как «позднеимперскую эпистемологическую революцию»³¹⁵, в основании которой покоились «скрещивание дисциплин и подходов в рамках крупных территориальных, природных и темпоральных структур; деконструкция утвердившихся холистических иерархий (таких, как “Восток” и “Запад”); и, самое главное, принятие гибридности не столько в качестве маргинального отклонения, сколько как нормы»³¹⁶. Нет ничего странного в том, что именно в конце 1920-х гг., т. е. в период, когда те же исследователи фиксируют определенный разрыв господствующих дискурсов с эпистемой гибридности³¹⁷, в музейной экспозиции находит прямое отражение концепт, являвшийся для нее ключевым: концепт «гибридизации (“скрещения”)” изначальных элементов (“характеристик”), которая позволяет развиваться новой системе, несущей на себе мало сходства с изначальными “семьями”»³¹⁸. Именно на позднеимперскую эпоху и приходится период формирования эпистемологических установок, определявших научное мировоззрение создателей экспозиции (О.Ф. Вальдгауера, Б.В. Фармаковского), повлиявших и на представления своих учени-

³¹¹ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года. С. 60.

³¹² Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 647.

³¹³ Цит. по: Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 742.

³¹⁴ Там же. С. 752.

³¹⁵ Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. Hybridity: Marrism and the Problems of Language of the Imperial Situation // *Ab Imperio*: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2016. № 1. С. 27–68.

³¹⁶ Ibid. P. 54.

³¹⁷ Ibid. P. 56.

³¹⁸ Ibid. P. 35.

ков, также участвовавших в ее строительстве (Г.И. Боровка³¹⁹). В этом смысле, увлечение того же Б.В. Фармаковского социологией искусства отчасти может быть понято и как интуитивный поиск не просто соответствующей времени (не говоря – модной) формы, но как попытка найти подходящий вокабуляр для идей, сформировавшихся раньше и плохо формулировавшихся на языке «старой» науки.

Эллино-скифская выставка представляла практически идеальный материал для демонстрации того, как из скрещения изначальных отличных друг от друга элементов (греческого и скифского) развивалась совершенно новая система («Русский Антик»), мало напоминавшая изначальные «семьи» («особый Антик»). В содержании доклада этот тезис (возможно, проводимый без эксплицитного представления его эпистемологических основ, как парадигма – базовая, а потому не всегда видимая) проводился Б.В. Фармаковским вполне последовательно.

Отметив в начале доклада вклад Н.П. Кондакова в выделении значения «южнорусской культуры»³²⁰ для дальнейшего развития русского искусства, далее Б.В. Фармаковский переходит к вкладу своего друга и коллеги М.И. Ростовцева в исследование истории Южной России.

М.И. Ростовцев и Б.В. Фармаковский были не просто коллегами, но – друзьями и соавторами. Между тем, история дружбы и сотрудничества двух выдающихся ученых еще не написана, хотя именно дружескими отношениями с Б.В. Фармаковским объясняется тот факт, что М.И. Ростовцев в период до 1917 г. написал целый ряд работ по истории Южной России³²¹.

К настоящему времени опубликовано лишь одно письмо М.И. Ростовцева к Б.В. Фармаковскому³²². Оно хранится в Отделе рукописей Научного архива ИИМК РАН. Письмо было отправлено 1 августа 1918 г. в период двухмесячного пребывания адресанта в Швеции. Формально М.И. Ростовцев числился в командировке³²³, фактически, как следует из этого же письма, направлялся в Англию³²⁴. Как следует из более позднего письма академику Н.Я. Марру от 12 апреля 1921 г., он принял решение эмигрировать и не возвращаться в Россию, пока в ней правят большевики³²⁵. Письмо Б.В. Фармаковскому содержит несколько просьб по присылке книг, журналов и фотографий, необходимых для работы, раздаче его собственных книг, вышедших

³¹⁹ Боровка Григорий Иосифович (1894–1941) – археолог-иранист, ученик М.И. Ростовцева, Б.В. Фармаковского, С.А. Жебелёва; с 1918 г. – в Эрмитаже; с 1919 г. – сотрудник РАИМК; с 1920 г. – профессор Археологического института.

³²⁰ Здесь Б.В. Фармаковский, определенно, имеет в виду культуру древнего (античного) периода.

³²¹ Бауэрсок Г. Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хейвеном // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 152.

³²² Письма М.И. Ростовцева И.В. Помяловскому, С.Ф. Платонову и Б.В. Фармаковскому / Публ. В.Ю. Зуева // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 428–430.

³²³ См.: Бонгард-Левин Г.М. Отчет М.И. Ростовцева о зарубежной научной командировке в 1918–1919 гг. // Вестник древней истории. 1994. № 3. С. 230–238.

³²⁴ См.: Бонгард-Левин Г.М. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 124–145.

³²⁵ См.: Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелёву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру / Публ. И.В. Тункиной // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 414–415.

после отъезда в Швецию, коллегам, М.И. Ростовцев выражает надежду на поддержание научных контактов с «западом», просит сообщить последние сведения о событиях в музейной жизни, кратко пишет о результатах своей работы в Швеции, просит передать другие письма.

Между тем объем корреспонденции, которой обменивались ученые, весьма велик. Так, письма М.И. Ростовцева Б.В. Фармаковскому за период 1900–1916 гг. хранятся в собрании Российского Государственного исторического архива (РГИА)³²⁶ и еще ждут своего исследователя. О близких контактах ученых свидетельствует и тот факт, что Б.В. Фармаковский хранил и записные книжки своего коллеги³²⁷ и вообще спас ту часть архива М.И. Ростовцева, которая в итоге оказалась в РГИА³²⁸.

Как признавался М.И. Ростовцев своему коллеге-иранисту Э.Х. Миннзу в письме от 6/9 января 1914 г., «все продолжаю спорить с Фармаковским о датах»³²⁹ – истина была для него важнее дружбы. В одном из следующих писем, отправленных Э.Х. Миннзу уже из Англии 12 января 1919 г., М.И. Ростовцев в числе «друзей и знакомых», за судьбу которых он тревожился, называет В.В. Латышева³³⁰ и Б.В. Фармаковского³³¹. В октябре 1921 г., как явствует из очередного письма, М.И. Ростовцев пересылал коллеге в Петроград посылку «с вещами»³³². Впрочем, и особенности характера Б.В. Фармаковского были М.И. Ростовцеву хорошо известны. Так, в одном из писем Э.Х. Миннзу он противопоставляет О.Ф. Вальдаугера как «человека дела» своему другу, который «будет тянуть»³³³. О близости ученых говорится в одном из последних писем М.И. Ростовцева к Э.Х. Миннзу (от 3 сентября 1942 г.). Говоря о коллегах, он причисляет Б.В. Фармаковского (наряду с С.А. Жебелёвым, Я.И. Смирновым³³⁴, Г.Ф. Церетели и А.А. Васильевым³³⁵) к «нашему маленькому кружку классиков и археологов»³³⁶.

³²⁶ РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 275.

³²⁷ Зуев В.Ю. Краткий обзор фонда М.И. Ростовцева из Центрального государственного исторического архива СССР (Ленинград) // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 146 (прим. 6), 149.

³²⁸ Там же. С. 151.

³²⁹ Цит. по: Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 481.

³³⁰ Латышев Василий Васильевич (1855–1921) – филолог-классик, эпиграфист, академик ИАН (1893), директор Историко-филологического института (1903–1918).

³³¹ Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза. С. 482.

³³² Там же. С. 489.

³³³ Там же. С. 492.

³³⁴ Смирнов Яков Иванович (1869–1918) – археолог, искусствовед, действительный член РАН (1917); с 1897 г. – на различных должностях в Эрмитаже.

³³⁵ Васильев Александр Александрович (1867–1953) – российский, американский историк-византист, арабист, член-корреспондент РАН (1919), с 1925 г. – в эмиграции, профессор Висконсинского университета.

³³⁶ Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза. С. 514.

Элементом, объединявшим культуру региона от Дальнего Востока до Балкан, для М.И. Ростовцева служил так называемый звериный стиль – четкий маркер прямого или косвенного присутствия в культуре многочисленных и часто неродственных народов влияния иранской культуры. Искусство иранских кочевников Южной России и Сибири, вероятно, привлекло внимание М.И. Ростовцева еще в студенческие годы в период занятий историей искусства в семинаре Н.П. Кондакова. Уже к 1913 г. он смог дать вполне завершенные предположения о возможных путях происхождения и эволюции так называемого звериного стиля³³⁷ – основного направления искусства иранских кочевников, обогативших искусство народов как Дальнего Востока (Китая), так и Месопотамии и Балкан. Особенности звериного стиля, его история, в значительной степени составляют предмет исследований М.И. Ростовцева, подготовленных в доэмигрантский период – «Эллинизма и иранства на юге России» (Пг., 1918) и «Скифии и Боспора» (Пг.), подготовленной к печати в 1918, но изданной только в 1925 г. Однако наиболее плодотворным оказался период после отъезда в эмиграцию, именно к нему относится статья «Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля»³³⁸, написанная в 1921 г. для журнала «L'art russe»³³⁹. В ней были даны законченные характеристики сути звериного стиля, рассмотрены хронологические и территориальные особенности искусства иранских кочевников на территории от Китая до Западной Европы и Скандинавии.

«Искусство династии Хан, как и одновременное искусство юга России, есть одна из ветвей великого иранского искусства эпохи позднего эллинизма и Ранней Римской империи», утверждал ученый³⁴⁰. И далее: «Результатом этой моей статьи я считаю то, что в ней я дал первое научное доказательство тесной связи китайского и иранского искусства в древнейшей стадии их развития. Обе эти ветви художественного творчества питались из общего источника, который предстоит еще установить, но который, несомненно, связан был с древнейшим искусством Месопотамии. Каждая из них разработала это наследие по-своему: Китай – чисто схематически и с геометрическими тенденциями, Иран – более натуралистически, более живо, но и более грубо, под постоянным влиянием вавилоно-ассирийского, малоазиатского и греческого искусства. Развитие это шло параллельно и в области северных иранцев – скифов, и в Персии. В IV–III вв. до Р. Хр. иранцы вторично понесли свой звериный стиль и на Запад, и на Восток. Западная ветвь укрепились надолго на юге России и оттуда прошла в Центральную Европу и в Северную Европу, в Скандинавию. Восточная пришла вторично в тесное соприкосновение с Китаем эпохи династии Хан»³⁴¹.

³³⁷ М.И. Ростовцев считается автором самого термина «звериный стиль»: Фаркаш Э. М.И. Ростовцев и скифское искусство // Вестник древней истории. 1992. № 3. С. 164.

³³⁸ Ростовцев М.И. Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 180–201.

³³⁹ Бонгард-Левин Г.М. Неопубликованная статья М.И. Ростовцева о зверином стиле // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 179.

³⁴⁰ Ростовцев М.И. Юг России и Китай. С. 195.

³⁴¹ Там же. С. 199.

При этом и в современной исследовательской литературе подчеркивается, что схемы, выработанные М.И. Ростовцевым, не теряют свою актуальность вплоть до настоящего времени³⁴².

Б.В. Фармаковский, прекрасно знавший работы М.И. Ростовцева, опубликованные в России до 1918 г., обратился именно к фигуре старого друга и коллеги для подведения научной основы под концепцию выставки. В докладе Б.В. Фармаковский сразу переходит к термину «Русский антик», который был рожден М.И. Ростовцевым. В передаче Б.В. Фармаковского это понятие обозначает «результат слияния самых различных культурных элементов, в которых большую роль играет элемент Восточной культуры. “Русский Антик”, т. о., сложное культурное явление, распространившееся от северного побережья Черного моря, до дальневосточных границ». Как видим, это почти идеальное по точности определение центрального звена той самой эпистемологической революции, о которой говорилось выше. Затем Б.В. Фармаковский фактически отождествляет «Русский антик» и Южную Россию в понимании М.И. Ростовцева.

В данном высказывании просматривается отсылка к одной из основополагающих работ М.И. Ростовцева по истории Южной России – обширного региона от Причерноморья до Центральной Азии, в предисловии к которой говорится о сложении истории этого обширнейшего региона под влиянием культур Центральной и Малой Азии, Кавказа, Месопотамии³⁴³. «Южная Россия всегда была и оставалась даже в греческий период восточной страной», подчеркивал М.И. Ростовцев³⁴⁴. Вероятно, именно на этот вывод³⁴⁵ коллеги и ориентировался Б.В. Фармаковский.

Далее в своем докладе Б.В. Фармаковский переходит к характеристике процессов колонизации греками Понта Эвксинского, говорит о роли, которую Северное Причерноморье и степной регион играли в экономической жизни метрополий, о процессах взаимного культурного влияния, которые и привели к сложению уникальной культуры Южной России – «Русского антика».

Ученый характеризует важность экспонирования греческого и «варварского» материала в непосредственной близости друг от друга с тем, чтобы привнесенные элементы были четче видны. В завершении доклада он переходит к схеме исторического развития Причерноморья, выделяя четыре главных этапа в хронологии отношений античного мира и Причерноморья. В целом эта схема соответствует и современным представлениям о развитии греческой колонизации Понта Эвксинского.

³⁴² «Можно не соглашаться с деталями той или иной интерпретации или отмечать ошибки, связанные с неправильными датировками, но при обращении к его работам нельзя не удивляться тому, насколько мало мы ушли от общей созданной им схемы и как часто справедливость его суждений доказывается современными открытиями <...> Сегодня <...> мы по существу просто развиваем идеи, выдвинутые Ростовцевым» (См.: Фаркаш Э. М.И. Ростовцев и скифское искусство. С. 165–166).

³⁴³ Rostovtzeff M.I. *Iranians and Greek in South Russia*. Oxford, 1922. P. VIII.

³⁴⁴ Ibid. P. IX.

³⁴⁵ Позже мнение М.И. Ростовцева о доминировании тех или иных элементов в древней культуре Южной России изменилось; см.: Бауэрсок Г. Южная Россия М.И. Ростовцева. С. 160.

Любопытным кажется и тот обмен мнениями, который вызвал доклад Б.В. Фармаковского. В прениях по докладу Г.И. Боровка, возглавлявший Скифскую секцию Эллино-скифского отделения Эрмитажа³⁴⁶, также ссылаясь на мнение М.И. Ростовцева – одного из своих учителей, снова подчеркнул необходимость более четкого выделения скифского элемента в южнорусской культуре. Боровка настаивал на необходимости выделить пути развития «Русского антика», истоки которого, по его мнению, лежали в Сибири и на азиатских окраинах³⁴⁷, и акцентировать не наиболее яркие памятники, а вещи бытового назначения, маркеры массовой культуры. Еще в августе 1926 г. он направил докладную записку соответствующего содержания возглавлявшему Отдел древностей О.Ф. Вальдгауеру, в которой, опираясь на собственный опыт, полученный в только что завершившейся Монгольской экспедиции П.К. Козлова, предлагал фактически сместить основные акценты экспозиции со связей скифской причерноморской культуры и эллинской на отношения первой к культурам центральноазиатским³⁴⁸. Этого не произошло, но сама постановка вопроса была чрезвычайно плодотворной. Поднимались в ходе обсуждения также вопросы доступности материала рядовому посетителю и соотношения типового и уникального.

Итоги обсуждению подвел председатель секции О.Ф. Вальдгауер, закончивший свое выступление словами: «Новые научные взгляды, новые представления о нашем прошлом должны быть наглядно выявлены в материале, и прочитаны посетителем. Музей ничто иное, как вещная книга». В данном случае в этой книге прочитывается не только история изучения конкретного исторического материала («русского Антика») в конкретной историографической ситуации, но и история того общего интеллектуального контекста эпохи, без понимания которого невозможно и правильное осмысление ни самой научной концепции, ни ее визуального воплощения в музейном пространстве. История исторической науки и история музейного дела встречаются, и встреча эта происходит в пространстве истории культуры.

³⁴⁶ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года. С. 59.

³⁴⁷ При этом сам М.И. Ростовцев считал родиной «звериного стиля» Центральную Азию и Алтай.

³⁴⁸ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года. С. 63–65.

[136]

ПРОТОКОЛ³⁴⁹

XXIII открытого заседания Музейной Секции КСИИ ГИИИ от 2/XII-26 г.

Предмет занятий:

I/ Доклад Б.В. ФАРМАКОВСКОГО: «Эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа».

Председатель О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР, Секретарь П.Н. ШУЛЬЦ.

Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ начинает доклад указанием на сложность музейного дела, в котором много невырешенных и неясных вопросов. Предстоит большая длительная проработка вопросов экспозиции археологических материалов, прежде чем в этой области будет достигнута ясность и договоренность между отдельными археологическими музеями. Основные принципы экспозиции археологического материала можно наметить, таким образом, только в самых общих чертах.

В состав эллино-скифского отдела Государственного Эрмитажа входит очень разнообразный и, подчас, не связанный между собой материал. Так как Эрмитаж рассматривался в дореволюционное время – как музей искусства, то в него поступали преимущественно художественные материалы, добытые в могилах и городах Юга России. Основной частью эрмитажной коллекции являются материалы, поступившие из хранилищ бывшей Императорской Археологической комиссии. Главные материалы поступили из Пантикапеи: имеются коллекции из Березани, из Феодосии, с Таманского полуострова, из Ольвии. Наряду с керамическим материалом, имеются обломки монументальной скульптуры, ценнейшие коллекции надгробных памятников и надписей; есть несколько саркофагов; бронза, железо и свинец имеются в собрании в изобилии. Главная масса керамических изделий является импортом из Греции, Малой Азии и Италии. Имеется группа местной керамики, представляющей большой интерес, т. к. она рисует нам местную керамическую культуру, отчасти сохраняющую традиции догреческой керамики, отчасти имитирующую греческие образцы.

Опыт организации эллино-скифских выставок в Эрмитаже имеется налицо. В свое время в Эрмитаже была устроена выставка южнорусских драгоценностей. Выставка, блестящая драгоценностями, роскошно размещившаяся в двадцатиколонном зале³⁵⁰, имела успех. Она привлекла широкое внимание не только в России, но и на Западе. В [136 об.] настоящее время готовится к открытию новая эллино-скифская выставка Государственного Эрмитажа.

Изучение южнорусского античного материала идет давно, но это изучение не находило до сих пор достаточного выявления в выставочном деле. Эллино-скифская выставка в своем устройстве должна, конечно, исходить из тех научных представлений, которые мы имеем о «русском антике» к нашему дню.

³⁴⁹ Авторы признательны Е.В. Аброськиной (МАЭ РАН), осуществившей компьютерный набор документа.

³⁵⁰ Зал №130 в Новом Эрмитаже, изначально предназначавшийся для экспонирования античных ваз.

Значение южнорусской культуры для дальнейшего развития русского искусства было отмечено еще Кондаковым. М.И. РОСТОВЦЕВУ принадлежит термин «Русский Антик». Русский Антик РОСТОВЦЕВ рассматривает, как результат слияния самых различных культурных элементов, в которых большую роль играет элемент Восточной культуры. «Русский Антик», т. о., сложное культурное явление, распространившееся от северного побережья Черного моря до дальневосточных границ. Одной из основных задач выставки является характеристика этой сложной культуры и выяснение ее составных элементов.

Новый отдел Эрмитажа строится в пролетарском государстве. В противовес первой эллино-скифской выставке, устроенной в императорском Эрмитаже и рассчитанной на декоративный эффект, новая выставка ставит задачей воспроизвести на материале те процессы, которые переживались в русском Антике.

Новая выставка строится на научных основаниях и стремится развернуть материал так, чтобы он был доступен для обозрения широких масс. В этих целях материал должен выстроиться в научную, логически ясную систему. Экспозицию нельзя ограничить раскрытием ценности отдельных объектов. Задачей научной экспозиции является не раскрытие материала, «как такового», а раскрытие общественного процесса. Материал расставляется так, чтобы через него мы могли вычитать процесс диалектического развития.

Коллекции, которыми располагает Отдел, относятся не только к искусству, но и к культуре. Эллино-скифский отдел Эрмитажа музей культуры, но не искусства. Художественный памятник рассматривается в нем не как предмет самодовлеющего искусства, но как памятник конкретного культурно-исторического развития, как памятник вполне определенной общечеловеческой. Возможность наиболее глубокого [137] подхода к памятникам – осуществляет социологический метод. Но одного социологического метода – недостаточно. Его нужно сочетать с методом эволюционным. Экспозиция должна раскрывать социологическую сущность памятников и их движение в эволюционном процессе. Экспозиция эллино-скифского отдела должна воспроизвести на материале те процессы, которые переживались в русском Антике.

«Русский Антик» – особый Антик. Греческий мир попадает на Юге России в обстановку мира варварского. Эллины едут на Понт Евксинский для хозяйственной эксплуатации колоний. Эллино-скифский мир является одной из крупнейших экономических баз существования античного мира. Юг России, в известной мере, обеспечивал пышный расцвет античной культуры. Северное побережье Черного моря играло роль тыла, который питал центр.

Эллины, вступая на почву Юга России, сталкиваются с варварской местной культурой. Две общественности, колоссально разнящиеся – создают эксплуатацию слабых сильными. Эллины – активная сила, с громадным техническим производством. Античная культура в силу своего превосходства не могла не повлиять на местную варварскую культуру. В результате взаимодействия обеих культур и создавалась своеобразная Эллино-скифская культура Юга России.

Указанные предпосылки решают вопрос о местонахождении музея эллино-скифской культуры. Последний должен быть приурочен к такому музею, где хорошо представлена культура античная. Таким музеем является Государственный Эрмитаж. Соседство античного материала с «Русским Антиком», выяснит зависимость последнего от культуры Эллады, и оттенит своеобразные черты русской античности, явившиеся в результате слияния местной культуры с культурой западной.

Для того чтобы посетитель музея мог полнее ознакомиться с южнорусской культурой, очень желательно пополнение оригиналов вспомогательными материалами (картинами, слепками и пр.). Художественный материал музея должен быть так развернут, чтобы за ним раскрывалась культурная среда, родившая данные вещи. Вот почему самым рациональным способом экспозиции археологического материала является расположение его по археологическим слоям.

Каждый археологический слой того или иного греческого населения откладывается вполне определенной эпохой. Слои Ольвии [137 об.], Пантикапеи и других городов Юга России, относящиеся к той или иной эпохе, совпадают по своему содержанию. Это говорит за наличие общих черт в культурном развитии городов Юга России. Это отчасти объясняется тем, что море устанавливало между городами тесную связь.

При экспозиции внутри каждого слоя следует разделять материалы местные и завозные. Весь материал может быть развернут в выставку, раскрывающую основные вехи развития южнорусских городов эллино-скифского времени. Весь материал следует подразделить на 2 группы: группу греческого и группу скифского материала. В основу экспозиции кладется, т. о., признак времени и пространства.

Резюмируя доклад, Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ устанавливает в южнорусских греческих городах наличие четырех основных археологических слоев:

1 слой – эпоха ионийской колонизации. Доминирование ионийской культуры. Ионийские завозные вещи. Вторая половина VII–VI в.

2 слой – Эпоха аттической гегемонии. Доминирование афинской культуры. Расцвет колоний. V–IV в.

3 слой – Эллинистическая эпоха. Наличие некоторого упадка культуры. Новый расцвет в эпоху Митридата III–II в.

4 слой – Рим. Новый археологический пласт. Наличие некоторого подъема. Укрепления. Стены. I–III в. по Р.Х.

Указанная последовательность слоев даст канву развертывания выставочного материала. Смена слоев будет характеризовать смену культур, протекавшую на Юге России.

* * *

О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР предлагает желающим высказаться по докладу Б.В. ФАРМАКОВСКОГО.

Слово берет Г.О. БОРОВКА, отмечающий обстоятельность развернутых Б.В. ФАРМАКОВСКИМ теоретических предпосылок музейного дела, обосновывающих выставочную экспозицию материалов по русскому Антику.

Оппонент указывает, что докладчик оперирует по преимуществу материалом южнорусских городов. Второй половине русско-античного мате-

риала – скифскому, варварскому миру, докладчик уделил мало внимания. Скифы остаются в тени. Между тем Юг России – единый культурный организм, что раскрыто М.И. РОСТОВЦЕВЫМ. Ростовцев вскрывает картину влияния форм эллино-скифской культуры на позже слагающуюся русскую культуру. Эрмитажное собрание дает возможность уяснить тот туземный элемент, который имеется в эллино-скифской культуре [138]. Корни этой туземной культуры следует искать на Востоке. В Сибири мы находим предметы бронзового века, совершенно однородные со скифской культурой. Границы этой туземной культуры распространяются до Китая. Туземная часть Антично-русской культуры, очевидно, вышла из Азиатских окраин. Перед эллино-скифским музеем встает, таким образом, определенная задача связать уголок античного мира с широким распространением скифо-сибирской культуры. Задачей музея является развертывание истории русского Антика, выяснение генезиса скифо-сибирской культуры, явившейся из слияния скифского и античного элемента.

Первоначально античная культура не связана со скифской местной культурой. Но затем эти культуры срастаются, образуя новый своеобразный культурный пласт. Чрезвычайно интересно проследить наличие туземной культуры в быту греческих городов. В надгробных памятниках античные элементы начинают срастаться с формами туземной скифской культуры. В результате этих процессов создается пышный росток Сасанидской культуры. Волны скифо-сибирской культуры докатываются до границ Китая и там вступают в теснейшее взаимоотношение с культурой Китайской, создавая экзотический сплав античного, скифского и китайского элемента.

Местом для такого собрания, которое свяжет эту большую историческую картину в единое целое, является Эрмитаж. Практическое осуществление такой выставки – задача нелегкая. Мешают не только технические трудности, но и трудности теоретические. Задача – заставить говорить памятники сами за себя. В основу выставочного плана следует положить культурно-исторический признак. В основу экспозиции будет положен комплексный метод. При экспозиции скифских курганов должен быть воспроизведен весь комплекс найденных в них предметов, с точной характеристикой условий их замечания. Вещи должны быть дополнены чертежами и фотографиями.

На выставке важно показать, как культура греческая проникается элементами скифской культуры. Не следует скифские вещи, найденные в городах, из материалов этих городов исключать, так как это наглядно покажет наличие скифского элемента в культуре греческих городов. В заключение Г.О. БОРОВКО подчеркивает, что в старом [138 об.] Эрмитаже выставлялись вещи «показные», импонировавшие вкусу любителей и знатоков; в Новом Эрмитаже из кладовых будут извлечены вещи бытового значения, и выставка будет носить не «эстетический», а культурно-исторический характер.

К.К. РОМАНОВ сомневается, можно ли в Эрмитаже осуществить выставку «быта» колоний. Бытовым материалом эллино-скифский отдел в достаточном количестве не располагает. Выставка неизбежно приобретет характер выставки «роскошного импорта».

А.П. ЧЕРЕШКОВ отмечает, что дополнения Г.О. БОРОВКА рисуют чрезвычайно интересную картину. В своем докладе Б.В. ФАРМАКОВ-

СКИЙ орудует по преимуществу импортным материалом. Г.О. БОРОВКА предлагает показать связь между местной и наносной культурой.

Оппонента интересует вопрос – какими средствами имеющиеся в отделе памятники можно сделать доступными экскурсионному посетителю. Посетитель с трудом воспринимает Эрмитажный материал. Если выставка стремится повернуться лицом к массам, то этот принцип следует проводить с твердой последовательностью. В этих целях необходимо рядом с поврежденными оригиналами ставить реконструкции. Музейщики к своему делу должны привлечь архитекторов и художников для реконструкции поврежденных вещей. Следует уточнить вопрос, на кого в музее установка, на массы или на исследователя. В этом вопросе компромиссность только повредит делу.

В.М. КРЕМКОВА высказывается за желательность заслушания в музейной секции доклада Г.О. БОРОВКА, по вопросам экспозиции скифского материала. Постановка вопроса, выдвинутая Г.О. БОРОВКА, чрезвычайно интересна. Оба доклада друг друга дополняют.

П.Н. ШУЛЬЦ задает вопрос докладчику, как мыслит последний экспозицию погребальных комплексов. Будут ли материалы некрополей греческих городов выставляться отдельно от городских материалов или же каждому городскому археологическому слою будет сопутствовать экспозиция погребальных комплексов соответствующей эпохи.

Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ в заключительном слове указывает, что все сказанное Г.О. БОРОВКА несколько не противоречит, а напротив, лишь дополняет положения докладчика. Разумеется, развернутую в докладе и дополненную Г.О. БОРОВКА картину выставки можно будет осуществить лишь при наличии постоянного пополнения Эрмитажного материала. Для полноты картины желательны, конечно, и реконструкции, о которых говорил А.П. ЧЕРЕШКОВ, но последние, к сожалению, трудно осуществимы из-за недостатка денежных средств. Что касается погребальных [139] комплексов, то последние рациональнее всего выставлять как иллюстрацию к слоям городским.

О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР благодарит докладчика и напоминает собранию, что в марте 1917 г. в Институте Истории Искусств в музейной комиссии под председательством М.И. РОСТОВЦЕВА обсуждался вопрос о необходимости выделения южнорусского материала Эрмитажа в отдельную группу. Тогда этот материал был не ясен. Сейчас он выяснился. В текущем собрании О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР видит прямое продолжение и отчасти завершение того дела, которое было начато в 1917 году.

Главнейшую задачу русских антиковедов О.Ф. ВАЛЬДГАУЕР видит в изучении южнорусского материала, в исследовании скифской культуры, культуры южнорусских степей. Античный и скифский материал Юга России не следует рассматривать, как нечто раздельное. Это два взаимодействовавших элемента, сложившихся в культуру Русской Античности.

Секция изучения Петербургского искусства ГИИИ доказала, что иностранные художники коренным образом перерабатывались, попадая в обстановку русской культуры. Среда всегда накладывает на искусство свой налет. Среду следует рассматривать, как элемент творческий, влияющий на

творчество мастеров. Грек Юга России – грек особого порядка, находившийся под непосредственным влиянием культуры варварской. В его творчестве следует искать следы местных влияний. Музейное строительство должно с этим считаться. Основным принципом экспозиции южнорусского материала должен явиться не историко-художественный, а культурно-исторический метод.

Эллино-скифская выставка – выставка истории материальной культуры. Через эту выставку перед нами открываются совершенно новые культурно-исторические перспективы, совершенно новый взгляд на истоки русской культуры. Поэтому выставка должна быть доступной не только специалистам, но и широким массам.

Новые научные взгляды, новые представления о нашем прошлом должны быть наглядно выявлены в материале и прочитаны посетителем. Музей ничто иное, как вещная книга.

Председатель

Секретарь

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 136–139.

Эволюция социального облика и статуса частного коллекционера в России XIX – начала XX веков

Аннотация: В статье изучается изменение социально-сословных характеристик и общественной роли частных коллекционеров в дореволюционной России в 19 – начале 20 веков. Автор рассматривает частное коллекционирование как пространство интеллектуального диалога представителей разных сословий и социально-профессиональных групп Российской империи: аристократов, разночинной интеллигенции, купцов и мещан, включая старообрядцев и выходцев из крепостных крестьян. Процесс расширения социума частного собирательства в России 19 – начала 20 веков совпадает с ростом доступности частных исторических и художественных собраний вплоть до создания частных музеев и передачи коллекций государству.

В 1890-х – 1910-х гг. деятельность ведущих коллекционеров является предметом внимания российской прессы, выдвигавшей на первый план социальные аспекты собирательства и проблемы охраны памятников истории и культуры. Дискуссии в среде ученых и деятелей культуры вращались вокруг компетентности собирателей и историко-художественной ценности коллекций. В целом, изучение мемуарных и публицистических источников показало, что в российском обществе середины 19 – начала 20 веков утвердилось представление об «истинном собирательстве», соединяющем глубокие знания и бескорыстную любовь к истории и искусству.

Ключевые слова: история России Нового времени, сословия дореволюционной России, частное коллекционирование, меценатство, музейное дело.

The evolution of social appearance and status of a private collector in Russia XIX – the beginning of the XX century

Abstract: The paper studies the change in social-class characteristics and the public role of private collectors in pre-revolutionary Russia in the 19th and early 20th centuries. The author examines private collecting as a space of intellectual dialogue between representatives of different classes and social and professional groups of the Russian Empire: aristocrats, heterogeneous intelligentsia, merchants and philistines, including Old Believers and former serfs. The process of expanding the society of private gathering in Russia in the 19th and early 20th centuries coincides with the increasing availability of private historical and art collections up to the creation of private museums and the transfer of collections to the state.

In the 1890s – 1910s the activities of leading collectors attracted the attention of the Russian press, highlighting the social aspects of collecting and the problems of preserving historical and cultural values. Discussions among scientists and cultural figures revolved around the competence of collectors and the historical and artistic value of collections. In general, a study of memoirs and journalistic sources showed that the idea of "true collecting" combining deep knowledge and an unselfish love of history and art was consolidated in Russian society in the mid-19th and early 20th centuries.

Keywords: The New Age Russian history, the estates of pre-revolutionary Russia, private collecting, philanthropy, museum work.

Введение

В большинстве научных исследований, посвященных отечественному частному собирательству дореволюционной эпохи, затрагивается в той или иной степени вопрос о влиянии социальной динамики на мир российских коллекционеров. Уже в публикациях 1910-х – 1920-х гг. отмечаются изменения в сословной структуре коллекционерского сообщества пореформенной России, прежде всего, широкое вовлечение в орбиту художественного и историко-культурного собирательства представителей купечества и крупного промышленного капитала, а также постепенный упадок дворянских усадеб как основных центров формирования художественных коллекций и библиотек³⁵¹. В 1990-е – 2010-е гг. данные тенденции нашли отражение в монографиях и научных статьях И.В. Саверкиной, Т.П. Каждан, О.В. Игнатевой³⁵².

В новейшей российской историографии значительное внимание уделяется просветительской роли частного собирательства середины XIX – начала XX через открытие частных музеев и передачу собранных коллекций государству³⁵³. При этом и облик частного коллекционирования в целом, и воссоздание судеб и деятельности выдающихся коллекционеров во многих случаях осуществляется сквозь призму сословного подхода, исходя из характеристик «дворянского» или «купеческого» коллекционирования, обусловленных культурным и экономическим контекстом того или иного хронологического периода³⁵⁴.

Цель настоящей статьи – на основе утвердившихся в отечественной исторической науке представлений о сословной динамике мира российских коллекционеров дореволюционного времени рассмотреть особенности трансформации социального облика и общественного статуса частного коллекционера в России XIX – начала XX веков.

Авторская гипотеза предполагает, что российская коллекционерская субкультура (на существование которой указывает, в частности, Л.Г. Клюканова³⁵⁵) XIX века включала внесословные компоненты, на основе которых

³⁵¹ Врангель Н.Н. История русских усадеб и поместий. М.: Эксмо, 2009. 608 с.; и др.

³⁵² Саверкина И.В. История частного коллекционирования в России: Учебное пособие / Вступ. ст. Н.И. Сергеевой; Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. – СПб: СПбГУКИ, 2004. 208 с.; Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. 319 с.; Игнатова О.В., Эволюция частного коллекционирования в русской дворянской усадьбе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 1(39). С. 47–53.

³⁵³ Овсянникова А.М. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. II. С. 66–144; Фролов А. И. Русские коллекционеры и формирование музейного фонда России // Шахматовский вестник. 1993. № 3. С. 9–16; Полунина Н.М. Роль частного собирательства в формировании музеев России. (Начало XVIII – начало XX вв.) // Историческому музею – 125 лет: Материалы юбилейной научной конференции, 24–26 февраля 1997 г. / Отв. ред. А.И. Шкурко, В.Л. Егоров. – М.: Изд-во ГИМ, 1998. С. 268–282; и др.

³⁵⁴ Павлова М.А. Частное коллекционирование в России XVIII – начала XX веков (историко-культурный аспект) // Вестник Костромского университета им. Н.А. Некрасова. 2017. Т. 23. № 4. С. 30–35.

³⁵⁵ Клюканова Л.Г. Частное коллекционирование как предмет культурологического исследования // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2015. Т. 210. С. 250.

развивался диалог собирателей – знатоков искусства и старины, представлявших различные социальные страты, друг с другом и с обществом в целом. Особое значение автор придает коллекциям памятников письменности и книжности первой половины XIX в., составление и изучение которых стало, как будет показано далее, уникальной для России того времени сферой интеллектуально-культурного взаимодействия.

В задачу исследования входит изучение вопроса о публичной доступности частных собраний на разных этапах развития отечественного коллекционирования, а также освещение эволюции образа частного коллекционера в глазах российского общества XIX – начала XX веков.

Общетеоретическую основу исследования составляют современные концепции теории и методики исторического познания, изложенные в трудах О.М. Медушевой³⁵⁶, Л.П. Репиной³⁵⁷, Е.И. Пивовара³⁵⁸.

Работа выполнена с применением общих и специальных методов исторического исследования в контексте «новой социальной истории» России Нового времени, с использованием историко-антропологического и социокультурного подходов, позволяющих наиболее эффективно раскрыть специфику феномена частного коллекционирования в ракурсе социально-сословной динамики³⁵⁹.

В статье использованы документы фондов Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), мемуарные и публицистические материалы.

Коллекционирование как диалог интеллектуальных элит в дореформенной России

Несмотря на относительную краткость исторического пути отечественного коллекционирования, появление достоверных письменных свидетельств которого связано с процессом европеизации российского дворянства³⁶⁰, к началу XIX века мир коллекционеров России обладал практически всеми параметрами субкультуры частного собирательства, включая наличие набора мотиваций, свойственных данной деятельности: эстетической, социально-

³⁵⁶ Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания. // Источниковедение и историография в системе гуманитарного знания. Доклады и тезисы XVI научной конференции. Москва, 18–19 апреля 2002. М., 2002. С. 20–26.

³⁵⁷ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.

³⁵⁸ Пивовар Е.И. Теоретические проблемы исторических исследований в новейших вузовских учебниках // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II научных чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко / Отв. ред. Карпов С.П. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 357–368; Он же. Теоретические проблемы изучения и преподавания истории на XX Международном конгрессе исторических наук (Сидней, июль 2005 г.) // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 8–14.

³⁵⁹ Проскурякова Н.А. Новые теоретико-методологические подходы в постсоветской социальной истории XVIII – начала XX вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 2(6). С. 40–53.

³⁶⁰ Чаянов А. Собирательство в старой Москве. Собрания XVI и XVII века // Среди коллекционеров. М., 1922. № 1. С. 29; Опочинин Е.Н. Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины. Из наблюдений и воспоминаний // Наше наследие. 1990. № 4. С. 105.

го престижа, познавательной, патриотической, экономической, сакральной и др.³⁶¹. Частное коллекционирование в Российской империи XVIII–XIX вв. было преимущественно дворянским, поскольку именно это сословие, прежде всего его аристократический сегмент, стремилось к освоению европейской модели образования и культуры, включая традиции собирательства и библиофильства. Именно дворянская элита в эпоху абсолютизма обладала и наилучшими возможностями для осуществления данных потребностей, включая, помимо коллекционирования как такового, приобретение специальных знаний о природе и искусстве, заграничные путешествия и др.

Существенное место в истории частного собирательства в России занимает также старообрядческое коллекционирование, выросшее из стремления сберечь дониконовские атрибуты религиозной жизни, а позднее и памятники светской истории и культуры допетровской Руси. Обособленность внутренней жизни старообрядцев и их оторванность от высшего сословия и его культуры, от европейской образованности, поскольку принадлежность к старообрядчеству в дворянской среде была крайне редким явлением³⁶², обусловили и отдаленность друг от друга этих двух коллекционерских миров. Однако новые явления в общественной жизни России в Екатерининскую эпоху – более толерантная политика в отношении старообрядчества, обусловившая его продвижение в города, становление старообрядческого купечества и новых центров культуры и книжности³⁶³, и, в то же время, возникновение в российской интеллектуальной элите интереса к отечественной истории – создали условия для последующего сближения двух исторических линий отечественного собирательства.

На рубеже XVIII–XIX вв. начинается трансформация сообщества российских коллекционеров – богатых аристократов, происходящая как по линии расширения сферы собирательских интересов, так и в социально-сословном отношении. Наряду с коллекциями античных древностей, предметов роскоши, произведений (нередко поддельных) великих мастеров живописи и других, популярных в этот период предметов коллекционирования, формируются выдающиеся собрания памятников отечественной истории и культуры, прежде всего, письменных источников, как, например, собрание А.И. Мусина-Пушкина³⁶⁴. Интерес коллекционеров к российскому историко-культурному наследию заметно возрастает после Отечественной войны 1812 года и сохраняется как устойчивое явление в последующие десятилетия. Одним из компонентов этого процесса было расширение социального и интеллектуального пространства частного коллекционирования в рамках российского образованного класса того времени, благодаря соединению собирательства с развитием отечественной истории как науки и вспомогательных исторических дисциплин.

³⁶¹ Клюканова Л.Г. С. 250.

³⁶² Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В двух томах / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. – М: Квадрига, 2009. Т.2. С. 384–386.

³⁶³ Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М., 2005. С. 11–12; и др.

³⁶⁴ Моисеева Г.Н. О «Собрании российских древностей» А.И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 14–26,

Как мы знаем, в первой половине XIX века формируется сообщество ученых и любителей старины, непосредственно связанных с Румянцевским кружком или близких к нему по духу и сфере научных интересов, – собирателей рукописей, грамот, старопечатных книг. Большинство из них принадлежит к среде малопоместного дворянства и чиновничества, из которой вырастает новый для России тип коллекционирования и библиофильства: собирание по крупице, на карманные деньги, нередко в ущерб житейским потребностям. Так, с покупок, сделанных в ранней юности на толкучем рынке, начинались личные библиотеки и коллекции П.М. Строева и И.Е. Забелина. Пользуясь современной терминологией, это собирательство можно назвать «бюджетным», поскольку книги, документы, гравюры, за исключением особо ценных образцов, были более доступны для стесненных в средствах любителей старины, чем произведения масляной живописи, изделия из серебра и бронзы, фарфор и т. п.

Существуют, хотя и немногочисленные, примеры создания художественных и историко-культурных коллекций представителями просвещенного купечества дореформенной эпохи, причем речь идет именно о собирательстве, а не о стремлении окружить себя европейской роскошью ради социального престижа. Особое место среди коллекций памятников древнерусской письменности и книжности, созданных в первой половине XIX века, безусловно, занимает собрание И.Н. Царского (1790–1853) – московского купца 1-й гильдии (старообрядца), увлеченного собирателя старины, благотворителя Общества истории и древностей российских и Археографической комиссии. И.Н. Царский был близко знаком с П.М. Строевым, составившим каталоги его коллекций³⁶⁵, и М.П. Погодиным, являлся членом Русского археологического общества, Одесского общества истории и древностей и ряда других научных обществ.

Потомственный иркутский купец, естествоиспытатель и меценат В.Н. Баснин (1799–1876), получивший известность как ботаник, исследователь природы Прибайкалья и коллекционер, к середине XIX века собрал ценную коллекцию европейской и русской гравюры, акварели и графики, а также документов по истории Сибири, ряд которых был в 1875 г. опубликован в «Чтениях ОИДР». Вклад В.Н. Баснина в дело просвещения и культуры Сибири вполне сопоставим с наследием петербургских и московских меценатов, представителей аристократических фамилий – Голицыных, Шуваловых и др.³⁶⁶ Позднее сын, московский адвокат Н.В. Баснин (1843–1918), не только создал на основе отцовского собрания уникальную коллек-

³⁶⁵ Каталог славяно-русских рукописей, принадлежащих московскому первой гильдии купцу и Обществу Истории и Древностей Российских благотворителю Ивану Никитичу Царскому. / Сост. П.М. Строев. М., 1836; Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского первой гильдии купца и Общества Истории и Древностей Российских благотворителя Ивана Никитича Царского. / Изд. П. Строев. – М., 1836; Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической Комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. / Разобраны и описаны Павлом Строевым. М., 1848.

³⁶⁶ Верхоланцев М.М. Воспоминания потомка о сибирских меценатах Басниных, об их житейской мудрости, о вкладе в культуру Сибири и Москвы, написанные на основе мемориалов Василия Николаевича Баснина; Золотая коллекция гравюры. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017.

цию гравюр, хранящуюся в настоящее время в ГМИИ им. А.С. Пушкина³⁶⁷, но и проявил себя как общественный деятель в сфере частного коллекционирования, участвуя по линии Московского общества любителей художеств в организации выставок из частных собраний. Кроме того, в 1896–1917 гг. в качестве душеприказчика коллекционера Н.С. Мосолова он вел дело о передаче его наследства в Румянцевский музей³⁶⁸.

В конце 1840-х – 1850-е гг. начинает создавать свое собрание русской живописи и библиотеку молодой купец-старообрядец, будущий знаменитый московский благотворитель К.Т. Солдатёнков (1818–1901), становление которого как деятеля светской культуры произошло благодаря дружбе с братьями Боткиными и знакомству с Т.Н. Грановским и членами его кружка³⁶⁹. (Особая роль семьи Боткиных, стоявшей «на перекрестке путей, ведущих от старой, дворянско-купеческой России к новым социальным группам: предпринимателей, внесловной интеллигенции»³⁷⁰, была связана, в том числе и с коллекционерской деятельностью Д.П. и М.П. Боткиных.)

В Пушкинскую эпоху, а возможно и ранее, в отечественном сообществе коллекционеров присутствовали мелкопоместные дворяне, купцы и мещане, в том числе выходцы из крепостных крестьян. Соответственно, высшее сословие постепенно утрачивало монополию на коллекционирование как на манифестацию идей Просвещения, наслаждение знанием и красотой³⁷¹. Напомним, в частности, что создатель одного из самых известных историко-культурных собраний середины XIX века, историк и литератор М.П. Погодин был сыном крепостного домоправителя графа И.П. Салтыкова. Бывший крепостной графа Д.Н. Шереметева, художник и реставратор Н.И. Подключников (1813–1867) получил известность как собиратель европейской и русской живописи, старинного оружия и предметов быта. Его коллекция древнерусских нательных крестов была отмечена золотой медалью Парижской выставки 1868 г., за что собиратель удостоился благодарности Александра II³⁷².

³⁶⁷ Шедевры европейской графики из собрания В.Н. и Н.В. Басниных: к 100-летию Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина / М-во культуры Российской Федерации, Гос. музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Гос. ист. музей; сост. Н.О. Веденеева – Москва: Красная площадь, 2010. – 431 с.

³⁶⁸ Баснин Николай Васильевич // Немецкая гравюра. Справочные материалы Электронный ресурс. URL: <http://germanprints.ru/reference/collections/basnin/index.php>

³⁶⁹ Рогачевская М.А. К.Т. Солдатёнков (1818–1901) – миллионер-предприниматель, книгоиздатель, меценат, филантроп // Сибирская финансовая школа. 2013. № 2 (97). С. 130; Соловьева И.Е. Меценатство на рубеже XIX–XX веков как феномен отечественного предпринимательства и культуры // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2013. № 1(5). С. 66–76.

³⁷⁰ Егоров Б. Боткины (Преданья русского семейства). СПб.: Наука, 2004. 320 с.; Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты. Москва: Дрофа, 2009. URL: <https://e-libra.net/read/452973-rossiyskie-predprinimateli-i-mecenaty.html>

³⁷¹ Савинская Л. Знаток живет изучением. Художественный рынок первой половины XIX века и русские коллекционеры западноевропейской живописи. // Мир музея 1995. № 2. С. 23–24.

³⁷² Башилова М.П. Крепостной художник и реставратор Н.И. Подключников. М., 1951. 581 с.; Григорьева Г.Г. Николай Иванович Подключников – художник, реставратор, коллекционер // Нащокинский домик: традиции создания комплексов миниатюрных предметов: Научно-практическая конференция в рамках V С.-Петербургского Международного культурного форума / отв. ред. Г.Н. Костина. – СПб: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2016. С. 4.

Коллекционированием памятников письменности и археологических древностей Пермского края увлекался ученый и просветитель В.А. Волегов (1807–1864) – выходец из горнозаводских крепостных, в 1840-х гг. главным управляющим пермскими имениями графов Строгановых. Совместно со старшим братом, Ф.А. Волеговым (1790–1856), который занимался изучением истории и генеалогии Строгановых, им был собран крупный комплекс документов по истории рода Строгановых, их вотчинного хозяйства и храмостроительства, а также по истории Пыскарского монастыря. Братья Волеговы впервые на Урале начали сбор документальных материалов о крестьянской войне 1773–1775 гг.³⁷³ Археологическое собрание В.А. Волегова было приобретено и преумножено А.Е. Теплоуховым (1811–1885), а затем его сыном Ф.А. Теплоуховым (1845–1905) – также представителями крепостной и посткрепостной интеллигенции. Археологические коллекции Ф.А. Теплоухова в 1880-е – 1900-е гг. получили одобрение ведущих российских ученых-археологов Императорской Археологической комиссии и в настоящее время привлекают внимание исследователей³⁷⁴.

Собирательство порой вырастало из необходимости при выполнении служебных обязанностей: так, ученым и профессорам университетов приходилось покупать книги и рукописи, формировать естественнонаучные коллекции. Пионерами научного коллекционирования в России нередко становились иностранные ученые, являвшиеся носителями европейской традиции библиофильства, создания минц-кабинетов, собраний различных «антиков» и «натуралий». Так, например, ученый натуралист и увлеченный коллекционер Карл Фукс, приглашенный в 1805 г. из Германии в качестве профессора в только что основанный Казанский университет, создал на материале Поволжья и Урала обширные минералогические, ботанические и зоологические личные коллекции, которые были в 1837 г. приобретены Казанским университетом. К. Фукс увлекался также коллекционированием нумизматики, памятников древности и произведений искусства³⁷⁵. Выходец из Саксонии, профессор Московского университета Ф.Г. Баузе (1752–1812) создал уникальную коллекцию древнерусских рукописей и старопечатных книг (почти полностью погибшую в московском пожаре 1812 года), и т. п.

Некоторые представители разночинского собирательства приобщились к коллекционированию, действуя в качестве поставщиков произведений ис-

³⁷³ Шилов А.В. Из истории краеведения на Урале: (краеведческая деятельность Ф.А. и В.А. Волеговых) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX в.): межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1986. С. 29–41; Он же. Из истории интеллигенции Пермского нераздельного имения Строгановых: (В.А. Волегов и его вклад в культуру Прикамья) // Ильинский: Страницы истории: К 425-летию поселка. Пермь, 2004. С. 64–71.

³⁷⁴ Овчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 8. С. 19–27; Игнатъева О.В. Портрет коллекционера отечественных древностей (на материале Пермской губернии) Пятые Чупинские краеведческие чтения: Материалы конференции, Екатеринбург, 16–17 февраля 2010 г. / Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В.Г. Белинского, Институт истории и археологии УрО РАН; сост. Т.А. Колосова. – Екатеринбург, 2010. С. 77–85.

³⁷⁵ Назипова Г.Р. Ученый-коллекционер: к истории частного коллекционирования в дореволюционной Казани // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 5 (45). С. 75–76.

кусства и различных раритетов для ведущих российских коллекционеров и библиофилов – Н.П. Шереметева, А.И. Шувалова, Н.П. Румянцева и др. К первой четверти XIX века относятся отдельные упоминания в прессе о торговцах, имевших репутацию знатоков искусства, археологических памятников, нумизматики. Так, например, Д.А. Лухманов, владевший в первой четверти XIX века магазином роскоши и старинных вещей на Лубянке, «образовал сам себя в познании драгоценных камней, антиков и тому подобного, так что никто не сможет равняться с ним в сей части»³⁷⁶. Известно, что в магазине «известного антикварного торговца» Лухманова нередко бывал граф Д.П. Бутурлин, художественная коллекция и знаменитая библиотека которого погибли во время пожара Москвы³⁷⁷. В мемуарах собирателя монет С.А. Еремеева, опубликованных в «Записках Археолого-нумизматического общества» в 1849 г., упоминается антиквар-нумизмат Е.С. Петров, который торговал в Перинной линии Апраксина двора в Петербурге «старыми монетами, и харатейными рукописями, и старопечатными книгами... Ласковский и приветливый, он всегда был окружен нумизматами и библиофилами»³⁷⁸; и т. п.

Петербургский книгопродавец В.С. Сопиков (1765–1818), у которого А.И. Мусин-Пушкин в 1791 г. купил архив Крекшина, ставший основой для его рукописного собрания³⁷⁹, позднее приобрел известность как ученый-библиограф, в конце жизни служил в Императорской публичной библиотеке, подготовил пятитомный «Опыт российской библиографии» (СПб, 1813–1821). При его книжной лавке действовала библиотека-читальня³⁸⁰.

Старообрядцы-«старинщики» не только торговали старопечатными книгами, иконами и другими памятниками церковного искусства, а нередко и более широким ассортиментом антиквариата, но также выступали в качестве консультантов в области палеографии и иконописи. Ф.А. Толстой много скупал «у раскольников их церковных книг, библий, жития святых и других, так что он очень скоро собрал весьма замечательную коллекцию старопечатных книг и старинных различных актов и сказаний и тому подобного, которую впоследствии купил государь для императорской Публичной библиотеки за семь[десять] тысяч рублей серебром»³⁸¹.

Среди отечественных знатоков и собирателей древностей, вышедших из низов, особое место занимают антиквары-книжники И.Ф. Ферапонтов (1740 – не ранее 1817) и Т.Ф. Большаков (1794–1863), благодаря которым были введены в научный оборот многие уникальные памятники славянской письменности и старопечатные книги. По свидетельству К.Ф. Калайдовича, составившего биографический очерк старейшего российского антиквара,

³⁷⁶ Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы // Отечественные записки. 1820. № 2. С. 229–230.

³⁷⁷ Бутурлин М.Д. Записки // Русский архив. 1897. № II. С. 238.

³⁷⁸ Еремеев С.А. Воспоминания старого собирателя. Цит. по: Материалы для истории русской нумизматики // Нумизматический альманах. 2002. № 1 (20).

³⁷⁹ Мусин-Пушкин А.И. // Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч.2. СПб, 1847. С. 454.

³⁸⁰ Толкунова В.Г. Память его незабвенна для русской библиографии // Записки владимирских краеведов: Сборник статей и материалов. Владимир: Посад, 2004. Вып.6. С. 44–47.

³⁸¹ Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001. С. 166.

лавка Игнатия Ферапонтова стала первой в череде многих уголков книжной и вещевой антикварной торговли, где встречались библиофилы, собиратели рукописей, ученые-палеографы³⁸². Здесь бывали А.И. Мусин-Пушкин, Ф.А. Толстой, П.П. Бекетов, профессора Московского университета А.А. Барсов, Ф.Г. Баузе, Д.Н. Синьковский и др.

В 1830-е – 1850-е годы аналогичным центром притяжения московских любителей старины была книжная лавка Т.Ф. Большакова (старообрядца, мещанина из Боровска), куда также «заглядывали крупные люди и многие высокопоставленные особы»³⁸³. Антиквар «видывал в своей лавке и образованных представителей высшего света, ученых и художников, и простецов-крестьян далеких Севера и Востока России»³⁸⁴. В число его постоянных клиентов входили ведущие ученые-историки и источниковеды, создатели уникальных коллекций памятников письменности, в том числе Н.П. Румянцев, А.С. Уваров, И.Н. Царский, С.К. Солдатёнов, М.П. Погодин, И.Е. Забелин и др. Т.Ф. Большаков являлся также и коллекционером, создавшим богатое личное собрание икон, бытовой и церковной утвари, старопечатных книг и рукописей³⁸⁵. Позднее историк А.А. Кизеветтер очень точно воссоздал собирательный образ «маэстро антикварного дела», собеседника Тихонравова, Забелина, Барсова: «Каргуз, долгополое пальто, сапоги бутылками – заурядный мелкий мещанин. Но в поле духовного зрения этого мещанина умещалось иногда великое богатство умственной культуры прошлых эпох: и древней письменности и старопечатных книг и всевозможных редких изданий XVIII и XIX веков...»³⁸⁶.

Таким образом, можно сказать, что антикварная лавка становилась точкой интеллектуального, в том числе и непосредственного (в рамках, определявшихся сословным этикетом) взаимодействия представителей сообществ, достаточно далеких друг от друга в повседневной реальности первой половины XIX столетия: дворянской аристократии, университетской профессуры, книжников-старообрядцев. Разумеется, тезис о внесословном интеллектуальном диалоге коллекционеров и антикваров дореформенного времени является до некоторой степени условным, однако в сфере науки, искусства и культуры, включая коллекционирование и библиофильство, несомненно, создавались возможности для общения на равных или почти на равных знатоков с разным социально-общественным положением. «Граф Толстой был мой друг и благодетель, – писал П.М. Строев, – ... г. Царский мне также хороший приятель...»³⁸⁷.

³⁸² Калайдович К.Ф. Известия о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811. С. 14–17.

³⁸³ Сын Отечества. 5 (17) октября 1896 г. № 269. С. 3.

³⁸⁴ Георгиевский Г.П. Рукописи Т.Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. VI.

³⁸⁵ Археологическая выставка в Москве: Собрание Т.Ф. Большакова. М., 1890.

³⁸⁶ Кизеветтер А.А. Московские букинисты: Воспоминания // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1932. № 3. С. 169.

³⁸⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды Михаила Погодина. В 22 томах. Кн.6. СПб: Погодин и Стасюлевич, 1892. С. 359.

В пореформенную эпоху роль антикварных книжных и вещевых магазинов как центров общения любителей старины, искусства и книжности еще более упрочилась, при некоторых из них возникали кружки знатоков из числа антикваров и их постоянных покупателей-коллекционеров. Так, в начале XX века в помещении при антикварном магазине В.В. Постникова в Козицком переулке встречались историки, коллекционеры, в том числе А.А. Бахрушин, собиратель историко-художественной коллекции, посвященной театру, и представители артистических кругов – А.Н. Бенуа, А.Н. Сомов, Е.В. Гельцер, А.В. Рахманинов, А.А. Собинов³⁸⁸.

В целом, можно говорить о том, что в течение XIX столетия происходило расширение социальных границ сообщества российских коллекционеров, прежде всего, благодаря общему расширению круга образованных людей России. Существенную роль в изменении облика российского частного коллекционирования сыграл также рост интереса к отечественной истории и культуре в российском обществе, развивавшийся в дореформенный период в непосредственной взаимосвязи с формированием крупных частных собраний памятников письменности. Собираание исторических документов, в том числе, в частных коллекциях и становление научных методов их изучения и публикации взаимно стимулировали друг друга. В конце XIX – начале XX вв. создаются внесловесные объединения коллекционеров и библиофилов, как, например, Русское библиографическое общество (1900 г.), в состав которого входили антиквары-книготорговцы А.А. Астапов и П.П. Шибанов, коллекционеры А.А. и А.П. Бахрушины, князь А.И. Урусов и др.³⁸⁹.

Частная коллекция и российский зритель: от кружка ценителей к общедоступному музею

Одной из важнейших тенденций в развитии сферы частного коллекционирования в России второй половины XIX – начала XX вв. явилось создание частных музеев, доступных для посещения, в ряде случаев с последующей передачей их в государственное или общественное пользование. Безусловно, доступность первых государственных и частных галерей и музеев дореформенного времени была относительной, ограничиваясь образованной, преимущественно дворянской публикой. Картины, скульптуры, шпалеры и другие коллекционные предметы роскоши, заполнявшие столичные дворцы и загородные усадьбы российских вельмож эпохи абсолютизма – И.И. Шувалова, А.С. Строганова, А.А. Безбородко, М.П. Голицына, Н.Б. Юсупова и др. – были открыты для публики во время балов и приемов. М.Ф. Каменская в своих мемуарах, в главе, относящейся к Петербургу середины 1820-х гг., упоминает о старинной серебряной и золотой посуде и «древнем» саксонском фарфоре, выставлявшихся на обозрение гостей в доме графа Г.Г. Кушелева, и об «этрусском кабинете», который

³⁸⁸ Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1994. С.92.

³⁸⁹ ОПИ ГИМ. Ф.1. Оп.1. Ед.хр. 153. Л.5.

она осматривала во время раута у графини А.Г. Лаваль³⁹⁰. Любители искусства получали доступ в частные картинные галереи для копирования картин. Например, А.П. Елагина, проводя лето 1833 г. в Архангельском, сделала копии нескольких картин юсуповской галереи³⁹¹, и т. п. Тот факт, что ознакомление с сокровищами из частных собраний составляло часть дворянской культуры XVIII – первой половины XIX вв., подтверждает и замечание А.Ф. Малиновского о том, что разделение художественных коллекций Н.Б. Юсупова между московской усадьбой и Архангельским «лишает любопытствующих удовольствия видеть разнообразные достоинства в живописи в соединении»³⁹².

Доступ к частным библиотекам и архивным коллекциям, не представлявшим особого интереса для светской публики, но привлекавшим интеллектуалов, имел более избирательный характер, но при этом сыграл выдающуюся роль в развитии отечественной исторической науки и исторического самосознания. Приверженность идеям Просвещения побуждала владельцев редких книг и документов предоставлять их для изучения и издания. По сообщению английского путешественника Э.Д. Кларка, посетившего Россию в 1800 году, было «довольно легко получить дозволение пользоваться» московской библиотекой Д.П. Бутурлина, включавшей более 40 тысяч томов на нескольких языках³⁹³. «Чем более будут пользоваться моею библиотекою, тем более мне будет удовольствие, ибо Вам известно, что единственная моя цель в том и состоит, чтобы Обществу быть полезным», – писал Ф.А. Толстой своему библиотекарю П.М. Строеву³⁹⁴, и т. п.

В конце XVIII – первой четверти XIX вв. складывается практика представления ученым для исследовательской работы письменных источников, редких книг, естественнонаучных материалов из частных коллекций. Так, с собраниями А.И. Мусина-Пушкина и Ф.Г. Баузе работали при подготовке своих трудов Н.М. Карамзин, И.Н. Бантыш-Каменский, К.Ф. Калайдович, И.М. Снегирев и другие ученые-гуманитарии того времени³⁹⁵.

Исследователи брали во временное пользование рукописи и старопечатные книги в антикварных лавках И.Ф. Ферапонтова, Т.Ф. и С.Т. Большаковых и др. Многие из одолженного для ознакомления (обычная практика в антикварном деле дореволюционного времени) впоследствии выкупалось и переходило в состав личных коллекций ученых.

Важным аспектом в истории российского частного собирательства начала XIX века стало привлечение к составлению и описанию коллекций,

³⁹⁰ Каменская М. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1991. С. 248–249.

³⁹¹ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников / Под ред. И.А. Федосова. М.: Изд-во Московского университета, 1989. С. 140.

³⁹² Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 163.

³⁹³ Бочаров И.Н., Глушкова Ю.П. Итальянская Пушкиниана. М.: Современник, 1991.

³⁹⁴ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб, 1878. С. 126.

³⁹⁵ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. / Отв. ред. В.И. Буганов. Институт истории СССР АН СССР. – М.: Наука, 1988. 272 с.; Красавин В.А. Алексей Иванович Мусин-Пушкин и Николай Михайлович Карамзин // Молодой ученый. 2014. № 10. С. 479–483; и др.

главным образом, памятников славянской и древнерусской письменности, представителей молодой отечественной школы источниковедения и археологии, становление которой во многом связано именно с изучением крупнейших частных рукописных собраний. Описание славяно-русских рукописей из собрания Ф.А. Толстого, готовившееся К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым в течение нескольких лет³⁹⁶, аналогичный труд А.Х. Востокова, посвященный рукописной коллекции Румянцевского музея³⁹⁷ представляли собой образцы лучших достижений палеографии и библиографии своего времени. Следует упомянуть и работу в 1845–1846 гг. ссыльного декабриста А.З. Муравьева по подготовке каталога гравюр, акварелей, рисунков и картин из собрания В.Н. Баснина³⁹⁸.

Участие целой группы экспертов, которые помогали Н.П. Румянцеву собирать рукописи и старопечатные книги для его личной коллекции, исходя из общих для членов Румянцевского кружка интеллектуальных интересов³⁹⁹, представляет собой уникальное явление в истории отечественного коллекционирования. В то же время деятельность Румянцевского кружка, соединившего процесс формирования коллекций с их научным изучением, обозначила зарождение новой общественной функции частного коллекционирования – его вовлечения в процесс развития отечественной научной мысли и, прежде всего, прикладных исторических дисциплин, в данном случае, источниковедения и археологии. Роль крупнейших частных коллекций как материала для научных исследований проявилась и в искусствознании. Так, Г.А. Вздорнов указывает, что именно «опыт коллекционирования и любительского, в основном старообрядческого, изучения икон в 40-х годах» стал основой для первого обобщающего труда древнерусской живописи – книги Д.А. Ровинского «Обозрение иконописания в России до конца XVII века», вышедшей в 1856 г.⁴⁰⁰

Первая половина XIX века ознаменовалась появлением в обеих столицах частных музеев – «Русского музеума» П.П. Свинына в Петербурге и «Русского музея» П.Ф. Карабанова в Москве. Необходимо отметить, что наименование «музея», которое их владельцы дали своим коллекциям, свидетельствует об их стремлении привлечь внимание российского образованного общества, ученых и знатоков старины, которые и составляли основной круг посетителей данных музеев, и подчеркнуть ценность отечественного историко-культурного и художественного наследия, составлявшего предмет их

³⁹⁶ Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора, двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого. / Изд. К. Калайдович и П. Строев. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825.

³⁹⁷ Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. 899 с.;

³⁹⁸ Калантырская И.С. Неизвестная работа декабриста А.З. Муравьева 1845–1846 гг. // Материалы по истории русской культуры конца XVIII – первой половины XX в.: Труды Государственного Исторического музея. М., 1984. Вып. 58. С. 121–136.

³⁹⁹ Аксенова Г.В. Государственный канцлер Н.П. Румянцев – организатор русской науки // Преподаватель XXI век. 2010. № 2–3. С. 252–253.

⁴⁰⁰ Вздорнов Г. И. Указ. соч. С. 73.

собирательского интереса⁴⁰¹. В отличие от каталогов живописного собрания А.С. Строганова 1800 г. или коллекции М.П. Голицына 1816 г., составленных владельцами на французском языке и адресованных избранному кругу любителей искусства⁴⁰², описания частных музеев Свинына и Карабанова были обращены к широкому кругу читателей. Об этом говорит, в частности, тот факт, что «Краткая опись» музея П.П. Свинына была впервые напечатана в «Отечественных записках» за 1829 год, а затем уже выпущена отдельным изданием⁴⁰³. Несмотря на краткость и неточность описаний, она представляет ценность как источник для реконструкции одного из первых целенаправленно создававшихся собраний русской живописи, прикладного искусства и историко-культурных памятников⁴⁰⁴. Описание «Русского музея» П.Ф. Карабанова⁴⁰⁵ стало первой научной публикацией Г.Д. Филимонова (1828–1898) – будущего известного историка и археолога, автора 10-томного описания сокровищ Оружейной палаты Московского Кремля, который с ранней юности «проводил свободное время в осмотре кремлевских соборов, ризниц, Оружейной палаты, частных собраний древностей»⁴⁰⁶. Заметим, что в данной цитате также присутствует указание на возможность осмотра частных коллекций. Необходимо подчеркнуть, что подобные познавательные визиты осуществлялись по предварительной договоренности с их владельцами, нередко по рекомендации общих знакомых либо по приглашениям самих коллекционеров. Так, М.П. Погодин в заметке 1843 года, посвященной историческим сокровищам Русского музея П.Ф. Карабанова, упоминал, что «имел честь представиться» его создателю, который лично демонстрировал посетителям свои коллекции⁴⁰⁷.

Как уже говорилось выше, особое направление в отечественном коллекционировании XVIII – начала XX вв. представляют собой собрания икон, памятников письменности и допетровской старины, создававшиеся старообрядцами. В первой половине XIX столетия в старообрядческой среде достаточно четко проявляется сочетание религиозной мотивации собирания икон и старопечатных книг со «светским» типом коллекционирования в его современном понимании: стремление создать определенный комплекс

⁴⁰¹ Вишленкова Е.А. Виртуальный «Музеум» Павла Свинына – забытая сокровищница русского искусства // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2011. Вып. 3. С. 108–121.

⁴⁰² Качалова В.Г. Коллекционные ценности и коллекционеры: начало формирования художественных коллекций в России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 1(49). С. 241.

⁴⁰³ Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свинына, 1829 года. СПб: Тип. К. Крайя, 1829. 139 с.

⁴⁰⁴ Нарышкина-Прокудина-Горская Н.А. Хроника русского искусствознания (первая половина XIX века) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2013. № 2(172). С. 243–254.

⁴⁰⁵ Филимонов Г.Д. Описание памятников древности церковного и гражданского быта Русского музея П. Коробанова. М.: Унив. тип., 1849. 36 с.

⁴⁰⁶ Анучин Д.Н. Г.Д. Филимонов: Некролог // Археологические известия и заметки Императорского Московского археологического общества. 1898. № 5–6. С. 211.

⁴⁰⁷ Македонская Е.И. Собрание русских древностей П.Ф. Карабанова // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 180.

(серию) предметов, их целенаправленный поиск, восприятие исторической и художественной ценности собираемого⁴⁰⁸. Бытование крупнейших старообрядческих иконных коллекций в форме молелен не способствовало их известности за пределами религиозных общин вплоть до 1900-х гг. Однако и в предшествующие десятилетия существовала область достаточно активных контактов старообрядческого религиозного собирательства с широким пространством отечественной культуры, а именно – антикварно-художественный и книжный рынок, на котором успешно действовали представители старообрядческого мещанства и купечества, в частности, семейные династии Большаковых и Силиных, известных также в качестве создателей иконных и книжных коллекций. В частности, российские ученые – исследователи старины – имели возможность ознакомиться с некоторыми из крупных частных старообрядческих собраний. Ф.И. Буслаев, посетивший, по его словам, многие богатые молельни, подчеркивал, что «устроители этих благочестивых коллекций вместе [с тем] и отличные знатоки нашей иконописной старины и что они относятся к ней с особого рода художественным тактом»⁴⁰⁹.

В пореформенную эпоху складываются условия и для постепенного утверждения идеи общедоступности частных собраний, воплощением которой стала картинная галерея В.А. Кокорева в Трехсвятительском переулке в Москве, просуществовавшая менее десяти лет⁴¹⁰. Стоимость входных билетов в галерею была относительно невысокой (30 копеек, в праздники 10 копеек), а доступ открыт для всех желающих. Во всяком случае, демократизм Кокоревского проекта противопоставлялся Императорскому Эрмитажу, куда имеют доступ «лишь владельцы черных фраков, белых перчаток и, что главное всего, входного билета»⁴¹¹.

Таким образом, доступность частной коллекции все более становится фактором общественного влияния ее владельца и в то же время расширяет возможность выполнения коллекцией миссии народного просвещения, что в свою очередь формировало положительный образ коллекционера-мecenата. В конце XIX – начале XX веков возможность для более широкого доступа к некоторым частным коллекциям обеспечивалась через постройку специальных зданий для их размещения (картинная галерея И.Е. Цветкова и «Музей российских древностей» П.И. Щукина в Москве, «Русский музей» М.К. Тенишевой в Смоленске, музей Д.Г. Бурылина в Иваново-Вознесенске). Однако возможность посещения того или иного частного музея всеми желающими оставалась скорее исключением из правила, нежели нормой, поскольку коллекции в большинстве своем по-прежнему располагались в собственных домах или усадьбах владельцев, не имели коммерческого назначения или четко оформленного благотворительного назначения и, со-

⁴⁰⁸ Вздорнов Г.И. Указ. соч. С. 65–66.

⁴⁰⁹ Там же. С. 66.

⁴¹⁰ Филаткина Н.А. Василий Александрович Кокорев (1817–1889): Очерк жизни и деятельности. // Московский журнал. 2015. № 8. С. 2–46.

⁴¹¹ Семенова Н. Василий Кокорев, основатель первого публичного музея в Москве. Электронная публикация. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/intellettuale/post144851669/>

ответственно, специального штата. Так, в заметке, посвященной частному музею Ф.М. Плюшкина в Пскове, особо подчеркивается, что его создатель «не только собирал, но и давал возможность желающим посмотреть свои коллекции»⁴¹².

Многие дворянские усадьбы оставались во второй половине XIX – начале XX веков центрами интеллектуальной и художественной жизни русской провинции, привлекавшими, в то же время, деятелей науки и культуры обеих столиц. Особого внимания среди них, безусловно, заслуживает как по богатству собраний, так и по уровню доступности знаменитое имение «Поречье» графов Уваровых, владельцы которого еще в 1853 г. напечатали «Указатель Порецкого музея для посетителей»⁴¹³. В последующие десятилетия, как отмечает О.В. Игнатьева, усадебное коллекционирование вступает в новый этап своего развития, связанный «публичностью, признанием образованного общества, приводит к появлению усадеб-музеев разного типа»⁴¹⁴.

В истории отечественного коллекционирования существенное место занимает меценатство собирателей, выражавшееся в дарах отдельных предметов или целых коллекций государству либо в создании частными лицами доступных для публики музеев и галерей также с перспективой их передачи в общественное пользование. Кроме того, вклад создателей ценных художественных и историко-культурных коллекций в развитие российской науки и культуры в XVIII – середине XIX веков во многом определялся собирательской деятельностью как таковой. В ряде случаев поступление в частную коллекцию через покупку или изъятие из упраздненных церковных и административных хранилищ (что практиковалось собирателями-учеными во время археографических экспедиций) спасало уникальные документы, иконы и другие памятники старины от гибели и забвения⁴¹⁵.

Организаторы частных музеев, как отмечает А.И. Фролов, не преследовали коммерческих целей, бескорыстно вкладывая личные средства в приобретение исторических памятников и произведений искусства⁴¹⁶. На протяжении всего рассматриваемого периода владельцы ценных художественных и историко-культурных собраний вынуждены были из-за финансовых затруднений частично или полностью распродавать свои коллекции. При этом многие владельцы стремились в какой-то степени предопределить дальнейший путь предметов, собиравшихся многие годы с огромным увлечением, порой ценой материальных лишений, чтобы сохранить их присутствие в культурном пространстве. Так, вошли в практику продажи коллекций

⁴¹² «Ф.М. Плюшкин – собиратель древностей» // Сайт Псковского государственного объединенного историко-литературного и художественного музея-заповедника. 17.02.2017 г. URL: <http://www.museum.pskov.ru/exhibitions/2017/plushkin>

⁴¹³ Фролов А.И. Частный музей графов Уваровых в имении Поречье // Уваровские чтения – II. Муром, 21–23 апреля 1993. М.: ИВФ Антал, 1994. С. 45.

⁴¹⁴ Игнатьева О.В. Эволюция частного коллекционирования в русской дворянской усадьбе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 1(39). С. 47.

⁴¹⁵ Уо Д.К. К изучению истории рукописного собрания П.М. Строева // Труды Отдела древнерусской литературы Т. 30: Историческое повествование Древней Руси / Институт русской литературы АН СССР, – Ленинград: Изд-в АН СССР, 1976. С.187–190.

⁴¹⁶ Фролов А.И. Частные музеи // Российская музейная энциклопедия В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 321.

и отдельных памятников культуры и искусства государственным учреждениям – Академии художеств, Академии наук, Румянцевскому музею, Императорской публичной библиотеке и т. п. Среди наиболее значимых продаж разных лет: «Древлехранилище» М.П. Погодина⁴¹⁷, картинная галерея Ф.И. Прянишникова⁴¹⁸, коллекция нидерландской живописи и гравюр П.П. Семенова-Тян-Шанского (1910), которую ученый собирал специально для Эрмитажа⁴¹⁹, и др.

Распродажи и приобретение государством крупных частных коллекций привлекали внимание прессы, вызывая дискуссии о культурно-исторической значимости коллекций, адекватности оценки их стоимости и пр. Так, после покупки казной «Древлехранилища» М.П. Погодина в российской прессе начала 1850-х гг. был опубликован целый ряд ироничных отзывов об этом событии, принижавших значимость Погодинского собрания и выдвигавших на первый план полученную его владельцем выгоду⁴²⁰. Итог дискуссиям на эту тему подвел уже в наши дни Н.И. Павленко, подчеркнув, что к Погодинскому собранию «и поныне обращаются историки, с благодарностью вспоминая имя его создателя»⁴²¹.

При продажах частным лицам предпочтение нередко отдавалось не самому щедрому, а самому понимающему покупателю, способному по достоинству оценить историко-культурную значимость приобретения. Тем самым предопределялось дальнейшее бытование вещей и документов в кругу подлинных знатоков, в том числе с перспективой поступления в государственные музеи и архивы. Так, П.М. Строев продал свое рукописное собрание М.П. Погодину, коллекции которого были впоследствии приобретены государством. И.Н. Царский уступил А.С. Уварову коллекцию грамот и других памятников письменности, позднее переданных в составе Уваровского архива Российскому Историческому музею, и т. п. Следует отметить, что аналогичному принципу выбора покупателей следовали и многие российские антиквары, тем самым приобретая постоянных клиентов среди известных ученых и коллекционеров, что повышало их собственный статус. Поставщики М.П. Погодина, Е.И. Забелина, П.И. Щукина, А.П. Бахрушина, археологических и нумизматических обществ, земских музеев в ряде случаев получали возможность войти в круг признанных знатоков искусства и древностей.

⁴¹⁷ Меньшов В.Е. Михаил Петрович Погодин и его «Древлехранилище» // Ларец Клио. Истории об истории. 2007. № 9. С. 2–6.

⁴¹⁸ Ивановский А.Д. Федор Иванович Прянишников и его картинная русская галерея. СПб. Типография Ф. С. Сучинского. 1870 г. 194 с.

⁴¹⁹ Соколова И.А. Картинная галерея П.П. Семенова-Тян-Шанского и голландская живопись на антикварном рынке Петербурга = The Picture gallery of Pyotr Semyonov-Tyan-Shansky and Dutch paintings on the St. Petersburg antiquarian market. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. 463 с.; Костыря М. Семёнов-Тян-Шанский – коллекционер нидерландской живописи // Наука и жизнь. 2014. № 7.

⁴²⁰ Ратников К.В. Строптивый дух в официозных формах: специфика личности и деятельности М.П. Погодина в восприятии его современников // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 4. С. 61.

⁴²¹ Павленко Н.И. Михаил Погодин: Жизнь и творчество. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 360 с.; С. 211.

Частное коллекционирование и общественное мнение в дореволюционной России XIX – начала XX вв.

Мир частного коллекционирования пореформенной России, включая сферу купли-продажи историко-культурных ценностей, был насыщен особой энергетикой увлеченности российского общества историей, искусством, старинной книгой. Об этом свидетельствуют многочисленные мемуарные, эпистолярные и публицистические источники, составившие обширную галерею обаятельных образов собирателей и торговцев-антикваров, бескорыстных любителей и знатоков старины.

В то же время неизменной частью этого информационного комплекса являются упоминания о комических, а порой и отталкивающих чертах коллекционерского сообщества. Наиболее распространенным мотивом в воспоминаниях и сочинениях на тему частного коллекционирования в России дореволюционного времени являются образы богатых собирателей, лишенных художественного вкуса, невежественных, либо излишне доверчивых, которые скупали за высокую цену копии картин известных художников, имитации античных древностей, дорогие, но безвкусные предметы обстановки и т. п. Как правило, этот курьезный аспект коллекционерства ассоциируется, и не без оснований, с миром нуворишей, пытавшихся копировать стиль высшего общества. Действительно, такой тип собирательства был наиболее распространен в России конца XIX – начала XX веков на фоне массового увлечения антиквариатом, а также в 1920-х гг. в период нэпа. Однако увлеченных собирателей, не обладавших при этом необходимыми компетенциями и вкусом для создания ценных в историко-культурном или художественном отношении коллекций, мы встречаем и в предшествующие эпохи, как среди купечества, так и в аристократических кругах русского общества. Так, например, уже упоминавшийся выше известный библиофил, создатель прекрасного собрания рукописей и старопечатных книг граф Ф.А. Толстой (1758–1849), являлся также, по свидетельству его племянника, скульптора Ф.П. Толстого, владельцем множества «безделушек и вещиц, втертых ему в руки под видом древностей и редкостей плутами, иностранными аферистами, которым подобные господа – сущий клад, как и торгашам картин, которым они слабые копии продают за хорошую цену»⁴²². В конце 1820-х гг. в Петербурге проживал купец Доброхотов – торговец антиквариатом и «любитель изящества», который в течение двадцати лет не только торговал картинами, но и собирал собственную коллекцию, хотя, согласно отзывам современников, так и не научился разбираться в живописи⁴²³; и т. п. Во второй половине XIX – начале XX вв., когда начались массовые распродажи фамильных ценностей из дворянских провинциальных имений, обнаружились целые галереи копий, внесенных в свое время в каталоги в качестве подлинных работ знаменитых европейских живописцев⁴²⁴.

⁴²² Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001. С. 145.

⁴²³ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Ед. хр. 10. Л. 86.

⁴²⁴ Лазаревский И.И.. Среди коллекционеров. СПб: Издание А.И. Грамматикова, 1914. С. 93.

В конце XIX – начале XX вв., когда частное собирательство становится массовым увлечением, особенно в Петербурге и Москве, и в то же время выделяются фигуры крупных промышленных магнатов – создателей ценных художественных коллекций, тема коллекционирования и личностей отдельных коллекционеров все чаще появляется на страницах российской массовой прессы. Одновременно и внутри коллекционерского сообщества – среди историков искусства, художников, ученых-археологов растет раздражение мещанским стилем собирательства, в свою очередь находящее выход в комментариях экспертов на страницах художественных и библиографических изданий. Интеллектуальная и творческая элита Серебряного века составляла своеобразную, не всегда справедливую фронду в отношении буржуа, претендующих на звание меценатов и знатоков искусства. В этот период в состоятельном сегменте российского общества широко распространилась мода на роскошный антиквариат, в том числе на коллекционирование живописи, фарфора, бронзы, старинной мебели и др. Вопросы исторической подлинности предметов или стилистического единства коллекций во многих случаях вообще не ставились или заслонялись стремлением к обладанию красивыми и ценными предметами. В 1910 г. в заметке о распродаже имущества А.В. Кокорева (1848–1908), сына коллекционера, журнал «Старые годы» сообщал: «Никогда и нигде не удавалось еще видеть такого чудовищного подбора исключительно безвкусных, безстильных, аляповатых, но очень дорогих вещей»⁴²⁵. Для мещанско-буржуазных кругов этого времени особую притягательность имели также антикварные предметы, связанные с миром дворянской аристократии России и Западной Европы, принадлежавшие членам императорской фамилии. Неопытные коллекционеры нередко приобретали различные подделки и имитации, слабые в художественном отношении картины и т. п.

Дилетантизм и пошлость в коллекционерстве вызвали немало резких слов со стороны знатоков искусства и старины, ученых, деятелей культуры, считавших, что подобные явления дискредитируют истинное собирательство, основанное на понимании исторической и художественной ценности коллекционных предметов. Об одном богатом коллекционере К.А. Сомов как-то сказал: «да у него свиной глаз»⁴²⁶. Подобное, далеко не всегда объективное противопоставление элитарного коллекционерства интеллектуалов грубым вкусам и невежеству собирателей-нуворишей в какой-то степени являлось отголоском сохранявшейся в течение десятилетий обособленности, а нередко и неприязни дворянства и купечества⁴²⁷. Для многих представителей аристократических кругов, особенно в дореформенное время, сам факт коллекционирования предметов искусства купцами или мещанами, представлял собой своего рода общественный вызов. Так, граф М.Д. Бутур-

⁴²⁵ Старые годы. 1910. № 2. № 4. С. 53.

⁴²⁶ Среди коллекционеров. 1921. № 4. С. 3.

⁴²⁷ Гудов Д.С. Трансформация социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период в контексте социально-психологического ракурса. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 507–515. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-507-515

лин, посетивший в 1860 г. галерею Кокорева, увидев в числе ее экспонатов портрет графини Юлии Самойловой кисти Брюллова, недоумевал: «Как могла графиня Самойлова расстаться с этим сокровищем и как могло оно попасть к откупщику Кокореву?»⁴²⁸.

На рубеже XIX – XX вв. резкое неприятие собирательства «нового типа» проявляла М.К. Тенишева: «Большинство московских коллекционеров в искусстве ничего не понимает, и гоняются они за старинными вещами исключительно, чтобы быть как все, по моде, и обладать тем, чем можно похвастаться. У них считается хорошим тоном быть коллекционером живописи, фарфора, старинной мебели, редких книг, которые не читаются, а иногда просто лошадей, автомобилей или орхидей. Играет, вероятно, немалую роль и то, что слава тонкого ценителя, собирателя или мецената стушевывает, покрывает приятной дымкой прозаического суконщика или кожевника»⁴²⁹.

На протяжении всего рассматриваемого периода в России, как и во всем мире, расширялась предметная сфера собирательства с сохранением, в то же время, интереса к коллекционированию минералов, окаменелостей, античной нумизматики, камей, гербариев, сложившегося еще в эпоху Просвещения. Составление подобных коллекций в детском и подростковом возрасте, сопровождавшееся формированием научного подхода к собирательству, стала важной частью педагогической культуры в российском образованном обществе. Так, Н.В. Волков-Муромцев (1902–1995), сын предводителя дворянства Вяземского уезда, будущий белоэмигрант, выпускник географического факультета Кембриджского университета, с детства увлекавшийся коллекционированием полудрагоценных камней, вспоминал: «Отец мне подарил большой плоский ящик, разделенный на маленькие квадратики, в которых на вате лежали кусочки всех сибирский камней, их было, кажется, 48. На них были приклеены номера, а на крышке была бумага с названиями по-русски и по-латински всех камней»⁴³⁰. Среди выдающихся примеров таких систематизированных собраний, создававшихся с детства, – энтомологические коллекции (бабочки) В.В. Набокова⁴³¹.

Однако безусловный приоритет среди различных направлений коллекционирования в России в 1860–1910-е гг. сохраняло историко-культурное и историко-художественное собирательство, отражавшее общие тенденции в развитии культуры и научной мысли, когда через новое понимание отечественной истории российское общество стремилось осмыслить настоящее и будущее страны. В переходные эпохи отношение к историческим традициям, социокультурному наследию становится одним из маркеров

⁴²⁸ Записки графа М.Д. Бутурлина, доведенные до 1860 г. (Воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожил, портреты, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись) // Русский Архив. 1898. Кн. X.

⁴²⁹ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 265.

⁴³⁰ Волков-Муромцев Н.В. Юность: От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). – Paris: YMCA-Press, 1983. С. 55–56.

⁴³¹ Александров Д.: Набоков – натуралист и энтомолог. [Электронная публикация]. 1997. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/512098730>

общественного развития⁴³². Соответственно, коллекционирование памятников истории и искусства в России в 1870-е – 1880-е гг. получает новые стимулы под воздействием тех перемен «в историческом сознании образованного общества, которые происходили после отмены крепостного права и сопутствовали модернизации российского социума»⁴³³. Мир российских коллекционеров, собирательские интересы которых были преимущественно обращены к прошлому, становится все более активным участником отечественного общественно-культурного процесса, соединившись с музейным строительством в столицах и провинциальных городах, деятельностью научных обществ, губернских ученых архивных комиссий и др.

В период 1860-х – 1910-х гг. упрочилась и получила яркое, многообразное воплощение историчность основного массива российских частных собраний, как выдающихся по своим масштабам и культурной ценности (коллекции С.М. Постникова, П.И. Щукина, А.В. Морозова, М.К. Тенишевой, И.С. Остроухова и др.), так и скромных коллекций «простых» любителей старины. (Феномен опередивших свое время собирателей французского импрессионизма и модернизма С.И. Щукина и И.А. Морозова на этом фоне воспринимается как «исключение, подтверждающее правило».) С поиском исторической подлинности связано направление частного коллекционирования, сочетавшего увлеченность памятниками искусства и культуры с профессиональной деятельностью собирателей – художников и деятелей театра, заинтересованных в достоверном воспроизведении пространства и облика персонажей исторических картин и пьес. Недостаточное на тот момент отражение в научной литературе истории русского быта и костюма неизбежно подталкивало их к поиску необходимой информации на антикварном рынке, где на тот момент в достаточно большом количестве были представлены старинная посуда, украшения, ткани, оружие и другие предметы XVII–XVIII вв., а порой и более раннего времени. Среди коллекционеров подобного рода можно назвать художника К.Е. Маковского (1839–1915), многие годы собиравшего предметы русской, европейской и восточной «красивой старины», которые он не только изображал на своих полотнах «Наряд русской невесты» (1889), «Поцелуйный обряд» (1895) и многих других, но и использовал для популярного развлечения того времени – постановки «живых картин»⁴³⁴.

Следует отметить, что в коллекционерских пристрастиях Константина Маковского особенно наглядно проявились черты «антикварности» – сочетания старины, роскоши и красоты вещей. Романтизм и многоцветность этого мира, в который художник был вовлечен не только в качестве коллекционера, но и как знаток и посредник при продаже редкостей, запечатлены им на картине «Маленький антиквар» («Портрет сына в мастерской») 1882 г., хранящейся в собрании Новгородского государственного объеди-

⁴³² Колосова Н.Н. Общественная реформа: социокультурная модель (на материале крестьянской реформы 1861 года): монография. Пос. Персиановский: Донской ГАУ, 2019. С. 62.

⁴³³ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в Российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга». 2011. С. 21.

⁴³⁴ Маковский С.К. Портреты современников. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 76, 83.

ненного музея-заповедника. Художественный беспорядок антикварной лавки, вообще свойственный этому виду торговли, импонировал собирателям – представителям творческой интеллигенции, как бы оживляя мир старинных вещей, в отличие от музеев и научных учреждений, где предметы размещались по определенной системе. Так, художник А.Н. Бенуа писал о своем собрании игрушек: «Игрушки у меня стоят в беспорядке. Это из уважения к ним. Оттого-то их и не замечают в музеях и на выставках (кустарных), что там их ставят, как на параде, и каждому привешивают этикетку. Это их мертвит, убивает... Систематизации для своей коллекции я также не признаю. Быть может, «Аполлон» ждал, что я напишу для серьезного журнала исследование, очерк, что расскажу, что откуда пошло и как одно к другому относится, где центры производств и проч. Но это не мое дело. Это когда-нибудь сделает этнографический отдел Музея Александра III в почтенном издании своих «материалов». Следовало бы это сделать, хотя, несомненно, самим игрушкам это бы не понравилось»⁴³⁵. Народная игрушка, безусловно, являлась для Александра Бенуа одним из источников его авторского стиля, а также непосредственным объектом для изображения. Игрушки появляются на страницах легендарной «Азбуки в картинах Александра Бенуа» (СПб, 1904), по рисункам художника в 1904–1905 гг. были выпущены две серии открытых писем «Игрушки». Соответственно, можно утверждать, что данная коллекция использовалась в профессиональной деятельности художника.

Безусловно, в широких кругах российской публики, прогуливавшейся по толкучим рынкам и антикварным магазинам, посещавшей художественные аукционы, существовала мода на те или иные предметы собирательства, во многом определявшаяся эстетическими предпочтениями сначала эпохи историзма, а позднее модерна. На заре нового века, в условиях технологической модернизации, утверждения новых общественно-политических, в том числе революционных веяний, в сфере частного коллекционирования, свободного от всякого официоза, цензуры и иного внешнего диктата, по-прежнему господствовали исторические памятники, от античности до рококо. Интерес коллекционеров к европейскому и русскому искусству XVIII столетия, к уходящему миру дворянских усадеб стимулировался всей интеллектуально-художественной атмосферой Серебряного века: журналами «Столица и усадьба», «Старые годы», «Аполлон», насаждавшими тонкость вкуса и умение наслаждаться атмосферой старины. Историк искусства и художественный критик С.Р. Эрнст в одной из своих статей 1913 года упоминает о том, что его современникам дороги «маленькие бисерные панно, таинственные шкатулки, томики в сафьяновых переплетах»⁴³⁶.

Библиофильство и скромное собирательство были частью повседневной культуры образованного московского общества 1910-х гг., когда большинство интеллигентных москвичей считало почти что своей обязанностью «попасть в воскресенье на Сухаревку, рыться в кипах старых книг и при-

⁴³⁵ Бенуа А.Н. Игрушки // Аполлон. 1912. № 2. С.51–52.

⁴³⁶ Эрнст С.Р. «Журнал изящных искусств» 1807 года: Отд. оттиск из журнала «Русский библиофил». [СПб, 1913]. С.8.

обретать то, что совсем не нужно, но при случае может пригодиться»⁴³⁷. В то же время одним из следствий коллекционерского «бума» рубежа XIX–XX веков была негативная реакция определенной части российского общества на данное явление в целом. С одной стороны, это было обусловлено беспокойством за судьбу культурно-исторических ценностей, ставших предметом купли-продажи, уходивших в руки иностранных антикваров и коллекционеров, с другой – выражало обывательскую зависть к богатым коллекционерам и меценатам, прихотям которых служил антикварный рынок. В 1880-е – 1890-е гг. цены на старинные вещи, картины, гравюры и книги начали повышаться. Соответственно, коллекционирование как элемент буржуазного образа жизни стало темой социально окрашенных публикаций, порой незаслуженно очернявших все сообщество антикваров и коллекционеров, включая его наиболее демократический сегмент – библиофилов. В Отделе письменных источников ГИМ в фонде книговеда П.П. Симони сохранилась вырезка из газеты «Народ» от июня 1898 г. с заметкой неизвестного автора, яростно нападавшего на «букинистские и антикварные лавчонки», якобы торгующие по непомерно высоким ценам. Не меньший гнев автора вызывали и «наши библиоманы», которые «обратили составление библиотек в такой же дикий спорт, как собирание марок»⁴³⁸. Следует отметить, что и для самих собирателей такие категории, как знание, увлеченность, подлинность, значили гораздо больше, чем внешний лоск и богатство. «Истинный коллекционер, – подчеркивал эксперт журнала «Среди коллекционеров» М. Строев, – не любит роскошных антикварных магазинов, где вещи чинно расставлены на полках и где чопорный хозяин холодно любезен с покупателем»⁴³⁹. Крупный деятель петербургского антикварно-книжного рынка В.И. Клочков (1862–1915), несмотря на коммерческую выгоду, которую приносил ему рост цен на старинные книги, считал, что когда книжные редкости были доступнее для собирателей, «торговать было приятнее»⁴⁴⁰, и т. п.

Порой объектом достаточно резкой, не всегда обоснованной критики становились известные, уважаемые в интеллектуальных кругах коллекционеры и меценаты. Так, в марте 1908 г. в газете «Новое Время» была опубликована статья под заголовком «Расхищение народных святынь», обвинявшая коллекционеров в скупке и вывозе за границу исторических реликвий с целью наживы, в том числе М.К. Тенишева обличалась в тайном приобретении митры патриарха Никона, «осыпанной бриллиантами и другими камнями». Поводом для этой публикации стала покупка Тенишевой, активно пополнявшей в этот период свое собрание для устройства музея в Смоленске, нескольких старинных предметов из официально распродававшегося имущества Смоленского архиерейского дома. Нападки прессы на известных коллекционеров встречали отпор со стороны деятелей куль-

⁴³⁷ Москва в ее прошлом и настоящем : Роскошно иллюстрированное издание, посвященное памяти историка Москвы И.Е. Забелина. М., 1912. Вып. XII. С. 8.

⁴³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 37. Д. 36. Л. 22.

⁴³⁹ Строев М. Из дней недавних // Среди коллекционеров. 1921. Апрель. № 2. С. 13.

⁴⁴⁰ Лазаревский И. Памяти антиквара // Время. 3 июня 1915 г. № 277. С. 3.

туры, в частности, Н.К. Рериха⁴⁴¹. Художник и коллекционер И.С. Остроухов писал великому князю Георгию Михайловичу по поводу приобретения частными лицами икон для коллекций: «...Не преступление, а заслуга изъять, с разрешения надлежащих властей, с колокольных чердаков, церковных сараев и подвалов, из-под груд пыли, голубинового помета, гибнущие памятники и бережно донести их до вечных хранилищ национальных и частных музеев»⁴⁴².

Неизменным уважением в российском обществе пользовались коллекционеры, обладавшие глубокими знаниями предмета своего собирательства. Высокую оценку получали и коллекции, состоявшие из небогатых людьми, что подчеркивало их особую увлеченность, преданность искусству и культуре. Н.К. Рерих писал о С.П. Крачковском (1866–1916) – провинциальном офицере, собиравшем рисунки, эскизы и наброски работ современных ему русских художников: «Еще один трогательный тип собирателя. Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции, рвется всей душой к искусству»⁴⁴³, и т. п.

Одним из веяний пореформенной эпохи в сфере культуры явилось все более широкое участие частных коллекционеров в исторических и историко-художественных выставках. Появление имен владельцев картин, икон, книжных раритетов на страницах газет и выставочных каталогов способствовало закреплению статуса коллекционера как участника общественно-культурного процесса. Кроме того, роль некоторых выставок как прообразов будущих государственных музеев, как, например, это произошло с Севастопольской выставкой 1872 г., благодаря которой возникла идея создания Исторического музея в Москве, явилась стимулом для последующего установления связей частных собирателей с музеями, архивами, научными учреждениями.

Значительное место предметы из частных коллекций занимали в уникальной по своему составу и масштабам выставке русского портрета XVIII – середины XIX вв., организованной С.П. Дягилевым в Таврическом дворце в 1904 г.⁴⁴⁴. В высказываниях самого Дягилева и в отзывах современников об этой выставке неоднократно звучала идея о превращении ее в самостоятельный музей портретной живописи⁴⁴⁵. Таким образом, для интеллектуально-художественной элиты того времени мысль об участии частных коллекционеров в проекте, предусматривавшем на тех или иных условиях передачу в музей предметов из личных или семейных собраний, была вполне естественной и закономерной.

⁴⁴¹ Рерих Н. Голгофа искусства // Пути благословения. М., 2001. С. 49.

⁴⁴² РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Д. 1173. Л. 22.

⁴⁴³ Цит. по: Серебрякова Н. История одной коллекции // Антик-респект. Май – июнь 2003. С. 63.

⁴⁴⁴ Список портретов, отобранных для историко-художественной выставки 1905 года генеральным комиссаром С.П. Дягилевым в осмотренных им в течение летних месяцев 1904 года 72 русских имениях. СПб: Экспедиция заготовки государственных бумаг, 1904.

⁴⁴⁵ Маковский С.К. Указ. соч. С. 207; Ладыгина И. «...Я подымаю бокал...» Чествование С.П. Дягилева москвичами в 1905 году // Третьяковская галерея: Ежеквартальный журнал по искусству. 2009. № 3 (24). С. 42–49.

Выводы

Изучение социальной динамики частного коллекционирования в России XIX – начала XX вв. позволяет сделать вывод о том, что еще в дореформенный период историко-культурное и художественное собирательство являлось сферой частичного нивелирования социальных различий между его акторами, диалога и сближения аристократической и разночинской интеллектуальных элит. Данные черты российского коллекционерского пространства получили существенный стимул для развития в эпоху Великих реформ 1860-х гг. и последующие десятилетия вплоть до 1917 года. Рост доступности сначала для знатоков, а затем и для широкой публики лучших частных историко-культурных и художественных собраний, продемонстрировал возможности частной коллекции как формы личностной реализации и как общественного культурного проекта.

Во второй половине XIX – начале XX вв. частное коллекционирование, получая все более широкое распространение, становится сферой взаимодействия различных типов восприятия (например, научного и любительского познания), столкновения радикально новых и консервативных эстетических и общественно-политических предпочтений российского общества. Наиболее полное и яркое выражение в мире частного коллекционирования пореформенной России нашли историзм как обращение к отечественному историко-культурному наследию и модерн в его любовании эстетикой различных исторических эпох и культур. При этом российское общество начинает возлагать на создателей наиболее ценных коллекций исторического и художественного профиля определенную ответственность как на хранителей общественного культурного достояния.

В свою очередь интеллектуально-художественная элита России Серебряного века выдвигает собственные критерии коллекционирования, стремясь отделить «истинное собирательство» от массовой культуры. Эта классическая модель коллекционирования как формы познания и самосовершенствования в сочетании с идеей сохранения исторической памяти в последующие десятилетия оставалась доминантой и в российском послереволюционном зарубежье, и в мире советского частного собирательства.

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Е.Я. Виттенберг

У истоков социальной ответственности гражданского общества в России

Аннотация. Статья посвящена проблемам генезиса и развития институтов гражданского общества и становления их социальной ответственности в дооктябрьский период российской истории. В ней проанализированы функции и сферы ответственности ростков гражданского общества, в большей или меньшей степени независимых от государства, а именно – сельской общины, церкви, Новгородского и Псковского вече, института семьи, независимых СМИ, благотворительных организаций и т. д. Автор констатирует, что в России процессы формирования институтов гражданского общества шли как «сверху», так и «снизу». В статье отмечается, что, в отличие от передовых стран, в России тренду становления полноценных институтов гражданского общества мешали консервация крепостного права и сменявшие друг друга авторитарные режимы. Поэтому до отмены крепостного права говорить о существовании в России полноценных институтов гражданского общества было бы преувеличением. Вместе с тем, изучив избранный аспект отечественной истории, автор приходит к выводу, что гражданское общество в постсоветской России формируется не на пустом месте и что во все периоды российской истории были социально ответственные организации гражданского общества, рожденные инициативой масс и более или менее независимые от государства. Автор также анализирует феномен социальной безответственности значительной части гражданского общества, принявшей участие в Октябрьском перевороте.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, социальная ответственность, гражданское общество и власть, социальная безответственность гражданского общества.

At the origins of social responsibility of civil society in Russia

Abstract: The article is devoted to the problems of the genesis and development of civil society institutions and the formation of their social responsibility in the pre-October period of Russian history. It analyzes the functions and responsibilities of the germs of civil society to a greater or lesser extent independent of the state, namely, the rural community, church, Novgorod and Pskov veche, family institute, independent media, charitable organizations, etc. The author states that In Russia, the processes of the formation of civil society institutions went both “from above” and “from below”. The article notes that, in contrast to advanced countries, in Russia the trend towards the formation of full-fledged civil society institutions was hindered by the conservation of serfdom and successive authoritarian regimes. Therefore, before the abolition of serfdom, talking about the existence in Russia

of full-fledged civil society institutions would be an exaggeration. At the same time, having studied a selected aspect of Russian history, the author comes to the conclusion that civil society in post-Soviet Russia is not formed from scratch and that in all periods of Russian history there were socially responsible civil society organizations born of the initiative of the masses and more or less independent of the state. The author also analyzes the phenomenon of social irresponsibility of a significant part of civil society that took part in the October Revolution.

Key words: civil society, civil society institutions, social responsibility, civil society and government, social irresponsibility of civil society.

Для того чтобы понять и правильно оценить уровень развития институтов гражданского общества и их социальную ответственность в современной России, необходимо хотя бы кратко проанализировать исторические корни гражданского общества в нашей стране.

Как известно, Россия, в отличие от многих европейских стран, в своей многовековой истории почти не имела длительных исторических этапов, на которых бы существовали благоприятные условия для появления среди населения массы свободных и ответственных граждан, которые бы могли беспрепятственно самоорганизовываться в институты гражданского общества, способные сотрудничать с властью в решении тех или иных вопросов и нести с ней солидарную ответственность за результаты осуществления совместных проектов или противодействовать власти в случае ее попыток ущемить права граждан и осуществлять внешнюю и внутреннюю политику, противоречащую их интересам. Одновременно в российской истории было крайне мало возможностей для того, чтобы гражданское общество могло противостоять власти мирными методами.

В нашей стране было ограниченное число случаев, когда общество могло поменять не удовлетворявшую его власть мирно, с помощью демократических процедур. Попытки смены власти и сама смена власти происходили, как правило, насильственным путем, часто с кровопролитием, и осуществлялись с помощью крестьянских войн, дворцовых переворотов и революций⁴⁴⁶.

Среди очевидных помех становлению гражданского общества и его институтов, способных быть социально ответственными, необходимо прежде всего назвать социально-экономическую модель и характер власти в стране, существовавшие на протяжении многих веков. Понятно, что в условиях феодальных отношений и господства крепостного права, консервировавшего на

⁴⁴⁶ По подсчетам исследователей в российской истории было четырнадцать крупных народных восстаний, в том числе три известных крестьянских войны: И. Болотникова (1606–1607 гг.), С. Разина (1670–1671 гг.) и Е. Пугачева (1773–1775 гг.).

С 1725 по 1801 год в России произошло семь дворцовых переворотов, два из которых закончились убийствами законных императоров Петра III (1762 год) и Павла I (1801 год). За вычетом перехода власти от Анны Иоанновны к Анне Леопольдовне в 1740 году, от Елизаветы Петровны к Петру III в 1761 году и от Екатерины II к её сыну Павлу I в 1796 году, во всех прочих случаях в течение первого века существования Российской империи власть передавалась путём применения угрозы или силы. Восстание Декабристов также было попыткой путем силового давления изменить характер власти и улучшить общественные отношения.

И, наконец, Россия в XX веке пережила четыре революции. Едва ли хоть еще одна страна в мире может «похвастаться» таким количеством попыток поменять власть насильственным путем.

протяжении почти четырех веков по сути дела полурабский труд, о масштабном процессе становления свободного ответственного гражданина и институтов гражданского общества говорить не приходится. Крепостной крестьянин нес ответственность перед помещиком, своей семьей (и то не во всех вопросах), а его социальная ответственность в масштабах страны проявлялась лишь в форс-мажорных обстоятельствах войн, когда нужно было защищать Отечество, или в ходе ликвидации последствий стихийных бедствий.

Что касается власти, то в условиях авторитарной системы великокняжеского правления, не говоря уже об условиях абсолютной монархии, зарождающиеся институты гражданского общества были обязаны демонстрировать сервильность по отношению к власти и действовать исключительно в жестких рамках предписанных им функций и границ ответственности. По этой причине назвать их в полном смысле полноценными институтами гражданского общества не представляется возможным.

Тем не менее, согласно концепции автора, становящееся с большими трудностями гражданское общество в постсоветской России формируется не на пустом месте, и на каждом историческом этапе, начиная с раннего средневековья, в нашей стране были его зародыши, в большей или меньшей степени независимые от государства, и были во всех слоях общества активные граждане, чей уровень гражданственности и социальной ответственности соответствовал той или иной исторической парадигме.

В отечественной и зарубежной историографии опубликовано немало работ, посвященных тем или иным аспектам функционирования отдельных институтов гражданского общества в дореволюционной России⁴⁴⁷. Однако в них, как правило, проблемы деятельности зарождающихся институтов гражданского общества не рассматриваются с точки зрения их социальной ответственности. Восполнить этот пробел в определенной степени призвана данная статья.

XXX

Анализируя отечественную историю, необходимо прежде всего отметить, что процесс формирования институций гражданского общества в России шел как «снизу» – и был продуктом самодеятельности масс, так и «сверху», что случалось чаще в условиях авторитарных режимов в том случае, если власть нуждалась в поддержке общества.

⁴⁴⁷ Беляев И.Д. Земские соборы на Руси. М.: Издательство А.Д. Ступина, 1902; Карамзин Н.И. История государства российского. – СПб.: 2012. 415с.; Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. Соч. в 9 томах, М.: 1987; Лукин В.П. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с.; Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия 1839 год. М.: Издательство политической литературы, 1990. 352с. Огарев Н.П. Крестьянская община / Избранные произведения в 2 т. Т.1. М., 1952. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. М.: 1998. 362 с. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства. М.: 1978 др.

C. Buxton and E. Kononova. Russian civil society: history, today, and future prospects. [Электронный ресурс] <https://www.intrac.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/09/Briefing-Paper-37-Russian-civil-society-history-today-and-future-prospects-1.pdf>; I. Kurilla Russian Civil Society in History [Электронный ресурс] <https://kb.osu.edu/dspace/bitstream/handle/1811/30222/10/KurillaPaper.pdf>

Alan Kimball Russian Civil Society and Political Crisis in the Epoch of Great Reforms 1859–1863. [Электронный ресурс] <http://pages.uoregon.edu/kimball/cvl.pbl.sixties.htm>

Так, безусловно, в значительной степени вне рамок государства существовала такая традиционная естественная форма социальной организации, просуществовавшая до начала XX века, как крестьянская община, история которой уходит в раннее средневековье. По мнению многих историков, община возникает естественным путем как способ совместного выживания в тяжелых климатических условиях, при слабом уровне развития производительных сил и т. д. И как представляется, община может служить примером создания института гражданского общества средневековым населением «снизу».

В общине решались важные проблемы общественной жизни и крестьяне несли за результаты своих решений коллективную и индивидуальную ответственность⁴⁴⁸, в том числе за выбор органов самоуправления (сельские сходы были в них некими законодательными органами, а выборные старосты – осуществляли исполнительную власть), за рациональное использование ресурсов коллективного пользования (пастбищ, водных и лесных угодий), за справедливость распределения и перераспределения земельных наделов, за результаты своего индивидуального труда, за уплату налогов и т. д., то есть община служила неким механизмом внедрения в крестьянскую массу дисциплинарных технологий и социальной ответственности.

При этом сельские общины были в значительной мере отделены от государства и рассматривались властью как своего рода устойчивые неформальные группы.

Казалось бы, в этой ситуации общины могли эволюционировать в довольно эффективные институты феодального, а позднее и капиталистического гражданского общества, а их члены – в самостоятельных и ответственных граждан. Однако этого не произошло из-за длительного существования крепостного права и установления власти помещиков над крестьянской общиной, а после отмены крепостного права – из-за оставшихся феодальных пережитков в общинном землепользовании. Дело в том, что община и сами крепостные крестьяне, объединенные в ней, несли ответственность в первую очередь не перед другими членами общины и даже не перед государством, а перед своими помещиками, а уже помещики, в свою очередь, несли персональную ответственность перед государством за действия своих крепостных⁴⁴⁹.

⁴⁴⁸ Различные формы сельской общины существовали во многих государствах на определенных стадиях развития. Особенность функционирования общины в нашей стране заключалась в том, что ее существование затянулось до начала XX в. Но если община в средние века играла позитивную роль как росток гражданского общества, способствующий формированию ответственного поведения граждан не только по отношению к помещику и своей семье, но и по отношению к сельскому сообществу, то в новое время она постепенно превратилась в тормоз общественного прогресса и пережиток феодализма. См. Батычко В.Т. Местное самоуправление как самостоятельный институт гражданского общества [Электронный ресурс] http://www.aup.ru/books/m234/3_4.htm 3.Смирнов П.И. Русская сельская община: происхождение, основные функции и ценности // «Credo New » №3, 2014 [Электронный ресурс] http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k3-2014/25371-russkaya-selskaya-obschina-proishozhdenie-osnovnye-funkcii-i-cennosti.html

⁴⁴⁹ Алексеев С.Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII–XIX вв. СПб.–М.: Изд. тов-ва М.О. Вольф, 1902. 309 с.

Кроме того, и сама община нарушала суверенитет крестьянина как самостоятельного производителя и не давала ему экономической свободы даже в границах личного хозяйства, вторгаясь в него путем уравнительного распределения земли и ее переделов, регламентации трудовых процессов, что не создавало необходимой экономической основы для становления самостоятельного и ответственного индивидуума. Так что община может быть отнесена к зачаткам институтов гражданского общества лишь с определенной натяжкой⁴⁵⁰.

С принятием христианства на Руси своеобразным институтом гражданского общества могла стать православная церковь. В древней Руси церковь играла важную роль в становлении государства и укреплении светской княжеской власти. В то же время и церковь нуждалась в содействии князей в церковных делах – распространении христианства вишь, финансировании и организации строительства церквей и монастырей, в учреждении церковно-приходских школ и т. п. Таким образом, в нашей стране уже с самого начала не произошло четкого разделения государственной и церковной власти и существовал некий, в зависимости от времени, больший или меньший симбиоз государственных и церковных институтов.

Вместе с тем наблюдалось существенное различие в устройстве церковной и государственной власти, а их институты строились на разных принципах. Как отмечал Ключевский, «положение лица в государственном обществе определялось его правами и обязанностями или его экономическим состоянием. Положение лиц в церковном обществе определялось их нравственно-религиозным назначением или степенью нужды в чужой помощи... Наиболее привилегированными, т. е. наименее обязанными, считались в нем люди наиболее беспомощные – убогие и беспризорные. Если государственное общество было похоже на тогдашний большой русский дом с хозяином, приказчиками и рабочими слугами, то общество церковное было устроено по образцу богадельни, в которой, по евангельскому слову, хотящий быть больше всех должен стать слугой всех»⁴⁵¹. Я привел эту большую цитату Ключевского для того, чтобы подчеркнуть особую роль церкви, которая стремилась заложить нравственные основы в ментальность и поведение граждан средневековой Руси.

Здесь важно отметить, что на первых этапах после принятия христианства церковь была не только партнером великокняжеской власти, но и будущи носительницей более высокой византийской культуры, часто выступала в роли ее наставника, а иногда даже оказывала определяющее влияние на власть.

О том, что слово церкви было иногда решающим для княжеской власти, свидетельствует, например, следующая беседа святого князя Владимира с епископами. Епископы сказали князю: «Разбойники умножились, зачем не

⁴⁵⁰ Батычко В.Т. Местное самоуправление как самостоятельный институт гражданского общества [Электронный ресурс] http://www.aup.ru/books/m234/3_4.htm 3.Смирнов П.И. русская сельская община: происхождение, основные функции и ценности // «Credo New » №3, 2014 [Электронный ресурс] http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k3-2014/25371-russkaya-selskaya-obschina-proishozhdenie-osnovnyie-funkcii-i-cennosti.html

⁴⁵¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. Соч. в 9 томах. – М., 1987. т. VI, с. 270

казнишь их?». Владимир ответил: «Боюсь греха». Епископы возразили ему: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милование; тебе должно карать разбойника, только разобрав дело». Князь послушал епископов и стал казнить разбойников. Потом те же епископы советовали ему замечать казни вирами (штрафами), так как княжеская казна нуждалась в деньгах. Князь опять послушал епископов и заменил казни вирами⁴⁵².

Церковь оказала серьезное влияние на власть и в таком важном вопросе, как прекращение существования домашнего рабства (холопства). Согласно исследованию Ключевского, церковь на основании греко-римского права внесла существенные перемены в русское рабовладельческое право, добившись, во-первых, благотворительного освобождения рабов по завещанию, во-вторых, установив юридически случаи обязательного дарового отпуска холопов на волю и, в-третьих, добившись принудительного выкупа холопов на волю⁴⁵³.

Участвуя, а то и иницируя подобного рода решения, церковь, естественно, несла за них ответственность вместе с властью. Таким образом, здесь можно наблюдать истоки процесса формирования солидарной ответственности власти и церкви.

При этом церковь в период раннего средневековья сохраняла определенную независимость от государства: выбирала собственное руководство, имела собственные суды, обладала независимыми от государства источниками доходов и т. д.

Однако уже в раннефеодальный период истории были нередки случаи вмешательства светской власти во внутренние дела церкви. Князья и вече нередко судили и низвергали епископов. Так, например, князь Андрей Боголюбский изгнал из Ростова епископа Нестора за то, что тот не разрешил постов в двенадцатые праздники, а Новгородское вече изгнало епископа Арсения, так как на вече было решено, что он – виновник слишком теплой и дождливой осени.

Процесс лишения церкви элементов самостоятельности и подчинения ее светской власти усилился во времена правления Ивана Грозного. Царь писал Курбскому: «Ты считаешь светлостью благочестивою, когда государство обладает попом невеждою? Но царство, обладаемое попом, разоряется»⁴⁵⁴.

Отступления от тренда подчинения церкви государству и усиление ее самостоятельности в российской истории также имели место, но они вызывались особыми обстоятельствами. Так, в Смутное время, при патриархе Филарете (который был отцом государя Михаила Феодоровича Романова) патриарх получил большую власть и возможности непосредственно вли-

⁴⁵² История государства и права. Сборник очерков из истории государства и права Руси. //Allpravo.ru – 2004 г. [Электронный ресурс] <http://www.allpravo.ru/library/doc313p/instrum2359/item2526.html> (дата обращения: 21.03.2020).

⁴⁵³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. Соч. в 9 томах. – М., 1987. т. 6. С. 271–276.

⁴⁵⁴ История государства и права. Сборник очерков из истории государства и права Руси. //Allpravo.ru – 2004 г. [Электронный ресурс] <http://www.allpravo.ru/library/doc313p/instrum2359/item2526.html> (дата обращения: 21.03.2020).

ять на государственные дела. Он имел титул «великого государя». Царские указы издавались от имени царя и великого государя – патриарха. Имели место также случаи, когда указы по государственным делам издавались и от имени одного патриарха.

Однако эти рецидивы усиления самостоятельности и влияния церкви были непродолжительными, и при Петре I произошло ее окончательное подчинение государству. Петр превратил церковь в одно из государственных учреждений, и в 1721 г. была учреждена духовная коллегия, переименованная затем в Святейший Синод.

Отношение государства к церкви, установленное Петром, существенно не изменилось до конца XIX в. В течение почти двух веков царская власть полностью доминировала над церковью и выступала в качестве высшей власти уже и в делах чисто церковных. В результате церковь утратила даже видимость своей самостоятельности и, по сути дела, превратилась из относительно независимого от государства института в одну из государственных бюрократических структур. Положение церкви как государственного института отчетливо просматривается в отношении к ней царей. Так, например, Екатерина II однажды обратилась к Синоду со следующими словами: «Если спрошу вас, кто вы и какое ваше звание, то вы верно дадите ответ, что вы – государственные особы, состоящие под властью монарха и законов евангельских»⁴⁵⁵. При составлении акта о наследии престола (1797 г.) император Павел I называл императора «главою Церкви»⁴⁵⁶. Естественно, будучи частью государства, церковь несла и определенную долю социальной ответственности за все, что происходило в стране.

В конце XIX – начале XX веков церковь постепенно начала освобождаться от мелочной опеки государства и у нее появился шанс превратиться, как в Европе, в институт гражданского общества. Однако этому процессу помешал Октябрьский переворот, после которого церковь формально была жестко отделена от государства, но по сути, вновь потеряла элементы самостоятельности.

В постсоветское время церковь, согласно 14 статье Конституции, была уже не формально, а реально отделена от государства, и она получила исторический шанс стать независимым от государства институтом гражданского общества. И эволюция церкви в подобного рода институт имела место в 90-е годы. Однако с начала нулевых произошло очередное дежавю, и церковь стала сближаться со структурами государства. Государство начало активно передавать церкви значительное имущество, финансировать восстановление церквей и монастырей и т. д.⁴⁵⁷

Сегодня можно наблюдать очередной феномен, когда церковь начинает активно служить не только Богу, но и интересам власти. Одновременно цер-

⁴⁵⁵ История государства и права. Сборник очерков из истории государства и права Руси. //Allpravo.ru – 2004 г. [Электронный ресурс] <http://www.allpravo.ru/library/doc313p/instrum2359/item2526.html> (дата обращения: 21.03.2020).

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Новостная лента mail.ru. Общество. [Электронный ресурс] <https://news.mail.ru/society/28012821/?frommail=1> (дата обращения: 21.03.2020).

ковная элита постепенно превращается в часть правящей элиты. При этом уже не только государство вмешивается в церковные дела (необходимо признать, что в современной России это вмешательство серьезно сократилось), но и церковь пытается все чаще вмешиваться в светские вопросы культуры, образования, искусства и даже борьбы с коронавирусом.

Отмечая тот реальный факт, что на протяжении всей российской истории церковь так и не превратилась в институт гражданского общества, независимый от государства, вместе с тем необходимо признать, что она сыграла позитивную роль во внедрении в сознание всех слоев общества христианской системы ценностей и заложила основы будущего гражданского сознания. Среди этой системы ценностей нужно назвать прежде всего гуманизм, стремление помочь слабому и обездоленному, семейные ценности, признание важности честного труда, критическое отношение к несправедно нажитому богатству, жертвенность и т. д.

Участвовала церковь и в формировании ответственной личности, ответственного общества и ответственной власти, но это было формирование не непосредственной ответственности этих субъектов перед социумом, а прежде всего ответственности за земные деяния перед Богом. Через всю Библию проходит мысль об ответственности людей перед Богом. «Каждый из нас за себя даст отчет Богу»⁴⁵⁸. При этом человек как творение Бога должен нести ответственность перед ним за то, как он прожил свою жизнь, за все свои поступки, за то добро или зло, которое он творил, и даже за разговоры и отношение к окружающим. Притча о неверном домоуправителе говорит об этом ясно⁴⁵⁹.

Уже даже из перечня тех сфер, за которые человек несет ответственность перед Богом, следует, что ответственность перед Богом содержала в себе и значительную долю социальной ответственности, ибо в Библии идет речь об ответственности человека перед Богом за его земные дела, за то, насколько он был ответственен в своем поведении перед окружающими его людьми⁴⁶⁰.

Церковь также заложила основы такой функции гражданского общества, как благотворительность, и не только сама в ней активно участвовала, но и побуждала к благим поступкам во все времена и власть, и предпринимателей, и граждан.

Однако влияние церкви на становление ответственного гражданина было неоднозначным. Ее призывы к смирению и покорности перед властью, которая согласно Библии вся от Бога, придание власти сакрального характера не способствовали становлению активной личности и общественных организаций, способных (при необходимости) быть противовесом государству и бороться с ним за свои права. Так, апостол Павел в «Послании к римлянам» в главе 13 говорит следующее: «Всякая душа да будет покорна выс-

⁴⁵⁸ Библия. Книга священного писания ветхого и нового завета. М., «Духовное просвещение», 1991. С. 531

⁴⁵⁹ Там же, С. 371.

⁴⁶⁰ Мы несем ответственность перед богом //Евангельская труба № 49. 2006/1.; [Электронный ресурс] http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/pov_zemsk_sob_1613/pred.htm (дата обращения: 21.03.2020).

шим властям; ибо нет власти не от Бога... Посему противящийся власти противится Божию установлению...»⁴⁶¹.

На протяжении всего периода российской истории существовал в большей или меньшей зависимости от государства и такой институт гражданского общества, как семья. И несмотря на то что государство нередко вторгалось в личное пространство граждан и пыталось больше необходимого регламентировать семейные отношения, семья, безусловно, оставалась в большей или меньшей степени действующим институтом гражданского общества.

При этом необходимо помнить о том, что в течение нескольких веков семейные отношения строились на основе рекомендаций, содержавшихся в таком известном произведении эпохи Ивана Грозного, как «Домострой», в котором были сформулированы зоны ответственности всех членов семьи. В статьях, посвященных семье, говорится о том, чтобы все члены семьи были «сыты и одеты» и наставлены в Страхе Божьем. Каждый член семьи должен иметь свои обязанности и сферу ответственности: муж – работать и добывать пропитание, жена – управлять домашним хозяйством, дети (даже взрослые) – во всем подчиняться родителям. «Домострой» также регламентировал, как одеваться, как принимать гостей, как молиться и многое другое, относящееся к сугубо личным сферам жизни людей⁴⁶².

Формально «Домострой» не был произведением, подготовленным по заказу власти. Но благодаря тому, что он был составлен или написан лицом, приближенным к царю (по одной из версий, «Домострой» был написан сподвижником Ивана Грозного – протопопом Сильвестром), можно с большой долей уверенности предположить, что это произведение было написано с ведома царя, что свидетельствует о том, что и дом, и семейные отношения в те времена не были в полной независимости от влияния государственной власти и что государство тем или иным образом пыталось вторгаться в личное и семейное пространство.

Впрочем, в условиях крепостного права личное пространство крестьян подвергалось вторжению не только со стороны государства, но и прежде всего помещиков. Помещики могли безнаказанно разлучать семьи крепостных и могли продать отца семейства одному помещику, мать – другому, а детей – третьему. И лишь в 1833 г. при Николае I подобного рода купли-продажи были запрещены.

Крепостные крестьяне также нередко были ограничены и в свободе решения о создании семьи. На брак было необходимо получить разрешение помещика. Нередко помещик решал и вопрос, кому и на ком жениться. Так, А.В. Суворов, приехав к себе в поместье, приказал построить всех неженатых и незамужних крестьян и крестьянок в две шеренги, взяться за руки стоявшим напротив друг друга и повел их колонной в церковь венчаться.

Во времена Петра I также власти вмешивались в семейные отношения уже не только крестьян, но и всех сословий и, в частности, в решение таких

⁴⁶¹ Библия. Книга священного писания ветхого и нового завета. М., «Духовное просвещение», 1991. С. 531.

⁴⁶² Домострой (серия «Литературные памятники»). СПб.: Наука, 1994

важных вопросов, как, где и чему учить детей, и даже пытались регламентировать и такие, казалось бы, маловажные моменты, как и во что супругам надо одеваться, какие бороды и усы надо носить мужчинам и т. д. В результате, по сути дела, все общество было лишено личного пространства, в которое бы не вмешивалось государство. Естественно, что такое положение дел не способствовало становлению самостоятельных и свободных от мелочной опеки властей граждан уже не только низших, но и высших сословий.

Как наиболее продвинутые институты гражданского общества в смысле развития ответственности граждан за судьбы своих республик могут быть оценены Новгородские и Псковские вече. Так, в Новгороде и Пскове граждане выполняли главную функцию гражданского общества, и именно – избирали свою власть и ее контролировали. Сочетания функций избрания и контроля больше никогда не было в российской истории.

На вече избирались все главные должностные лица города: князья, посадники, тысяцкие и даже архиепископы – и все они должны были действовать в определенных рамках и были подотчетны вече, и если, например, князь, по мнению горожан, плохо справлялся со своими обязанностями, его изгоняли и приглашали другого. Вече могло сместить со своих постов и посадника, и тысяцкого, и даже архиепископа⁴⁶³.

На вече обсуждались не только вопросы избрания высших должностных лиц, но и важнейшие вопросы городской жизни: войны и мира, торговли, ремесленного производства и т. д. Вече иногда проходили очень бурно. Бывало, что горожане не могли прийти к единому мнению. И поскольку урн для голосования тогда еще не было, то при возникновении споров побеждала точка зрения тех, кто громче кричал, а то и победитель определялся в кулачном бою, происходившем на Волховском мосту по системе «стенка на стенку». И в последнем случае побеждал тот, кто оказывался сильнее, но не обязательно тот, кто был прав.

Подобное общественное самоуправление имело как плюсы, так и минусы. Среди плюсов вече необходимо назвать тот факт, что все мужчины, не зависимо от их материального положения и социального статуса, принимали участие в решении вопросов жизни Новгорода и Пскова и, соответственно, несли солидарную социальную ответственность за принимаемые решения. Далее избранные руководители понимали, что они находятся под жестким контролем горожан и их могут сместить и наказать, а поэтому работали, как правило, добросовестно и честно. В случае каких-либо нарушений избранные чиновники могли по решению вече быть оштрафованы на крупную денежную сумму, смещены с должности, изгнаны из города и даже могли быть сброшены с моста в Волхов.

В то же время новгородская демократия имела ряд серьезных недостатков. Так, в принятии решений не участвовали женщины. Кроме того, существовали сословные ограничения на занятие высоких должностей. Например, посадники и тысяцкие выбирались только из среды бояр и даже богатые купцы не могли занять эти должности. Нередко бояре манипули-

⁴⁶³ Лукин В.П. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014, 608 с.

ровали общественным мнением с целью достижения своих корыстных целей. Тем не менее необходимо констатировать, что демократия в Новгороде и Пскове по средневековым понятиям была весьма развита и средневековое гражданское общество действительно активно участвовало в решении важнейших социальных вопросов и несло за последствия этих решений социальную ответственность перед всем населением республик.

Эффективность подобного самоуправления доказало время. По мнению специалистов, Новгородское вече зародилось примерно во второй половине IX века и просуществовало более 600 лет, вплоть до конца XV века, и было уничтожено Иваном Грозным.

Политика Ивана Грозного по отношению к зародышам гражданского общества была противоречивой. С одной стороны, он погубил Новгородскую и Псковскую республику, а с другой – ввел институт «земских» и «губных» старост, избираемых населением и имевших достаточно широкие полномочия. О введении подобного института гражданского самоуправления царь объявил в 1549 году на земском соборе «Примирения».

Он, в частности, заявил представителям общин, что по всему государству должны быть избраны самими жителями старосты и целовальники, сотские и дворские; а для всех областей будут написаны уставные грамоты, при помощи которых области могли бы управляться сами собой без государевых наместников и волостелей⁴⁶⁴.

Однако этот демократический институт просуществовал недолго, и выборное начало в местном управлении было заменено назначением чиновников.

Оценивая деятельность таких институтов, как земские соборы (всесловные собрания), необходимо отметить, что и соборы, инициируемые властью, сыграли определенную роль в пробуждении гражданской активности широких слоев населения и приобщении их к решению общегосударственных вопросов. Но, как нам представляется, самым интересным с точки зрения задач данного исследования в их деятельности было то, что на соборах выборные представители различных сословий в сложных для страны случаях осуществляли главную функцию общества, а именно, принимали активное участие в выборах на альтернативной основе своей власти – царей. Причем выборы проходили по тем временам достаточно демократично: выдвижение кандидатов было свободным и формально не связанным с определенными критериями, предъявляемыми к претендентам на престол. Перед выборами и во время выборов допускались все формы агитации за кандидатов, исключение кандидатов осуществлялось общим решением собора и окончательное решение собора носило компромиссный характер, удовлетворяющий большинство его участников⁴⁶⁵.

При этом сразу отметим, что в условиях власти, приближавшейся к самодержавной, функция контроля граждан за избранными правителями от-

⁴⁶⁴ [Электронный ресурс] http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/16001620/Akty_zems_sob_1612_13/text.htm (дата обращения: 21.03.2020).

⁴⁶⁵ Беляев И.Д. Земские соборы на Руси. М., Издательство А.Д. Ступина, 1902

существовала, да и сами выборы были далеки от идеальных и сопровождались интригами, жесткой латентной борьбой, подкупом избирателей и т. д.

Анализируя деятельность Соборов, важно отметить, что все их участники, избиравшие царей, свое решение об избрании закрепляли соответствующим документом и подписями участников собора (рукоприкладство) – «постановление об утверждении в царском чине», что повышало их ответственность перед всем населением страны, историей, своей совестью и Богом. Естественно, что принимая ответственные решения на Соборах, представители всех сословий учились нести за них солидарную ответственность, что способствовало формированию народного единства. Более того, многие участники соборов, поставив свою подпись под документами, должны были и сами осуществлять принятые решения на практике и нести за это ответственность перед властью и всем народом.

По оценке академика Черепнина, за 135 лет (с 1549 по 1684 год) на Руси было создано около 60 соборов, но из них лишь менее десяти относились к типу «избирательных на царство»⁴⁶⁶.

Однако, по мнению историков, далеко не все избрания царей на царство были в полной мере легитимными, поскольку в кризисных ситуациях решение принимали не выборные, съехавшиеся со всего государства, а только те, которые находились в Москве, да и среди выборщиков преобладали чиновники различных рангов. Были также случаи, когда по традиции средневековой демократии судьбу избранника решала «толпа», которая своим «выкликом» подтверждала принятое кулуарное решение. В этой связи специалисты считают спорными прежде всего соборы Смутного времени, на которых были избраны Борис Годунов, Василий Шуйский и королевич Владислав.

Одним из наиболее представительных и относительно демократичных был Собор, на котором избрали М. Романова.

Освободив Москву от поляков, князя Пожарский и Трубецкой в ноябре 1613 г. разослали грамоты, в которых пригласили представителей от городов и земель для избрания царя. В грамотах предписывалось направить выборных для участия в Земском соборе, а также указывалась норма представительства от каждого сословия: «...по нашему приговору выбрать крепких и разумных и настоятельных людей ис духовново чину пяти человек, да ис посадских и из уездных людей дватцати человек, ис стрельцов пяти человек да тех выборных людей для государьсково обиранья, дав им от себя полной достаточной приговор, как им о государьском обиранье и о великом земском деле с нами во всех вас место советовати и говорити и государьское обиранье постановити безо всякого страхованья»⁴⁶⁷.

Важно отметить, что требований к имущественному положению выборных не предъявлялось. В данном аспекте единственным ограничением было то, что выборные должны были пользоваться доверием избирателей и получить от них наказ, в соответствии с которым принимать участие в работе собора и голосовать. Учитывая исключительное значение вопросов, которые

⁴⁶⁶ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства. М., 1978.

⁴⁶⁷ [Электронный ресурс] http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/pov_zemsk_sob_1613/pred.htm (дата обращения: 21.03.2020).

предполагалось обсудить, устроители собора были заинтересованы в максимальном представительстве сословий, с целью придания ему легитимности и права принимать решения «от всей Земли Русской». Поэтому в числе его участников оказались члены боярской думы и чиновники различных уровней, высшие церковные иерархи и священнослужители, представители дворянства, стрельцов и казачества, купеческого сословия («гости»), ремесленники, городские жители и, первый и последний раз в истории соборов, черносошные (государственные) крестьяне. Единственным сословием, не представленным на Соборе, оказались крепостные крестьяне, то есть в феодальном обществе, как и в рабовладельческом, в решении государственных вопросов принимали участие только свободные граждане.

Численность участников собора учеными оценивается с большим разбросом от 500 до 1 500 человек. Выборы осуществлялись на альтернативной основе, и среди претендентов на престол фигурировали несколько иностранных и отечественных кандидатов: шведский королевич Карл Филипп, польский королевич Владислав, сын Карла IX, Король Англии и Шотландии Яков I, Дмитрий Трубецкой, Дмитрий Пожарский, представители родов Годуновых, Шуйских, Голицыных, Мстиславских, Куракиных и Михаил Романов. Процесс выборов происходил весьма бурно, продолжался несколько дней и на соборе была реальная борьба, но это была борьба не политических и экономических программ, а скорее щедрых популистских обещаний, родов, стоявших за каждым из претендентов, финансовых ресурсов, которые претенденты на престол могли направить на подкуп избирателей.

Так, например, как свидетельствует «Повесть о Земском Соборе 1613 года», князь Трубецкой с целью привлечения на свою сторону избирателей тратил огромные средства на многочисленные пиры: «...учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе на двор по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был»⁴⁶⁸.

В конце концов, горожане и казаки, устав от многодневных обсуждений, а что более вероятно, подкупленные сторонниками Романова, 21 февраля 1613 г. ворвались в здание Успенского собора с требованием избрать на царство Михаила Романова, и под их давлением избрание состоялось.

Оценивая деятельность соборов, важно отметить, что они также сыграли позитивную роль в пробуждении гражданской активности и повышении социальной ответственности передовых представителей различных сословий, учили их мыслить по-государственному. Это касалось прежде всего зарождавшегося класса предпринимателей. Как отмечал Ключевский, «на земских соборах..., как и в сословных совещаниях с правительством, видели мы, как торгово-промышленные люди в лице своих выборных представителей являются единственным классом общества, в котором еще светился политический смысл, пробивалось гражданское чувство, понимание общего блага»⁴⁶⁹.

⁴⁶⁸ Повесть о земском соборе 1613 года. [Электронный ресурс] www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/...1613/pred.ht (дата обращения: 24.03.2020).

⁴⁶⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. Соч. в 9 томах. – М., 1987. Т. V. С. 103.

Соборы явились свидетельством и того, что перспектива превратиться в абсолютную монархию была не единственной для страны⁴⁷⁰.

Теоретически у страны могла быть и иная перспектива, перспектива развития демократии, реализации права граждан самим выбирать свою власть и нести социальную ответственность за свой выбор и за судьбу своей страны перед всем народом и историей.

Определенную роль в развитии зачатков гражданского общества и его социальной ответственности сыграла эпоха Петра I, в которую были заложены основы российской промышленности и ответственности предпринимателей, как представителей зарождающегося гражданского общества перед государством и всем обществом. Именно в эпоху Петра начался активный процесс формирования современного по тем временам класса предпринимателей, возникли предпринимательские объединения, работавшие вне рамок государственных структур, то есть представлявшие собой зачатки организаций гражданского общества. Петр предписывал: «Московского государства и городовым всяких чинов купецких людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями...»⁴⁷¹. Деятельность Петра, направленная на стимулирование учреждения предпринимательских объединений, была типичным примером создания общественных организаций «сверху».

При Петре поощрялось объединение богатых и небогатых отечественных купцов в крупные компании, которые бы обладали большими финансовыми и организационными ресурсами. Компании на своих советах решали вопросы бизнеса, представлявшие интерес для предпринимательского сообщества: объединяли капиталы для того, чтобы успешнее конкурировать с европейскими купцами, искали новые рынки сбыта для отечественных товаров, обсуждали вопросы организации и технологий производства и т. д. Однако необходимо признать, что государство, поощряя создание предпринимательских объединений, преследовало не столько цель развития институтов гражданского общества, сколько пополнения государственной казны за счет более эффективной работы предпринимателей.

В целом же политика Петра по отношению к предпринимателям, направленная на формирование национальной буржуазии и ее структур, представлявших собой зачатки институтов гражданского общества, была непоследовательной и противоречивой.

Так, Петр I по существу свел на нет ответственность предпринимателей перед большинством работников и процесс превращения работников в самостоятельных граждан, подписав в 1721 г. указ, согласно которому владельцам предприятий разрешалось покупать для своих заводов крепостных крестьян. Как справедливо отмечал Е.В. Анисимов, этот указ способствовал «превращению промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнические, в разновидность фе-

⁴⁷⁰ А. Зубов. Чудо земского собора. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/02/27/53720-chudo-zemskogo-sobora> (дата обращения: 24.03.2020).

⁴⁷¹ Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. М., 1988. кн. VII, т. 14, с. 570

одальной собственности – своеобразную вотчинную мануфактуру, на которой рабочие эксплуатировались, как на господской пашне»⁴⁷².

Этот указ оказал негативное влияние на дальнейшее развитие предпринимательства в России. После его имплементации крепостной труд стал доминировать не только на помещичьих предприятиях, но и во всем мануфактурном производстве. Указ способствовал деформации процесса образования российской буржуазии, препятствовал формированию у нее классового самосознания, мешал процессу становления свободного и ответственного гражданина, а сами предприниматели превратились в нечто среднее между помещиком-крепостником и представителем буржуазии.

Кроме того, в период правления Петра государство жестко контролировало предпринимателей, а также их организации, создав для этого Мануфактур-коллегию и Берг-коллегию, которые подвергали бизнес мелочной опеке. Так, коллегиями регламентировались качество продукции, образцы которой предоставлялись для контроля в коллегию.

Промышленники были также обязаны представлять в Мануфактур-коллегию подробные отчеты. Если в коллегиях приходили к выводу, что предприятие «ведется непорядочно», оно могло быть отобрано в казну или передано другому лицу. Так что основа гражданского общества – частная собственность – ни де-юре, ни де-факто не была гарантирована, и свобода предпринимательства при Петре существовала условно.

В то же время возможно, что на ранних стадиях развития бизнеса опека его со стороны государства была в какой-то степени полезной, поскольку способствовала формированию у предпринимателей чувства ответственности перед государством и обществом.

Необходимо также отметить, что будучи поборником модернизации России, Петр I предоставлял значительные льготы предпринимателям и заботился о повышении их престижа в обществе. Как отмечал Ключевский, «во время своего царствования он (Петр. – Е.В.) проповедовал в России о достоинстве, «честности» и государственной пользе ремесленных и промышленных занятий, настойчиво провозглашал в своих указах, что такие занятия никого не бесчестят, что торги и ремесла столь же полезны для государства и почетны, как государственная служба и ученье»⁴⁷³.

При этом Петр не только рассчитывал на добровольное социально ответственное поведение предпринимателей, но и опирался в этом вопросе на принуждение. Мануфактур-коллегии он предписывал вести дела с фабрикантами «не предложением одним, но и принуждением»⁴⁷⁴, что, безусловно, противоречило добровольным принципам самоорганизации в гражданском обществе.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на жесткие, а часто и жестокие меры, Петру далеко не всегда удавалось добиться от всего предпринимательского сословия социально ответственного поведения. Зарожда-

⁴⁷² Цит. по: История предпринимательства в России. Книга первая. От средневековья до середины XIX в. М.: РОССПЭН, 2000. 480 с. С. 194.

⁴⁷³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. Соч. в 9 томах. – М., 1987. Т. IV. С. 103.

⁴⁷⁴ Там же.

ющийся бизнес нередко выпускал некачественную продукцию, занимался подкупом чиновников, воровал государственные деньги, стремился уйти от налогов, т. е. демонстрировал социальную безответственность.

Не удалось Петру добиться от предпринимателей и экологически ответственного поведения. Наличие в стране гигантских природных ресурсов и возникшее на этой почве ошибочное представление об их неисчерпаемости, привели к тому, что предприниматели нередко крайне нерационально их использовали. Вот лишь один по этому поводу характерный пример, описанный Ключевским, из периода правления Петра I: «Предписано было везти к Петербургу вышневолоцкою системою дубовый лес для балтийского флота: в 1717г. Это драгоценное дубье, среди которого иное бревно ценилось тогдашних рублей во сто, целыми горами валялось по берегам и островам Ладожского озера...»⁴⁷⁵.

Но при всем при этом необходимо все-таки признать, что реформы Петра создали основы для появления в среде предпринимателей зародышей гражданского общества и становления социально ответственного бизнеса в России.

Ростки гражданского общества при Петре I прорастали не только в среде предпринимателей, но и в городах и селах, где были указом от 1699 г. созданы органы гражданского самоуправления. Так, в Москве была учреждена бурмистрова палата (ратуша), а в прочих городах – земские избы и выбранные бурмистры.

Оценивая эти институты, С. Соловьев писал: «Учреждением Бурмистрской палаты начинается ряд преобразовательных мер, которые должны были пробуждать общественные силы, приучать граждан действовать сообща, к охранению общих интересов соединенными силами...»⁴⁷⁶.

Однако решившись на создание подобных организаций гражданского общества, Петр опять-таки не решился дать им свободу действий в рамках их компетенций и подставил над ними в роли «ока государева» «обер-инспектора ратушного правления» А. Курбатова.

К сожалению, эти организации гражданского общества, имевшие определенную независимость от государства, просуществовали недолго, и после смерти Петра в политическую повседневность очередной раз вернулась бюрократическая система назначения чиновников «сверху».

Во время правления Екатерины II также осуществлялись попытки создать самостоятельные структуры гражданского самоуправления. Так, императрица в 1762 г. издала указ, исправлявший ошибку Петра I и запрещающий покупку заводчиками крепостных крестьян. Однако решить проблему полного перехода на свободный наемный труд в условиях сохранения крепостного права не представлялось возможным хотя бы потому, что продолжали функционировать и вотчинные предприятия с крепостной рабочей силой, так что процесс формирования граждан и гражданского общества, в буржуазном смысле этого слова, опять откладывался.

⁴⁷⁵ Там же, С. 110.

⁴⁷⁶ Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. М.: 1988. кн. VII, т. 14, с. 570.

Вместе с тем, при Екатерине II были предприняты шаги по повышению социального статуса предпринимателей. Особую роль в этом сыграл манифест 1775 г., в котором были определены новые принципы сословного деления городского населения. Согласно этому указу, купечество было освобождено от подушной подати и обложено гильдейской пошлиной в размере 1 % от объявленного самими купцами «по совести» капитала. Подобная ситуация свидетельствовала о том, что государство пыталось с помощью технологий доверия воспитывать в предпринимателях чувство гражданской ответственности.

В период правления Екатерины в активную предпринимательскую деятельность втягивались и представители крестьянства, в том числе и крепостные. Наиболее способные и предприимчивые из крепостных оброчных крестьян начали в конце XVIII века активно создавать собственные предприятия. Крепостные предприниматели выкупали у своих владельцев свободу и основывали крупные купеческие династии – Горелиных, Забелиных, Кондрашовых, Павловых, Шориных.

Таким образом, с конца XVIII в. дух предпринимательства в той или иной степени захватывает все слои российского общества. И, естественно, в силу различий в социальном статусе, воспитании, образовании предприниматели демонстрировали многообразие в понимании своей социальной роли и социальной ответственности.

С большой долей уверенности можно предположить, что среди представителей каждого сословия, занимавшегося в те времена предпринимательской деятельностью, были и социально ответственные предприниматели, исправно платившие налоги, честно ведущие бизнес, выпускающие качественную продукцию, и безответственные, уходящие от налогов, обманывающие партнеров и граждан, вступающие в коррупционные отношения с чиновниками, запускающие руку в государственную казну, и т. д.

«Недобросовестность печально отражается на всем, и в особенности на коммерческих делах», – писал по этому поводу маркиз Астольф де Кюстин⁴⁷⁷.

Вместе с тем, Кюстин отмечал такой интересный факт, как высокий уровень деловой ответственности у предпринимателей – крепостных крестьян. Он писал, в частности, о крестьянах, занимавшихся бизнесом на Нижегородской ярмарке, следующее: «Главные торговые деятели ярмарки – крепостные крестьяне. И вот с ними заключаются сделки на слово на огромные суммы. Эти рабы-миллионеры, эти банкиры-крепостные не умеют ни читать, ни писать, но недостаток образования восполняется у них исключительной сметливостью». И далее: «Никто не помнит, чтобы крестьянин обманул доверие имеющего с ним торговые дела купца»⁴⁷⁸.

При Екатерине II элементы гражданского общества зарождались и в господствовавшем классе феодалов. Причем они инициировались «сверху». Как нам представляется, прообразом сословного института гражданского общества были Дворянские собрания, являвшиеся органами дворянского самоуправления. Дворянские собрания функционировали полтора века

⁴⁷⁷ Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия 1839 год. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 247.

⁴⁷⁸ Там же, С. 289.

в период с 1766 по 1917 г. Они занимались решением вопросов строительства дорог, больниц, школ, взаимодействия с властями, взаимоотношений внутри дворянского сообщества, отношений с крестьянами и т. д. При этом им запрещались постановка и обсуждение каких-либо политических вопросов, что было, видимо, следствием восстания декабристов.

Их деятельность регламентировалась такими юридическими документами, как «Учреждение для управления губерниями» и «Жалованная грамота дворянству» 1785 года.

При Екатерине II были сделаны и другие важные шаги в сторону развития самоуправления и элементов гражданского общества. Так, был принят специальный акт – «Грамота на права и выгоды городов Российской империи», на основании которого были созданы городские думы, приказы общественного призрения, земские суды⁴⁷⁹. Эпоха Екатерины знаменательна еще и тем, что в период ее правления было положено начало созданию общественных организаций, призванных способствовать экономическому и техническому прогрессу страны. Так, в 1765 г. было создано Вольное экономическое общество. Позднее было основано Московское общество сельского хозяйства (1812), Русское географическое общество (1845), Русское техническое общество (1866). Все эти организации были в значительной степени учреждениями гражданского общества, строились на основах самоуправления и финансировались в основном за счет средств благотворителей.

Но, как и в других случаях, вся система самоуправления этих организаций находилась под контролем государственных чиновников. При Екатерине II общественной организации, чтобы существовать на легальных основаниях, требовалось получить одобрение императрицы через ходатайство Кабинета Министров. Следует также отметить, что в 1782 г. началось формирование законодательства, призванного контролировать создание и функционирование общественных организаций, в котором были очерчены границы дозволенного и меры ответственности за их деятельность.

Появлению многочисленных институтов гражданского общества и становлению их социальной ответственности, безусловно, способствовала отмена крепостного права в 1861 г., осуществленная Александром II, а также реформы, последовавшие за ней.

Получение личной свободы крепостными крестьянами, несмотря на известные трудности и ограничения, способствовало более активному процессу формирования ответственных граждан и появлению их организаций, независимых от государства, способных нести самостоятельно социальную ответственность.

Развитию местного самоуправления и становлению социально ответственных институтов гражданского общества положили начало земская (1864 г.) и городская (1870 г.) реформы Александра II. Положением о земских учреждениях 1864 г. создавались выборные губернские и уездные земские собрания. Однако при выборах в эти собрания присутствовал

⁴⁷⁹ История местного самоуправления в России. [Электронный ресурс] <http://shkola-municipalnogo-politika.ru/istoriya-mestnogo-samoupravleniya/istoriya-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii/> (дата обращения: 24.03.2020).

сословный ценз, так что и в эти новые институты уже даже после отмены крепостного права внедрялись пережитки феодализма.

В соответствии с Положением о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. им вменялось в обязанность решение большого круга различного рода хозяйственных вопросов. Так, к ведению земств относилось: земские школы, больницы, приюты и богадельни; развитие местной торговли и промышленности, народное продовольственное дело; устройство и содержание местных путей сообщения, земская почта, ветеринарная и агрономическая службы, взаимное страхование; постройка церквей, тюрем и домов для умалишенных⁴⁸⁰.

Организация городского самоуправления определялась Городовым положением 1870 года, согласно которому органами городского самоуправления были городские думы и управы. Отличительной и весьма важной особенностью городского самоуправления для развития гражданского общества являлся его бессословный характер. Однако и здесь существовали ограничения. И если при земских выборах предусматривался сословный ценз, то в городских выборах существовал имущественный ценз. Правом избирать и быть избранными в городские думы были наделены владельцы недвижимости, купцы, обладатели торговых и промышленных заведений, лица, платившие городские сборы⁴⁸¹.

Будучи, безусловно, прогрессивными, реформы Александра II тем не менее сохранили и после отмены крепостного права такой несколько модернизированный пережиток феодализма, как институт общины, получивший название Сельских обществ. Сельские общества как официально признанные и регулируемые законами самоуправляемые сообщества появились в ходе освобождения крестьян и составлялись из крестьян одного владельца, проживающих в одном селении или в нескольких соседних селениях. Они управлялись сельскими сходами, избиравшими сельских старост.

Как коллективный владелец земли, сельское общество имело большие полномочия по организации хозяйствования. Осуществляя эти полномочия, оно нередко вторгалось в индивидуальную деятельность крестьян. Кроме того, сельские общества (до 1904 г.) были связаны круговой порукой и несли коллективную ответственность за уплату налогов своими членами, что не могло их сделать полноценными институтами гражданского общества, хотя в своей деятельности они пользовались большей свободой от государства, чем в период безраздельного господства феодальных отношений. В то же время сохранявшиеся пережитки феодализма в сельских обществах мешали их становлению как институтов гражданского общества, а их членам — крестьянам — превратиться в независимых от государства и ответственных граждан.

При Александре III произошел очередной откат в становлении институтов гражданского общества, и органы местного самоуправления были поставлены под контроль правительственных чиновников.

⁴⁸⁰ Прокофьева Т.Г. Вопросы самоуправления в программах и тактике политических партий России в начале XX века. М.: 1997. с. 286.

⁴⁸¹ А.В. Мамаев. Городские самоуправления России к началу 1917 [Электронный ресурс] <http://histrf.ru/uploads/media/default/.../7acd37883c9709b7fcb754fa802d629ef4e1aea0.pd...> (дата обращения: 24.03.2020).

Последний этап изменений в местном самоуправлении в дореволюционной России осуществлялся на основании Положения о земских учреждениях 1890 г. и Городского положения 1892 г. В результате имплементации этих документов в земстве было усилено значение сословного начала. Органы самоуправления попали под контроль правительственных чиновников с точки зрения не только законности своей деятельности, но и целесообразности тех или иных действий по осуществлению своих функций.

В научной литературе этот период зачастую именуется контрреформой местного самоуправления, хотя здесь, как представляется, не все так однозначно, поскольку при Александре III укреплялась экономическая основа земств, из государственного бюджета земствам стали выделять специальные средства казны на осуществление их проектов. Кроме того, как показал сравнительный анализ функций земских институтов при Александре II и Александре III, при последнем они были существенно расширены, и к сфере их компетенции были отнесены такие дополнительные вопросы, как забота о предупреждении и тушении пожаров и попечение о лучшем устройении селений; а также содействие местному земледелию, торговле и промышленности; забота об охране полей и лугов от порчи и истребления вредными насекомыми и животными, удовлетворение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управлений.

Но расширив права Земств, власти одновременно усилили их зависимость от государства. Так, выборные лица, занимающие должности в коллегиальных органах земского и городского самоуправления, были отнесены к состоящим на государственной службе, а стало быть, произошло их огосударствление, и они перестали быть представителями гражданского общества.

При Николае II процесс становления в России гражданского общества продолжился и пошел более активно. В стране стали появляться институты, имманентно присущие демократическим государствам. Здесь прежде всего необходимо отметить появление такого института гражданского общества, как политические партии.

По нашим подсчетам, в дооктябрьской России шло бурное партийное строительство, и в разное время было создано 83 политических партии. Из них – 10 партий «правых», 9 – «центристских», и 9 «левых», а 55 – национальных (украинских – 9, польских – 11, еврейских – 7, мусульманских – 5, финляндских – 19 и т. д.). При этом некоторые партии были «партиями-одногодками» и существовали недолго. Так, Торгово-промышленный союз Российской империи и Прогрессивно-экономическая партия Российской империи просуществовали один 1905 год, Партия умеренно правых и Партия мирного обновления просуществовали менее двух лет: 1909–1910 годы и 1906–1907 гг. соответственно⁴⁸².

Очевидно, что такое обилие партий было детерминировано накопившимся политическим «голодом» и политической «бедностью» предшествующего длительного времени, ибо политическим партиям, как известно, было разрешено легально работать лишь с 1905 года. Обилие партий

⁴⁸² Политические партии Российской империи. [Электронный ресурс] https://ru.wikipedia.org/wiki/Политические_партии_Российской_империи. (дата обращения: 01.06.2020).

свидетельствовало также о достаточно высокой развитости гражданского общества, о серьезной атомизации российского социума, а также о многообразии социально-экономических и политических интересов, о наличии в обществе многих амбициозных лидеров, жаждущих сделать политическую карьеру, и т. д.

Можно ли считать все эти партии в полной мере социально ответственными институтами гражданского общества, независимыми от государства? На этот вопрос нет однозначного ответа. Правые и центристские партии пользовались в той или иной степени поддержкой государства и, в свою очередь, поддерживали царскую власть. В то же время, было и много партий (прежде всего «левой» ориентации), более или менее независимых от государства.

Роль политических партий в России в этот период как институтов гражданского общества также не может быть оценена однозначно. С одной стороны, они способствовали пробуждению политической активности масс и формированию гражданской культуры общества, осознанию им своих социально-экономических, национальных и политических интересов и предпочтений.

С другой стороны, левые партии были носителями революционных идей, осуществление которых, как показала практика, привело не к эволюционной модернизации страны, а к социально безответственному революционному разрушению основ государства и его краху. Иными словами, левые партии играли деструктивную роль и дезориентировали значительную часть гражданского общества, толкая его в революционное русло.

В свою очередь и центристские партии не выполнили свою роль социально ответственного стабилизатора и не внесли в активное гражданское общество идеи эволюционного развития.

Что касается правых партий, то и они, как часть гражданского общества, не проявили должной политической зрелости и социальной ответственности и не оказали должного давления на царскую власть с целью осуществления назревших и перзевших реформ. Более того, ряд партий выступали за консервацию царской власти и пережитков феодализма.

Таким образом, можно сказать, что в целом молодое гражданское общество в России, в лице многочисленных политических партий, не проявило должной мудрости и дальновидности, что привело к Октябрьскому перевороту 1917 года. История политических партий в Российской империи, их роль в стране, их достоинства и недостатки, акты их социальной ответственности и социальной безответственности достаточно хорошо освещены в историографии, и нет смысла более подробно останавливаться на этих вопросах⁴⁸³.

Безусловно, важным институтом гражданского общества являлась Государственная дума, которая была учреждена манифестом от 6 августа

⁴⁸³ См., например: Шелохаев В.В., Волобуев О.В., Горшков М.К., Политические партии России. Российская политическая энциклопедия, М.: изд-во РОССПЭН, 1996. 395 с.; Шелохаев В.В. Политические партии России начала XX века в свете новых источников. В сб.: Современные политические процессы. Вып.2, М.: 2004, с.195–210; Сергеев В.Н. Многопартийность и государственная власть на юге России в 1905–1920 гг. М.: из-во «Вузовская книга», 2012. 416 с.; Васильева Е.В. Политические партии России конца XX – начала XX вв. Омск, 2013. 109 с.; Главные политические партии в Российской империи. [Электронный ресурс] <https://news.rambler.ru/other/37922834-glavnye-politicheskie-partii-v-rossiyskoy-imperii/> (дата обращения: 30.05.2020).

1905 года императором Николаем II, как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов»⁴⁸⁴.

Как по названию, «Государственная дума», так и по содержанию ее деятельности, Дума не была, да и не могла быть в полной мере институтом гражданского общества. Функционально она была сначала совещательным, а потом и законодательным государственным органом Российской империи. Тем не менее, несмотря на это и все ограничения, наложенные царизмом на ее деятельность, Дума была представительным органом общества и через избранных депутатов и политические партии, входившие в нее, отражала интересы значительной части граждан.

Кроме того, она была площадкой, на которой политические партии и избранные представители народа учились отстаивать интересы своих избирателей, участвовать в острой политической конкуренции, вести политические дискуссии в цивилизованных формах, приобщаться к решению государственных дел, получать опыт обсуждения и принятия государственных законов, отрабатывать технологии взаимодействия с органами власти и осуществление контроля за ними. То есть можно сказать, что Дума была в определенной степени школой, формировавшей политическую и гражданскую культуру становящегося гражданского общества.

Следует отметить, что ГД, особенно последних созывов, была местом для острых политических дискуссий и реальной политической борьбы. Так, острые споры в думе возникали по разным весьма важным поводам: по вопросам реформирования армии, по крестьянскому вопросу, по вопросу об отношении к «национальным окраинам», а также из-за личных амбиций политиков, раздиравших депутатский корпус. Но и в этой непростой парадигме оппозиционно настроенные депутаты (и не только «левые», но и «правые», и «центристы») находили способы высказывать своё мнение и критиковать самодержавный строй и деятельность исполнительной власти, используя парламентскую трибуну, перед лицом всей России. С этой целью депутаты широко использовали систему запросов. На всякое чрезвычайное происшествие депутаты, собрав определённое количество подписей, могли подать интерпелляцию, то есть требование к правительству отчитаться о своих действиях, на что должен был дать ответ тот или иной министр.

Одновременно она была школой и для всего становящегося гражданского общества, вовлекая его в выборные процессы, вырабатывая вкус к политике и политической информации, способствуя самоидентификации граждан с теми или иными политическими партиями или депутатами. Это также была школа ответственного выбора своих представителей во власть.

Но с сожалением приходится констатировать, что, несмотря на значительные усилия, молодому парламенту так и не удалось сподвигнуть цар-

⁴⁸⁴ Высочайший манифест от 6 августа 1905 г. [Электронный ресурс] <https://web.archive.org/web/20080610000131/http://www.kodeks.ru/noframe/free-duma?d&nd=723101035&nh=2> (дата обращения: 01.06.2020).

скую власть на серьезные реформы, способные предотвратить октябрьский переворот.

Думе также не удалось должным образом просветить значительную часть активного гражданского общества и предостеречь ее от революционной вакханалии и трагических последствий революций для судьбы страны⁴⁸⁵.

После отмены крепостного права начали появляться и такие институты гражданского общества, как профсоюзы, призванные защищать права трудящихся. Причем они появлялись как в форме нелегальных политизированных организаций (Южнороссийский союз рабочих в Одессе, Севернорусский союз рабочих в Санкт-Петербурге), так и легальных, занимавшихся только вопросами взаимопомощи рабочих и защиты прав трудящихся от произвола предпринимателей. Так, на Урале и в Сибири были созданы легальные Горнозаводские Товарищества (ГЗТ), занимавшиеся социальным страхованием, а также урегулирование трудовых конфликтов. Руководство ГЗТ осуществлялось Попечительными приказами, состоявшими из четырех выборных членов из рабочих и председателя, назначаемого заводоуправлением. К началу XX века в стране существовало 16 ГЗТ.

В 1905–1906 гг. по всей России образовалось около ста рабочих союзов. Некоторые из них первоначально были легализованы, но затем, после подавления революции 1905 года, они подвергались преследованиям, были закрыты или перешли на нелегальное положение.

В 1910 году начался очередной подъем рабочего и профсоюзного движения, который достиг своего пика к началу 1917 года. В результате не осталось ни одной профессии или группы рабочих по найму, которая не стремилась бы к организации своего профсоюза⁴⁸⁶.

Независимые профсоюзы были уже в достаточной степени институтами гражданского общества и, организуя различного рода протестные акции, играли важную роль в давлении на власть с целью защиты прав трудящихся и улучшения их положения.

Уровень их социальной ответственности был различным и зависел от многих факторов: от того, кто и с какой целью их организовывал, от влияния на них политических партий, от степени радикализованности их лидеров и рядовых членов и т. д. Но безусловно, профсоюзы сыграли большую роль в становлении свободных и ответственных граждан, осознающих свою социальную роль и социальную ответственность за положение дел с трудовыми правами трудящихся.

Как известно, к важным институтам гражданского общества относятся независимые СМИ, основной функцией которых является распростране-

⁴⁸⁵ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и её депутаты (1906–1917). Пермь: Изд-во ПГУ, 1995. 168 с.; Дёмин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996. 224 с.; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи (1906–1917): историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998; Государственная дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия / РОССПЭН; Ред. Иванов Б.Ю., Комзолова А.А., Ряховская И.С. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.; История Государственной думы. [Электронный ресурс] <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁸⁶ Википедия. [Электронный ресурс] http://https://ru.wikipedia.org/wik/Профессиональный_союз. (дата обращения: 24.03.2020).

ние в социуме правдивой информации о происходящем в стране и мире и донесение до власти настроений общества. Роль и ответственность гражданского общества и его взаимодействия с властью через СМИ блестяще сформулировал английский поэт Джон Мильтон, выступая в Британском парламенте еще в 1644 г., в своей речи «Ареопагитика». Он заявил следующее: «Мы не мечтаем о такого рода свободе, при которой в государстве никогда уже не являлось бы никаких затруднений. Этого никто и ждать не может, но когда неудовольствия свободно выслушиваются, внимательно рассматриваются и быстро удовлетворяются, тогда достигается крайняя граница гражданской свободы, какой только может достигать благоразумный человек»⁴⁸⁷.

Из этого высказывания поэта-гражданина, которое относится к середине XVII века, следует, что уже тогда в передовой буржуазной Англии журналисты ответственно осознавали границы гражданской свободы и видели миссию СМИ и свободы слова не в призывах к бунтам, а в донесении до власти общественных настроений с тем, чтобы власти на них своевременно и адекватно реагировали, купируя возникновение возможной социальной напряженности.

Однако в России атрибуты гражданского общества в виде независимых СМИ так и не получили полноценного развития, ибо с момента их возникновения в эпоху Петра I и до начала XX века государственные и частные газеты и журналы находились под неусыпным контролем государства и подвергались цензуре.

Первый печатный государственный орган появился в России в 1702 году. Петр I издал указ, согласно которому в России стала издаваться газета «Ведомости», а первые частные периодические издания в России были разрешены только в 1759-м.

Количество периодических изданий то увеличивалось, то уменьшалось. Так, например, в 1789 г. в России издавалось 16 периодических изданий, в 1796 – только 9, а в 1797 г., при Павле I, осталось всего 5. Большая часть изданий того времени существовала не дольше одного года. Историки пишут, что сокращение количества изданий происходило из-за давления властей⁴⁸⁸.

Подобная ситуация была следствием того, что в России все значимые вопросы, включая вопросы печати, решались одним человеком – главой государства. И от степени либерализма или консерватизма первого лица в государстве зависело, скольким органам печати быть в стране, что в них печатать, насколько должна быть жесткой цензура и т. д.

Что касается государственной цензуры, то она, разумеется, негативно влияла на «лицо» как государственной, так и частной прессы, и не давала ей свободы в правдивом и всестороннем освещении событий. Практически при каждом царе были свои цензурные правила. Так, например, в 1804 г. Александр I подписал цензурный устав, являвшийся инструкцией для цен-

⁴⁸⁷ Дж. Мильтон, Речь о свободе печати. М.: Светоч. 1906. С.58.

⁴⁸⁸ Чернов А. Делать СМИ для царя. [Электронный ресурс] <http://front.photo/page67010.htm> (дата обращения: 19.03.2020).

зоров, который гласил, что цензура вводится «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною»⁴⁸⁹.

Более заметное ослабление ограничений на свободу печати произошло в период правления Александра II. В особенности оно коснулось изданий университетов, которые были освобождены от ведомственной цензуры. Несколько расширились границы свободы слова и для всех СМИ. Так, в газетах и журналах уже можно было критиковать отдельных министров и даже все правительство. Единственно, кто не подлежал журналистской критике, — это царь.

Законодательно было закреплено право каждого гражданина издавать газету или журнал, получив на это лишь формальное разрешение от Главного управления по делам печати.

Однако новое качество и возможность, наконец, стать действительно независимым от государства институтом гражданского общества СМИ приобрели (к сожалению, не надолго) после Февральской революции 1917 г. Временное правительство поначалу отменило цензурные ограничения, однако они были восстановлены уже в августе 1917 года после Корниловского мятежа. Тем не менее на протяжении 8 месяцев после Февральской революции в 1917 году Россия была «самой свободной страной Европы», и в стране начали появляться сотни независимых СМИ⁴⁹⁰.

Но 8 месяцев это был слишком небольшой срок для превращения СМИ в России в независимые и ответственные институты гражданского общества. Однако они сыграли значительную роль в нарастающих революционных событиях и, к сожалению, эта роль была далеко не у всех СМИ позитивной и социально ответственной. Так, левые СМИ и, прежде всего, социал-демократическая пресса несут свою долю ответственность за Октябрьский переворот и за его последствия, ибо они занимались дезинформацией и дезориентацией общества, настраивали его против власти и призывали его к насильственному ее свержению.

С другой стороны, значительная часть демократических СМИ пыталась мужественно сопротивляться подрывным действиям левой прессы и выступала с осуждением Октябрьского переворота, демонстрируя социально ответственное поведение. Так, сразу после Октябрьских событий и разгона Учредительного собрания демократические СМИ комментировали приход к власти большевиков, как незаконный переворот, и призывали к сопротивлению большевистскому правительству. В ответ большевики с октября 1917 по июнь 1918 г. закрыли 470 оппозиционных газет⁴⁹¹.

⁴⁸⁹ Залевская Д.Г., Яковлев А.Ю. Развитие государственного управления в сфере книгоиздания в России (середина XVI в. – 80-е гг. XX в.) [Электронный ресурс] <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/encslov/?id=5552> (дата обращения: 25.03.2020).

⁴⁹⁰ Марков Е.А. Власть и СМИ в России: история взаимодействия, Известия российского государственного университета им. А.И. Герцена, 2010, с. 210, с. 204–213.

⁴⁹¹ Вся Москва за 1912 год. М., 1912. См. также: Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982; Плато К. Г. фон. Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Рига, 1903; Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. с. 448.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости и реформы Александра II привели не только к появлению таких институтов гражданского общества, как политические партии, профсоюзы и независимые СМИ, но и к появлению тысяч негосударственных организаций, созданных по инициативе масс и объединявших граждан в невиданных до сих пор масштабах по профессиональным, производственным, филантропическим и клубным интересам. Так, например, дошедший до нас Городской справочник Москвы за 1912 г. содержит информацию о более чем 600 организациях, охватывающих широкий диапазон благотворительной, технической, спортивной, артистической, культурно-просветительской и научной сфер деятельности⁴⁹².

Чрезвычайно важно то, что в этот период происходит переориентация ответственности институтов гражданского общества за свою деятельность с государства на гражданское общество, то есть их ответственность приобретает черты социальной ответственности. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что монархический режим пытался всеми способами сохранять в той или иной степени контроль за общественными организациями. Тем не менее, преодолевая значительные трудности, после отмены крепостного права в России создавались многочисленные институты гражданского общества, заполнявшие пространство между индивидуумом и государством из политических партий, профсоюзов, независимых СМИ, органов городского и сельского самоуправления, частных учреждений, институтов частного бизнеса, рынка, свободной конкуренции, общественных организаций различной направленности, творческих союзов, спортивных объединений и сферы свободного выражения идей и отправления вероисповедания.

Эти общества сыграли важную роль в процессе роста политической и гражданской активности граждан, в развитии их самосознания, в зарождении в них чувства гражданского долга и социальной ответственности.

Важно отметить, что развитие частных обществ в России в конце XX – начале XX веков укладывалось в матрицу европейской истории гражданских обществ. Но при этом оставались неразвитыми такие ценности, как неприкосновенность личности и частной собственности, приоритет закона и правовое мышление, составляющие основы гражданского общества на Западе.

После Февральской революции 1917 г. процесс становления и развития институтов гражданского общества и граждан как свободных личностей с равными правами значительно ускорился. Уже 3 марта 1917 г. Временное правительство приняло декларацию, в которой в качестве цели определялась реформа местного самоуправления с установлением всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех граждан, достигших 20 лет.

⁴⁹² История местного самоуправления в России. [Электронный ресурс] <http://shkola-municipalnogo-politika.ru/istoriya-mestnogo-samoupravleniya/istoriya-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii/> (дата обращения: 19.03.2020); Куликов В.В. Земское самоуправление. Киров, 1996. С. 212; Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М.: Наука. 1995. С. 297; Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX веков. СПб.: 1994. 160 с.

Надо отдать должное Временному правительству за то, что оно не только принимало декларации, но и весьма оперативно создало достаточно полную нормативную базу для формирования местного самоуправления. Так, 21 мая 1917 г. оно приняло пакет законов о земской и городской реформе. В короткие сроки было воссоздано более 9,5 тысячи волостных земств, призванных активизировать гражданское общество и приобщить его к вопросам самоуправления. Однако довести до конца эту реформу не удалось по причине Октябрьского большевистского переворота в 1917 г.

Таким образом, после отмены Крепостного права в результате развития капиталистических общественных отношений в России начались важные процессы освобождения индивида из сословной и корпоративной общности и эволюции его из личности, почти полностью подчиненной власти, в основу гражданского общества и с трудом, но идущего по пути демократии государства. Одновременно шел болезненный процесс изменения отношений между гражданским обществом и государством и конституирования первого в качестве независимого от государства субъекта.

Однако, к огромному сожалению, за полвека России не удалось сформировать зрелое гражданское общество, которое бы не допустило Октябрьского переворота и направило страну по эволюционному, а не революционному пути.

Октябрьский переворот может расцениваться в мировой истории как феномен социальной безответственности всех основных субъектов социальной ответственности: царской власти, класса предпринимателей и значительной части гражданского общества.

Царская власть, по сути, проводила безответственную социально-экономическую политику, затягивая с проведением в России системных реформ, которые бы позволили стране избавиться от пережитков феодализма и более уверенно встать на путь капиталистического развития. Перспектива стать российской монархией подобием английской монархии не устраивала Николая II и его окружение. А между тем последовательное очищение страны от феодальных пережитков и передача существенной части власти институтам буржуазного государства помогли бы избежать Октябрьского переворота и сохранить не только монархию и Россию, но и страну в ее границах⁴⁹³.

Вступление страны в Первую мировую войну, послужившую катализатором революционных событий, также было шагом безответственным и роковой внешнеполитической ошибкой. С другой стороны, почти абсолютная монархическая власть, в значительной мере дискредитировавшая себя к началу 1917 г., также не устраивала многих представителей гражданско-

⁴⁹³ Действительно, при определенных условиях монархия в России могла бы сохраниться, ибо ментальность народа явно предрасположена к восприятию власти единоличного авторитарного правителя. И вся дальнейшая история страны является тому подтверждением. После короткого демократического периода, продолжавшегося всего несколько месяцев от Февральской революции до Октябрьского переворота, начался советский период истории, в который воспроизводилась в более или менее жесткой форме матрица тоталитарной или авторитарной власти. Всего через несколько лет после краха СССР мы вновь наблюдаем возрождение авторитарного режима, который пользуется поддержкой значительной части населения. Возможно, ощутив преимущества свободы и демократии, граждане бы изменили свое отношение к авторитарной власти, но они, к сожалению, не имели такой возможности и длительного демократического опыта.

го общества. Режим резко ограничивал самостоятельность городских дум, ревниво охранял свою монополию на власть, стремился сдерживать порывы передовой части российского бизнеса, завладевших экономическими высотами и резонно желавших усилить своё влияние в органах государственной власти.

Во всём обществе осознавалась необходимость серьезных и качественных перемен, но самодержавная власть не проявляла необходимой гибкости, готовности идти на компромиссы, желания делиться властью с институтами гражданского общества во имя сохранения стабильного эволюционного развития страны, не обладала способностью видеть возникавшие вызовы и угрозы и предвидеть их последствия. Одним словом, власть не понимала общественных потребностей, а если и понимала, то не спешила их реализовывать или реализовывала лишь под жестким давлением социума.

В свою очередь, общество толком не понимало действий власти, что было связано с недостаточно развитыми коммуникациями между властью и обществом. В результате этого взаимного недопонимания возникла парадигма, при которой действия власти убеждали общество в том, что власть не может толком ни социально ответственно управлять, ни даже решительно подавлять нарастающее революционное движение, реально угрожавшее существованию самой власти. Накануне революции, как отмечает известный историк В.П. Булдаков, либералы заявляли: «...Соединиться с настоящей властью – это значит соединиться с мертвецом», «власть безответственна и ведёт Россию в пропасть»⁴⁹⁴.

Молодые политические партии либерально-демократического толка после Февральской революции также повели себя безответственно и вместо того, чтобы в условиях приближающейся революции и связанной с ней смертельной опасности для возникшего демократического режима быстро осуществлять назревшие и перзевшие реформы, снижая уровень социального недовольства, занимались пустопорожними дискуссиями и словесной эквилибристикой, увлекшись игрой в парламентаризм. При этом надо отдать должное Временному правительству: за короткий период нахождения у власти оно попыталось все-таки кое-что сделать. Но эти меры уже явно запоздали. Кроме того, либерализм, стремление действовать в рамках закона и соблюдение определенных этических норм не позволили Временному правительству жестко подавить большевистский бунт. Демократы-интеллигенты оказались не готовыми противостоять политическим авантюристам и идущей за ними агрессивной толпе, жаждавшей власти и действовавшим вне рамок закона.

Социально безответственное поведение российской буржуазии также с позиций сегодняшнего дня становится очевидным. Будучи эгоистичной и недалёковидной, выросшей под патронатом самодержавия, она весьма вяло и непоследовательно пыталась взять власть в свои руки. Причем значительной части буржуазии было довольно комфортно и под крылом самодержавия. Безответственность бизнеса проявлялась и в том, что он с большим трудом шел на уступки рабочему классу, который чувствовал себя

⁴⁹⁴ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 46–54

ущербным в сравнении с рабочим классом передовых стран, добившимся серьезных социальных прав. Иногда складывалась парадоксальная ситуация, когда царская власть оказывалась более прогрессивной, чем даже сама буржуазия. Это, например, проявилось при формировании трудового законодательства, в котором бизнес лишь под давлением царской власти шел на уступки рабочим.

Социальная безответственность и недальновидность российского бизнеса проявлялись не только в том, что он с большим скрипом шел навстречу требованиям рабочих, но и в том, что отдельные его представители поддерживали своих классовых врагов – революционеров. Хорошо известна трагическая судьба С. Морозова, который прятал у себя в особняке революционеров и жертвовал значительные суммы на революцию. При его финансовой поддержке издавалась ленинская «Искра», большевистские газеты «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве. Порой вообще возникали парадоксальные ситуации, когда Морозов сам доставлял подстрекательскую литературу на собственную фабрику.

Но, разумеется, было бы несправедливым утверждать, что все предприниматели были безответственны в своих взаимоотношениях с работниками. Передовая часть буржуазии выступала за ограничение продолжительности рабочего дня и улучшение условий труда. На некоторых предприятиях (к сожалению, очень немногих) начинала применяться зарубежная практика привлечения рабочих к участию в прибылях (Московский котельный завод А.В. Бари); проявлялась забота о росте культурного и профессионального уровня рабочих (Э. Нобель в 1901 г. построил в Санкт-Петербурге специальное здание для чтения рабочим научно-популярных лекций).

Что касается народных масс, то и их значительная часть также повела себя социально безответственно. В решающий для страны момент более половины населения проигнорировало выборы в Учредительное собрание, состоявшееся 12 ноября 1917 г., а из принявших в них участие почти четверть поддержало большевиков (большевики из 715 мест получили 175 мест, или 24,5 %), позволив кучке политических авантюристов обмануть себя громкими популистскими обещаниями⁴⁹⁵. При этом необходимо признать, что большинство граждан все-таки проявило социальную ответственность и не поддержало большевиков.

Тем не менее большевики, опираясь на активное агрессивное меньшинство, сумели насильственно захватить власть в столицах, где у них была большая поддержка, а потом, в результате кровопролитнейшей Гражданской войны, и во всей стране. Позволившая им захватить власть часть гражданского общества, и прежде всего рабочий класс, служивший большевикам социальной опорой, совершила трагическую историческую ошибку, помешавшую эволюционному развитию России.

Впрочем, подобного рода ошибки с долгосрочными и трагическими последствиями совершало не только гражданское общество в России. В истории других стран также можно найти примеры безответственных

⁴⁹⁵ Созыв и роспуск Учредительного собрания в ноябре 1917 года. [Электронный ресурс] <http://istoriya-xz.ru/.../317-sozyv-i-rosputsk-uchreditel'nogo-sobranija-v-nojabre-1917-g.ht..> (дата обращения: 19.03.2020).

решений со стороны гражданского общества, нанесших серьезный ущерб как самим этим странам, так и всему мировому развитию. Наиболее характерным в этом плане примером социальной безответственности гражданского общества было избрание в 1933 г. А. Гитлера канцлером Германии. Причем если в России большевики пришли к власти в результате насильственного государственного переворота, при поддержке агрессивного меньшинства, то в Германии Гитлер пришел к власти демократическим путем и большинство граждан Германии его поддержало. Демократическим путем пришли к власти и профашистски настроенный М. Хорти в Венгрии, глава Португалии А. Салазар и в разное время ряд других европейских диктаторов.

При этом надо отдавать себе отчет, что личности, чья деятельность вызывает негативную оценку в истории, приходившие к власти демократическим путем, нередко потом сохраняли ее путем свертывания демократии и установления авторитарных режимов.

Все вышесказанное приводит нас к следующим выводам:

1. Еще в средневековье на Руси зародились зачатки гражданского общества в форме сельской общины, народных вече в Новгороде и Пскове, православной церкви и семьи. В период новой истории появились такие организации гражданского общества, как, например, дворянские собрания, объединения промышленников и купцов.

2. Процесс формирования институтов гражданского общества в современном смысле этого слова начался после отмены крепостного права, когда страна вступила на путь капиталистического развития. После 1861 г. в России с определенным лагом во времени появились профсоюзы, политические партии, женские и молодежные организации, многочисленные благотворительные общества. Важными институтами гражданского общества стали городские и земские собрания. Однако рост гражданских организаций и их ответственности перед обществом за свою деятельность сдерживался самодержавием, пытавшимся контролировать общественные организации, вмешиваясь в их деятельность с целью всеми способами удержать свою монополию на власть.

Причем процесс возникновения организаций гражданского общества происходил как по инициативе «снизу», так и по инициативе «сверху». И допущение возникновения негосударственных организаций властью также осуществлялось «сверху», с вершины социальной пирамиды, то есть сначала, как правило, эту возможность получало дворянство, потом предприниматели, потом те, кто мог быть отнесен к интеллигенции, и т. д.

3. История страны и характер в ней общественных отношений складывались таким образом, что в общественном сознании, в системе ценностей, в идеологии приоритет отдавался общественному по отношению к индивидуальному. И очевиден был перекося в сторону коллективизма. Все это мешало становлению гражданина в полном смысле этого слова, способного нести социальную ответственность не только за самого себя и свою семью, за свой труд, но и за свое Отечество. Естественно, что различного рода препятствия на пути формирования гражданина тормозили и медленное становление развитых институтов гражданского общества. Поэтому отчасти

справедливо замечание, что на «почве общинного устройства» весьма легко «произрастает полное пренебрежение к "лицу"»⁴⁹⁶.

Хотя автор цитируемых слов здесь несколько преувеличивает, поскольку община учитывала все-таки интересы общинника как труженика и индивида, правда, существенно их ограничивая. Но община действительно пренебрегала лицом как субъектом хозяйственной деятельности.

4. Далее практически на протяжении всей российской истории зачатки гражданского общества и в условиях феодализма, и в условиях развивающегося капитализма находились под неусыпным жестким контролем власти, которая не давала им приобрести полную самостоятельность и социальную ответственность за свою деятельность. Ответственность становящихся институтов гражданского общества существовала, но она была прежде всего и главным образом ответственностью перед властью и лишь во вторую очередь – перед обществом. Впрочем, при определенных обстоятельствах эта ответственность перед обществом вообще отсутствовала.

5. За всю историю существования российского государства в стране так и не сложилась атмосфера доверия между государством и обществом. Авторитарные режимы боялись гражданского общества и нередко расценивали любые проявления его активности как посягательство на власть. И вместо того, чтобы использовать потенциал гражданского общества для развития, государство осуществляло над его ростками жесткий контроль, а в случае возникновения малейшего подозрения в нелояльности – подавляло его репрессивными методами и т. д.

В свою очередь общество крайне редко доверяло власти, хотя внешне было вынуждено демонстрировать ему лояльность.

Однако если власть проявляла полное пренебрежение к интересам общества, в нем накапливался протестный потенциал, который, не имея легальных и демократических выходов, нередко в российской истории выливался в крестьянские войны, революции, а иногда, по А.С. Пушкину, «в русский бунт – бессмысленный и беспощадный».

6. Таким образом, боязнь самодержавия самостоятельных и ответственных общественных организаций плюс молчаливое бездействие большинства населения в течение ряда веков сдерживали организованное и ответственное участие народа в общественной жизни своей страны.

⁴⁹⁶ Огарев Н.П. Крестьянская община / Избранные произведения в 2 т. Т.1. М. 1952; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. Сыктывкар, 2017. С. 152.

Причины и предпосылки отказа от НЭПа*

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства отказа советского руководства от политики НЭПа и перехода к форсированной индустриализации, а также основные причины, повлекшие за собой столь масштабную смену политического курса. На основании анализа представленных материалов делается вывод о том, что первоначально правительство СССР планировало осуществлять индустриализацию в рамках НЭПовской модели экономики, и лишь убедившись на практике в невозможности сочетания этих двух подходов, оно было вынуждено перейти к формированию плановой экономики.

Ключевые слова: НЭП, индустриализация, история экономики, «военная тревога», мобилизационная экономика, история сталинизма

The reasons and background of the refusal of the NEP

Abstract: The article discusses the circumstances of the Soviet leadership's refusal of the NEP policy and the transition to forced industrialization, as well as the main reasons that entailed such a large-scale political change. Based on an analysis of the materials presented, it is concluded that the USSR government initially planned to carry out industrialization within the framework of the NEP economic model, and only having been convinced in practice of the impossibility of combining these two approaches, it was forced to proceed to the formation of a planned economy.

Keywords: NEP, industrialization, history of economics, “war anxiety”, mobilization economy, history of Stalinism.

Вопрос о причинах отказа от политики НЭПа и перехода к форсированной индустриализации на долгие годы стал одной из наиболее горячо обсуждаемых проблем отечественной историографии. В этой статье мы попытаемся подвести некоторые промежуточные итоги дебатов по этой тематике.

Безусловно, Новая Экономическая Политика (НЭП) обеспечила СССР, по сравнению с периодом «военного коммунизма», резкое ускорение экономического развития, результаты которого сравнительно скоро стали очевидны. Хотя в разных отраслях промышленности темпы развития индустрии были неодинаковы, но к 1925–1926 годам промышленность Советского Союза в целом восстановила довоенные объёмы производства⁴⁹⁷, а к 1928 г. речь шла уже об определённом превышении дореволюционного уровня.

*Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию много- томного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

⁴⁹⁷ Грегори П. Экономическая политика сталинизма. М., 2008. С.46.

Результаты восстановления экономики СССР к 1928 г.⁴⁹⁸

	1913 г.	1927/28 гг.
Добыча каменного угля (млн т)	28,8	35,1
Добыча нефти (млн т)	9,2	11,6
Выработка керосина (млн т)	1,6	2,0
Выработка электроэнергии (млн квт/час)	1945	4729
Действующих доменных и мартеновских печей	240	237
Выплавка чугуна (млн т)	4,2	3,3
Выплавка стали (млн т)	4,2	4,2
Количество фабричных рабочих (млн чел.)	1,2	1,5
Валовая продукция текстильной промышленности (млн довоенных руб.)	1435	1818

Разумеется, при анализе этих цифр следует учитывать, что советская статистика тех лет страдала определённой тенденцией к завышению успехов. Скажем, в 1926 г. Ф.Э. Дзержинский характеризовал отчётность трестов как «фантастику» и «квалифицированное враньё»⁴⁹⁹. В 1927 г. Госплан признал, что стоимость промышленной продукции на 1913 г. была занижена не менее чем на 10 %, а с учётом того, что официальная дореволюционная статистика оперировала данными лишь о «цензовой» промышленности, вероятно, масштабы искажения статистики были ещё больше⁵⁰⁰. Помимо этого, продолжала оставаться крайне острой проблема качества выпускаемой продукции. Рельсы, из которых треть не выдерживали испытания; железобетон, выдерживающий напряжение на 30 % меньше нормального; галоши, которые носятся два месяца, – такими характеристиками изделий отечественной промышленности пестрели страницы советских газет и журналов⁵⁰¹. Падение производительности труда привело к тому, что себестоимость промышленных фабрикатов в 1926 г. была выше показателей 1913 г. в 2–2,5 раза, поэтому и цены на продукцию приблизительно в 2,5 раза были выше, чем в ведущих странах «мира Капитала»⁵⁰². В качестве характерного примера можно привести следующий эпизод. В 1924 г. в Нижнем Новгороде шло строительство завода, причём на стройке использовался стальной прокат. Оказавшийся на стройке английский инженер подсчитал: при поставке проката из Великобритании, с учётом всех транспортных издержек, металл обошёлся бы вдвое дешевле, чем местный⁵⁰³.

Очевидно, что наибольший рост наблюдался в индустриальной сфере (аграрное производство, ключевое значение для которого имел сбор зерновых, продолжало отставать от довоенных значений), причём даже в металлур-

⁴⁹⁸ Сост по: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 242, 244, 245, 251, 252, 262, 267.

⁴⁹⁹ Дзержинский Ф.Э. Избр. произв. Т. 2. М, 1977. С. 497.

⁵⁰⁰ Рогалина Н.Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 368.

⁵⁰¹ Россия нэповская. М., 2002. С. 376.

⁵⁰² Промышленность и народное хозяйство. М., 1927. С. 64, 262.

⁵⁰³ Худяков П.К. Развитие советской промышленности в первое десятилетие. М., 1928. С. 79.

гии были сегменты, в которых довоенного уровня достичь так и не удалось. Однако в целом стратегический успех экономической политики, принятой в 1921 г., был несомненен – явный и несомненный прогресс был налицо.

Проблема была в том, что экономический рост НЭПа носил преимущественно восстановительный характер⁵⁰⁴. В результате политики «военного коммунизма» значительное число советских заводов и фабрик оказались фактически заброшены. В значительной степени оборудование этих предприятий было расхищено или пришло в негодность. Однако часть станков и приспособлений сохранились, что-то можно было отремонтировать, а главное – сохранялись капитальные постройки и необходимая инфраструктура: подъездные пути, складские помещения, заводские водопровод и канализация, и т. п. Разумеется, восстановить и ввести в строй такое заброшенное предприятие было куда дешевле и быстрее, чем построить аналогичный завод «с нуля». Однако чем больше в СССР расконсервировалось (если тут уместен этот термин) предприятий, тем меньше оставалось потенциально пригодных к восстановлению заводов и фабрик, ведь число заброшенных в годы Разрухи индустриальных объектов было конечно. Ряд историков утверждают, что, дескать, «Удовлетворение «основных революционных потребностей» с помощью сталинского политического поворота стоило жизни миллионам людей и на десятилетия обрекло другие миллионы на убогое существование. Промышленный и военный потенциал 1941 г. был достигнут не благодаря, а вопреки этим жертвам. Все говорит в пользу того, что продолжайся НЭП, успехи были бы гораздо значительнее»⁵⁰⁵. Не вдаваясь в данном случае в обсуждение цены «сталинского поворота», отметим, тем не менее, что «продолжение НЭПа», как таковое, было невозможно чисто технически. К 1926–1927 годам продолжение наращивания темпов промышленного производства неизбежно поставило бы (и поставило в реальности) вопрос о резком росте капитальных вложений, так как теперь новые индустриальные объекты требовалось уже не ремонтировать и восстанавливать, а строить «от фундамента». Это не просто требовало существенного роста расходов, но и, наряду с другими обстоятельствами, подразумевало значительный рост сроков возврата потраченных сумм. Если средства, потраченные на ввод в действие заброшенного завода, давали отдачу в течение, в среднем, 2–3 лет, то строительство нового предприятия могло затянуться и на 5, и на 6 лет. С середины 1920-х годов эти факторы начали влиять на советскую экономику со всё возрастающей силой. Скажем, в 1926–1927 годах советское правительство было вынуждено повысить, по сравнению с уровнем 1924–1925 годов, объёмы капиталовложений в 2,4 раза, что привело к росту общей себестоимости продукции в общесоюзных масштабах на 2 % и обострило «"товарный голод" на рынке средств производства»⁵⁰⁶. Таким образом, механически

⁵⁰⁴ Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Поиск пути развития Советской России: бифуркации и альтернативы 1918–1928 гг. // Вопросы регулирования экономики. 2013. Том 4. № 3. С. 13.

⁵⁰⁵ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки. // Экономическая история: Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 311.

⁵⁰⁶ Грик Н.А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920-х – начале 1930-х годов. // Вестник Томского. гос. ун-та. 2005. № 288. С. 183.

пролонгировать в будущее основные решения НЭПа было попросту невозможно, что делает всякие рассуждения в стиле «продолжайся НЭП, успехи были бы больше» заведомо беспочвенными. Характерно, что определённая часть «старой» интеллигенции вообще полагала, что многочисленные кризисы НЭПа, проблемы с хлебозаготовками, низкий уровень трудовой дисциплины и производительности труда, диспропорции между отраслями промышленности – всё это несомненные признаки не только скорой коренной реконструкции НЭПа, но – реконструкции в сторону восстановления «нормального» капиталистического уклада, с полным отказом от всяческих «социалистических экспериментов». Скажем, С. Прокопович в начале 1926 года писал, что дальнейший рост промышленного производства возможен лишь при расширении частной хозяйственной инициативы и вообще увеличения роли частной промышленности⁵⁰⁷. С ним, в принципе, солидаризировался В.Е. Грум-Гржимайло, писавший приблизительно тогда же: «Я считаю, что Советское правительство рано или поздно восстановит частную собственность. Это, возможно, единственный выход из всех наших неурядиц... Путь нэпа, путь концессий – путь полумер, путь компромиссов. Они отжили свой век»⁵⁰⁸. Таким образом, часть современников не просто не видели перспектив пролонгации НЭПа в будущие годы, но даже не видели возможности его преобразования в социалистическом духе, полагая, что единственным исходом из сложившейся ситуации является реставрация прежних, дореволюционных экономических отношений. Наконец, следует учитывать, что восстановительный рост обеспечивал воссоздание промышленных мощностей лишь на техническом уровне начала XX века. Овладение новыми технологиями, безусловно, требовало строительства новых предприятий. «Если исходить из имевшихся у нас заводов – социализма никогда не создать. И количественно, и качественно они для этой цели не годятся», – отмечал по этому поводу председатель ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинский⁵⁰⁹. Одновременно перед отечественной промышленной сферой встала проблема физического износа. По сути, с 1914 г. российская индустрия функционировала, практически не делая отчислений на амортизацию основного капитала, в результате к 1927 г. износ оборудования в промышленности составлял около 40 %⁵¹⁰. Было очевидно, что без существенного роста финансирования на приобретение новых станков и капитальный ремонт уже имеющихся функционирование советских предприятий в ближайшее время будет затруднено.

Так ли, иначе ли, но кардинальная переработка экономических рецептов НЭПа во второй половине 1920-х годов была безальтернативна. Однако по поводу магистрального направления такой коррекции в среде советского руководства долгое время не было единой точки зрения. Разумеется, о воз-

⁵⁰⁷ Прокопович С. Что дал России нэп // Нэп. Взгляд со стороны: Сборник. М., 1991. С. 33.

⁵⁰⁸ Грум-Гржимайло В.Е. Я был тем муравьём, который понемногу сделал большое дело. Екатеринбург, 1994. С. 77.

⁵⁰⁹ Цит. по: Муравьёва Л.А. Курс на «социалистическую индустриализацию» // Финансы и кредит. 2003. № 7 (121) С. 70.

⁵¹⁰ Рогалина Н.Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 370.

вороте к классическому капитализму среди большевистских лидеров речь не шла, магистральным путём в этих кругах считалось углубление и совершенствование социалистических отношений. Но вот по поводу деталей этого процесса мнения руководителей Советского Союза не совпадали.

Собственного говоря, необходимость индустриализации как таковой никем в руководстве СССР не оспаривалась. Основные споры шли по поводу того, в какие сроки и в каких формах индустриализацию следует осуществлять⁵¹¹.

Группа сторонников Сталина (т. н. «генеральная линия партии») полагала, что относительный социальный мир, ставший результатом последовательного проведения политики НЭПа, является одним из важнейших достижений советской власти за последнее пятилетие, поэтому любые политические новации должны осуществляться, при соблюдении обязательного условия – сохранения устойчивости социальной модели НЭПа, то есть – политического союза рабочих с сельской беднотой и середняками. При таком подходе естественным было стремление в ходе индустриализации в первую очередь учитывать интересы отраслей «группы Б» – то есть производство товаров широкого потребления. В первом приближении логика такого решения укладывалась в следующий тезис: «основная масса населения СССР – это крестьянство, которое испытывает потребность в различных товарах широкого потребления. Поэтому индустриализация должна проводиться с учётом первостепенной важности наращивания выпуска ширпотреба. Чтобы купить на рынке необходимые ему товары, крестьянин будет вынужден продавать на рынке хлеб. С учётом монополии внешней торговли, существующей в СССР, это в среднесрочной перспективе, за счёт реализации зерна на западных рынках, обеспечит нас значительными валютными резервами, и позволит, спустя некоторое время, перейти к развитию и «группы А» – то есть отраслей индустрии, предназначенных для производства средств производства». Таким образом, поборники «генеральной линии» признавали важное значение отраслей «группы А» и были согласны с мнением, что только интенсивное развитие этой группы отраслей сделает процесс индустриализации завершённым и необратимым. Но форсирование работ в этом направлении относилось на второй этап, после насыщения рынка товарами ширпотреба и созданием значительных валютных запасов при сохранении стратегического курса на смычку рабочего класса и основной массы крестьянства. Источники же финансирования индустриализации следовало, по мнению поборников «генеральной линии», искать в уже сложившемся инструментарии НЭПа. Например, в апреле 1925 г. на XIV партийной конференции было принято решение о необходимости быстрого развития металлургической и металлообрабатывающей отраслей индустрии⁵¹². Причём это решение практически

⁵¹¹ Подробнее об экономических спорах вокруг темпов и приоритетов индустриализации см.: Маневич В. История развития советской экономической мысли в 20-х годах (основные концепции) // Вопросы экономики. 1989, № 10. С. 46–75.; Эрлих А. Дискуссия об индустриализации в СССР (1924–1928). М., 2010; Грегори П. Экономическая политика сталинизма. М., 2008. С. 46–48.; Роберт С. Аллен. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 80–88.

⁵¹² Россия нэповская. М., 2002. С. 377.

сразу (с шагом в 1–2 месяца) было подтверждено соответствующими резолюциями пленума ЦК и III съезда Советов⁵¹³. Спустя год, в апреле 1926 г. очередной пленум ЦК снова подчеркнул необходимость ускоренного развития группы производств «А», специально оговорив, что финансирование такого роста может и должно быть обеспечено в формате НЭПа, так как «экспроприация непродовольственных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, торговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п. – сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает для социалистического строительства темп развития индустрии»⁵¹⁴.

Против такого подхода выступали последователи Троцкого, которых впоследствии стали объединять под общим политическим ярлыком «левой оппозиции». Оппозиционеры отмечали, что в результате советской аграрной политики 1917–1921 годов произошло резкое осереднячивание деревни. Действительно, к 1926 г. на бедноту официально приходилось лишь 3 % всех крестьянских хозяйств, а на кулачество – ещё меньше. В результате около 85 % произведённой крестьянами продукции стало уходить на собственное потребление земледельцев, а товарность сельского хозяйства существенно упала⁵¹⁵. В этой ситуации, заявляли оппозиционеры, рассчитывать на формирование сколько-нибудь существенных валютных запасов за счёт хлебного импорта в обозримой перспективе не приходится – осередняченную деревню можно хоть завалить ширпотребом, она не даст товарного хлеба, потому что его там просто нет. Таким образом, по мнению «левой оппозиции», откладывание форсированной индустриализации «на потом», вообще всякие рассуждения про среднесрочную перспективу – это «дорога в никуда», перекладывающая задачи индустриализации на плечи последующих поколений. Помимо этого, сторонники Троцкого отмечали политическую опасность курса на поэтапную и неспешную индустриализацию. Несколько огрубляя, их позицию можно изложить следующим образом: «в настоящий момент в силу исторических условий, мы вынуждены строить социализм в государстве, в котором базовый для построения социализма социальный класс – «рабочие» – находится даже не в меньшинстве, а попросту тонет в огромном болоте мелкобуржуазного по своей социальной структуре крестьянства». Лидер оппозиционеров формулировал это следующим образом: «Неправильная политика ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа. Это ведет к невозможности использовать в должной мере и должным образом имеющиеся в стране материальные ресурсы для промышленности и всего государствен-

⁵¹³ Это ещё раз подтверждает тезис о том, что необходимость индустриализации вообще и группы производств «А» в частности вполне осознавалась сторонниками «генеральной линии» задолго до принятия первого пятилетнего плана.

⁵¹⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1984. Т. 3. С. 313.

⁵¹⁵ Яхутль Ю.А. Кризисы НЭПа: второй кризис новой экономической политики 1925 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 65.

ного хозяйства... приводит к усилению капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза – особенно в деревне»⁵¹⁶. И если мы хотим как-то изменить эту ситуацию и подвести под строительство социализма мощный социальный базис, – делали логический вывод оппозиционеры, – мы обязаны немедленно начать массовое строительство новых заводов и фабрик, чтобы за счёт их персонала увеличить удельный вес рабочих в структуре советского социума. А так как эти новые заводы потребуют станков и оборудования, основной упор в индустриализации предлагалось делать именно на отраслях «группы А». Разумеется, при этом вставал вопрос об источниках финансирования такой индустриализации. Чтобы решить эту проблему, оппозиционеры разработали концепцию «сверхналога на крестьянство», что, по сути, подразумевало возврат, в той или иной форме, к принудительным и репрессивным практикам времён военного коммунизма.

Эти две точки зрения на магистральный путь осуществления индустриализации достаточно оживленно дискутировались на протяжении 1923–1927 годов. Практическим результатом попыток в определённой степени надавить на крестьянство и за счёт «ножниц цен»⁵¹⁷ принудить земледельцев увеличить поставки товарного хлеба стало несколько кризисов НЭПа. Крестьянство упорно не желало идти на неэквивалентный обмен. Тем не менее следует отметить, что вплоть до 1927 г. окончательного выбора в пользу того или иного варианта генерального курса проведения индустриализации так и не было сделано. Характерно, что исходный вариант первого пятилетнего плана, составленный уже после «военной тревоги» 1927 г., тем не менее всё же исходил из привычного по временам НЭПа экономического инструментария, предусматривая сокращение удельного веса частного сектора экономики, но не только не говоря о полной ликвидации частной промышленности, но даже предполагая её рост в абсолютных цифрах⁵¹⁸. Очевидно, что для 1925–1926 годов курс на форсированную индустриализацию был ещё более дискуссионен.

При этом следует учитывать, что в 1924–1925 годах «левая оппозиция» была, в целом, разгромлена, поэтому начиная с 1925 г. у восторжествовавших сторонников «генеральной линии» появилась возможность на практике показать, как они представляют себе индустриализацию в рамках НЭПа. Уже в январе 1925 г. пленум ЦК поставил задачу масштабного расширения металлургической отрасли не только за счёт расширения уже существующих предприятий, но и путём сооружения новых заводов. Во исполнение этого решения в апреле того же года Госплан составил план строительства 6 металлургических комбинатов: трёх в Кривбассе и по одному в Керчи, у горы Магнитной и в Кузбассе, причём в официальной прессе этот план называли, ни много ни мало, «приступом к осуществлению мероприятий,

⁵¹⁶ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 3. М., 1990. С. 63.

⁵¹⁷ Ценовая политика, при которой отпускные цены на товары фабричной промышленности, по сравнению с дореволюционным уровнем, повышались, а закупочные на сельхозпродукцию – наоборот, понижались.

⁵¹⁸ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки. // Экономическая история: Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 310.

связанных с индустриализацией СССР»⁵¹⁹. Для объемов металлического проката, которые, как ожидалось, вскоре резко возрастут, требовалось найти применение, поэтому 20 августа того же 1925 г. Главметалл утвердил план строительства новых машиностроительных заводов (6 по общему и 8 по сельскохозяйственному машиностроению). Окончательно программа развития металлопромышленности (а значит – и всей группы «А») была утверждена на заседании СТО 17 февраля 1926 года. Она предусматривала за 1925–1926 хозяйственный год увеличить производство черной металлургии на 68 %, а общего машиностроения – на 72% в денежном выражении; за год предполагалось ввести в строй три металлургических, один вагонный, один инструментальный и несколько заводов общего и сельскохозяйственного машиностроения⁵²⁰.

На первый взгляд, это решение выглядит парадоксальным. Поборники «генеральной линии» столь пламенно клеймили оппозиционеров за гипертрофированное внимание к группе отраслей «А», но как только оппозиция была разгромлена, сами начали ратовать за ускоренный рост тяжелой промышленности. Однако следует признать, что такое решение было очень жестко и детерминированно задано сложившимися техническими и экономическими обстоятельствами. Осуществить кардинальную индустриализацию всей страны, опираясь только и исключительно на импортные станки и оборудование, было заведомо немыслимо. Поэтому до того, как разворачивать масштабное строительство текстильно-камвольных фабрик, следовало озаботиться развитием отечественного станкостроения, которое, в свою очередь, предъявляло возросшие требования к масштабам производства в СССР металла. С другой стороны, было очевидно, что комплексная индустриализация немыслима без реконструкции и расширения транспортной инфраструктуры страны и, в первую очередь – железнодорожной сети. И это так же требовало в первую очередь обратить внимание на металлургию, металлообработку и сопряженные с ними отрасли тяжелой индустрии. При этом следовало учитывать, что по объемам выплавки стали и чугуна к 1927 г. СССР уступал даже показателям Российской империи за 1913 г., а по ряду позиций сохранялась критически важная зависимость от импортных поставок. Особенно такое положение дел было характерно для цветной металлургии. Например, даже в 1929 г. основным источником алюминия для советских авиазаводов были либо импортные поставки, либо раскопки на заводских свалках, куда выбрасывался различный брак алюминиевых деталей в годы Первой мировой войны⁵²¹. В этом свете не вызывает удивления то, что уже в 1926 году советские руководители сочли развитие металлопромышленности важнейшим приоритетом индустриализации в целом.

Всего на новое строительство предполагалось в течение года истратить около 200 млн рублей. Надо отметить, что уже на этом этапе Наркомфин

⁵¹⁹ См.: Генкина Э.Б. Об особенностях восстановления промышленности СССР (1921–1925 гг.) // История СССР. 1962. № 5. С. 67; Торгово-промышленная газета. 1925. 10 апреля.

⁵²⁰ См.: Генкина Э.Б. Об особенностях восстановления промышленности СССР (1921–1925 гг.) // История СССР. 1962. № 5. С. 67; Правда. 1926. 20 февраля

⁵²¹ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М., 2006. С. 144.

горячо возражал против столь масштабных планов, рекомендуя несколько поумерить прыть в распределении ещё неполученных доходов. Однако руководство СССР, получив сведения о том, что урожай 1926 г. обещает быть богатым, а значит, страна получит значительный прирост валютной выручки от продажи хлеба на внешнем рынке, игнорировало опасения наркомата финансов. На практике надежды советских лидеров не оправдались. Урожай, особенно на фоне неудачного в сельскохозяйственном отношении 1925 года, действительно выдался на славу. Однако именно потому что прошлогодний сбор хлебов был куда ниже, крестьянство в значительной своей массе стремилось в первую очередь отложить зерно «про запас», а поступление товарного зерна на рынок оказалось много меньше ожидаемого. Пытаясь побудить крестьян сдавать хлеб, правительство интенсифицировало продажу в сельской местности водочной продукции. Так, 12 октября 1925 г. Центроспирт в циркуляре своим низовым органам уточнял: «основной задачей всей нашей деятельности в текущем операционном году является продвижение максимального количества хлебного вина в сельскую местность (не останавливаясь даже перед могущей оказаться нехваткой вина для города)...». В качестве своеобразного рекламного хода использовалось начало выпуска 40-градусной водки⁵²². На магазинах вывешивались плакаты «Крепость в 40 % свидетельствует о крепости Советской Власти!»⁵²³. Однако существенных результатов эта политика не принесла. С другой стороны, уже введённые в строй расконсервированные предприятия продолжали требовать средств на амортизацию износа оборудования, поэтому пустить на новое строительство удалось далеко не всю прибыль государственной промышленности. Широкомасштабная программа 1925–1926 годов в финансовом отношении начала трещать по швам. В результате срыва плана хлебозаготовок начался обвал как импорта, так и экспорта, соответственно, у промышленности не было средств для капитальных вложений, начался рост цен, а попытки продолжить накачивание новостроев капвложениями привели к росту инфляции и попросту обрушили червонец как валюту⁵²⁴. С 1 июня по 1 декабря 1925 г. количество денег в обращении в СССР увеличилось на 63 %⁵²⁵. Только за счёт замораживания практически всего нового капитального строительства, истощения золотовалютных резервов, а также роста косвенных налогов и продажи винно-водочной продукции кризис 1925 года удалось преодолеть, но – за счёт явочного отказа (пусть даже временного) от осуществления программы индустриализации.

⁵²² В СССР долгое время продолжал действовать «сухой закон», введённый ещё царским правительством. Выпуск водки был официально возобновлён лишь в декабре 1924 г., но с содержанием алкоголя только 30°, поэтому 40-градусная водка на тот момент была новинкой.

⁵²³ Цит. по Усков В.А. Первоначальное накопление на социалистическую индустриализацию в СССР – 1925–1928 гг.: региональный аспект. // Социально-экономические явления и процессы. № 9 (031), 2011. С. 182.

⁵²⁴ Горинев М.М. НЭП: поиски путей развития. М., 1990. С. 30–31; Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М, 1989. С. 38–39

⁵²⁵ Муравьёва Л.А. Курс на «социалистическую индустриализацию» // Финансы и кредит. 2003. № 7 (121). С. 76.

Надо отметить, что наряду с глобальными проблемами финансирования крупномасштабного расширения тяжёлой промышленности, кризис 1925 г. выявил и целый ряд проблем, возможно, и менее значимых, но также препятствовавших осуществлению планов индустриализации. Как показала практика, финансово-производственные программы верстались подчас исходя не из технических возможностей того или иного предприятия или треста, а в соответствии с наличными заказами. А так как план форсированного расширения группы отраслей «А» требовал согласованных действий в масштабах всей экономики, срыв плановых заданий на одном участке вёл к лавине индуцированных срывов по всей индустриальной сфере. Скажем, перед угольным трестом поставили заведомо невыполнимую задачу выдать «на-гора» вдвое больше угля, чем в прошлом году. Разумеется, он эту производственную программу не выполнил и поставил железнодорожникам существенно меньше угля, чем значилось в плане. Железные дороги перевезли грузов, соответственно, тоже меньше, поэтому до строительства нового металлургического завода доехала только половина занаряженного цемента. И такие «цепочки индуцированных срывов плана» потянулись по всей стране. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что в условиях НЭПа государственные тресты были обязаны вести строительство на основе хозрасчёта. Нехватка оборотных средств заставляла их брать кредиты в банке, а многочисленные недопоставки делали возврат этих кредитов крайне сложными. Например, Южный машиностроительный трест, объединявший ряд машиностроительных предприятий Донбасса, в 1926 г. попросту столкнулся с локальным финансовым кризисом, выразившимся в кассовом разрыве и невозможностью платить зарплату рабочим. С другой стороны, отмечались случаи, когда заводы или тресты старались набрать как можно больше заказов. Разумеется, авансовые платежи позволяли в какой-то степени разрешить проблему оборотных средств, но когда наступало время сдавать продукцию, выяснялось, что весь объём заказов не только не выполнен, но даже и теоретически не мог быть выполнен. К примеру, один из заводов Патронно-трубочного треста⁵²⁶ в 1925 г. набрал заказов, которые по общему объёму в 15–25 раз превышали месячный выпуск предприятия⁵²⁷. Неудивительно, что в 1926 г., когда пришло время отчитываться за произведённую продукцию, производственная программа этого завода оказалась очень далека от выполнения.

В 1926–1927 хозяйственном году советское руководство воздерживалось от новых экспериментов, сосредоточив все усилия на экономической стабилизации. Но в феврале 1927 г. пленум ЦК вновь наметил рост капиталовложений в индустриальную сферу до 1,1 млрд руб., причём 25 % этих средств предполагалось вложить в металлопромышленность. Таким образом, курс на «индустриализацию в рамках НЭПа» сохранялся, и в 1927–1928 хозяйственном году советское руководство планировало повторить попытку

⁵²⁶ Этот трест входил в систему Военно-промышленного управления ВСНХ и отвечал за выпуск патронов и артиллерийских взрывателей

⁵²⁷ Милютин В.П. История экономического развития СССР 1917–1927 гг. // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 342–345, 347–349.

с учётом опыта, приобретенного в 1926 году. Однако прежде чем перейти к рассмотрению дальнейших событий, нам следует учесть ещё один фактор, который современниками рассматривался как имеющий к проблематике индустриализации весьма опосредованное отношение, хотя фактически это было не так.

Речь шла о мобилизационной подготовке экономики к будущей войне. Собственно говоря, впервые о необходимости подготовки индустриальной сферы Советской России к условиям военного времени, в случае начала новой войны, в большевистском руководстве задумались едва ли не сразу после окончания войны Гражданской. Уже в 1921 г. военное ведомство потребовало разработки перспективной программы модернизации промышленности с учётом потребностей РККА⁵²⁸. При этом, по опыту как Первой мировой, так и Гражданской войн, был сделан вывод о том, что попытки в мирное время накопить достаточный для всего периода военных действий запас вооружений и боеприпасов заранее обречены на провал, и ставку надо делать на заблаговременное развёртывание соответствующих промышленных мощностей, на базе которых в период войны и будет обеспечено расширенное производство военной продукции. П.А. Богданов, который на тот момент возглавлял как ВСНХ, так и ГУВП⁵²⁹, на этот счёт высказывался следующим образом: «Мобилизационные запасы армии всегда являются для страны тяжёлым бременем, так как представляют собой значительный мёртвый капитал, к тому же постоянно требующий затрат на освежение, пополнение, замену устаревших образцов и т. п. Тяжесть современного положения усугубляется ещё тем, что в связи с опытом прошлой войны всюду идёт переустройство армий, разрабатываются новые методы, новые типы вооружения, и вероятность того, что заготовленные по современным образцам запасы весьма скоро устареют, обесценятся и потребуют замены, весьма велика»⁵³⁰. Таким образом, очевидно, что уже на заре НЭПовских преобразований в Советской России ставился вопрос о мобилизационной подготовке экономики к потенциально возможной войне. Однако курс на такую подготовку подразумевал достаточно жёсткое административное управление индустриальными единицами. Между тем, логика НЭПа диктовала совершенно иные приоритеты – хозяйственные тресты и синдикаты должны были, в первую очередь, быть рентабельными. Разумеется, требования военных резервировать (то есть фактически – с точки зрения экономики, «омертвлять» и «замораживать») промышленное оборудование и материальные ресурсы на случай гипотетически возможной войны вызывали со стороны Госплана и Наркомфина яростные возражения. Собственно, против необходимости мобилизационной подготовки гражданских производств к функционированию в услови-

⁵²⁸ Реввоенсовет республики: Протоколы, 1920–1923. Сборник документов. М., 2000. С. 233–236, 247, 250–251.

⁵²⁹ Главное управление военной промышленности – структурное подразделение ВСНХ, ведавшее в 1921–1924 гг. оборонными предприятиями. В 1925 г. было преобразовано в Военно-промышленное управление (ВПУ).

⁵³⁰ Цит. по Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008. С. 21.

ях военного времени никто не возражал, но в сложившейся ситуации такая подготовка явно выглядела малоактуальной и неприоритетной. Более того, надо признать, что в 1922–1925 гг. и военное ведомство, собственно, не слишком активно настаивало на решении этих вопросов. В Политбюро ЦК РКП(б) была создана Комиссия Обороны, а при Реввоенсовете – Межведомственный мобилизационный комитет, которые, соответственно, со стороны партии и советского госаппарата должны были курировать вопросы мобподготовки экономики⁵³¹. Но во главе обеих вновь созданных институций встал Л.Д. Троцкий, что фактически предопределило бесплодность работы обоих учреждений. Уже в конце 1924 г. и сам Троцкий, и большинство его сторонников утратили всякое влияние в советском истеблишменте. С другой стороны, мобилизационное планирование было обязано исходить из запросов армии. Между тем, РККА, находившаяся в первой половине 1920-х годов в ситуации постоянного реформирования и сокращения, и сама не могла точно сказать, сколько и каких вооружений и боеприпасов ей потребуется в случае войны хотя бы на первый год военных действий. Как в 1926 г. признавал заместитель начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевский, «... мобработка до 1924 г. благодаря отсутствию какой бы то ни было стабилизации штатно-организационной стороны Красной Армии находилась в хаотическом состоянии»⁵³².

В январе 1925 г. наркомат военных и морских дел (НКВМ) возглавил М.В. Фрунзе, который сумел добиться некоторого упорядочивания мобпланирования экономики за счёт, с одной стороны, уточнения штатной численности РККА на первый год войны, а с другой – за счёт уточнения круга вероятных противников. Троцкий и его сторонники предпочитали говорить о некоей войне «против капиталистических стран» вообще, что делало саму идею мобподготовки промышленности бессмысленной (нельзя же готовиться к войне против всего мира целиком!?), теперь же советская армия готовилась отражать вторжение коалиции в составе прибалтийских республик, Польши и Румынии, причём предполагалось, что военно-экономическую помощь этой антисоветской коалиции окажут Великобритания и Франция⁵³³. Характерно, что в рамках разработки доктрины мобилизационной подготовки Военвед разработал проект закона о мобилизационных мерах, которые должны были распространяться не только на собственно армию, но и «на страну в целом»⁵³⁴. Однако в дальнейшем работа в этом направлении вновь начала буксовать. Разумеется, свою роль сыграл и «человеческий фактор» – в конце 1925 г. Фрунзе умер, а сменивший его на посту наркома К.Е. Ворошилов основное внимание уделял собственно вопросам военного строительства, передав проблемы мобилизационной подготовки народно-

⁵³¹ Цветков И.Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-морского флота России (1695–1945). СПб, 2000. С. 73.

⁵³² Там же, С. 22.

⁵³³ Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923–1944. М., 1997. С. 18–19.

⁵³⁴ Simonov N.S. The “War Scare” of 1927 and the Birth of the Defense Industry complex // The Soviet Defense Industry from Stalin to Khrushchev. New Haven. 2008. P. 35, 39–40.

го хозяйства в Комиссию Оборона при Политбюро ЦК ВКП(б)⁵³⁵. Однако, думается, основные причины проволочек в деле мобподготовки экономики СССР крылись именно в органических противоречиях между политикой НЭПа, ориентированной на рентабельность и экономическую эффективность, и требованиями резервирования (то есть фактически «омертвления») ресурсов и производственных мощностей, составлявших суть самой идеи мобподготовки. Практически на протяжении всей второй половины 1920-х годов в Совете Труда и Оборона (СТО) раз за разом обсуждались вопросы разбронирования мобзапасов того или иного треста или синдиката, причём эти обсуждения почти всегда укладывались в одну и ту же канву: хозяйственное ведомство требовало разбронирования, подчёркивая масштабы недополученной из-за омертвления ресурсов государством прибыли, а военные пытались противодействовать «разбазариванию» мобилизационных запасов, но, как правило, были вынуждены уступать требованиям хозяйственников. Обычно военным обещали компенсировать переданные хозяйственникам ресурсы «в будущем хозяйственном году», но в следующем году эта история, как правило, повторялась снова и снова. Наконец, нельзя не отметить определённую административную неразбериху, сложившуюся в вопросах руководства мобподготовкой экономики. Ещё в 1924 г. Фрунзе, характеризуя деятельность СТО по этому направлению, писал: «СТО фактически по характеру своей работы совершенно не соответствовал второй половине названия и переродился из СТО просто в совет Труда. Он стал хозяйственным органом»⁵³⁶. Тем не менее формально СТО сохранял prerogatives координации различных ведомств в интересах обороны, и, как уже было сказано, вопросы разбронирования мобзапасов обсуждались именно в этой инстанции. На базе междведомственного комитета при Реввоенсовете была создана Центральная межведомственная мобилизационная комиссия при НКВМ, а в ВСНХ было создано военно-промышленное управление (ВПУ), которое отвечало за подготовку мобилизационного плана для экономики в соответствии с заказами НКВМ⁵³⁷. Таким образом, с учётом уже названной выше Комиссии Оборона при Политбюро вопросы мобподготовки оказались в компетенции сразу четырёх институций, а общее положение дел с мобподготовкой вызывало ассоциации с народной поговоркой про «семь нянек». В частности, в конце 1926 г. в Политбюро поступил доклад Штаба РККА, в котором, между прочим, утверждалось, что «ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»⁵³⁸.

Между тем, ситуация на международной арене к этому моменту начала стремительно обостряться. На рубеже 1926–1927 годов Народно-револю-

⁵³⁵ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Документы и материалы. Т. II. Советское военно-промышленное производство (1918–1926). М., 2005. С. 628–630.

⁵³⁶ Фрунзе М.В. Собр. Соч. Т. 2. М., 1926. С. 28.

⁵³⁷ Подробнее об этом см. Мухин М.Ю. О создании системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 г. // Оборона России. 2017. № 6. С. 64–71.

⁵³⁸ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 65.

ционная армия (НРА) Китая, действовавшая под эгидой Коммунистической партии Китая и Гоминьдана, развернула наступление в бассейне Янцзы. С учётом того, что Англия рассматривала этот регион как свою сферу влияния ещё с конца XIX века, а политическая и экономическая поддержка Советским Союзом НРА ни для кого не была секретом, советско-английские взаимоотношения резко ухудшились. В этом свете вопрос о готовности страны к потенциально возможной войне стал особенно важен и злободневен. Уже в январе 1927 г., видимо, предвидя возможные осложнения во внешнеполитической сфере, Политбюро поручило ВПУ ВСНХ и Реввоенсовету изучить ситуацию с оборонной готовностью СССР. Представленный в феврале того же года доклад описал крайне безрадостную картину: ни вооружённые силы, ни оборонная промышленность, ни экономика СССР в целом были к возможной войне совершенно не готовы, а самое главное – при сохранении текущих экономических порядков существенно улучшить положение дел в сколько-нибудь обозримой перспективе не представлялось возможным. Если в 1916 г. Российская империя смогла выпустить почти 31 млн снарядов, то на начало 1927 г. суммарная производительность всех снарядных заводов СССР составляла всего 6 млн штук. По производству пороха и взрывчатки советская оборонная промышленность находилась на уровне 30–50 % от масштабов производства 1916 года. Однако на дворе был не 1916-й, а 1927 год, поэтому сравнивать потенциал советской «оборонки» следовало не с ушедшей в небытие империей, а с уровнем производства ведущих капиталистических стран, а тут ситуация была ещё хуже. Согласно отчётам советских специалистов, СССР уступал одной только Франции по объёмам производственных мощностей в области самолётостроения в 7 раз, в танкостроении – в 20 раз, по производству пулемётов – вдвое. Несколько позднее Ворошилов публично признал, что «...вопросам подготовки государства к обороне мы стали придавать актуальное значение только с весны текущего (1927. – М.М.) года, именно – когда активная политика империалистов, Англии в первую очередь, стала явно угрожать СССР, когда СССР должен был усилить военную подготовку для защиты своей политики мира»⁵³⁹. Именно тогда – весной 1927 г., в структуре СТО было создано Распорядительное Заседание (РЗ), которое на деле стало центральным руководящим органом страны по мобилизационной подготовке экономики на случай войны⁵⁴⁰.

Как показали дальнейшие события, прогноз советского руководства о скором обострении взаимоотношений с Великобританией оказался совершенно верным. Уже 27 мая 1927 г. Лондон официально разорвал дипломатические и торговые связи с Советским Союзом. В качестве ответной меры 1 июня ЦК ВКП (б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором советский народ призывали быть готовым отразить империалистическую агрессию.

⁵³⁹ XV съезд ВКП(б): Стенографический отчёт. М.–Л., 1928. С. 874.

⁵⁴⁰ Кен. О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008. С. 39.

сию⁵⁴¹. В последующие годы эти события получили в историографии название «Военной тревоги 1927 г.». В разгар этой «военной тревоги» РЗ СТО приняло постановление «Об организации центральных мобилизационных аппаратов», завершив формирование как высших, так и центральных органов мобилизационной подготовки. Дальнейшая деятельность РЗ СТО и подчинённых ему моборганов показала, что на этот раз советское руководство было настроено достаточно решительно – в деле подготовки экономики СССР к войне от слов и деклараций перешли к практическим мероприятиям. В новых условиях на первый план вышли задачи формирования валютного, хлебного, сырьевого и топливного резервов, а индустриализация как таковая должна была развиваться под знаком первостепенного обеспечения нужд оборонной промышленности⁵⁴². Однако курс на создание реально действующей системы мобподготовки, как уже говорилось выше, входил в противоречие с основными трендами НЭПа как экономической политики. Разворот промышленности, транспорта, а в какой-то степени – и сельского хозяйства, на рельсы широкомасштабной мобилизационной подготовки подразумевал отказ от политической философии НЭПа, ставившей на первый план вопросы прибыльности и рентабельности.

Тем не менее советское руководство некоторое время продолжало рассматривать НЭП как вполне работоспособную и в новых условиях политико-экономическую концепцию. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) вновь подтвердил курс на индустриализацию, подчеркнув необходимость гармоничного сочетания трёх взаимодополняющих векторов деятельности: индустриализация экономики, причём с учётом приоритетности тяжёлой промышленности; постоянное повышение удельного веса социалистического сектора экономики; повышение уровня жизни широких народных масс. При этом НЭП трактовался как политика, при которой «только и возможно социалистическое преобразование хозяйства страны»⁵⁴³. То есть вопрос стоял отнюдь не о свёртывании, а лишь о поэтапной трансформации НЭПа.

Второй подход к проблеме индустриализации проводился советским руководством уже с учётом анализа ошибок, допущенных в 1925–1926 годах. Собственно говоря, кризис 1925 года вскрыл две основные проблемы НЭПа, тормозившие (вплоть до полной остановки) проведение индустриализации:

- экономический эгоизм хозрасчётных трестов и синдикатов, которые были обязаны, с одной стороны, выполнять директивы по обеспечению строительства новых индустриальных объектов, а с другой – оставаться рентабельными и обеспечивать получение прибыли;
- отсутствие понимания источников финансирования столь амбициозной и дорогостоящей программы модернизации промышленности, причём

⁵⁴¹ Лившин А.Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе. // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 50. Июнь 2015 г. С. 191.

⁵⁴² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. М., 1984. С. 431, 479, 507–508; Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских социалистических республик: Сб. докум. Т. 3. М., 1960. С. 117–118

⁵⁴³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. М., 1984. С. 276–277, 320.

финансовая отдача от этой программы заведомо ожидалась лишь в среднесрочной перспективе.

Именно решение этих двух проблем имело ключевое значение для осуществления программы индустриализации.

Первую из вышеперечисленных проблем было решено одолеть за счёт усиления планового начала и, соответственно, ограничения хозрасчётной «вольницы». Весной 1927 г. пленум ВСНХ утвердил «Систему промышленного управления», согласно которой к сфере компетенции ВСНХ относилось, в том числе, плановое и директивное управление работой треста⁵⁴⁴, что, безусловно, было серьёзным ущемлением принципа самостоятельности хозрасчётного треста. В июле 1927 г. Госплан сумел провести через СТО решение о существенном изменении порядка распределения прибыли государственных трестов. Теперь в калькуляцию отпускной цены государственных предприятий вводилась новая плановая величина – «средний процент прибыли», исчисляемая для каждой отрасли. Таким образом, отныне тресты и предприятия могли претендовать только на сверхнормативную прибыль, которую можно было получить за счёт сверхпланового снижения себестоимости. Тогда же, летом 1927 г., было принято новое Положение о трестах, согласно которому тресты были лишены права свободного установления цен, а главной задачей государственного треста указывалось не получение прибыли, а выполнение плана. С этого момента о трестовом хозрасчёте можно было говорить лишь с большими оговорками. Более того – существенно урезались и управленческие функции трестов, так как Положение 1927 г. делегировало предприятиям, входящим в трест, все права хозрасчёта и теперь, формально⁵⁴⁵, любое распоряжение дирекции треста могло быть отклонено заводоуправлением, как не соответствующее интересам завода. Но при этом основным критерием эффективности работы завода или фабрики это же Положение считало не рентабельность, а снижение себестоимости продукции относительно плановых значений⁵⁴⁶. В декабре 1928 г. пленум ВСНХ постановил возложить ответственность за выполнение планов пятилетки по отраслям (а значит – делегировать права по оперативному управлению этими отраслями) соответствующим отраслевым главам ВСНХ, что вообще превращало тресты и синдикаты из субъектов в объекты экономической деятельности⁵⁴⁷. Сам план начал приобретать черты не неких экономических ориентиров, к которым надо стремиться, а директивного документа, который надлежит неукоснительно выполнять. Вводилась система обязательных госзаказов, государственное нормирование цен, планирование товарооборота и кредита, централизация капитального строительства

⁵⁴⁴ Бюллетень ЦКК РКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР. 1927. № 8. С. 3

⁵⁴⁵ На самом деле ситуация была ещё более запутанной, так как передавая предприятиям права хозрасчёта, Постановление 1927 г. не дало заводам права открывать свой расчётный счёт в банке, поэтому все финансовые потоки предприятия по-прежнему шли через руководство треста.

⁵⁴⁶ Подробнее на эту тему см. Богомолова Е.В. Хозрасчётные тресты – основное звено хозяйствования // Хозяйственный механизм периода новой экономической политики (По материалам 20-х годов). Сб. обзоров. М., 1990. С. 33–34.

⁵⁴⁷ Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа (1921–1929) Саратов, 1996. С. 105–106, 108, 114.

и разрешительный, а не регистрационный порядок открытия новых, даже мелких, предприятий в особо важных с точки зрения государства, отраслях. Так как ВСНХ стремился централизованно перераспределять материальные ресурсы в интересах новостроек индустриализации, в начале 1927 г. Совнарком взял курс на ограничение сферы деятельности бирж, в результате чего к концу 1928 г. из 70 товарных бирж, существовавших в СССР в 1926 г., 56 закрылись. К 1930 г. закрылись и остальные биржи. Все эти меры, принимаемые вроде бы по отдельности и призванные залатать очередную прореху в НЭПовской системе и приспособить эту систему к выполнению плана индустриализации, шаг за шагом, исподволь, вели к радикальному изменению всей экономической системы, сложившейся в СССР в первой половине 1920-х годов.

Одновременно шёл процесс постоянного нагнетания градуса напряжения плана. Программа индустриализации всё расширялась и расширялась. Тому было много причин – и опасения скорого вторжения «коалиции капиталистических стран», и стремление ускорить процесс индустриализации и скорее «проскочить» политически опасный период реконструкции промышленности, и активность местных партийных руководителей, лоббирующих интересы «своего» региона, но, так или иначе, все коррективы плана индустриализации шли только и исключительно в сторону наращивания темпов и объемов. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) поручил Госплану разработать детальный пятилетний план индустриализации, задав лишь самые общие ориентиры, к достижению которых следовало стремиться. В том же месяце Президиум Госплана постановил специально для выполнения этого поручения создать в своём составе Центральную комиссию перспективного планирования во главе с Г.М. Кржижановским, причём этой комиссии было поручено разрабатывать план пятилетки в двух вариантах – «отправном» (то есть умеренном) и «оптимальном». «Отправной» вариант был представлен Президиуму Госплана в феврале 1929-го, а в апреле – признан экономически обоснованным. Однако синхронно ВСНХ разработал «оптимальный» вариант пятилетки, в котором темпы развития были куда выше. В ноябре 1928 г. Постоянное плановое совещание ВСНХ подготовило пятилетний план, предусматривавший рост всей промышленности на 134,6 %, в том числе тяжёлой – на 150,2 %, а лёгкой – на 121,4 %. Но уже в декабре 1928 года ВСНХ сочло эти планы недостаточно масштабными и подготовило новый вариант плана, в котором общий рост промышленности должен был составить 167 %, в том числе 221 и 130 % в тяжёлой и лёгкой индустриях соответственно. Несмотря на возражения Кржижановского, 23 апреля 1929 г. Совнарком принял план пятилетки в «оптимальном» варианте, а уже летом того же года началось его воплощение в жизнь⁵⁴⁸.

Однако оставалась актуальной вторая проблема – нехватка источников финансирования для реконструкции промышленности в формате индустриализации. В 1925–1926 годах попытка решить этот вопрос преимущественно за счёт накоплений государственной промышленности завершилась провалом. «Водочный налог», рост эмиссии рубля и израсходование значи-

⁵⁴⁸ Рогачевская Л.С. Как составлялся план первой пятилетки // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 149–152

тельной части золотовалютных резервов позволили компенсировать потери и избежать масштабного экономического кризиса, но и только. Первоначально советское руководство планировало сделать ставку на накопления населения. В 1927 г. была расширена продажа водки, доход от которой составил 500 млн рублей. Одновременно началось форсированное распространение облигаций государственных займов. Ещё в 1926–1927 хозяйственном году было выпущено 3 выигрышных и 2 процентных займа. Однако попытка повторить этот приём в следующем году не удалась. В 1927 г. I займ индустриализации в размере 200 млн руб. был размещён лишь по коллективной (т. е. фактически принудительной) подписке с рассрочкой платежа, причём недовольство населения принудительной подпиской было очевидным. Стало ясно, что и этот источник финансирования близок к исчерпанию. Ещё одним путём изыскания средств для претворения в жизнь планов индустриализации стал рост налогового пресса на частную промышленность. Уже в 1926 г. в отношении «нэпманов» был принят временный налог на сверхприбыль. В 1927 г. этот налог был объявлен постоянным, в результате чего ставки налога составили от 32 до 50 % получаемой прибыли. За счёт этого решения СССР действительно получил некоторые (не слишком, впрочем, большие) дополнительные средства, но начиная с 1927 г. рост капиталистического сектора экономики СССР прекратился. Вскоре принятый XV съездом ВКП(б) политический курс на ликвидацию капиталистических элементов советского общества административными методами окончательно подвёл черту под несоциалистическим сектором экономики Советского Союза.

Надо отметить, что экономическая ситуация в СССР накануне перехода к форсированной индустриализации была весьма далека от идеальной. «Военная тревога» 1927 г. побудила население начать массово скупать товары широкого потребления, так как было очевидно, что если война действительно начнётся, дефицит ширпотреба будет неизбежен. В результате товарные фонды оказались исчерпаны задолго до начала заготовительной компании. Крестьянство, видя отсутствие фабричных товаров в продаже, резонно не видело повода к продаже хлеба – «Я хлеб продам, а что я буду делать с деньгами, когда на них ничего нельзя купить. Пусть лучше хлеб лежит»⁵⁴⁹. Между тем, как уже говорилось выше, логика пятилетнего плана вела к тому, что, с одной стороны, основной упор делался на группу отраслей «А», которые не имели отношения к выпуску ширпотреба, а с другой стороны, мелкая частная промышленность, на которую приходилась в годы НЭПа львиная доля выпуска товаров народного потребления, оказалась под усиленным налоговым и административным прессом и постепенно выдавливалась из экономической жизни. То есть проводимый советским руководством курс должен был в ближайшие годы ещё больше усугубить ситуацию на потребительском рынке. Пытаясь разрешить кризис хлебозаготовок (ведь это ставило под угрозу снабжение продовольствием городского население в целом и могло не только обрушить вообще все планы индустриализации,

⁵⁴⁹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998. С. 52.

но и привести к социальному взрыву), советское руководство в конце 1927 г. «раздвинуло ножницы цен» в обратную сторону: цены на аграрную продукцию были повышены, а на фабрикаты – соответственно, пошли вниз. Но это решение ещё больше осложнило планирование финансирования планов по проведению индустриализации. В начале 1928 г. Политбюро издало директиву «О хлебозаготовках», в которой Наркомфину поручалось как можно быстрее собрать с крестьянства все накопившиеся задолженности по налогам и добровольно-принудительному распространению госзаймов. Однако эта мера тоже не дала существенного эффекта. Кулаки и середняки, как правило, задолженностей не имели, а с бедноты, на которую приходилась основная масса недоимок, собрать сколько-нибудь существенные суммы было невозможно. Да и в политическом плане «выжимание» недоимок с бедноты было чревато крушением концепции на «союз с беднейшим крестьянством», являвшейся одним из постулатов НЭПа. Советское руководство считало (и вполне оправданно считало), что в значительной степени государственные хлебозаготовки страдают от конкуренции «частников». Частные торговцы действовали куда более активно и оборотисто, их не связывала по рукам и ногам излишняя забюрократизированность и волокита, характерная для государственных заготовительных органов. Наконец, частники, как правило, платили в полтора-два, а иногда – и втрое больше, навёрстывая своё за счёт темпов оборота капитала. Поэтому если уж крестьянин решал продать хлеб (а в условиях товарного кризиса это было не так уж часто), то продавал он зерно частнику, а не вёз на государственный ссыпной пункт. Ввиду такого положения дел в начале 1928 г. Совнарком санкционировал массовые политические репрессии как против частных скупщиков, так и против крестьян, отказывавшихся сдавать хлеб на государственные ссыпные пункты. В результате этих мер кризис хлебозаготовок в 1927–1928 хозяйственном году действительно удалось к апрелю 1928 г. преодолеть, но добиться этого удалось лишь за счёт внеэкономического насилия. То есть политические рецепты, ставшие сутью НЭПа, постепенно уходили в прошлое как в отношении политики индустриальной, так и политики аграрной. Среди советского крестьянства стали превалировать настроения, характерные для времён «военного коммунизма»: «Несколько лет прошло тихо, а теперь опять начинают с нас кожу драть, пока совсем не снимут, как это было во время продразверстки. Вероятно, придется и от земли отказываться или сеять хлеб столько, сколько хватает для прожития»⁵⁵⁰.

Помимо этого, следует отметить, что синхронно с недовольством среди крестьян всё чаще непонимание текущей политики стали проявлять и рядовые большевики. В апреле 1928 г. на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) нарком внешней и внутренней торговли А.И. Микоян отмечал, что «...ряд членов партии, которые не особенно довольны экономической политикой нашей партии, говорят: «ЦК отменил нэп», «где же у вас нэп», «нэпа нет», у вас не хлебозаготовки, а хлебовыколачивание, не торговля, а разверстка, не борьба с кулаком, а раскулачивание» и пр.»⁵⁵¹. Рядовые

⁵⁵⁰ Россия нэповская. М., 2002. С. 411.

⁵⁵¹ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т.1. М., 2000. С. 49.

члены партии, жившие в условиях повседневности, характерной для обычных граждан СССР, в буквальном смысле на собственной шкуре ощущали, что проводимые изменения и модификации НЭПа имеют такой масштаб, что от собственно НЭПа остаётся только название. Пока – именно что только пока – репрессивные меры и изъятие товарного хлеба с помощью карательных органов трактовались как меры исключительные и сугубо временные. На прошедшем в июле 1928 г. пленуме ЦК ВКП(б) председатель Совнаркома А.И. Рыков с трибуны предупреждал, что есть «опасность столкнуться вновь с тем, чтобы идти на применение чрезвычайных мер, с теми последствиями их, ... которые будут означать разрыв с середняком. ... Политический итог чрезвычайных мер таков, что партия должна предпринять все возможные меры к тому, чтобы их избежать». Сталин с места подтверждал: «Правильно»⁵⁵². Однако этот, вроде бы сложившийся в большевистском руководстве консенсус не давал ответа на вопрос – а что делать, если в следующем году страна снова столкнётся с кризисом хлебозаготовок, особенно если учесть, что логика индустриализации делала такой кризис практически неизбежным? По мнению ведущих отечественных исследователей, «к осени 1928 года попытки решения вопросов ускоренной индустриализации в социально-экономических условиях нэпа привели к тому, что методов хозяйственного порядка, способных вывести страну из наступившего кризиса своими собственными средствами, в рамках нэпа уже не существовало»⁵⁵³.

Таким образом, к лету 1929 г. дискуссии о темпах и путях индустриализации, которые шли в советском истеблишменте с начала 1920-х годов, под влиянием объективных экономических и внешнеполитических факторов пришли к логическому финалу. По сути, руководство СССР попало в своеобразный политический цугцванг. Внешнеполитическая ситуация диктовала необходимость незамедлительно начать форсированную индустриализацию, причём индустриализацию – ориентированную на первоочередное развитие группы отраслей «А» вообще и оборонной промышленности в особенности. Попытки осуществить программу индустриализации в рамках политики НЭПа ценой отдельных, как на тот момент представлялось, сугубо тактических корректив и модификаций привычного экономического инструментария привели к тому, что сумма этих корректив, постепенно накапливаясь, привела к фактически демонтажу всей социально-политической конструкции НЭПа вообще. «Слом НЭПа» не был ни случайной флуктуацией, ни злой волей кучки партийных функционеров. Отказ от этой политики был обусловлен как невозможностью применять прежние экономические рецепты в новых условиях, так и необходимостью искать ответы на новые внешнеполитические вызовы.

⁵⁵² Там же, С. 318.

⁵⁵³ Россия нэповская. М., 2002. С. 452.

Н.И. Никитин

Вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества: исследовательские подходы и исторические реалии

Аннотация: Статья посвящена анализу практически всех сформулированных к настоящему времени точек зрения на происхождение и этническую природу казачества и носит полемический характер. Наибольшее внимание уделяется работам, вышедшим за последние 25 лет и ориентирующим читателя на пересмотр давно устоявшихся в историографии представлений о казачьей истории. Автор показывает научную несостоятельность попыток представить казачество «особым народом», генетически не связанным с русскими, и объясняет широкое распространение таких взглядов не только невежеством их поборников, но и откровенной политизацией «казачьего вопроса».

Ключевые слова: Историография, казачество, происхождение, самосознание, культура, этническая идентификация, политизация.

The question of the origin of ethnic identification of the Cossacks: research approaches and historical realities

Abstract: The article is devoted to the analysis of almost all points of view on the origin and ethnic nature of the Cossacks that have been formulated to date and is polemical in nature. The greatest attention is paid to the works published over the past 25 years and orienting the reader to the revision of long-established ideas in historiography about the Cossack history. The author shows the scientific failure of attempts to present the Cossacks as a "special people", genetically unrelated to the Russians, and explains the wide spread of such views not only by the ignorance of their supporters, but also by the Frank politicization of the "Cossack question".

Key words: Historiography, Cossacks, origin, identity, culture, ethnic identification, politicization

Сущность вопроса и его традиционная научная трактовка

Вопрос о происхождении казачества часто называют и сложным, и малоизученным, но правильнее было бы назвать его запутанным. Запутанным либо умышленно – в результате его политизации в первой четверти минувшего и в начале нынешнего столетий, либо невольно – главным образом, из-за царящей в нашей историографии неразберихи в терминах и понятиях.

О казачестве нельзя говорить «вообще» – вне временных и пространственных рамок. Оно всегда было типологически сложным явлением, включающим в себя этно-социальные и социокультурные группы, различные как по положению, так и по происхождению, что уже не раз отмечалось исследователями⁵⁵⁴. И дело здесь не только в том, что, с одной

⁵⁵⁴ Маркедонов С. Заколдованное слово //Родина. 2004. № 5. С. 22–24.

стороны, существовали казачьи войска, созданные в XVIII–XIX вв. искусственно, по инициативе и под руководством правительства и целиком подчиненные ему, а с другой – «войска», гораздо раньше сформировавшиеся самостоятельно как вольные сообщества. Не в том, что в XVI–XVII вв., наряду с «вольными» казаками, «гулявшими» в «Поле», существовали казаки служилые (городовые), закрепленные за гарнизонами окраинных областей Русского государства на правах стрельцов и пушкарей и поначалу, скорее всего, «прибиравшиеся» из казаков вольных. Более всего проблему осложняет то обстоятельство, что понятия «казак», «казаки», «казачество» практически сразу же после своего возникновения стали восприниматься и толковаться по-разному.

В литературе нередко можно встретить утверждение, что происхождение слова «казак» до сих пор «не установлено», что «его значение составляет пока один из неразрешенных исторических вопросов» и т. д.⁵⁵⁵. Но филологами уже давно и вполне убедительно доказано тюркское происхождение этого слова и выяснено, что его корень («каз») восходит к значениям «скитаться», «бродить», «кочевать». Впервые слово «казак» встречается в кипчакско-арабском словаре (составленном, вероятно, в Египте и известном по рукописи середины XIII в.) в значении «бездомный», «бесприютный», «скиталец», «изгнанник»⁵⁵⁶.

Анализ восточных источников показал, что за Уралом, на территории «Восточного Дешт-и-Кыпчака» (простиравшегося от Каспия до Алтая) в XIV–XV вв. термин «казак» обозначал «потерю связи конкретного человека или группы родственников со своим кланом (своей общиной)», а «казакование» понималось как «образ жизни... человека, по какой-то причине ушедшего от своего племени, рода, или потерявшего власть и скитавшегося на окраинах государства, юрта или на чужбине и часто добывавшего себе средства на жизнь своим оружием»⁵⁵⁷. «Этим старинным тюркским словом («казаки». – *Н.Н.*) на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие “казак” приобрело и другие значения»... – пишет В.В. Трепавлов, крупнейший специалист по истории тюркского средневековья⁵⁵⁸.

В русских источниках «казаки» стали упоминаться в самом конце XIV – начале XV вв.; этим термином обозначался тогда довольно широкий и постепенно всё расширявшийся круг понятий, а наиболее распространенным значением поначалу тоже было – «изгой», «бездомный бродяга», «неимущий скиталец». Примечательно, что «казак» кочующим «на поле с не-

⁵⁵⁵ См., например: Гордеев А.А. История казаков. М., 1992. Ч. 1. Золотая Орда и зарождение казачества. С. 13; Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 22.

⁵⁵⁶ См.: Марков В.И. О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 17.

⁵⁵⁷ Сабитов Ж.М. Казаки Восточного Дешт-и-Кыпчака в XIV–XV веках // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 219–220.

⁵⁵⁸ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 6.

многими людьми», русские власти называли даже хана Кучума после разгрома его «царства» Ермаком⁵⁵⁹. И это не было чем-то исключительным: в тюркском мире еще в XV в. такое название нередко закреплялось за представителями ханских династий, вынужденными покинуть свой трон и спастись бегством⁵⁶⁰. Но на Руси гораздо более распространенным стало другое значение слова «казак»: вольный человек, удалец, промышляющий разбоем и военным делом.

В то же время на Русском Севере «казаками» называли вольнонаемных работников, не имеющих собственного хозяйства, у ногайцев – людей, ухаживавших на заработки на чужбину, у кумыков и балкарцев – слуг и батраков, у осетин – пленников-рабов и т. д., а в татарских ханствах, возникших на развалинах Золотой Орды, «казаки» – это просто низший разряд воинов (причем не обязательно из татар), стража, легковооруженная конница, которая первоначально видимо и набиралась из изгоев и бродяг⁵⁶¹. Кроме того, в XVI ст. в степях за Уралом сложился народ «казаки». Это предки нынешних казахов, в названии которых у нас последнее «к» заменили на «х» (видимо, для отличия от русских казаков) лишь в конце 30-х гг. прошлого века (а в XVIII–XIX вв. называли «киргиз-кайсаками»), но в русских источниках XVI–XVII ст. народ этот фигурировал именно как «казаки», и применительно именно к ним бытовало выражение «Казацкая (или Казачья) орда»⁵⁶².

Все эти факты давно известны профессиональным историкам (включая зарубежных) и приводят к однозначному выводу: «понятие “казак” обозначает в первую очередь определенный образ жизни, а не языковую и религиозную общность»⁵⁶³...

В самых ранних упоминаниях термина «казак», несомненно, отражено и его самое главное, *базовое* значение, позволяющее понять причины появления других толкований и значений. Выпавший из социальной структуры своего общества человек (изгнанный или ушедший из него сам), в поисках средств существования мог поступить на военную службу к кому-то из сильных мира того – так появились *служилые* казаки, составившие в татарских ханствах XV–XVI вв. низший разряд воинов, а на Руси – первых

⁵⁵⁹ Этот отмеченный еще в дореволюционной литературе факт получил новую трактовку в исследованиях В.В.Трепавлова, считающего «казаками» не только Кучума, но и его потомков («кучумовичей»), длительное время продолжавших в Сибири борьбу против русских (См.: Караулов М.А. Терское казачество. М., 2007. С. 8–9; Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 11–12).

⁵⁶⁰ Каранлыкова Л.Л. Зарождение казачества в Российском государстве середины XV – начала XVI вв. //Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб, 2006. Т. 1. С. 168–169, 172.

⁵⁶¹ О множестве значений слова «казак» в XV–XVI вв. см.: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. 2. Ч. 1. С. 364; Караулов М.А. Указ. соч. С. 6–11; Благова Г.Ф. Исторические взаимоотношения слов казак и казах //Этнонимы. М., 1970. С. 143–148; Каранлыкова Л.Л. Зарождение казачества в Российском государстве. С. 165–167; Гришкина М.В. Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве //Отечественная история. 2010. № 3. С. 119–120; Кожухар В.М. Русь, которая была: истоки, генезис, миграция. Брянск, 2011. С. 268–269; Марков В.И. О возникновении украинского козачества. С. 17–97.

⁵⁶² См.: Благова Г.Ф. Указ. соч. С. 149–156; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 21–22.

⁵⁶³ Гатин М.С. Проблема происхождения казачества в современной немецкой историографии //Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 101.

городовых казаков. Изгой и бесприютный бродяга мог заняться и мирным трудом, нанявшись к кому-то батрачить, – так появились бездомные вольнонаемные работники, называемые казаками. Беглецы и изгой могли, наконец, объединяться в самоуправляемые общины, которые жили разбоем и время от времени «продавали свою саблю» правителям сопредельных стран – так появилось *вольное* казачество. А если в положении беглецов и изгоев разом оказывались целые родоплеменные группы, сохранившие тем не менее свой семейный, хозяйственный и бытовой уклад, то из них мог сложиться и отдельный этнос с названием «казаки» (как это произошло в Казахстане).

Какие же точки зрения на происхождение казачества существуют на сегодняшний день?

Их довольно много, но все они делятся на две основные группы: (1) научные (с разной степенью обоснованности), разделяемые как профессиональными историками, специально занимавшимися ранней историей казачества, так и теми непрофессионалами, которые достаточно образованны и культурны, чтобы не пренебрегать мнением профессионалов; (2) ненаучные, принадлежащие людям, не только далеким от исторической науки, но и нежелающим прислушиваться к ее доводам, видимо, по принципиальным соображениям.

Согласно научной концепции, базирующейся на данных множества вполне репрезентативных источников и разделявшейся к концу 1980-х гг. не только профессиональными историками, но и вообще образованными людьми, вырисовывается такая схема, такая картина происхождения казачества.

Не ранее XV в. в южнорусских степях и примыкавших к ним лесостепных районах, по берегам густо заросших в те времена лесами степных рек, в буферных зонах между различными государственными образованиями возникают самоуправляемые военизированные общины изгоев, беглецов и всякого рода искателей приключений. Это были главным образом выходцы из различных татарских орд, а орды эти были щедрой тогда на политические и социальные потрясения, но уже не имели реальной возможности надежно контролировать все номинально подвластные им территории.

В XVI в. среди вольного казачества появляется всё больше выходцев из русских и украинских земель, а к концу столетия они уже решительно преобладают в казачьей среде. Из своей татарской «колыбели» казаки вынесли много элементов материальной и духовной культуры, касающихся в том числе специфически казачьей терминологии (самоназвание, слова «атаман», «есаул», «бунчук», «кош», «майдан» и т. д.). Однако татарами «инородческий компонент» в составе казачества не ограничивался. Волею судеб в его ряды попадали и представители других народов: поляки, валахи, литовцы, кавказские горцы, турки, армяне, греки, мадьяры, карелы, калмыки, казахи и даже немцы. При этом этническую основу казачества составляли всё же русские (на Дону, Волге, Яике и Тереке) и украинцы (на Днепре).

Поначалу казачьи общины, видимо, состояли почти сплошь из холостяков, но со временем казаки (везде, кроме Запорожской Сечи) стали обзаводиться семьями. Их женами поначалу были в основном представительницы окрестных народов – татарки, турчанки, персиянки, горянки (на Кавказе), которых обычно захватывали во время военных походов и набегов, а при

добрососедских отношениях приобретали за калым. Постепенно в казачьих областях возрастало и число русских женщин: из «полона», отбитого у «бусурман», из тех, кто был вывезен казаками «с Руси» во время всё учащавшихся поездок туда по служебным, торговым или богомольным делам, а в более позднее время – из семей переселенцев, ибо во второй половине XVII в. русские порой уходили «в казаки» целыми деревнями.

Постепенно вся эта разнородная масса переплавлялась в общность, жившую интересами, обычно сильно отличавшимися от имевшихся на родине, и при преобладании в языке и духовной культуре общерусских черт приобретала ряд важных особенностей, позволяющих уже ближе к нашему времени определять казаков Дона, Яика (Урала) и Терека как этнографические группы (субэтноты) русского народа, а запорожцев – как украинского.

Вот, собственно, и вся схема происхождения казачества, которой придерживалась наша историография к исходу 1980-х гг., опираясь прежде всего на труды Г.Ф. Миллера, С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, С.И. Тхоржевского, Б.В. Лунина, А.А. Новосельского, И.Г. Рознера, Е.Н. Кушевой, А.П. Пронштейна, В.П. Загоровского, Л.Б. Заседателевой, В.Н. Дариенко, Р.Г. Скрынникова, А.Л. Станиславского, Н.А. Мининкова, В.Д. Назарова и других профессиональных историков

Однако с конца 1980-х гг. волна воинствующего дилетантизма и невежества в области истории казачества (как и истории вообще) захлестнула страницы периодических изданий и полки книжных магазинов и вынесла к массовому читателю множество неизвестных науке имен «исследователей», которые представляют раннюю историю казачества в совершенно искаженном, фантастическом виде.

Сочинения эти, конечно не равнозначны по степени искажения истины, ибо «уровень некомпетенции» и у дилетантов бывает разным, но практически все их работы представляют собой причудливые сочетания (в разных пропорциях) реальных фактов с шаткими гипотезами, фантазиями и откровенным вымыслом. Но поскольку именно они пользуются наибольшей популярностью «в народе» (особенно у нынешнего, «возрождающегося» казачества), мы рассмотрим концепции дилетантов подробно, сопоставляя их, естественно, с теми данными, которыми к настоящему времени располагает историческая наука.

Псевдонаучные версии происхождения казачества: общий обзор

Бытующие ныне псевдонаучные «теории» происхождения казачества в основном восходят к сочинениям таких исследователей казачьей истории, как, например, директор Черкасской гимназии А.Г. Попов (в своем двухтомнике о «Донском войске», который вышел в 1814–1816 гг., он объявил древнейшими предками казачества легендарных амазонок). А более прочную основу псевдонаучных воззрений заложили работы «автономистов» и «сепаратистов» конца XIX – первой трети XX вв. – В.М. Пудавова, В.А. Голубинцева, И.Ф. Быкадорова, Е.П. Савельева и других самодельных исследователей

казачьей истории. Многие из них продолжили публикаторскую деятельность в эмиграции и передали затем свое видение предыстории и ранней истории казачества следующему поколению историков-эмигрантов, типичными представителями которых явились, например, авторы трехтомного «Казачьего словаря-справочника», вышедшего в 1966–1969 гг. в США (редакторы-составители – Г.В. Губарёв и А.И. Скрылов) и разделившего все основные концепции казачьих «автономистов» и «самостийников» начала XX в.

Взгляды большинства представителей этого течения исторической мысли начинали формироваться еще накануне Первой мировой войны (некоторые исследователи, «идя за источником», называют их «казачьими националистами»⁵⁶⁴), но получили особенно широкое распространение в годы войны Гражданской, когда на Дону и Кубани были созданы «самостоятельные государства», потребовавшие соответственного идеологического обеспечения. И впоследствии даже в эмиграции идеологи казачьего сепаратизма («казакийцы») заявляли, что «только в самостоятельном государственном бытии (суверенного государства или государств) казачество может осуществить высшее благо – развитие духовное и культурное, равноправное, свободное сожительство населения своих краев, экономическое развитие их» (И.Ф. Быкадоров), и обосновывали свое право на этот суверенитет утверждениями о «древнем и немосковском» происхождении казачества⁵⁶⁵. Далеко не все казаки-эмигранты разделяли эту точку зрения, среди них встречались и те, кто придерживался научных взглядов на прошлое казачества и не мыслил его будущего вне России (см. ниже), но тон в публичных выступлениях об исторических судьбах казачества обычно задавали «самостийники». На выдающегося русского историка А.А. Кизиветтера, также находившегося тогда в эмиграции, они производили тягостное впечатление. Он выражал обеспокоенность по поводу «опасных последствий» для будущего возрождения казачества действий тех его представителей, которые искажают «подлинную историческую традицию» и «в угоду самостийным тенденциям и вразрез с исторической истиной выдвигают вздорные теории о том, что казачество есть особая нация, отдельная от русского народа»⁵⁶⁶. Но позитивного отклика это обращение не встретило ни у большинства казаков-эмигрантов, ни у нынешних адептов казачьей «самостийности»⁵⁶⁷.

Если кратко обобщить суть взглядов казачьих «автономистов» и «сепаратистов» на происхождение казачества, то она будет такова.

Казаки – это особый народ, не только не имеющий по своему происхождению ничего общего с русским народом, но и «полная противоположность ему» (как выразился генерал И.Ф. Быкадоров)⁵⁶⁸. Непосредственными предками казаков в этой связи называются либо практически все народы, издревле проживавшие в Подонье-Приазовье и Северном Причерноморье

⁵⁶⁴ См.: Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013.

⁵⁶⁵ См.: Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 117; Вареник В.И. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 33–34.

⁵⁶⁶ Казачество: Мысли современников. С. 55.

⁵⁶⁷ Вареник В.И. Указ. соч. С. 33.

⁵⁶⁸ Казачество: Мысли современников. С. 107.

(скифы, сарматы, готы, гунны, авары и т. д. – вплоть до древних славян), либо один, собственно «казачий», народ, живший в древней стране «Казачии». Как утверждал Е.П. Савельев (весьма авторитетный для нынешнего казачества автор), эти древние «казаки» происходили от этрусков, принимали активное участие в Троянской войне и основали Рим. Потом в состав «древнего казачества» вливались и другие народы, но они не изменили его этнической природы, так что казаки являются не только особым, но и древнейшим этносом на земле⁵⁶⁹.

Другое направление эмигрантской мысли представлено работой А.А. Гордеева «История казаков». Ее автор выводил казаков в основном всё-таки из русских людей, полагая, что казачество хоть и имело «древние корни», но сформировалось только в середине XIII–XIV вв. и главным образом из тех «данников крови», которых монголо-татары брали с Руси после ее покорения и расселяли у себя в качестве пограничной стражи⁵⁷⁰.

С 1990-х гг. наряду с эмигрантской литературой по казачеству появляется всё больше работ наших отечественных авторов, не слишком хорошо разбирающихся в истории, но тем не менее рисующих собственные картины возникновения казачества смелыми и решительными мазками. Так, географ по образованию, кумыкский литератор и журналист Мурад Аджиев (позднее – Адж) выводил казаков напрямую из половцев (кипчаков), якобы лишь в XVIII–XIX вв. насильственно («по законам колониальной генетики») русифицированных «царизмом», несмотря на ожесточенное сопротивление. Из сочинений Аджиева изумленный читатель узнаёт, что казацко-крестьянские восстания (под предводительством Разина, Булавина, Пугачёва) «на самом деле» являются ничем иным, как «освободительными движениями половецкого народа» против Российской империи. Но она, как пишет Аджиев, в конце концов «поглотила обескровленную степь. Как удав, медленно заглатывала добычу»⁵⁷¹.

Еще один весьма плодотворный и охотно издаваемый в последние годы в России поборник ее «нетрадиционной истории» – А.А. Бычков – тоже не видит у казаков никаких славянских корней. Он считает, что «донские, гребенские и т. д. казаки» – это «потомки татаро-монголов, смешавшиеся с тюркскими, аланскими и черкесскими жителями южных степей». О русских же корнях казачества, по мнению А.А. Быčkova, вообще не может быть речи, ибо как этноса русских «до Петра I не было. Нигде. А что же было? Были литовские, финские, иранские, адыгейские, тюркские племена. Пришли западнопольские переселенцы, принесли с собой христианские представления, и началось объединение разноразличных народов в единую общность, языком межплеменного общения которых стал славянский – язык новой веры», а он, в свою очередь, образовался «на основе балтского (венедского) языка, “испорченного” иранским и германским влиянием»⁵⁷².

⁵⁶⁹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2007.

⁵⁷⁰ Гордеев А.А. Указ. соч.

⁵⁷¹ Аджиев М. Мы – из рода половецкого! [Рыбинск], 1992. С. 50–52.

⁵⁷² Бычков А.А. Происхождение славян. М., 2007. С. 84, 252.

Известный ученый-металловед А.А. Арцруни выдвинул версию армянского происхождения казачества. Как сказано в аннотации к его книге, автор «реконструирует историю казачества, связывая ее с историей армянского вольного конного воинства “кА-азатов”, тем самым увеличивая историю казачества на несколько тысячелетий»⁵⁷³.

Священники А.М. и В.М. Гнеденко издали книгу, рекомендуемую по благословению Архиепископа Екатеринодарского и Кубанского Исидора в качестве учебного пособия для воскресных школ. В ней говорится, что «казаки запорожские и донские происходили из одного корня – православных потомков скифов и гуннов», которых авторы называют предками славян⁵⁷⁴.

Гораздо шире взгляд на происхождение казачества у Тамары Литвиненко. Он нашел детальное отражение в ее большой статье, опубликованной в московском журнале «Казаки», издаваемом активистами «казачьего возрождения»⁵⁷⁵. В поисках «прародины казачества» Т. Литвиненко забралась аж в VIII–VII тысячелетия до н. э., по сути дела, отождествив с «первыми казаками» все индоевропейские племена и народы, жившие тогда, по ее мнению, в «южноурало-сибирской лесостепи» и занимавшиеся кочевым скотоводством. Казаками у Т. Литвиненко стали и арии, пришедшие на современную территорию Ирана и Индии «с Урала» во втором тысячелетии до н. э., и киммерийцы, обитавшие в Северном Причерноморье в VIII–VII вв. до н. э., и среднеазиатские саки с причерноморскими скифами («казаки 1-го тысячелетия до н. э.»).

С древних ариев теперь начинают историю казачества и многие другие идеологи и активисты казачьего возрождения, и одни лишь названия издаваемых ими книг («История казачества от Рождества Христова» и т. п.) говорят сами за себя⁵⁷⁶.

Ростовский журналист и тоже активист казачьего возрождения В.И. Вареник выпустил книгу «Происхождение донского казачества», и начинает он ее такими словами: «Что есть казачество? Откуда взялся этот народ, отчего, говоря “я – казак“, чувствуешь некий озноб под кожей, словно распаивается даль истории и ты прикасаешься к сокровенным корням самого рода человеческого?.. Хочется верить, что смутное ощущение причастности казачества к самым глубинным корням рода человеческого соответствует историческим реалиям...». Намекая, таким образом, на принадлежность казачества к древнейшим народам земли (а конкретнее – к «арийской ветви индоевропейской расы человечества»), В.И. Вареник вместе с тем полагает, что донские казаки – это всё же в основном потомки славян, но, правда, только тех, которые в VIII–IX вв. осели на Дону и сохранились там после монголо-татарского нашествия, 250 лет умело маскируясь и скрываясь в труднодоступных местах поймы Дона. В результате смешения этих славян с тюрками (татарами) якобы и образовался особый «славяно-тюркский эт-

⁵⁷³ Арцруни А.А. Великая Армения. Дух свободы и казатство. Глубинные корни казачества. М., 2006.

⁵⁷⁴ Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. За други своя, или Всё о казачестве. М., 1993. С. 14, 19, 87.

⁵⁷⁵ Литвиненко Т. Где прародина казачества? //Казаки. 2011. № 6. С. 34–39.

⁵⁷⁶ См.: Рыблова М.А. «Казаки возвращаются!»: история и судьба одной научной теории //Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д, 2010. Вып. 3. С. 277.

нос донских казаков»⁵⁷⁷. Развивая эту (и близкие ей) точку зрения, ее сторонники считают необходимым признание казаков «четвертым восточно-славянским народом» (наряду с русскими, украинцами и белорусами).

Современный казачий писатель и тоже один из идеологов казачьего возрождения Б.А. Алмазов не столь радикален: он всё-таки признает нынешних казаков русскими, но тут же ставит вопрос: «Когда казаки влились в русский народ, став его составляющей?». Из его книги следует, что довольно поздно, и общий вывод автора таков: «Казаки – коренное население бассейнов рек Дона, Терека, Волги и Урала. Никакие они не “беглые крепостные”». А донских казаков он вслед за М. Аджиевым называет «прямыми потомками половцев»⁵⁷⁸.

Другой казачий писатель – В.Е. Шамбаров – тоже склоняется к мысли, что казаки теперь – русские (субэтнос – «народ внутри народа»), но «древнейшие корни казачества», по его мнению, всё-таки произрастают «из осколочков различных племен»⁵⁷⁹.

Псевдонаучные теории: аргументы и факты

Идейной опорой для Б.А. Алмазова и В.Е. Шамбарова, по их собственному признанию, являются высказывания Л.Н. Гумилёва, который незадолго до своей кончины в беседе с казаками назвал их «народом», «этносом», причем «очень древним... Насколько древними могут быть народы», а вовсе не потомками беглых⁵⁸⁰. Вот только никаких доказательств своей точки зрения так и не привел ни в этой беседе (если судить по ее изложению Б.А. Алмазовым), ни в ранее изданных работах, где выводил казаков из хазар. Утруждать себя сбором доказательств – это вообще было не в правилах Л.Н. Гумилёва: доказательства ему, как верно подмечали его критики, обычно заменяли «внутреннее убеждение автора» (в своей правоте) и «блестящее литературное дарование», и потому его сочинения по истории Восточной Европы носят более литературно-художественный, чем научно-исследовательский, характер⁵⁸¹.

В «доказательствах» обычно нет недостатка у других, менее харизматичных поборников «теории автохтонного происхождения казачества». Только доводы их, как правило, не научные, а сугубо дилетантские. Так, убежденность «автономистов» и «сепаратистов» в существовании в древности особого «казачьего народа», не будучи подкреплённой ни данными письменных источников, ни археологией, покоится в основном на еще в начале XIX в. отвергнутом наукой методе «символической этимологии», а попросту говоря – на выискивании в исторических источниках и географических картах этнонимов и топонимов, хоть как-то созвучных слову «казаки»: азы,

⁵⁷⁷ Вареник В.И. Указ. соч.

⁵⁷⁸ Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. Хельсинки, 2008. Кн. 1. С. 33, 39, 82.

⁵⁷⁹ Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 11, 47.

⁵⁸⁰ Алмазов Б.А. Указ соч. С. 52–54; Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 46–47.

⁵⁸¹ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 532–533; Шмидт С.О. «Фоменко» как феномен общественного сознания // Преподавание истории в школе. 2006. № 9. С. 17.

ясы, казы, касоги, саки, кас-саки, козары (хазары), черкасы, Азов, Каспий, Кавказ, Казбек и т. д.⁵⁸². А главным аргументом служит ссылка на «записки» византийского императора Константина Багрянородного (X в.), где среди кавказских стран упоминается некая «Казахия» (или «Касахия»). Ее-то поборники «автохтонной теории» и объявляют «колыбелью казачьего рода»⁵⁸³. Мысль о том, что «Касахией» могло называться место обитания предков одного из современных кавказских народов, например *касогов* (т. е. адыгов) у казачьих «сепаратистов», по-видимому, даже не возникала. Более того, некоторые из самодеятельных исследователей истории казачества трактуют это сочинение Константина Багрянородного как бесспорное свидетельство существования в X в. уже не только страны Казакии, но и «народа, носящего название “казаки”»⁵⁸⁴.

И прежних поборников «автохтонной теории происхождения казачества», и их нынешних адептов, видимо, не смущало и не смущает то обстоятельство, что, во-первых, этнонимы и топонимы с «каз», «кас», «кос» (и тем более с «аз», «ас», «ос») можно без особого труда отыскать и в тех регионах мира, которые никак с казачьей родословной не свяжешь, – вплоть до Америки с Африкой (река Казан на севере Канады, река Касаи в Западной Африке, Кассала – провинция в Восточной Африке и т. д.). А во-вторых, даже если предположить, что народ «казаки» и обитал когда-то в Причерноморье и на Кавказе, его генетическую связь с нынешними казаками надо еще проследить и доказать. Ведь в истории нередко бывает, когда одно и то же имя с течением времени переходит с одного народа на другой. Например, хорошо известно, что этноним «римляне» («ромеи», «романы») перешел на греков – жителей Византии – и на даков – предполагаемых предков основного населения Румынии, а также является самоназванием цыган («рома»). А немцев, живших в Пруссии, называли «пруссакими», хотя с народом, давшим название этому государству (а до 1945 г. – одной из земель Германии), они имели совершенно разное происхождение...

В 1995 г. известный челябинский историк В.Ф. Мамонов писал: «Нельзя базировать сколько-нибудь серьезную теорию на таком зыбком фундаменте, как созвучие слов в названиях, упоминаемых древними авторами племен со словом “казаки”. Это не говоря уже о том, что и сами сообщения древних авторов, по возможности, тоже следует проверять, поскольку сообщали же они, например, что жители Восточной Европы на полгода закапываются в снег, засыпают и пребывают в этом состоянии вплоть до потепления»⁵⁸⁵. Но слова эти, конечно же, остались проигнорированными дилетантами, эксплуатирующими тему «Происхождение казачества». Именно *проигнорированными*, ибо исследование В.Ф. Мамонова многим казачьим активистам должно быть хорошо известно, благодаря подробной рецензии на него и интервью с автором в их газете «Станица» (кстати, ее редактор Г.В. Кокунько

⁵⁸² Супруненко В.П. Запорожская вольница. М., 2007. С. 8; Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 14–15.

⁵⁸³ См., например: Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 30–31, 39.

⁵⁸⁴ Гордеев А.А. Указ. Соч. С. 14 (курсив наш)

⁵⁸⁵ Мамонов В.Ф. История казачества России. Екатеринбург, Челябинск, 1995. Т. 1. С. 27.

заметил, что после прочтения книги Мамонова «ни у кого не должно остаться оснований говорить об отдельном казачьем народе, повторяя разработки германского Генерального штаба времен Первой мировой войны»⁵⁸⁶.

Любопытно, что в самом конце XIX в., в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье о казачестве говорилось следующее: «...Вопрос о происхождении К. представляется не вполне еще разъясненным во всех своих деталях, хотя общее решение его уже прочно установилось в современной литературе. Прежние историки производили казаков от инородцев, населявших некоторые местности юга России в удельно-вечевой период – хазаров, черных клобуков, касогов, черкесов. В настоящее время подобные объяснения, основанные исключительно на наивных филологических сближениях созвучных имен, совершенно оставлены...»⁵⁸⁷. Какими же наивными были сами историки в конце XIX в.! Похоже, они свято верили в силу и авторитет своей науки, и им, конечно, и в кошмарном сне не могло присниться, что не только через 20, но и через 100 лет в России «наивные филологические сближения» будут вновь взяты на вооружение исследователями казачьей истории и даже станут основным методом их работы...

Как подметила в 2004 г. Елена Мурашова, разбирая одно из псевдо-исторических сочинений, «все деятели паранауки очень любят упражняться в лингвистике, причем все они исповедуют один нехитрый принцип: звучит похоже – значит одно и то же»⁵⁸⁸. Более резок в своих оценках Алексей Пензенский: «Когда дилетанты лезут в область лингвистики, они превращаются в посмешище»⁵⁸⁹. В справедливости этих замечаний при чтении дилетантской литературы убеждаешься на каждом шагу, и один из последних и весьма красноречивых тому примеров – упомянутое выше сочинение Т. Литвиненко, аргументация в котором тоже строится на лингвистических изысках. Из них, в частности, следует, что слово «казак» восходит к индоевропейскому «кос(коз)», означающему «конь», и переводится как «хозяин коня». Почему значение этого слова так радикально изменилось к XIV в. н.э. (см. выше) и почему, по крайней мере в XVI в., казаки, судя по данным вполне надежных источников, чаще действовали в пешем строю и на стругах, а не на конях⁵⁹⁰, остается в таком случае загадкой, никак Т. Литвиненко не разъясненной...

В целом же о глубине и научности суждений Т. Литвиненко можно судить по таким примерам. Русское слово «слобода» она производит из «село-бад», где «бад», по-ирански, – поселение, городище. Между тем и историкам,

⁵⁸⁶ Станица. Общеказачья газета. 1996. № 3. С. 8.

⁵⁸⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XV а (30-й полутом). Стб. 581 (автор – В. Мякотин)

⁵⁸⁸ Мурашова Е. Славяне ли русские? //Литературная Россия. 2004. № 46. С. 10.

⁵⁸⁹ См.: Коробатов Я. Чемпионы по переписыванию учебников. (Почему в моду входит фальсификация истории) //Комсомольская правда. 2015. 26.03–09.04. С. 6.

⁵⁹⁰ См.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 118, 300; Мамонов В.Ф. Указ. соч. С. 42–43; Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Самара, 2012. Ч. 1. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. С. 87–99.

и филологам давно и хорошо известна его подлинная этимология, производная от слова «свобода» (произносившимся в старину как «слобода»), ибо первоначально на Руси слободами называли поселения, освобожденные (получившие «ослабу», послабление) от налогов (характерный пример из XVII в. – Слободская Украина). Слово «кокарда» Т. Литвиненко выводит из «хох» и «орда» и «переводит на русский» как «верховный в орде», хотя хорошо известно, что оно заимствовано из французского без влияния каких бы то ни было «орд». Слово «станица» Литвиненко понимает лишь в его позднем (современном) значении и возводит к иранскому «стану», а тот факт, что в XVI–XVII вв. «станицами» у казаков назывались не селения, а отряды, ей, наверно, неведомо.

О подлинной же истории казачества у Т. Литвиненко, похоже, вообще весьма смутные представления. Иначе трудно объяснить, почему рядом с изображениями таких «представителей казачества», как киммериец, сак и скифы, Литвиненко помещает некоего «уссурийского казака 17 в.», и это при том, что Уссури стала российской рекой (по правобережью) лишь в 1860 г., а Уссурийское казачье войско было создано в 1889 г. И несмотря на всё это нагромождение несуразностей, версия Т. Литвиненко о происхождении казачества находит горячих сторонников, «творчески» ее «развивающих»⁵⁹¹.

Убедительных доказательств генетической связи с современными казаками, конечно же, не приводится и при таком подходе к проблеме, когда, не углубляясь в этимологию, в казачьи предки записывают *все* племена и народы, проживавшие с незапамятных времён на Дону, Днепре, Волге, на Яике (Урале), Тереке и смежных с ними областях: скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар и т. д. – вплоть до древних славян⁵⁹². В этом случае ранняя история казачества, по сути дела, подменяется историей тех регионов, где впоследствии возникли старейшие из казачьих войск России. Методическая несостоятельность этого подхода тоже предельно ясна. Его можно уподобить попытке определить место и время возникновения такого города, как Москва, отталкиваясь от обнаруженных на ее территории памятников каменного, бронзового или раннего железного века, свидетельствующих, что и в столь давние времена она была заселена. Но ведь мы знаем, что лишь построенная в первой половине XII в. на Боровицком холме крепость может считаться *историческим ядром* Москвы – тем поселением, из которого выросла наша нынешняя столица. Кроме того, перечисляемые в качестве казачьих предков народы не могут быть таковыми уже потому, что, как заметил Н.А. Мининков, «сильно разделялись друг от друга во времени и пространстве, принадлежали к разным языковым семьям и группам и не имели антропологического сходства»⁵⁹³.

⁵⁹¹ См.: Деньшин Р.Ю. Рыцари времен – казаки (URL: <http://www.planet-kob.ru/articles/2362>).

⁵⁹² См., например: Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 36–47; Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 7–16.

⁵⁹³ Цит. по: Рыблова М.А. «Казаки возвращаются!». С. 275.

Не смог привести серьезных аргументов в пользу своей версии (о происхождении казаков от поселившихся на Дону в VIII–IX вв. славян) и В.И. Вареник. Система доказательств его гипотезы так и осталась на уровне голословных утверждений, явных натяжек и не подкрепленных данными надежных источников допущений (о некоторых из них пойдет речь ниже).

Еще более умозрительный характер носит концепция вышеупомянутого эмигрантского историка-любителя А.А. Гордеева (о формировании казачества монголами из русских «данников крови»). Она неоднозначно оценивается даже казачьими активистами.

Журналист В.И. Вареник, например, считает, что книга А.А. Гордеева «хоть и написана в форме, близкой к популярной, вполне научна и содержит новую, довольно простую и оригинальную теорию происхождения донского казачества, удивлявшую своей логической законченностью и стройностью, равно как и отсутствием натяжек»⁵⁹⁴. А вот писатель В.Е. Шамбаров дает А.А. Гордееву совсем другую характеристику: «Его теория ошибочна. Автор был эмигрантом уже не первого поколения, нередко даже путается в русских словах, терминах. И пользовался зарубежными источниками сомнительной достоверности, тенденциозными, а то и совершенно ложными. Свои выводы он построил на предпосылках, будто русским князьям под властью Орды не позволялось иметь вооруженные дружины, а десятая часть населения ежегодно угонялась в рабство и использовалась ханами для охраны границ, откуда и появилось казачество. Исторической действительности эти предпосылки не соответствуют... Ежегодных угонов десятой части людей не выдержал бы ни один народ (...через 15 лет от народа осталась бы пятая часть). И никто, разумеется, не стал бы “оказачивать” невольников»⁵⁹⁵.

Признавая справедливость этой оценки, необходимо, однако, отметить, что попытки как-то связать возникновение казачества с монгольскими завоевателями предпринимались и в серьезной литературе (правда не историками, а лингвистами) и – тоже безуспешно. Так, некоторые исследователи (П. Бутков, Д. Коков) механически складывали слово «казак» из монгольских слов «ко» («латы», «броня») и «закичи» («сторож»). Научная несостоятельность этого подхода давно доказана. Как пишет Г.Ф. Благова, «такое соположение несвязуемых основ не подтверждается фактами монгольских языков – ни их лексикой и семантикой, ни действующими правилами в области синтаксиса словосочетания»⁵⁹⁶. Кроме того, напомним факт, твердо установленный уже историками: «казаками» у татар называли *легковооруженных* воинов, которым броня и латы не полагались...

От ошибок, конечно же, не застрахован никто, в том числе и исследователи, занимающиеся историей казачества на профессиональном уровне.

⁵⁹⁴ Вареник В.И. Указ. соч. С. 34.

⁵⁹⁵ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 19.

⁵⁹⁶ Благова Г.Ф. Указ. соч. С.143.

Но ошибки ошибкам рознь. Есть вещи, принципиально отличающие подход к проблеме профессиональных историков и дилетантов.

Суть дилетантских методов решения вопроса о происхождении казачества удачно прокомментировал на одном из характерных примеров В.Ф. Мамонов. Упоминавшиеся выше священники А.М. и В.М. Гнеденко попытались вывести родословную казачества не только от отождествляемых со славянами скифов и гуннов, но и от ...героя «Илиады» Ахиллеса, в подтверждение чего ссылались, во-первых, на «чуждого выдумок» греческого летописца Арриана, который называл Ахиллеса скифом, имевшим русые волосы и голубые глаза и отличавшимся необычной яростью в бою, а во-вторых – на предание, согласно которому Ахиллес отправился в Грецию из места, находившегося «в исконных землях Запорожского войска» – на Кинбургской косе – и называвшегося греками «Ахиллесовым берегом»⁵⁹⁷.

«Итак, больших доказательств нечего и искать», – иронизирует В.Ф. Мамонов. Ахиллес, «конечно, предок запорожских казаков. Правда, – продолжает исследователь, – есть в этой версии маленькие неувязки. Во-первых, Гомер, как известно, дает совершенно иную генеалогию Ахиллеса. А он всё-таки был на несколько веков ближе к Троянской войне, чем “чуждый выдумок Арриан”. Во-вторых, светлые волосы и голубые глаза были не только у скифов, воинская доблесть также. В-третьих, сегодня ни один серьезный историк не ставит знак равенства между славянами и скифами. В-четвертых, что же вообще доказывает название оконечности знаменитой Кинбургской косы «Ахиллесовым берегом»? В Северном Ледовитом океане есть, например, земля Франца-Иосифа. Что же, это свидетельствует о том, что там родился император Австро-Венгрии Франц-Иосиф?»⁵⁹⁸.

Вряд ли, однако, даже столь язвительные комментарии могут снизить пыл и категоричность суждений дилетантов. Их «исследовательская методика» проста, бесхитростна и не расположена к принципиальным изменениям (иначе она уже не была бы дилетантской). Дилетантам всё равно, откуда черпать нужные сведения: из документальных источников или из легенд и мифов, из капитальных трудов серьезных ученых или из легких работ таких же дилетантов, из исследований, являющихся последним словом в науке, или из устаревших, давно отвергнутых наукой. И в специальной литературе, и в источниках (если до них, конечно, доходят руки) они «находят» лишь то, что соответствует уже сложившемуся у них взгляду на тот или иной вопрос, и в упор «не видят» того, что ему противоречит, будь оно хоть в сто раз более убедительным и обоснованным. А если не увидеть этого всё же никак нельзя, то могут, как М. Аджи(ев), либо огульно и голословно обвинить историков в сознательной фальсификации, либо, напротив, глубокомысленно заявить: «Слава Богу, кроме отечественной, есть мировая наука»⁵⁹⁹. И при этом ни имени, ни сноски не привести или же сослаться на вовсе не существующие, мифические «данные». Но и перед прямым

⁵⁹⁷ Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. Указ. соч. С. 14–15.

⁵⁹⁸ Мамонов В.Ф. Указ. соч. С. 25.

⁵⁹⁹ Аджиев М. Указ. соч. С. 47.

и грубым искажением позиций известных историков для обоснования своих теорий такие «исследователи», как М. Аджи(ев), не останавливаются, приписывая им то, что они не только никогда не говорили и не писали, но и прямо противоположное ими написанному и сказанному, как это получилось, например, с Н.М. Карамзиным, который, по версии Аджи(ева), якобы отрицал реальность участия Александра Невского в Невской битве и считал вымыслом битву Куликовскую⁶⁰⁰.

Весьма своеобразное отношение к историографии и у В.И. Вареника. Общепризнанную до 1990-х гг. точку зрения на происхождение казачества он (подобно другим казачьим идеологам) клеймит как «официальную» и упорно называет ее «беглокрестьянской» или «беглохолопской», хотя беглыми крестьянами и холопами профессиональные историки – как дореволюционные, так и советские – предков казаков не ограничивали, а включали в их состав и служилых, и посадских, и гулящих людей. Отыскал В.И. Вареник и родоначальника «беглокрестьянской теории». Им, оказывается, явился В.Б. Броневский – чиновник, морской офицер, которому в начале 1830-х гг. было поручено написать историю донского казачества на основе материалов, собранных донским казачьим офицером В.Д. Сухоруковым, но написать с сугубо «официальных» позиций. Хоть о происхождении казаков от русских беглецов историки (например Н.М. Карамзин) писали задолго до Броневского, именно Броневский, как полагает В.И. Вареник, внес самый весомый вклад во внедрение в сознание русского общества «беглокрестьянской теории» и оказал тем самым определяющее воздействие на всю нашу историографию⁶⁰¹.

Оказывается, под влияние Броневского попали практически все крупные российские историки – и С.М. Соловьёв, и Н.И. Костомаров, и В.О. Ключевский... Непонятно, правда, чем это он их так очаровал: работа его (вышедшая в 1834 г.), с научной точки зрения, легковесна, написана без сносок, и ссылаться на нее маститые историки почему-то не считали нужным. Даже такому дилетанту, как Е.П. Савельев, было ясно, что труд Броневского «серьезного исторического значения не имеет»⁶⁰². В.И. Вареник же, чтобы окончательно дискредитировать «беглокрестьянскую» теорию в глазах уже современного читателя, решил пристегнуть к ней ...Карла Маркса. В бумагах Маркса сохранился конспект книги Костомарова о Степане Разине и, стало быть, считает Вареник, Маркс был согласен с точкой зрения Костомарова на происхождение казачества, поэтому Вареник назвал эту точку зрения ни много ни мало «теорией Маркса – Броневского», живучесть которой в советские времена объяснил тем, что «большинство советских историков просто боялось впасть в противоречие с установлениями марксизма-ленинизма» и потому «рабски следовали установлениям Броневского»⁶⁰³.

⁶⁰⁰ Подробнее см.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 531–539; Никитин Н. Феномен Мурада Аджи // Литературная Россия. 2005. № 15. С. 12; он же. Паранаука на марше: Мурад Аджи против «официальных» историков // Наш современник. 2006. № 3. С. 161–164.

⁶⁰¹ Вареник В.И. Указ. соч. С. 20–22

⁶⁰² Савельев Е.П. Указ. соч. С. 19.

⁶⁰³ Вареник В.И. Указ. соч. С. 39, 41.

Что же касается источниковедения, то как специальная историческая дисциплина оно пишущим на казачьи темы дилетантам практически неведомо и, как следствие этого, – постоянные ляпсусы и казусы в их сочинениях. Например, некоторые авторы (П.К. Харламов, А.А. Гордеев, А.М. и В.М. Гнеденко и др.), исходя из того, что в былинах Илья Муромец назван «старым казаком», делают однозначный вывод о появлении казачества ещё в Киевской Руси⁶⁰⁴. То обстоятельство, что былины эти были записаны, главным образом, в XIX в., авторам подобных умозаключений либо неизвестно, либо не имеет для них никакого значения, хотя деформация этих памятников русского народного творчества за прошедшие к тому времени шесть столетий должна быть очевидной любому внимательному и образованному читателю уже потому, что в былинах не только богатыри становились «казаками», но и врагами Руси вместо реально противостоявших ей тогда печенегов и половцев выступают «татары» – противник из более поздней эпохи – и даже... чукчи и коряки-олюторы (в сборнике былин и исторических песен, записанных в XVIII в. Киришей Даниловым)...

Почти все самостоятельные исследователи истории казачества убеждены в участии донских казаков в Куликовской битве (1380 г.), нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что эта легенда была записана в конце XVII в. и противоречит всему известному о казачестве по другим – более ранним и репрезентативным источникам. Как заметил В.Ф. Мамонов, «никаких сколько-нибудь надежных документальных или летописных свидетельств существования донских казаков в 1380 г. по существу не было и нет, а легенд об их участии в Куликовской битве – великое множество», и «от автора к автору, от книги к книге этот рассказ обрастает новыми подробностями», так что, например, и воевода Боброк Волынский превращается в них в казачьего атамана⁶⁰⁵.

О логике рассуждений и исследовательской «методе» самостоятельных историков казачества лучше судить по конкретным примерам. Вот один такой пример, весьма показательный.

Как уже отмечалось, на севере Европейской России с конца XIV по XVII в. «казаками» называли неимущих вольнонаемных работников. Этого факта Е.П. Савельеву и некоторым другим казачьим авторам, видимо, оказалось достаточно для сочинения и «творческого развития» следующей увлекательной истории. Под давлением татар в XIV в. начался «массовый исход» казаков на север, «на Русь». Они дошли до Ледовитого океана, принесли туда «навыки мореплавания, унаследованные с античных времен», а затем «начали свое шествие к Тихому океану в партиях и дружинах землепроходцев» и именно потомки этих «казаков-эмигрантов» прежде всего и хлынули на Дон из «Московии» в XVI–XVII вв., а вовсе не русские «мужики-лапотники»⁶⁰⁶. Приверженцам этой «концепции» бесполезно напоми-

⁶⁰⁴ Харламов П.К. Казаки. Париж, 1956. С. 6; Гордеев А.А. Указ. соч. С. 16; Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. Указ. соч. С. 23.

⁶⁰⁵ Мамонов В.Ф. Указ. соч. С. 37–39.

⁶⁰⁶ См.: Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, 1968. Т. 2. С. 28; Вареник В.И. Указ. соч. С. 210–211; Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 85, 118.

нать, что ни одного факта, свидетельствующего о переселении каких-либо групп населения (тем более называвшегося «казаками») с юга на Русский Север в XIV в. в источниках не найдено: при всей своей абсурдности эта «концепция» очень «удобна» для казачьих «сепаратистов». Допустим, докажешь, что тот или иной донской казак происходит из посадских людей Воронежа, а «сепаратист» тебе в ответ с хитрым прищуром: «А может, он потомок тех казаков, которые мигрировали на Русь в XIV веке?»...

Показательно также восприятие некоторыми казачьими активистами и, в частности, руководителем пресс-центра Всевеликого Войска Донского С.В. Казаковым, сообщения В.И. Вареника «об участии донских казаков в Куликовской битве». Как заявил Казаков, этот материал хоть и был уже известен «российской интеллигенции» не менее 150 лет, но «грянул как настоящая историческая сенсация», ибо «В. Вареник одним ударом разбил многотонную, железобетонную “теорию” о происхождении донских казаков от московских холопов, бежавших на Дон от крепостного права “создавать казачество” в XVI–XVII вв.». В подтверждение этого приводятся слова самого В. Вареника: «На дворе 1380 год. Нет еще ни крепостных, ни помещиков, не от кого бежать»⁶⁰⁷.

То есть, по представлению С.В. Казакова и В.И. Вареника, бежать и скрываться русские люди могли лишь от помещиков и крепостного права – других причин к бегству быть не могло. Но вот как в середине XVI в. объяснял уход жителей Руси с давно обжитых мест в степи литовский посол в Крым Михалон Литвин: «...Одни скрываются от власти отца, или от рабства, или от службы, или от [наказания за] преступления, или от долгов, или от чего иного; других же привлекают... богатая нажива и более обильные места»⁶⁰⁸. Английские путешественники, сталкивавшиеся с «русскими казаками» на Каспии во второй половине XVI в., называли их «изгнанниками, поставленными вне закона»⁶⁰⁹. А давно известное «российской интеллигенции» и датируемое 1666 годом сообщение бывшего подьячего Посольского приказа (ведавшего тогда связями и с вольным казачеством) Григория Котошихина о донских казаках (что они «породою москвичи и иных городов... и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни в розбойных и татинных и в ыных делах, и покрадчи и пограбля бояр своих, уходят на Дон.»)⁶¹⁰, не связывавшее происхождение казачества лишь с бегством от «крепостного права», либо остается Варенику и Казакову неизвестным, либо сознательно игнорируется, как и относящиеся к XVI–XVII в. сообщения о свободном уходе жителей пограничных русских земель на Дон «в казаки».

Давно и часто цитируется, например, послание великого князя московского Ивана III рязанской княгине Аграфене от 1502 г., где о ее подданных, рязанцах, в частности, говорилось: «А ослушается кто и поидет самодурью

⁶⁰⁷ Казаков С.В. Послесловие //Вареник В.И. Указ. соч. С. 213–214.

⁶⁰⁸ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 100, 102.

⁶⁰⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. [Л., 1937]. С. 253.

⁶¹⁰ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159.

на Дон в молодечество, и ты бы... велела казнить, вдовым да женским делом не отпираясь». Историкам также хорошо известно, что в учетных документах («десятиях») XVI – начала XVII вв., касающихся служилых людей южнорусских городов, против фамилий многих детей боярских встречаются стандартные записи типа: «сбрел в степь», «сшел в казаки», «сшел на Дон», «на Поле казакует». Эти факты давно и прочно вошли в научный оборот и никто их пока не подвергал сомнению⁶¹¹. Новейшие исследования их только подтверждают. В частности, как показал на большом документальном материале О.Ю. Куц, и во второй трети XVII в. «на Дон в казаки далеко не всегда уходили люди, совершившие преступление или бежавшие от своих владельцев. Среди приходивших на Дон было немало лично свободных людей, особенно молодежи, и прежде всего с южных окраин Русского государства»⁶¹².

Но С.В. Казаков не смог пройти мимо также широко известного высказывания самих казаков о своем происхождении – в знаменитой «Повести об Азовском осадном сидении» (1642 г.): «Отбегаем мы ис того государства Московскаго, из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и дворян государевых...». По убеждению Казакова, доверять этим словам нельзя, поскольку автором «Повести» является есаул Фёдор Порошин – бывший холоп, а не «природный» казак⁶¹³. Более чем странная позиция. Во-первых, авторство Порошина – вовсе не твердо установленный факт, а во-вторых, кто бы ни написал «Повесть», она передает настроения и взгляды всего Донского войска, иначе не была бы в свое время так широко (и в нескольких «редакциях») распространена в казачьей среде⁶¹⁴. Да и разве могли бы быть чуждыми «природным» казакам такие строки «Повести»: «Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать...»⁶¹⁵.

Казачье или неказачье происхождение авторов любых суждений для С.В. Казакова, похоже, имеет определяющее значение: руководитель пресс-центра Всевеликого Войска Донского первым, естественно, доверяет гораздо больше, чем вторым. Но как в таком случае он и его единомышленники отнесутся к следующим высказываниям несомненных представителей казачества?

Бывший член Донского войскового круга М.А. Поликарпов: «По крови казаки – русские люди преимущественно, а в примеси есть все»⁶¹⁶.

⁶¹¹ См.: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 3-е изд. СПб., 1910. С. 96; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 312–313; Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. Т. 1. С. 170.

⁶¹² Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С.Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 75.

⁶¹³ Казаков С.В. Указ. соч. С. 216.

⁶¹⁴ См.: Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 59–81.

⁶¹⁵ Там же. С. 77.

⁶¹⁶ Казачество: Мысли современников. С. 248.

Бывший член Донского Войскового круга и Верховного круга Дона, Кубани и Терека П.А. Скачков: «Казачество – это чисто русское, глубоко самобытное явление...»⁶¹⁷.

Казак Донского войска, генерал К.И. Сычов: «Казаки, а донские в особенности, являются потомками русских людей, корнями своими уходящих в земли – Московскую, Суздальскую, Рязанскую, Владимирскую, Новгородскую и др.»⁶¹⁸.

Или, наконец, атаман Терского войска (с апреля 1917 г.) М.А. Караулов – один из образованнейших представителей казачьей интеллигенции, относивший возникновение вольного казачества к началу XVI в.: «Можно смело сказать, что казачество это – Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под чужеземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распространяющая свои орлиные крылья по степному простору...»⁶¹⁹.

Вполне соответствуют данным науки и представления М.А. Караулова о причинах ухода русских людей в казачьи общины. По его словам, туда «стекались “лучшие” люди Московской Руси, стекались все, кто, чуя в себе силушку великую, хотел размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себе чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и те, кто искал себе спасения от холопства невольного, от прикрепления к земле, к тяглу, к помещику, так как к концу XVI века Московское государство держало уже в крепких тисках своих граждан, возложив на них тяжелые обязанности пред государством, – обязанности, не соответствовавшие правам. И вот, кто хотел избавиться от этих тисков, от тяжести податей и налогов и от произвола дворян да бояр государевых; кто желал вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее в казачьих общинах общее равенство, а влекло к себе товарищеское братство, – все стекались на берега “запольных” речек и увеличивали собою толпы казачества...»⁶²⁰.

Списать эти высказывания на боязнь «впасть в противоречие с установлениями марксизма-ленинизма» в данном случае никак не получается: М.А. Караулов был в декабре 1917 г. убит «революционно настроенными солдатами», а М.А. Поликарпов, П.А. Скачков и К.И. Сычов – эмигранты, активные участники антибольшевистского движения. Так что остается, наверное, усомниться и в их принадлежности к «природным» казакам...

О местах «выхода» и социальном статусе предков современного казачества

Регионы, откуда в XVI–XVII вв. уходила на «казачьи реки» основная масса русских переселенцев, в принципе хорошо известны. В распоряжении исследователей имеются многочисленные документальные материалы, содержащие «расспросные речи» казаков с прямыми указаниями на места

⁶¹⁷ Там же. С. 264.

⁶¹⁸ Там же. С. 276.

⁶¹⁹ Караулов М.А. Указ. соч. С. 24.

⁶²⁰ Там же. С. 28.

их «выхода», а также «прозвища регионального характера» (типа «Тамбовец», «Воронежец», «Белгородец», «Костромитин»). В источниках нередко прямые указания на наличие у многих жителей русских городов «сродичей» в казачьих областях (на Дону, например, особенно заметными были родственные связи казаков с воронежцами)⁶²¹.

Анализ этих сведений показал, что среди яицких казаков в XVII в. преобладали переселенцы из поволжских, а также из среднерусских областей⁶²². Большинство же донских казаков являлось выходцами из южнорусских уездов. Обстоятельства переселения русских людей на Дон изучены к настоящему времени наиболее полно и свидетельствуют, что туда часто уходили те из них, кому была уже хорошо известна жизнь на Дону: кто не только имел среди тамошних казаков родственников или земляков, но и кто общался с казаками, приезжавшими в русские города, кто часто сам бывал на Дону с торговыми или иными делами. (Последние исследования убедительно показали, что грань между жителями южнорусских окраин и донскими казаками в XVII в. вообще была зыбка и неопределенна⁶²³.) Сложнее оказалось определить связи с «метрополией» у старейших групп казаков Терека. В числе мест их «выхода» называются Дон, Рязанское княжество и другие южные и юго-восточные окраины Московского государства, а также новгородские земли, и все эти версии находят подтверждение в фольклоре, обрядах и особенностях говора казаков Терека. Изучение казачьих диалектов вообще является одним из самых убедительных доказательств генетической связи их носителей с вполне конкретными областями «коренной» России⁶²⁴.

Если с этнической и региональной принадлежностью большинства переселявшихся на казачьи реки всё более или менее ясно, то вопрос о *социальном* статусе тех, кто уходил из русских земель «в казаки» (а факты такого ухода не могут отрицать и самые радикальные сторонники «автохтонной теории»), по-разному трактуется даже в сугубо научной литературе. В советской историографии здесь допускался некоторый перекос: видимо, пытаясь подчеркнуть близость казаков к угнетенным слоям русского общества и в связи с их активным участием в «классовой борьбе» многие исследователи выводили казачество прежде всего и главным образом из беглых крестьян (хотя, как уже отмечалось, не отрицали и наличие в нем представителей других социальных слоев и даже порой приводили факты, ставящие под сомнение крестьянское происхождения большинства казаков⁶²⁵). Более того,

⁶²¹ См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 103; Заозерская Е.И. Восстание Степана Разина (Общий обзор) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 184.

⁶²² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 272; Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике в XVII – XVIII в. М., 1966. С. 14; он же. Социально-экономические отношения и классовая борьба на Яике в XVII – XVIII вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1966. С. 9.

⁶²³ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 67, 109–115.

⁶²⁴ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 272; Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 1. С. 155; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 126–130; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 8; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 245, 308, 311.

⁶²⁵ См.: Баранович А.И. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. (социально-экономические предпосылки войны). М., 1959. С. 178.

некоторые историки вообще называли казачество «более организованным отрядом крестьянства»⁶²⁶. Однако в последнее время этот перекося исправляется: историки всё чаще подчеркивают, что до конца XVII в. выходцев из крестьянства у вольных казаков было как раз менее всего, а первое место среди них занимали мелкие служилые люди, включая «боевых холопов», т. е. военных слуг, принадлежавших боярам и дворянам⁶²⁷.

При всём том полностью отрицать наличие в составе казачества до конца XVII в. бывших крестьян, конечно, тоже нельзя: их отсутствие среди казаков было бы очень странным, учитывая, что в XVI–XVII вв. более 90 % населения страны составляло крестьянство⁶²⁸. Указания на крестьянское происхождение части казаков мы находим в заслуживающих доверия источниках по крайней мере с начала XVII в.⁶²⁹, а в дальнейшем – всё чаще. Примечательно, что среди казаков атамана Баловня, попавших в плен после разгрома его войска под Москвой в 1615 г., выходцы из крестьян, как показал А.Л. Станиславский, занимали второе место, составляя 25,5 % плененных (а на первом были всё же холопы – 35,1 %) ⁶³⁰. Многочисленные случаи приема в казаки крестьян на Дону отмечены применительно ко второй трети XVII в. О.Ю. Куцем⁶³¹, и прием этот был вполне естественным: к марту 1667 г. относится сообщение царицынского воеводы, хорошо осведомленного о казачьих делах, что «во многие де донские городки пришли с украинны (т. е. с окраин Московского государства. – Н.Н.) беглые боярские люди и крестьяне з женами и з детьми»⁶³².

Аргументы такого рода, что крестьяне были-де не приспособлены к жизни в «Поле», «не обладали никакими воинскими умениями и навыками, не имели в своем распоряжении боевого оружия» и т. п., обычны для «казачьей» историографии⁶³³, но они явно не состоятельны, как и утверждения, что «у воина и землепашца, коими являлись беглецы-крестьяне, совершенно разный склад ума, навыки, обычаи»⁶³⁴. Из крестьян «в казаки» уходила обычно молодёжь – наиболее активная и способная быстро адаптироваться

⁶²⁶ Швецова Е.А. Предисловие //Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 6.

⁶²⁷ См., например: Беляев Л.А. Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 108–109; Тулаева С.А. Донское казачество в XVI–XVII вв. как автономная охранная организация //Полития. 2010. № 2. С. 68; Тюменцев И.О. Казаки – не из крестьян //URL: <http://smi.kuban/inf/article/21102/1003>. С. 3–4; Марков В.И. О возникновении украинского козачества. С. 119.

⁶²⁸ Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 335–337.

⁶²⁹ См.: Котошихин Г. Указ. соч. С. 159; Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 189.

⁶³⁰ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 146–147.

⁶³¹ См.: Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С.Разина. С. 98–99, 100–101, 105.

⁶³² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 73.

⁶³³ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 11; Трут В.П. К вопросу о теории происхождения и сущностной характеристике казачества //Казачий сборник. 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 277.

⁶³⁴ Гаджиева Л.И. Мир казачества в изображении Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого, М.А.Шолохова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2007. С. 7.

к новым условиям часть общества. Кроме того, это были, как правило, жители приграничных районов, имевшие из-за постоянных вражеских набегов и оружие, и необходимые для выживания «на украине» навыки вооруженной борьбы. Показательно, что в гарнизоне города Ельца в начале XVII в., как показали И.О. Тюменцев и Е.В. Кусаинова, среди казаков-«новиков» преобладали именно бывшие крестьяне⁶³⁵. В Брянске середины XVII в., как выяснил Д.А. Ляпин, «службу... несли крестьяне местных слобод, вооруженные пищалями, а также ямщики с рогатинами»⁶³⁶. В Западной Сибири, согласно «рописи» 1670 г., из 579 драгун 38 оказались выходцами из посадской среды, а 384 – крестьянскими детьми⁶³⁷.

От XVII в. сохранилось немало так называемых осадных списков русских городов с указаниями, где и с каким оружием каждый дворовладелец должен находиться в «сполошное время», и в этих «рописях» фигурировали как служилые и посадские люди, так и крестьяне. В Сибири XVII в. добровольцы из крестьян нередко участвовали вместе со служилыми людьми в военных походах на кочевников, чтобы отомстить за набеги на свои деревни и слободы; крестьяне в то время могли вообще составлять главную силу при обороне сибирских слобод, вполне официально получая для этого из «казны» оружие. В той же Сибири XVII в. было известно немало примеров превращения типичного крестьянина в отважного воина (характерный пример – «покоритель Приамурья Ерофей Хабаров»), что и не удивительно, учитывая северное (поморское) происхождение большинства русских переселенцев за Урал: во время Смуты начала XVII в. «жилецкие люди» Поморья, как отмечает В.Д. Пузанов, «не только защищали свои города и уезды... но и составляли рати ополчений, которые освободили от иноземцев Московское государство»⁶³⁸. За Уралом эти навыки были востребованы и получили дальнейшее развитие.

Военная организация тяглого населения Русского Севера XV–XVII вв. специально исследовалась А.М. Молочниковым. Он показал хорошее владение посадскими и крестьянами этого региона как луком со стрелами (что легко объясняется охотничьими навыками тамошнего населения), так и другими видами оружия – пищалями и «самопалами», «топорками», бердышами, копьями, сулицами, рогатинами. А общая оценка современниками воинского мастерства свободных от крепостничества северян была такой: «великие ратницы и зело смелы к ратному делу...»⁶³⁹.

П.П. Епифанов, видный специалист по военной истории, пришел к выводу, что в России XVII в. «традиционное умение горожан и крестьян обращаться с холодным и огнестрельным оружием, передаваемое от дедов и от-

⁶³⁵ Тюменцев И.О., Кусаинова Е.В. Служилые казаки Юга России накануне Смутного времени начала XVII в. // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д, 2010. С. 17.

⁶³⁶ Ляпин Д.А. К вопросу о «городских восстаниях» в России в середине XVII века (по материалам южнорусских уездов) // Отечественная история. 2010. № 4. С. 144–145.

⁶³⁷ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 78.

⁶³⁸ Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). СПб., 2010. С. 333

⁶³⁹ Молочников А.М. Военная организация тяглого населения Русского Севера с середины XV до начала XVII века // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 210–219.

цов к сыновьям и внукам, давало правительству возможность при огромных потерях ратных людей в непрерывных войнах систематически пополнять “убылые места” стрельцов, пушкарей и городских казаков...”⁶⁴⁰.

Стремление крестьян и прочих «тяглых людей» попасть всеми правдами и неправдами в состав служилого сословия тоже достаточно хорошо известно, но оно далеко не всегда приветствовалось правительством: практически каждый «разбор» гарнизонов окраинных городов в XVII в. выявлял в их составе крестьян, поверстанных (часто за взятки) в стрельцы, городовые и беломестные казаки, в рейтары и пушкари⁶⁴¹. Ну а в общинах вольных казаков таких «разборов» тогда не было...

Нынешним казакам обычно очень не нравится, когда в числе их предков упоминают крестьян («мужиков»), а потому некоторые казачьи идеологи переносят в XVI–XVII вв. реалии начала XX в.: даже признавая бегство на Дон в конце XVII в. множества крестьян (а от этого факта никуда не уйти), они уверены в том, что крестьяне всё равно «казаками не становились», а у всех прочих переселенцев (боевых холопов, дворян) могли стать казаками лишь потомки – «через два-три поколения»⁶⁴².

Это чисто умозрительное заключение решительно противоречит данным исторических источников, опираясь на которые исследователи давно установили, что в конце XVII – начале XVIII вв. прием беглых (в том числе крестьян) в казаки был хоть и затруднен по сравнению с предыдущим временем (а кое-где новопришлых стали зачислять в казаки «с разбором» уже в середине XVII столетия), но происходил он не «через два-три поколения», а через гораздо меньший срок – 5–7 лет⁶⁴³.

Согласно «допросам» казаков на Яике в 1719 г., «многие объявляют, что они сходцы и беглецы из разных городов и пригородов и уездов; пушкарские и солдатские, и казачьи дети, и ясашные и дворцовые крестьяне, и записные кузнецы и их дети, и посадские»⁶⁴⁴. А общий итог наплыва пришлого населения в казачьи регионы можно тоже проиллюстрировать на примере Яика:

⁶⁴⁰ Елифанов П.П. Войско //Очерки русской культуры XVII века. [М.], 1979. Ч. 1. С. 238.

⁶⁴¹ См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII – начале XVIII века. М., 1972. С. 177; Загоровский В.П. Общий очерк заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) //История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. [Воронеж], 1987. С. 16; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 419–420; Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 10; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 125; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 324–325, 327, 331–332.

⁶⁴² Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 33, 520, 530–531.

⁶⁴³ Пронштейн А.П. Войско Донское накануне Булавинского восстания //Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 315–316; Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 120; Дариенко В.Н. Община на Яике в XVII – первой четверти XVIII в. //Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 55–56; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 208–212; Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах //Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 73–74.

⁶⁴⁴ Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике. С. 14.

там в 1723 г. из 3 196 опрошенных казаков выходцами из крестьян назвались 1 922 человека (т. е. более 60 %) ⁶⁴⁵.

Жизнь казаков в непосредственной близости от враждебных и многочисленных «орд» при постоянных занятиях «воинским промыслом» была опасной даже в XVIII в. «В боях и походах», при обороне своих «городков» казаки часто несли тяжелые потери и не могли пренебрегать любой возможностью пополнить свои ряды за счет притока людей извне. О невозможности «службы великому государю» без такого пополнения казаки открыто говорили московским властям в ответ на требования выдать тех или иных беглецов ⁶⁴⁶. Так что всякий, способный держать в руках оружие, был у казаков ко двору...

Излюбленный довод сторонников «автохтонной теории» звучит так: раз люди бежали на Дон и прочие казачьи реки, значит, им было куда и к кому бежать, т. е. там уже проживало какое-то постоянное население, и это, конечно, был «казачий народ» или какие-то остатки «изначального», древнего казачества ⁶⁴⁷. Но и этот довод не выдерживает никакой критики. Ведь бежали в «Дикое Поле» не только одиночки, а история знает массу примеров самоорганизации людей на новых землях и успешной адаптации новоселов к непривычным условиям. Это и «бухтарминские каменщики» – старообрядцы, ушедшие в 1770–1780-х гг. за пределы Российского государства, в глубину Алтайских гор (в «Камень») и поселившиеся там на реке Бухтарме, принимая на протяжении всего XIX в. множество беглецов из уже прочно освоенных районов Сибири. И первые европейские колонисты на Американском континенте. И создатели «пиратских республик» в бассейне Карибского моря ⁶⁴⁸. К кому бежали они? И вообще, разве бы состоялось расселение людей по Земному шару без деятельности первопроходцев и первопоселенцев?..

Но в нашем случае русским людям как раз было, «к кому бежать»: во второй половине XV в «на Поле» уже всюду действовали казачьи ватаги. Но это были, конечно, представители не загадочного «казачьего народа», а народа, хорошо современникам и историкам известного, – изгои и беглецы из *татарских* орд. Как полагал Р.Г. Скрынников, «поначалу число русских переселенцев в “диком поле” было невелико, и они часто селились в татарских станицах, где жили беглые рабы и “черные люди”, отбившиеся от своих кочевий» ⁶⁴⁹. А.Л. Станиславский представлял процесс складывания первых

⁶⁴⁵ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества конца XIX – начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 37–39.

⁶⁴⁶ См.: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 322.

⁶⁴⁷ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 39–40; Гаджиева Л.И. Указ. соч. С. 7.

⁶⁴⁸ См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 337; Блон Ж. Флибустьерское море. М., 1985. С. 27–46.

⁶⁴⁹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 117.

казачьих общин сходным образом: «Создавались ли славянские казацкие отряды по образцу татарских, вытеснял ли славянский элемент постепенно элемент татарский в вольных степных отрядах, или, может быть, происходило и то, и другое – обо всем этом источники сообщают скупое. Впрочем, еще долго казаки достаточно безразлично относились к национальности и сословному происхождению тех, кого они принимали в свои ряды. Ногайский татарин рядом с бывшим рязанским мужиком, обедневший сын боярский под началом холопа – обычные сочетания даже для XVII в.»⁶⁵⁰.

О казачьем самосознании и особенностях казачьей культуры

Одним из самых сильных своих аргументов сторонники «автохтонного» происхождения казачества считают также «феномен казачьего самосознания». Утверждается, что казаки в массе своей всегда четко отделяли себя от русских, не считали себя русскими, «исторически никогда не связывали себя с московским народом» и т. д.⁶⁵¹.

Действительно, на Дону такие взгляды получили широкое распространение уже в конце XVIII в., на других казачьих реках – позднее, и этот факт часто преподносится как свидетельство особого, отличного от русских происхождения казаков: народная-де память не ошибается. Некоторые авторы, кроме того, заявляют, что казаки вообще никогда не связывали собственное происхождение с переселением своих предков откуда бы то ни было. «Казаки от казаков ведутся», – вот лейтмотив их заявлений по этому поводу (обычно в сопровождении ссылки на соответствующий эпизод из «Тихого Дона» М.А. Шолохова)⁶⁵².

Ну что тут скажешь... Насчет «никогда» – это просто неправда. Документы сохранили нам более ранние по времени высказывания казаков о своей родословной: у донцов – в середине XVII в. (в упоминавшейся выше «Повести об Азовском осадном сидении»), у уральцев и гребенцов – ближе к середине XVIII в. И все они выводят своих предков главным образом с русской территории и прямо называют их «беглыми людьми» и «разных мест пришельцами»⁶⁵³.

Это обстоятельство не осталось незамеченным историками. А.Л. Станиславский подчеркивает, что в XVII в. казаки «осознавали себя частью русского народа, а места своих поселений считали частью России» («Московского государства») ⁶⁵⁴. О.Ю. Куц обращает внимание на то, как остро реагировали донские казаки на «росхищенье» православного населения Руси во время татарских набегов, называя угоняемых в «бусурманское» рабство полоняни-

⁶⁵⁰ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 8.

⁶⁵¹ См.: Казачество: Мысли современников. С. 107, 302; Аджиев М. Указ. соч. С. 54; Вареник В.И. Указ. соч. С. 144–148.

⁶⁵² Вареник В.И. Указ. соч. С. 139, 148.

⁶⁵³ См.: Рознер И.Г. Янк перед бурей. М., 1966. С. 6; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. 2-е изд. СПб., 2002. С. 29.

⁶⁵⁴ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 8.

ков «отцами своими, и матерями, и сестрами единоутробными»⁶⁵⁵. При исследовании на солидной документальной базе социально-психологического облика донских казаков XVII в. он приходит к заключению, что им было присуще сознание своей принадлежности к православному миру, к Русскому государству и русскому населению⁶⁵⁶. «Будучи в массе своей выходцами из России, — пишет О.Ю. Куц, — казаки сохраняют сознание своей принадлежности к ней: донское казачье сообщество по своему мироощущению, зафиксированному как в казачьих войсковых отписках в Москву, так и в документах внутридонского характера... предстает перед нами в значительной мере как часть русского общества»⁶⁵⁷.

Н.А. Мининков, исследуя менталитет донских казаков XVII в., делает вывод, что они тогда «одинаково ощущали свою принадлежность и к России, и к Дону, и к русскому народу», что в исходивших от Войска Донского документах «никогда не проявлялось стремление противопоставить казачество русскому народу, а Дон — России», и донское казачество «ощущало себя частью общерусского единства»⁶⁵⁸.

Примечательно также, что в XVII в. на Дону бытовало выражение «русские казаки» — если возникала необходимость отделить их от казаков иноэтничных (например «хохлачей»)⁶⁵⁹, а потомки казаков-некрасовцев, покинувших российские пределы в 1708 г. после подавления Булавинского восстания и осевших в конце концов в Турции, сохранили историческую память о своем русском происхождении и вплоть до конца XIX в. считали себя русскими⁶⁶⁰.

В России же после того, как приток извне и свободный прием в казачье сословие был запрещен и оно превратилось в замкнутое привилегированное сословие, казаки стали быстро забывать о своих корнях, а свое всё более усиливавшееся и бросающееся в глаза отличие от «мужика» начали объяснять экзотическими родословными, тем более что и свое дворянство у казаков сформировалось, а ему претила сама мысль о «мужичьих» корнях. Появилось сословное чванство, которое в свою очередь перерастало в чванство этническое. Вспомним Л.Н. Толстого, его повесть «Казаки», написанную в 1863 г.: уже в середине XIX в. гребенцы смотрели на русского мужика как на «какое-то чуждое, дикое и презренное существо»⁶⁶¹. Даже в Сибири, где казачьи войска, как хорошо известно, формировались по постановлению правительства с массовым переводом в них именно крестьян, в конце XIX в. казаки тоже смотрели на «мужиков» свысока, всячески дистанцировались от «русских», а браки с «мужиками» или «мужичками» вообще

⁶⁵⁵ Куц О.Ю. Азовское осадное сиденье 1641 года. М., 2016. С. 6.

⁶⁵⁶ Он же. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 402, 404.

⁶⁵⁷ Там же. С. 408.

⁶⁵⁸ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 435.

⁶⁵⁹ См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1. С. 102.

⁶⁶⁰ Сень Д.В. Причины иммиграции некрасовских казаков из Турции в Россию в начале XX в. // Проблемы истории Северного Кавказа. Сб. научных статей. Краснодар, 2000. С. 109–110.

⁶⁶¹ Толстой Л.Н. Казаки. Повести и рассказы. М., 1981. С. 158.

были в казачьей среде неслыханным событием⁶⁶². В дальнейшем утверждения о происхождении казаков от беглых людей стали в казачьей среде порой восприниматься уже как прямое оскорбление, ибо трактовались как попытка вывести казачество из «московских отбросов»⁶⁶³.

Формированию подобных взглядов во многом способствовало элементарное невежество их носителей. В 1928 г. бывший есаул Донского Войска, бывший мировой судья и член Донского войскового круга И.П. Карташев, отметив, что «у казачества воспитывались ненормальные отношения с неказачьим населением, к которому казачество относилось с чрезвычайным презрением», дал этому такое объяснение: «Казаки в прошлом ни в школах, ни на военной службе не изучали своей донской истории»⁶⁶⁴.

Показательно в этой связи высказывание донского казака П.Н. Кудинова, возглавлявшего во время Гражданской войны антибольшевистское восстание на Верхнем Дону: «Я далеко не историк, материалов древности не имею, но решительно не согласен с объяснением историков о происхождении донских казаков». Версию происхождения казачества «от беглых русских рабов» он называет «ложью» и обосновывает свое несогласие с ней крайне просто: «Стоило только внимательно прислушаться к народным песням, мотивам, к рассказам преданий, которые совершенно чужды для крестьянина, живущего на Дону с давних времен, сие есть неоспоримое доказательство возникновения казачества с отдаленных времен, как особой народности...»⁶⁶⁵. Мысль о том, что как казаки, так и крестьяне конца XIX — начала XX вв. могли сильно отличаться от казаков и крестьян XVI–XVII вв., П.Н. Кудинова, похоже, никогда не посещала...

Общее впечатление от столь безрадостной картины, конечно, сглаживают отдельные представители казачьей интеллигенции первой четверти XX в., которые неплохо знали свою историю и пытались донести до «широких масс» казачества научно обоснованные взгляды на его происхождение и этническую принадлежность. В частности, бывший председатель Терского войскового правительства Е.А. Букановский писал: «Исторические причины возникновения казачества на Дону, Тереке, Яике, Кубани и в других краях и идеи, которыми жило казачество, неоспоримо подчеркивают, что оно явилось самобытным продуктом русского народа и русской жизни <...> Казачество никогда не отделяло себя от русского народа и даже в эпоху вольной независимой жизни своей, за пределами Московского царства, оно считало себя связанным с ним неразрывными узами»⁶⁶⁶.

В том же духе высказывался в 1928 г. и бывший член Государственной Думы донской казак И.Н. Ефремов: «Будучи фактически независимым, са-

⁶⁶² См.: История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 2. С. 137; Русские в Евразии XVII–XIX. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М., 2008. С. 455; Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 147.

⁶⁶³ См.: Казачество: Мысли современников. С. 187, 199.

⁶⁶⁴ Там же. С. 185–186.

⁶⁶⁵ Там же. С. 205–206.

⁶⁶⁶ Там же. С. 101–102.

мостоятельно сносясь с иностранными государствами, борясь против своеволия воевод и угнетения крестьян служилым сословием, донские казаки в целом считали себя, и были в действительности, передовым отрядом русского народа, раздвигавшим пределы русского государства»⁶⁶⁷.

Был солидарен с этим мнением и казачий полковник (Терского Войска) Н.Ф. Рошупкин: «Каково бы ни было начальное происхождение казачества – от скифов или сарматов, или, быть может, еще более древних народов – это обстоятельство не может поколебать ясного сознания казака, что он русский человек. К тому же эта далекая родословная казачества не имеет никакой твердой исторической достоверности и не пользуется всеобщим признанием в науке. Одно несомненно и бесспорно – это то, что казачество и по своему происхождению, и по духу, и по существу является плоть от плоти и кость от кости русского народа»⁶⁶⁸.

В своем влиянии на «казачью массу» такие люди порой достигали успехов, и, видимо, этим (а может, и политической конъюнктурой) следует объяснить тот факт, что в резолюции I Всероссийского съезда трудовых казаков (20 февраля – 6 марта 1920 г.) было записано: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа»⁶⁶⁹. Однако большинство казаков тогда жило уже совсем с другими, мифическими представлениями о своей родословной, следствием чего явились «независимые государства» на Дону и Кубани в годы Гражданской войны, «казакийское» движение в последующей за ней эмиграции, ставившее главной целью своей деятельности создание на юге и юго-востоке России «независимой Казакии», и сотрудничество многих «казакийцев» с гитлеровской Германией в годы Второй мировой войны⁶⁷⁰...

Об их последователях и единомышленниках, выступающих уже от лица *современного* казачества, весьма резко высказался писатель (и кубанский казак) П.И. Ткаченко. «Нежелание всерьез заниматься культурой, то есть духом человеческого, со стороны лидеров казачьего движения и в казачьих обществах действительно принимает какой-то даже вызывающий характер, – возмущается он. – И естественно, что при таком положении сознание и душу, которые мы обязаны в первую очередь оберегать, как зеницу ока, занимают другие силы, от откровенно лукавых до маргинальных»⁶⁷¹.

Силы эти подверг беспощадной критике и Сергей Антонов. Будучи сам донским казаком, он объясняет нынешнюю популярность «казакийской» («самостийной») идеологии прежде всего невежеством и гордыней тех своих земляков, которые приняли «ложно понятую чисто сословную спесь за национальное чувство».

⁶⁶⁷ Там же. С. 172.

⁶⁶⁸ Там же. С. 252–253.

⁶⁶⁹ Цит. по: Бугай Н.Ф. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины II до начала XXI века. М., 2007. С. 253.

⁶⁷⁰ См.: Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 3–18.

⁶⁷¹ Ткаченко П.И. Русские люди казаками хотят быть! // Казачество в истории России. Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. М., 2007. С. 234.

«Нынешнее господство в умах антинаучной бредятины, почерпнутой из книжонок всяких там гордеевых (т.И) и савельевых, и происходящее от него неоказакийское “казакобесие”» С. Антонов напрямую связывает с «погублением казачьей интеллигенции». И особенно достается от него тем, кто пытается подкрепить свои рассуждения о казачестве как «самостоятельном этносе» известной цитатой из романа М.А. Шолохова. По словам С. Антонова, они не видят «ничего дальше утверждения малограмотных станичников о том, что “казаки от казаков ведутся”». Понимают ли эти люди, – возмущается Антонов, – что они, спустя сто лет, сами остаются на всё том же еще “методологическом” уровне сельской ЦПШ, и при этом продолжают носиться с проходной, в общем-то цитатой, сделав из нее лозунг. Но если, к примеру, иные атаманы эксплуатируют эту тему по вполне понятным мотивам, то бескорыстные усилия рядовых автономистов-общественников с трудом поддается объяснению. Вот “ведутся”, и всё тут! А далеко ли ведутся-то? Ведь кто всё это утверждает? Да тот, кто далее прадеда ничего о своей родне не знает».

По мнению С. Антонова, даже донские дворяне «зачастую сами не знали своих корней глубже, чем с конца XVIII в.», и уж тем более несостоятельны в спорах о происхождении казачества апелляции к «мнению народа», «который, якобы, знает некую сермяжную правду о самом себе, да и вообще всегда прав “по определению”». А в качестве примера того, как народ бывает «прав», Антоновым приводится хорошо известное заблуждение крестьян Центральной России, в конце XIX в. еще помнящих о войне с Наполеоном и потому уверенно называющих тысячелетние курганы, разбросанные в окрестностях их сел, «французскими могилами»...⁶⁷²

Среди нынешних казаков вообще немало образованных, здравомыслящих людей, которые не разделяют взглядов на казачество как противоположный русским, «особый этнос». Вот, например, какое определение дал казачеству в 2007 г. Верховный атаман Общественной организации «Союз казаков России» А.Г. Мартынов: «Казачество – часть русского народа, исторически сложившаяся общность людей, объединенных православной верой, имевшая самобытные традиции, определенные территории проживания, культуру, хозяйственный уклад, особенности военной службы»⁶⁷³. Столь же однозначна позиция преемника А.Г. Мартынова на этом посту П.Ф. Задорожного: «Каково бы ни было происхождение слова “казак”, в конечном итоге носителем его стал русский человек со своим языком, обычаями и культурой... Казачество – составная часть русского народа, поэтому его история должна рассматриваться в неразрывной связи с историей России»⁶⁷⁴.

«Казачество в действительности есть лишь часть русского народа, отличающаяся от него структурированностью и наличием общих, более или менее единых самосознания, идеологии, сформированными установками патриотизма, этнокультурных особенностей, некоторых этнопсихологиче-

⁶⁷² Антонов С. Казакобесие, или О том, откуда и на что казаки «ведутся»: URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=105588> (26.12.2008 г.).

⁶⁷³ Мартынов А.Г. «Мы находимся на позиции государственников и патриотов» //Казачество в истории России. Мат-лы Всеросс. научно-практ. конф. М., 2007. С. 122.

⁶⁷⁴ Задорожный П.Ф. Предисловие //Союз казаков России. 1990–2010. М., 2010. С. 3.

ских поведенческих моделей», – пишет доктор исторических наук, кубанский казак Н.Ф. Бугай⁶⁷⁵.

Но, к сожалению, в современном казачьем движении «делают погоду» не такие его представители, а те, кто вопрошает на страницах своих изданий: «Зачем нас тянут в “русские”?»⁶⁷⁶.

Утрата исторической памяти и искажение этнического самосознания – довольно распространенное явление в нашей жизни как на индивидуальном уровне, так и на групповом и даже массовом (например, «горные» таджики, отличающиеся от «равнинных» светлым цветом волос и глаз, считают себя потомками воинов Александра Македонского, а румыны вопреки очевидным фактам объявляют себя прямыми потомками римлян), но с реалиями такие мифические родословные стыкуются плохо. Самосознание, конечно, очень важный компонент этнической принадлежности, но далеко не единственный, ибо этнос – это всё же не только субъективное понятие, как вытекает из современного российского законодательства («в какую нацию захочу, в такую и запишусь»), но и объективная реальность. Именно поэтому карпатские русины, сибирские татары, кряшены, нагайбаки, хотя давно заявляют о себе как об отдельных, самостоятельных этносах, но не находят в этом поддержку как научного сообщества, несмотря на всё свое этническое самосознание...

Некоторые идеологи казачьего возрождения, стремясь доказать нерусское («не от московских людей») происхождение своих предков (и, стало быть, существование особого «казачьего этноса»), как и вышеупомянутый эмигрант П.Н. Кудинов, любят, кроме самосознания, подчеркивать и особенности казачьей культуры: не такие, как в «великорусских губерниях», типы жилищ и хозяйственных построек, различия с «кондовой Россией» в похоронных обрядах, музыкальном творчестве, говорах и т. п. К таким противопоставлениям нередко присовокупляются уничижительные оценки культурных особенностей «Московщины» («облик веселых, ярких станиц резко отличался от мрачных сел крестьянской России...»; «примитивность московского судостроения...»; «в Московии же... пение довольно унылое и однообразное...» и т.д.)⁶⁷⁷, что не только показывает идейную подоплеку подобных изысканий, но и свидетельствует об абсолютной некомпетентности их авторов в такой научной дисциплине, как этнография (этнология). Согласно ей, специфические элементы культуры казаков вполне соответствуют научным представлениям об этнографических (историко-культурных) группах (или субэтносах), которые имеют практически все более-менее крупные народы, не исключая и русский.

Видный дореволюционный историк М.К. Любавский сделал такой вывод из своих наблюдений над терскими казаками: «Русская стихия в приро-

⁶⁷⁵ Бугай Н.Ф. Казаки юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). Исторический экскурс. М., 2015. С. 8.

⁶⁷⁶ Казачий путь. Сб. статей и документов. Ростов н/Д, 2001, С. 14.

⁶⁷⁷ Вареник В.И. Указ. соч. С. 120, 134, 136.

де казака и в укладе его жизни осталась преобладающей, и терские казаки, оторванные от Руси, на далекой окраине остались русскими людьми, которые сберегли свой язык, свои национальные традиции, свою веру...»⁶⁷⁸. А ведь на Кавказе, отмечал М.К. Любавский, казаки приняли в свою среду немало «туземного элемента» из числа горских народов и подверглись сильному воздействию «туземной культуры». Добавлю: гораздо более сильному, чем казаки донские, более других ныне ратующие за статус «отдельного народа», и это при том, что «культурная модель донских казаков», как подчеркивает современный этнолог М.А. Рыблова, перед исследователями «предстает как часть общерусской традиции»⁶⁷⁹.

Митрополит Евлогий в 1928 г., размышляя в эмиграции об исторических судьбах казачества, склонялся к мнению, что «русский национальный тип в казаках сохранился чище и выражен ярче, чем в других частях русского народа». При этом, правда, он сделал оговорку: «Я разумею казаков европейской России; сибирских казаков я почти не знаю и не берусь о них судить»⁶⁸⁰. Но и в Сибири, как пишут современные исследователи А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова, «несмотря на антропологическую специфику, бытовые и даже языковые заимствования, казаки оставались в рамках русской народной культуры...»⁶⁸¹.

«Казачья культура подчиняется всем общенациональным характеристикам развития русской национальной культуры», – считает член-корреспондент РАН А.С. Каргин. Он убежден, что «если следовать логике некоторых специалистов, любыми путями отделяющих казачью культуру от общерусской, то мы получим примат частного над всеобщим. Казачья культура – это многоцветье казачьих культур, представляющих уральскую, донскую, кубанскую, сибирскую, дальневосточную особенности. Каждая из них встраивается еще и в региональную традицию – южнорусскую, сибирскую, уральскую, волжскую и т. д.»⁶⁸².

И именно это многообразие является одной из причин, не позволяющих ученым считать казачество не только «отдельным этносом», но и «единым субэтносом»: слишком велики различия в материальной и духовной культуре у казаков различных «войск» и «рек». Казачество представляет собой *совокупность* субэтносов, различия между которыми определялись региональными и хронологическими особенностями их формирования. «Казаки не представляют собой в этническом отношении нечто целостное. Этническую характеристику можно дать только каждой отдельной региональной группе казаков», – пишет И.А. Аверин⁶⁸³.

⁶⁷⁸ Любавский М.К. Указ. соч. С. 409.

⁶⁷⁹ Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. СПб., 2009. С. 24.

⁶⁸⁰ Казачество: Мысли современников. С. 27.

⁶⁸¹ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С. 155.

⁶⁸² Каргин А.С. Традиционная культура казачества. Теоретико-методологические аспекты ее сохранения и реконструкции // Казачество в истории России. Мат-лы Всесоюзной научно-практической конф. М., 2007. С. 132, 133.

⁶⁸³ Аверин И. Казачество – служилое сословие // Станица. Общеказачья газета. 1996. № 2. С. 10.

«Как в пределах одной культуры могут сосуществовать разные этносы, так и в одном этносе могут присутствовать носители разных материальных культур», – справедливо замечает Я.А. Бутаков⁶⁸⁴. К настоящему времени трудами этнологов убедительно доказано, что у казачьего населения всех «рек» и «войск» *общего* в языке и духовной культуре с русским населением других регионов страны гораздо больше, чем различий, и в этом отношении казахи субэтносы принципиально не отличаются от других субэтносов русского народа – поморов, однодворцев, бухтарминцев, полехов и др.⁶⁸⁵. Различия между ними, по словам В.В. Трепавлова, «являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного социально-культурного комплекса»⁶⁸⁶. Исключения в этом плане составляли лишь «переписанные» в казачье сословие крупные инородческие группировки – калмыков, бурят, татар, осетин и др. Если они не растворялись в русской казачьей среде, то образовывали этнографические группы – субэтносы – внутри *своих* народов.

В своем желании отгородиться от русского мужика, доказать отсутствие кровных связей с ним казачьи идеологи порой используют просто смехотворные аргументы. Подчеркивается, например, что казаки («как хорошо известно»), в отличие от русских мужиков, «никогда не употребляли лаптей» и не запирали свои дома на замки⁶⁸⁷. Но занявшись «лаптеведением», вынуждены будем огорчить казачьих идеологов: носили казаки лапти, носили, и в то же время на Севере жители некоторых «чисто русских» регионов лаптей практически не знали. И вот это действительно хорошо известно... Нельзя сказать, что лапти для казаков были распространенной обувью, но тем не менее на Дону «верховые» казаки ее «употребляли» – как женщины (во время сельхозработ), так и мужчины. Лапти в числе других видов повседневной самодельной обуви донских казаков упоминает, например, казачий писатель В.Е. Шамбаров⁶⁸⁸. О том же ясно свидетельствуют дошедшие до нас и неоднократно публиковавшиеся даже в самое последнее время гравюры конца XVIII – середины XIX вв.⁶⁸⁹. И запечатленное на них не было какой-то случайностью. Как подчеркивают современные исследователи, «казаки верхнедонских станиц одевались весьма непритязательно, практически одинаково с жителями южных русских губерний»⁶⁹⁰. (Примечательно, что на Дону «низовые» казаки, называя «верховых» казаков «чигами», поддразнивали их поговоркой: «Чига лыко драла, чига лапти

⁶⁸⁴ Бутаков Я.А. Тайны древних миграций. М., 2012. С. 89.

⁶⁸⁵ См.: Народы Европейской части СССР. Т. 1. М., 1964. С. 143–147; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. 2-е изд. М., 1985. С. 31; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 83–85; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 59–61.

⁶⁸⁶ Русские в Евразии XVII–XIX веков. С. 464.

⁶⁸⁷ Вареник В.И. Указ. соч. С. 110–111; Казаков С.В. Указ. соч. С. 220.

⁶⁸⁸ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 173.

⁶⁸⁹ См., например: Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. [С. 193]; Родина. 2004. № 5. С. 70, 123.

⁶⁹⁰ Казачий Дон: Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 2. С. 37.

плела».)⁶⁹¹ А у уральских казаков и в XIX, и местами даже в середине XX в., согласно исследованиям С.К. Сагнаевой, лапти являлись непременным атрибутом «смертной» одежды⁶⁹², и если учесть, что в погребальной обрядности всегда господствует архаика, вывод получится однозначным: в более ранние времена лапти в казачьем быту вовсе не были большой редкостью.

Поборники «автохтонной теории» категорически отрицают саму возможность ношения казаками лаптей, исходя из того, что «в лаптях совершенно невозможно ездить на боевом коне, “держат шенкель” и на лету ловить стремя. Для этого годится только обувь с узким носком...»⁶⁹³. Здесь мы опять имеем дело с весьма отдаленными представлениями одной из спорящих сторон о «предмете дискуссии». Во-первых, лапти на Руси изготавливали не только с «закругленной», но и с «трапецивидной», т. е. узкой, головкой (последние, в частности, бытовали на Рязанщине и Тамбовщине, территориально близких к казачьему Дону)⁶⁹⁴. А во-вторых (и об этом уже шла речь выше), «первые казаки» часто вообще обходились без коней, предпочитая им лодки или лыжи. «Войско в начале своей истории было пешим», – пишут авторы коллективной монографии «Казачий Дон: Очерки истории» (которую только что цитируемый поборник «автохтонной теории» В.И. Вареник называет «замечательным двухтомником»)⁶⁹⁵. Но вопрос этот, видимо, требует большей ясности, и ближе к истине всё же точка зрения И.О. Тюменцева. Он полагает, что ранние казачьи общины были представлены двумя типами: одни были «конными» и состояли в основном из татар, другие – «пешими», объединявшими, главным образом, оседлых жителей (в том числе из среды тех же татар), и перемещались по рекам на лодках⁶⁹⁶. Последним, надо полагать, на первых порах и отдавали предпочтение выходцы из русских земель...

Что же касается дверных замков, то приходится напомнить еще один «хорошо известный» факт: их и русская «нечерноземная» деревня (особенно на Севере) обычно не знала до XX века, а кое-где и до самого последнего времени – пока не вступила в «плотный контакт» с «цивилизацией» в лице пришедшего, как правило городского, населения (туристов, строителей, солдат)⁶⁹⁷.

Феномен Мурада Аджи и культурологические подходы И.Г. Яковенко

Не менее «сильный», чем лапти и замки, довод в пользу своей (половецкой) «теории» происхождения казачества выдвинул уже неоднократно упоминавшийся М. Аджи(ев). Тот факт, что казаки обычно хорошо знали язык

⁶⁹¹ Казачий словарь-справочник. Калифорния, 1969. Т. 3. С. 294.

⁶⁹² Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества конца XIX – начала XX века (развитие этнических традиций) // Российский этнограф. М., 1993. [Вып. 11]. С. 180, 191.

⁶⁹³ Вареник В.И. Указ. соч. С. 110.

⁶⁹⁴ См.: Этнография восточных славян. С. 284.

⁶⁹⁵ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 140; Вареник В.И. Указ. соч. С. 42.

⁶⁹⁶ Тюменцев И.О. Казаки – не из крестьян. С. 3.

⁶⁹⁷ См.: Пятунин Е. Военно-полевой провал // Независимая газета. Приложение «НГ-регионы». 1998. № 5. С. 14.

своих нерусских соседей (а это были в основном тюркоязычные народы – татары, ногайцы, казахи) и часто общались на нем в быту, преподнося Аджиеву как бесспорное свидетельство нерусского происхождения казачества⁶⁹⁸. «Убийственная» логика, ничего не скажешь. Если так рассуждать, то старожильческое русское население Якутии следует признать произошедшим от якутов, поскольку оно в XVIII–XIX вв. широко пользовалось при общении якутским языком (аналогичным, по мнению наблюдателей, было тогда употребление французского в российских столицах)⁶⁹⁹. Ну а терских казаков, по той же логике, надо исключить из схемы «казачьего этногенеза», предложенной Аджиеву, ибо они знали языки горских народов Кавказа, не относящиеся к числу тюркских.

Причины широкого распространения и частого употребления в казачьей среде языка иноязычных соседей элементарны и порой доходчиво разъяснялись самими казаками. Так, в конце XIX в. известный исследователь и офицер сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаев на вопрос, зачем его подчиненные говорят «по-киргизски» (т. е. по-казахски), получил такой ответ: «По-киргизски... нельзя нам не говорить, потому с киргизским языком можно всю степь изойти, а киргиза когда дождешься как начнет он по-русски говорить, худо учиться, русский язык не киргизский – мудреный язык, ему скоро не выучишься...»⁷⁰⁰.

Помимо лингвистики, поборники автохтонных теорий происхождения казачества пытаются использовать и антропологию – с той же, естественно, степенью глубины проникновения в предмет.

Пример тщетных попыток заставить антропологию работать на одну из таких теорий мы находим у того же М. Аджиева, и примечательно они тем, что разрушают собственные построения автора. «Настоящего казака не спутаешь ни с кем, – пишет Аджиев, – голубоглазые, светловолосые, коренастые, таковых большинство», а как раз такими, по его твердому убеждению, и были половцы⁷⁰¹. Однако в работах специалистов по археологии и истории Южной Руси X–XIII вв. о внешнем облике половцев содержатся совсем другие сведения. Как считает крупнейший авторитет в области изучения кочевников южнорусских степей С.А. Плетнёва, половцы являлись монголоидами (пусть и не такими «классическими», как собственно монголы или буряты) – в этом ее убеждают результаты исследования половецких захоронений – и, следовательно, в большинстве своем, были темноволосыми и кареглазыми⁷⁰².

Среди половцев, возможно, попадались и светловолосые индивиды (подобно тому, как черноволосыми бывают даже финны), и ими могли быть не только те, кто (как полагают некоторые исследователи) рождался от русских полонянок. В облике половцев, как и предшествовавших им пече-

⁶⁹⁸ Аджиев М. Указ. соч. С.51.

⁶⁹⁹ См.: Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 215, 245.

⁷⁰⁰ Цит. по: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С. 154.

⁷⁰¹ Аджиев М. Указ. соч. С. 7.

⁷⁰² Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С. 35–36.

негов, порой проявлялись результаты смешивания их предков с остатками дотюркского (скифо-сарматского) населения степи, и такие европеоидные «вкрапления» даже позднее были характерны для кочевого мира Евразии (например, русоволосые казахи встречались еще в середине XIX в.)⁷⁰³.

Добавим к этому, что в Венгрии потомки половцев, переселившихся туда в середине XIII в., спасаясь от монголов, до сих пор отличаются от венгров именно своим монголоидным видом, а скульптурный портрет Андрея Боголюбского, выполненный по его черепу знаменитым скульптором-антропологом М.М. Герасимовым и помещенный почти во все школьные учебники по истории, ясно демонстрирует в облике князя монголоидные черты, что и не удивительно, ведь его мать была половчанкой.

Несостоятельны поэтому и попытки связать происхождение этнонима «половцы» с природным цветом их волос. По-русски «половый» означает, действительно, «желтый» (от «полова», т. е. солома), и хотя нельзя исключать наличие у половцев моды красить волосы в соответствующий цвет, наиболее убедительное объяснение такому их наименованию было дано той же С.А. Плетнёвой. По ее мнению, русские просто «калькировали» на свой язык самоназвание части кипчакских орд (называвших себя «сары», «шары», т. е. «желтые»), ведь «цветовые» обозначение политических объединений были широко распространены у кочевников («черные болгары», «синие монголы», «Золотая», «Белая», «Синяя» орды)⁷⁰⁴.

Впрочем, в научной литературе высказаны весьма авторитетные мнения, отвергающие связь каких-либо цветовых гамм с половцами. Этот этноним, как считает, например, известный украинский историк и археолог П.П. Толочко, произведен от слова «поле» (т. е. степь) и является трансформацией зафиксированного в летописях понятия «онополовец», т. е. житель «оной» или «той» – противоположной от Киева, стороны Днепра, пересекающего степь пополам – «на полы»...⁷⁰⁵.

Отрицательные отклики на сочинения М. Аджи(ева) появляются как в периодике, так и в капитальных научных трудах⁷⁰⁶. Но, пожалуй, наиболее резкую отповедь ему дал в «Независимой газете» (чаще других публиковавшей в 1990-е гг. опусы Аджиева) журналист Валерий Каджая, который, в отличие от большинства своих коллег, был критически настроен к любому мифотворчеству. Каджая назвал сочинительство М. Аджи(ева) «образчиком самой бессовестной фальсификации, замешанной на дремучем невежестве и еще какой-то патологической русофобии». «В его статьях, о чем я заявляю

⁷⁰³ См.: Бутаков А.А. Тайны древних миграций. М., 2012. С. 50; Марков В.И. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. СПб., 2016. С. 57–58, 61.

⁷⁰⁴ Там же. С. 35–36, 40.

⁷⁰⁵ Подробнее см.: Перхавко В.Б., Сухарев Ю.В. Воители Руси IX–XIII вв. М., 2006. С. 356–357.

⁷⁰⁶ См., например: Никитин Н. Казачья родословная (Об этнической природе российского казачества) // Литературная Россия. 1993. № 22. С. 15; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 534–539; Олейников Д. Книга – польнь // Володихин Д., Елисеєва О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998; Багдасарян В.Э. Параистория как признак общественной трансформации // Преподавание истории в школе. 2006. № 9. С. 8; Юрченко И.Ю. Казаки – тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюрксистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи) // Историческая и социообразовательная мысль. 2011. № 5. С. 65–69.

с полной ответственностью, вплоть до судебной, что ни абзац – то или вопиющая ложь, или вопиющая безграмотность», – пишет Каджая и заявляет: статьи Аджи(ева) «не просто лживы и безграмотны. Они безумны! И в этом их самая большая опасность. Потому что давно замечено, что один сумасшедший может убедить в чем угодно тысячи нормальных людей, но история еще не знает примера, чтобы тысячи, даже сотни тысяч нормальных людей хоть в чем-нибудь убедили одного сумасшедшего...»⁷⁰⁷.

Слова В.Г. Каджая оказались пророческими. М. Аджи(ев), судя по его последующим публикациям⁷⁰⁸, не изменил ни своих взглядов, ни методов «работы», но тем не менее приобрел немало сторонников и последователей – и за рубежом (например в Казахстане)⁷⁰⁹, и в Российской Федерации. Так, в книге Гали Еникеева и Шихаба Китабчы «Наследие татар», выпущенной издательством «Алгоритм», М. Аджи – один из самых уважаемых и цитируемых авторов⁷¹⁰. Его версию происхождения казачества напрямую воспроизвела в одной из своих статей С. Кусова – президент Ассоциации этнопроблематики при Союзе журналистов России⁷¹¹. А реакция М. Аджи(ева) и его единомышленников на критические замечания настолько неадекватна, что даже если исключить из нее прямые оскорбления в адрес оппонентов, она будет подобна «диалогу слепого с глухим»⁷¹².

Писатель Б.А. Алмазов вслед за М. Аджи(евым) (и также голословно) называет половцев (как и большинство тюрок вообще) светловолосым и голубоглазым народом и, видимо, вдохновленный «антропологическим методом» Аджи(ева), помещает на страницы своей книги скульптурные портреты половцев, реконструированные по черепам, рядом с фотографиями казаков, демонстрируя таким образом их сходство⁷¹³. Однако с таким же успехом сходство с ископаемыми половцами Алмазов мог бы обнаружить и в облике многих русских людей, казаками не являющихся, тем более что сам он считает современного русского человека «в равной степени» и славянином, и половцем (правда, в другом месте его книги доля «половецкой крови» у русских снижена до четверти)⁷¹⁴.

Относительно долей «неславянской крови» у представителей русской нации можно, конечно, долго и малопродуктивно спорить, ведь «этнически чистых» народов на территории современной Евразии нет и, учитывая ее бурную историю, сопровождавшуюся массовыми миграциями, быть не может в принципе. Русские и здесь не составляют исключения, и хотя в разных районах их расселения характер и степень метисации бывали разными,

⁷⁰⁷ Каджая В. Еще раз о национальных мародерах //Независимая газета. 09.08.97.

⁷⁰⁸ См., например: Литературная Россия. 2004. № 50; 2005 №№ 1, 7, 12.

⁷⁰⁹ См.: Национальная политика России: история и современность. С. 539.

⁷¹⁰ Еникеев Г.Р., Шихаб Китабчы. Наследие татар. М., 2012. С. 95, 112, 120, 122, 161, 164–165, 167, 189, 191, 199–200 и др.

⁷¹¹ Кусова С. Старые грабли новой России //Независимая газета. 04.09.2002.

⁷¹² См.:URL: http://www.adji.ru>interview_06-012.html.

⁷¹³ Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 76–77, 80–81.

⁷¹⁴ Там же. С. 43, 82.

ее нельзя представлять упрощенно (в одних районах славяне смешивались только с угро-финнами, в других – с балтами, в третьих – с тюрками и т. д.), поскольку за тысячелетнюю историю государства Российского внутри его происходило постоянное перемешивание населения, причем не только славянского. (Известно, например, что тюркское племя берендеев было расселено в XII в. как по юго-восточной границе русских земель, так и во Владимиро-Суздальской земле⁷¹⁵.)

Умозаключения дилетантов о происхождении казачества находят поддержку не только в около- и псевдонаучных сочинениях, но и в работах, казалось бы, серьезных ученых. Сторонником М. Аджи(ева) выступил, например, известный культуролог И.Г. Яковенко, посчитавший, что «при спорности отдельных положений» Аджиева (интересно – каких?) «собранный им материал убедителен»⁷¹⁶. «Мое убеждение состоит в том, – пишет Яковенко, – что казачество возникло в результате половецко-русского смешения при явном доминировании половецкого субстрата. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть в лица на фотографиях XIX века. Форма черепа, телесная конституция – всё это (так же как и особенности бытовой культуры и песни) разительно отличается от славянской типологии и выдаёт в казаках природных степняков»⁷¹⁷.

Этой аргументацией система собственных доказательств у И.Г. Яковенко, по сути дела, и ограничивается, свидетельствуя, прежде всего, о неважном знании им как русской «типологии» вообще (весьма, как известно, далекой от единообразия), так и казачьей в частности (видно, немного ему попало на глаза «фотографий XIX века»). Антропология при строго научном, беспристрастном подходе к ее использованию дает основание для совсем других выводов, свидетельствуя, в частности, что даже уральское казачество, столетиями плотно контактировавшее с тюрко-монголо-ираноязычными народами, многие представители которых непосредственно вливались в его состав, по своему антропологическому типу в большинстве своем не отличались от остальных русских. Оказалось, что хотя Яицкое (Уральское) казачье войско всегда считалось «многонациональным», согласно переписи 1723 г., нерусскими было лишь около 6 % казаков, а в середине XIX в. «полиэтничность» уральцев выглядела так: башкиры и мишари среди казаков составляли 7 %, татары – 5 %, калмыки – 1,2 %, каракалпаки и казахи – 0,8 %⁷¹⁸. Как заметил А.И. Изюмов, «главная масса уральцев по происхо-

⁷¹⁵ Плетнева С.А. Указ. соч. С. 74; Марков В.И. Тюркский след в истории Украины. С. 78.

⁷¹⁶ Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество //Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 106.

⁷¹⁷ Яковенко И.. Подвижен, отчаян и храбр... //Родина. 1995. № 10. С. 69–70.

⁷¹⁸ См.: Кортунов А.И. Особенности формирования полиэтничной казачьей общины на Южном Урале в XVI–XIX веках //Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 90; Бекмаханова Н.Я. Население Уральского казачьего войска в первой половине XIX века //Проблемы исторической демографии СССР. Сб. статей. Таллин, 1977. С. 121.

ждению... была чисто русской, мало смешанной с татарами и башкирами, калмыками и казаками»⁷¹⁹.

Аналогичную картину дает и изучение казачества Сибири. В его формировании, как хорошо известно, также участвовали представители нерусского (как коренного, так и пришлого) населения, а на раннем этапе колонизации края в казачьей среде были распространены этнически смешанные браки⁷²⁰. Тем не менее, по словам А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой, «антропологический тип казака-старожила» хотя и «имел своеобразные черты, однако неславянский элемент в казачестве не был значительным, если не считать особых казачьих формирований из инородцев, главным образом, из бурят»⁷²¹. «В основе своей сибирские казаки сохранили русский национальный тип», – подчеркивает известный исследователь сибирского казачества XVIII–XIX вв. А.Р. Ивонин⁷²².

И относительно донского казачества исследования антропологов (в нашем случае доктора биологических наук В.Ф. Кашибадзе и кандидата биологических наук Е.Ф. Батиевой) дали вполне ожидаемый и однозначный результат, а именно: заключение о том, что в основе «физического статуса» донских казаков «лежат морфологические характеристики, общие с населением юго-восточных зон Центральной России, что указывает на направления генетических связей. Антропологическая история донских казаков, – отмечают эти исследователи, – подразумевает процессы миграции из указанного ареала, смешения между разными исходными группами русских и *незначительное* включение южных и восточных элементов в возрастающей к югу пропорции»⁷²³. А главный вывод исследования, проведенного В.Ф. Кашибадзе совместно с О.Г. Насоновой, еще более конкретен: морфологически и генетически ближайшей к донским казакам группой населения являются русские Рязанской области⁷²⁴.

Попытки объяснить эту ситуацию тем, что в «советские годы» происходило сильное смешение на Дону казачьего и неказачьего населения, тоже не выдерживают критики. Донское казачество стало объектом изучения антропологов еще столетие назад, и результаты этой работы позволили В.В. Бунаку «отнести донских казаков к одному, преобладающему на русской равнине антропологическому типу, характеризующемуся в общем теми же отличиями». Исследователь отметил, что даже «украинский тип... оказывается более далеким от донского казачества». По наблюдениям

⁷¹⁹ Изюмов А.И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 130.

⁷²⁰ См.: Никитин Н.И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 85–87, 128–129, 145–146.

⁷²¹ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С. 155.

⁷²² Ивонин А.Р. Казаки на сибирском фронтире в XVIII–XIX вв. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 49.

⁷²³ Кашибадзе В.Ф., Батиева Е.Ф. К проблеме генезиса донских казаков (данные антропологии) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы всерос. научн. конф. Ростов н/Д, 2010, С. 6. Выделено нами. – Н.Н.

⁷²⁴ Кашибадзе В.Ф., Насонова О.Г. Антропология донских казаков: опыт интеграции данных науки и литературы // Труды Южного научного центра РАН. Ростов н/Д, 2009. Т. 5. Социальные и гуманитарные науки. С. 167–177.

В.В. Бунака, среди донцов «незаметно также сколько-нибудь значительных следов примеси иноплеменной крови; они выступают лишь в отдельных пунктах и сравнительно в слабом количестве»⁷²⁵.

И.Г. Яковенко, видимо, не в курсе подобных изысканий и считает свои познания в казачьей антропологии достаточными, чтобы «отбросить казенную версию, согласно которой казачество создали выходцы из русских княжеств, бежавшие в Степь и осваивавшие Дикое поле, – идеологическая заданность этой конструкции слишком очевидна», – заявляет он⁷²⁶.

Про «идеологическую заданность» у Яковенко получилось, конечно, особенно «удачно». В виду, надо полагать, имелись труды С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и других историков той поры, когда о «казачьем сепаратизме» не было слышно. Зато собственную концепцию И.Г. Яковенко, видимо, посчитал образцом идеологической непредвзятости, хотя она и была сформулирована в то время, когда всяческий сепаратизм в России расцветал пышным цветом...

Псевдонаучные теории в научных трудах как примета нашего времени

Жирную точку в затянувшемся споре об этнических корнях казачества могла бы поставить ДНК-генеалогия. Проведенные по ее методике выборочные исследования не выявили сколько-нибудь существенных различий между казачьим населением и жителями центральных областей России, и это дает ученым основание утверждать, что «казаки генетически не являются уникальным, отличным от русских, этносом»⁷²⁷.

Эти выводы пока делаются на локальном материале и потому носят предварительный характер, но вряд ли их изменит и полный охват современного казачества подобными исследованиями: они, конечно же, не покажут принципиальных различий между ним и остальным русским населением. Однако казачьих «сепаратистов» это вряд ли в чем убедит, они тогда будут в своих рассуждениях еще больше упираться на «особенности менталитета» своего «народа», как это, впрочем, давно делают другие «русские сепаратисты» – от сибирских до питерских, «поморских» и калининградских – и станут «разрабатывать» такие определения понятия «этнос», которые исключили бы его главную составляющую – общность происхождения. Или же пойдут по пути своих идейных предшественников из числа эмигрантов, которые заявляли, что «сам по себе факт происхождения казачества от русского народа самостоятельному (самостийному) бытию казачества помешать не может. В конце концов, когда-то существовал единый славянский народ»⁷²⁸.

⁷²⁵ Бунак В.В. Антропологический тип донских казаков //Русский антропологический журнал. М., 1922. Т. 12. Кн.1–2. С. 144–145.

⁷²⁶ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр... С. 70.

⁷²⁷ Куклев Ю.М. Феномен казачества: историко-социальные и этнические аспекты формирования правового статуса. М., 2015. С. 187.

⁷²⁸ Цит. по: Степанченко В.И. Взгляды казаков зарубежья XX века на историю и цели казачества // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 23.

Иного трудно ожидать от политически ангажированных дилетантов. Однако печальнее всего то обстоятельство, что мифологизированная история казачества в последнее время занимает всё более прочные позиции и в *большой науке*, причем нередко преподносится в качестве последнего ее достижения. И упомянутый выше культуролог И.Г. Яковенко имеет немало единомышленников среди кандидатов и докторов наук. Так, в монографии кандидата политических наук А.Е. Мохова, остановившегося на двух концепциях происхождения казачества, читаем: «На современном уровне знаний (во время, когда социальная наука постепенно освобождается от идеологических шор) становится очевидным, что эти концепции уже не противоречат, а дополняют друг друга, но лишь с той разницей, что одна из концепций (переселенческого движения, вызванного социальными конфликтами) в свете данных современной науки оказывается вспомогательной, вторичной, а другая (автохтонного происхождения) – ведущей, первичной»⁷²⁹.

На труды каких же представителей «современной науки» опирается в своём заключении А.Е. Мохов? Судя по сноскам – это советский исследователь Н.М. Волынкин (1949 г.), упоминавшиеся выше донской «автономист» Е.П. Савельев (1915–1916 гг.), историк-любитель из числа эмигрантов А.А. Гордеев и авторы-составители «казачьего словаря-справочника», изданного в США в 1966–1969 гг. О них у нас уже шла речь выше...

А кандидат филологических наук Л.И. Гаджиева (2007 г.) после ознакомления по научной и псевдонаучной литературе с различными версиями происхождения казачества пришла к такому глубокомысленному заключению: «Несмотря на проделанную огромную работу, феномен казачества до сих пор не разгадан до конца. Ни одна из различных теорий происхождения казачества на сегодняшний день не является общепризнанной. Думается, оптимален синтез двух концепций – автохтонной и миграционной»⁷³⁰.

М.Г. Артамонова, избрав объектом своих социологических исследований современное казачество, не могла, естественно, не задуматься о его происхождении и изложила свои взгляды на этот вопрос в статьях электронного журнала «Наука и социальное качество»⁷³¹. Главной опорой ее построений тоже стали сочинения казачьих «автономистов», «сепаратистов» и эмигрантов – Е.П. Савельева, П.Н. Краснова, И.Ф. Быкадорова, Ш. Балинова, авторов-составителей «Казачьего словаря-справочника» и других политически ангажированных дилетантов, которых она упоминает в одном ряду с такими корифеями отечественной историографии, как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв или В.О. Ключевский. Вышедшие в последнее время труды высококвалифицированных исследователей истории казачества (Н.А. Мининкова, В.Ф. Мамонова, О.В. Матвеева, С.А. Козлова, И.О. Тюменцева,

⁷²⁹ Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 18–19.

⁷³⁰ Гаджиева Л.И. Указ. соч. С. 8.

⁷³¹ Артамонова М.Г. Древние цивилизации – трансляторы протокультурных истоков казачества (Социологические проблемы исторического становления) //Наука и социальное качество. Электронный журнал. 2014. № 1. С. 166–180 (URL: <http://NaukaSK.ru>iss/iss001-15/pdf>); она же. Формирование казачьего народа (Социологические проблемы исторического становления казачьего народа) //Там же. С.181–185.

М.А. Рыбловой, О.Ю. Куца, В.И. Маркова и др.) Артамоновой полностью игнорируются (видимо, они ей неизвестны), и в то же время ею цитируется один из представителей жанра «фольк-хистори» – писатель-гипнотизер В. Кандыба⁷³², а легковесная (хотя и объемная), написанная без сносок работа эмигранта А.А. Гордеева причисляется к разряду «фундаментальных исторических исследований»⁷³³.

Излагая существующие на сегодняшний день версии происхождения казачества, М.Г. Артамонова фактически обходит вопрос, насколько обоснована каждая из них, на какие источники опираются сторонники той или иной концепции, но сама полностью солидаризируется с «автохтонной теорией» и даже выражает недоумение по поводу того, что среди историков «всё еще сохраняется» взгляд на казаков как на русских людей, бежавших на Дон в XVI столетии. При этом позиция таких исследователей искажается, примитивизируется – в соответствии с обычной практикой адептов «автохтонной теории»: по словам М.Г. Артамоновой, «главная идея» миграционной версии «состоит в том, что “казаки – беглое крестьянство”»⁷³⁴.

Такому подходу к проблеме вполне соответствуют и *итоги* изысканий М.Г. Артамоновой. Казаки для нее, несомненно, «народ», и она недоумевает, почему же им «сегодня пытаются отказать в праве называться этнической общностью, указывать национальность “казак”...»?⁷³⁵. М.Г. Артамонова убеждена, что «этимология слова “казак” имеет многоязычные корни», что «предыстория казачьей цивилизации насчитывает 700 лет, а собственно история – более тысячи (с X в.), что казаки явились восприемниками «классического культурного наследия Греции и духовного наследия Византии», «стали христианами почти на пятьсот лет раньше крещения Руси», и практически дословно воспроизводит так же не подкрепленное никакими источниками мнение самых радикальных поборников «автохтонной теории», согласно которому, присоединявшиеся к казачеству выходцы из неказачьего населения могли стать «подлинными казаками» только «через несколько поколений»⁷³⁶. А венчает труд М.Г. Артамоновой заимствованное у тех же авторов «Родословное древо казачьего народа» (начинающееся с V тысячелетия до н. э.), из коего следует, что русские если и принимали участие в «казачьем этногенезе», то, по сравнению с другими этносами, в самой минимальной степени⁷³⁷.

Самое прискорбное, что готовился весь этот наукообразный «винегрет» не где-нибудь, а в Институте общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (на кафедре социологии управления, аспиранткой которой являлась М.Г. Артамонова), а стало быть, и потребляться он будет прежде всего нашими чи-

⁷³² Она же. Древние цивилизации... С. 176.

⁷³³ Там же. С. 168.

⁷³⁴ Там же. С. 168–170.

⁷³⁵ Артамонова М.Г. Формирование казачьего народа. С. 183.

⁷³⁶ Она же. Древние цивилизации. С. 166, 169, 172, 173, 178.

⁷³⁷ Там же. С. 175.

новниками, включая тех, кому суждено проводить государственную политику в отношении казачества...

Оставалось бы только посетовать на низкий уровень общеисторической подготовки в современных вузах неисторического профиля, если бы сфера распространения сомнительных идей о происхождении и этнической природе казачества ограничивалась творчеством журналистов, писателей, географов, социологов, политологов, филологов и философов. Но, как констатировал на одной из конференций по казачеству член правительства Санкт-Петербурга В.С. Сухорученко, «во власти “массовой мифологии” часто оказываются даже профессиональные историки»⁷³⁸.

М.А. Рыблова, автор одного из лучших (несмотря на краткость) исследований мифологизации казачьей истории, обращает внимание на такой печальный факт: «Идея “казачьего народа” проникла и в научную среду, нашла отражение в учебниках и учебных пособиях. Так, данное этнографами определение донских казаков в качестве субэтноса в составе русского народа, в учебном пособии, написанном по заказу Министерства по делам национальностей, получает новую трактовку: “Отличающиеся по ряду признаков субэтносы, каковыми являются донские казаки, кубанские казаки, терские казаки и др., объединяются в единый этнос – *казаки* – неотъемлемую часть великого русского народа”. Получается очень нескладно, – замечает М.А. Рыблова, – но зато вписывается в общую заданную схему: казаки – самобытный этнос...»⁷³⁹.

Мифологизированная история казачества в последнее время не редкость и в более солидных изданиях. Преподаватели Академии ФСБ РФ доктор исторических наук А.М. Плеханов и кандидат исторических наук А.А. Плеханов выпустили весьма объемную (67 п. л.) и богато иллюстрированную книгу о казачестве, посвященную 90-летию Пограничной службы России⁷⁴⁰. Будучи, судя по другим публикациям, специалистами по отечественной истории XIX–XX вв., разделы, относящиеся к ранней истории казачества, они построили в основном на сочинении А.А. Гордеева «История казаков» и «Казачьем словаре-справочнике» и потому воспроизвели в своей книге все основные положения эмигрантско-сепаратистской «школы» о происхождении казачества.

Как пишут А.М. и А.А. Плехановы, «племена казачьих предков» сформировались задолго до появления на русских рубежах монголов «в результате слияния многих племен с местными славянами». В числе этих «предков» авторами названы «племена берендеев и бродников», а в качестве представителей казачества – былинные богатыри, первым среди которых был, конечно же, «матёрый казак Илья Муромец». «При Золотой Орде», утвержда-

⁷³⁸ Сухорученко В.С. Санкт-Петербург и казачество Северо-Запада России // Казачество в истории России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2007. С. 59.

⁷³⁹ Рыблова М.А. «Казаки возвращаются!». С. 278.

⁷⁴⁰ Плеханов А.А., Плеханов А.М. Казачество на рубежах Отечества. М., 2007.

ют авторы книги, общины вольных казаков «продолжали самостоятельное существование на своих старых местах», а донские и днепровские казаки приняли участие в Куликовской битве на стороне Москвы⁷⁴¹. Профессиональные историки Плехановы полностью разделяют и крайне популярную среди казачьих историков-дилетантов, но с научной точки зрения абсолютно несостоятельную «концепцию» о «вынужденной эмиграции» древнего «казачьего народа» в XIV в. на север и пишут, что «после нашествий Мамаю, Тохтамышу и Тамерлану большая часть донских казаков вынуждена была уйти с берегов Дона и расселиться на Руси от южной лесостепи до Белого моря, а с начала XVI в. стала возвращаться на свои земли, «возрождая там оседлую жизнь»⁷⁴².

Об общем уровне компетенции авторов в вопросах отечественной истории до XIX в. можно судить и по подписи к одной из помещенных в их книге иллюстраций: «Оренбургский воевода. XVI–XVII вв.»⁷⁴³ (это при том что Оренбург основан в 1735 г.). Примечательно, однако, что книга эта была вручена каждому участнику Всероссийской научно-практической конференции «Казачество в истории России», состоявшейся в Москве в 2007 г. и посвященной задачам патриотического воспитания казачества...

Под влиянием казачьих «автономистов» и эмигрантов-«самостийников» оказался также петербургский историк А.Г. Шкваров (проживающий с 2008 г. в Финляндии и там же защитивший докторскую диссертацию). Он тоже воспроизводит в своих трудах вышеупомянутый миф о «вынужденной эмиграции» донских казаков в конце XIV в., представляя этот вымысел как реальный факт и прямо ссылаясь на вышедшую в 1930 г. в Праге книгу генерала И.Ф. Быкадорова⁷⁴⁴.

Довольно противоречиво выглядит позиция профессора Ростовского университета А.И. Козлова. Будучи признанным специалистом по отечественной истории XIX–XX вв., он на склоне лет обратился и к дискуссиям о происхождении казачества, вполне справедливо обратив внимание на их крайнюю политизацию. «Особой остроты, – отмечал А.И. Козлов, – споры достигали в моменты общероссийских политических изломов, как это наблюдалось, скажем, в 1917 г., когда дискуссию развязали не столько специалисты, сколько политики и политиканствующие элементы. Подобная картина наблюдается и в настоящее время. В таких случаях расстановка акцентов диктуется соображениями политической конъюнктуры. Нередко, однако, это отражается и на исследовательской работе. Некоторые исследователи по разным причинам оказались в плену таких предрассудков. Это обстоятельство необходимо учитывать при историографическом анализе»⁷⁴⁵.

⁷⁴¹ Там же. С. 10, 40, 55.

⁷⁴² Там же. С. 62, 93–94.

⁷⁴³ Там же. С. 94.

⁷⁴⁴ Шкваров А.Г. Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб., 2009. С. 19; он же. Петр I и казаки. СПб., 2010. С. 22

⁷⁴⁵ Козлов А.И. Откуда пошли и кто такие казаки (периодизация казачьей истории) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 163.

Удалось ли самому А.И. Козлову создать объективную, основанную на исторических фактах концепцию происхождения казачества? Не вполне.

Остановившись на вопросе об «источниках пополнения» средневекового казачества, он, ссылаясь на труды серьезных, профессиональных историков, ставит на первое место «славяно-русский поток» (правда, почему-то с оговорками – «вероятно», «по-видимому»). Справедлива и общая оценка А.И. Козловым пополняющего казачьи ряды контингента: «К казакам бежали не только поборники свободы и православия, но и самые настоящие авантюристы, любители приключений, жаждавшие легкой наживы. То были суровые люди сурового времени»⁷⁴⁶.

Но наряду с абсолютно верными, опирающимися на данные надежных источников утверждениями, работа А.И. Козлова содержит положения, не имеющие под собой научных оснований и, видимо, заимствованные им из сочинений дилетантов и тех самых «политиканствующих элементов», о которых он сам отзывался столь нелицеприятно: трудно ведь не оказаться «в плену у предрассудков», ссылаясь на труды донского «автономиста» Е.П. Савельева, эмигрантов И.Ф. Быкадорова, А.А. Гордеева или изданный в США «Казачий словарь-справочник»... Отсюда и отсчет А.И. Козловым истории казачества «от начала второго или даже конца первого тысячелетия нашей эры»⁷⁴⁷, и весьма сомнительный с научной точки зрения тезис, согласно которому «на рубеже XVII–XVIII вв., когда процесс этнизации казачьих общин находился в зените, в него ворвалось мощное государственное начало и резко затормозило его, прервало его естественное течение. В силу этого казачество в своем развитии не успело преодолеть стадию субэтноса»⁷⁴⁸.

Не понятно, на какие источники опирается уважаемый историк в этом своем утверждении. Введенный к настоящему времени в научный оборот конкретно-исторический материал убедительно показывает, что в конце XVII и начале XVIII ни о какой этнизации казачества не было и речи: тогда казаки прекрасно знали, откуда их отцы, деды и прадеды пришли на Дон и другие казачьи реки, еще помнили «свою природу» и в массе своей не отделяли себя от русского народа (см. выше). Лишь в конце XVIII и в XIX в., превратившись в замкнутое сословие, они (как было отмечено многими наблюдателями – от А.И. Ригельмана до Л.Н. Толстого) стали противопоставлять себя русскому «мужику», и появилась почва для той самой этнизации, которую некоторые идеологи «казачьего возрождения» не без успеха пытаются претворить в жизнь в наши дни...

Еще один пример эклектического подхода к трудам по истории казачества и, как следствие, укоренения ненаучных идей в научной среде – позиция донских историков А.П. Скорика, Р.Г. Тикиджьяна, В.П. Трута. Их научная специализация (судя по темам диссертаций) тоже далека от ранней истории казачества, тем не менее собственные суждения о его происхождении они часто и смело высказывают в печати, как правило, мало заботясь об их подкреплении конкретно-историческим материалом.

⁷⁴⁶ Там же. С. 168.

⁷⁴⁷ Там же. С. 163.

⁷⁴⁸ Там же. С. 170.

Так, А.П. Скорик называет казаков «степными рыцарями», носителями особого «кодекса чести и специфической психологии», заимствованной, по его мнению, от ранее заселявших донские степи народов, и это убеждение заставляет его «скептически отнестись к традиционной концепции о происхождении казачества как следствия бегства крестьян». «Первоначальное ядро» казачества Скорик видит в скифах и сарматах, хотя считает «вполне логичной» и версию его «славянского происхождения», особо выделяя в этой связи «суперпассионарное» население Тмутараканского княжества. «Участие казаков в Куликовской битве» для Скорика – реальный факт, а что касается их этнической идентификации, то итог размышлений автора над этим вопросом (в ходе которых казаки назывались и «народом», и «этносом», и «субэтносом») выглядит в принципе так же, как у А.И. Козлова: «Донское казачество, как и казачество других областей России, шло по пути этнического становления, превращения в самостоятельный этнос, но этот процесс был прерван государственным вмешательством и фиксированным юридическим сословным состоянием»⁷⁴⁹.

В.П. Трут более последователен и радикален: для него «принадлежность казачества к самостоятельной этнической социальной группе и его характеристика как этноса (народа) вполне оправдана и не вызывает сомнений». Правда, он оговаривается, что «процесс окончательного оформления казачьего этноса со всеми присущими ему признаками окончательно не завершился», ибо «был искусственно прерван», но не на рубеже XVII и XVIII вв., как считал А.И. Козлов, а «в период гражданской войны» и в ходе «раскалывания»⁷⁵⁰. Видимо, лишь теперь, по мнению В.П. Трута и его единомышленников, наступило время окончательного отрыва казаков от русского народа...

Главный аргумент для В.П. Трута в отстаивании своей позиции по вопросу об этнической принадлежности казачества – это его (казачества) самосознание. «В станицах и хуторах вплоть до сегодняшнего дня можно услышать: “Он – наш, а жена у него – русская”... – пишет Трут и заключает: «В чем бы конкретно не находило свое выражение этническое самосознание, сам факт его появления... знаменует собой формирование нового этноса»⁷⁵¹. Это свое убеждение В.П. Трут не ставит в зависимость «от того, сторонниками какой из теорий происхождения казачества мы являемся»⁷⁵², но сам практически полностью разделяет концепцию автохтонности казачества и повторяет те же не выдерживающие научной критики доводы, которые приводили вышеупомянутые казачьи активисты В.И. Вареник или Б.А. Алмазов⁷⁵³.

⁷⁴⁹ Лукичев П., Скорик А. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. Мат-лы научн. конф. Новочеркасск, 1994. С. 31–55; они же. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 42–51.

⁷⁵⁰ Трут В.П. К вопросу об этносоциальном облике казачества в начале века и проблемах его возрождения на современном этапе // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 77–78.

⁷⁵¹ Там же. С. 77.

⁷⁵² Там же. С. 78.

⁷⁵³ См.: Трут В.П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы // Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 523–548.

Еще более радикален в вопросе о «казачьем этногенезе» Н.Н. Лысенко – бывший праворадикальный политик, лидер Национально-республиканской партии России, прославившийся в 1990-х гг. своими экстравагантными выходками в Государственной думе. В 2000-х гг. он занялся наукой, защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории ираноязычных кочевников Евразии II в. до н. э. – II в. н. э. и из идеолога «русского национал-имперского движения» превратился в «казачьего националиста», отстаивающего (с опорой, главным образом, на дилетантские сочинения казачьих «автономистов» и «сепаратистов») взгляд на казачество как «самобытную нацию», генетически не связанную ни с русским, ни с украинским народами⁷⁵⁴. О степени владения им конкретно-историческим материалом по истории XVI–XVII вв. можно судить на таком примере. Н.И. Лысенко убежден, что не только сами казаки никогда не считали себя русскими, но и на Руси всегда «смотрели на казаков как на особую народность», в подтверждение чего приводит «веский» довод: «Во всех без исключения источниках по истории Руси-России XIV–XVII веков мы не найдем упоминаний казаков в контексте “русскости”...»⁷⁵⁵. Абсурдность этого утверждений очевидна для каждого, кто заглядывал хотя бы в Сибирские летописи, описывающие поход Ермака: соратники знаменитого атамана там прямо называются «русскими казаками», «русскими воинами», «русскими людьми»⁷⁵⁶.

Однако в большинстве своем казачьи авторы более осторожны и чаще высказывают суждения, согласно которым в настоящее время и «миграционная», и «автохтонная» концепции происхождения казачества имеют право на существование и нуждаются «в дальнейшем всестороннем изучении», поскольку-де обе они имеют слабую доказательную базу и не подтверждаются серьезными источниками⁷⁵⁷.

То есть, согласно такой позиции, получается, что на одной «чаше весов» у нас огромный конкретно-исторический материал, введенный в научный оборот несколькими поколениями высококвалифицированных исследователей и свидетельствующий о массовом уходе русских людей «в казаки» в XVI–XVII вв.; относящиеся к XVII–XVIII вв. указания на в основном русское происхождение казачества, принадлежавшие как сторонним наблюдателям (еще в начале XVII в. отмечавшим, что «казаки... по большей части – московиты»⁷⁵⁸), так и самим казакам, не скрывавшим в то время мест своего «выхода»; именные списки казачьих отрядов с той же информацией; множество дошедших до нас от XVI–XVII вв. имен и прозвищ казаков, ясно указывающих на их русское происхождение (и даже конкретные места «выхода»); работы лингвистов, показывающие близость казачьих говоров к диалектам вполне конкретных регионов России. А на другой, «автохтонной»,

⁷⁵⁴ Лысенко Н. Нация или субэтнос? (Размышления об этногенетической природе казачества) // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 111–134.

⁷⁵⁵ Там же. С. 118–120.

⁷⁵⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 92, 110, 131, 181, 182 и др.

⁷⁵⁷ См.: Безотосный В. Кто такие казаки // Родина. 2004. № 5. С. 8.

⁷⁵⁸ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 77.

«чаще весов» нет ни одного научно обоснованного довода, их заменяют фантазии, домыслы, основанные на сомнительных допущениях и шатких аналогиях гипотезы, чисто умозрительные или построенные на догадках и натяжках «теории», «наивная этимология». И, выходит, обе эти «чаши» вполне «уравновешивают» друг друга? Обе «имеют слабую доказательную базу»? Ну не абсурд ли? И вообще: какой «компромисс», какой «синтез» может быть между научной истиной и фантазиями? С каких это пор в науке стало признаваться равное право на существование мифов и реальных фактов?..

Но такое время, похоже, наступило. Так, к «компромиссной» точке зрения на происхождение (да и этническую принадлежность) донских казаков склонялся в последние годы жизни известный ростовский историк В.Н. Королёв⁷⁵⁹. А наиболее впечатляющим примером ее «внедрения в жизнь» могут служить многочисленные (но часто дублирующие друг друга) работы этнолога А.В. Сопова.

Как он писал еще в своей кандидатской диссертации (1999 г.), «адекватный ответ на вопрос о происхождении казаков состоит не в выборе между различными версиями автохтонной и миграционно-колонизационной теориями, а в их доброкачественном синтезе»⁷⁶⁰. На необходимости этого синтеза А.В. Сопов настаивал и позднее⁷⁶¹, и результат такого подхода к проблеме оказался вполне предсказуем: абсолютно верные, подтвержденные капитальными исследованиями профессиональных историков положения соседствуют в работах А.В. Сопова с легковесными суждениями, искусственными построениями и сомнительными выводами.

Так, касаясь самых ранних этапов казачьей истории, А.В. Сопов совершенно справедливо отмечает, что «казачество начало формироваться как разбойно-промысловая вольница, независимая и своеобразная»⁷⁶², а наименование «казаки» использовалось тогда «как профессиональное и групповое, но этнического характера, скорее всего, не носило» и, стало быть, «говорить о каком-либо более раннем этапе собственно казачьего этногенеза сейчас вряд ли обоснованно. Приводимые в этом отношении “доказательства” являются либо легендарными, либо наивно-топонимическими»⁷⁶³.

«Трудно согласиться с обоснованностью версии о том, что “казаки” – имя какого-то особого народа, сохранявшего этническую преемственность

⁷⁵⁹ См.: Королев В.Н. Казаки донские (Энциклопедия культур народов Юга России. В 9 т.) Т. 1. Народы Юга России. Ростов н/Д, 2005. С. 114–118.

⁷⁶⁰ Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Майкоп, 1999. С. 24.

⁷⁶¹ Он же. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект //Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 59.

⁷⁶² Сопов А.В., Бузаров А.Ш. Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах //Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. 2011. Вып. 1. С. 30.

⁷⁶³ Сопов А.В. Казачества единый корень? //Родина. 2010. № 6. С. 31.

в течение двух тысяч лет, – разъясняет свою позицию А.В. Сопов. – Наиболее правомерной точкой зрения является та, согласно которой слово “казак” первоначально было профессиональным наименованием, используемым для обозначения вольницы искателей лучшей доли, готовых служить за деньги и используемых в войнах в качестве наиболее подвижной передовой части»⁷⁶⁴.

Не вызывает возражений и общий взгляд А.В. Сопова на историю казачества. Он пишет, что оно «прошло сложный путь от вольных разбойных ватаг до особых частей русской регулярной кавалерии, от сообщества варваров-фронтирменов (жителей порубежья цивилизованных государств) до особого военно-служилого сословия русского общества»⁷⁶⁵.

Разделяет А.В. Сопов (хотя и с оговорками) и давно утвердившееся в нашей этнографии мнение о казачестве как субэтнотоме русского народа (точнее, как и А.И. Козлов, считает, что казачество «в своем развитии не успело преодолеть стадию субэтнотомы»)»⁷⁶⁶. «Неоспоримым фактом» для А.В. Сопова является и «“подпитка” казачьих обществ пришлым элементом», причем «особенно мощным», по его мнению, «поток новоприсланных оказался в XVI веке за счет беглых крестьян, мещан и холопов из Московского государства и Речи Посполитой»⁷⁶⁷.

Весьма сдержанно относится А.В. Сопов к столь любимой многими казачьими идеологами «концепции переселения» казаков под татарским давлением на Русский Север, согласно которой они оттуда «вернулись на родину» в конце XV – середине XVII вв.⁷⁶⁸.

Вместе с тем участие донских казаков в Куликовской битве А.В. Сопов воспринимает не как легенду, записанную в конце XVII в., а как бесспорный исторический факт⁷⁶⁹. Более того, Сопов считает, что к тому времени «казачество (под другими названиями, но с той же сущностью) уже имело многовековую историю», что «история формирования казачьей территории уходит далеко в глубь веков», а «группы населения, принявшие то или иное участие в образовании казачества» (и которые «с известной долей условности можно отнести к предкам казаков») «обитали здесь как минимум с X–XI столетий», «а по некоторым данным – с VI в. н. э.»⁷⁷⁰.

⁷⁶⁴ Он же. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2008. № 4. С. 73.

⁷⁶⁵ Он же. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2012. С. 6.

⁷⁶⁶ Он же. Казачества единый корень? С. 31.

⁷⁶⁷ Он же. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект. С. 59.

⁷⁶⁸ Он же. Родина казаков: история с географией // Родина. 2008. № 4. С. 41; он же. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. С. 83.

⁷⁶⁹ Он же. Стереотипы и заблуждения в отношении казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 5. Майкоп, 2010. С. 14; он же. Происхождение казачества: возвращаясь к проблеме // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2011. № 1. С. 55.

⁷⁷⁰ Он же. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 25; он же. Родина казаков: история с географией. С. 43; он же. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект. С. 59; он же. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. С. 8, 23–24.

Приводятся ли в работах А.В. Сопова серьезные доводы в пользу мнения о «древних корнях» казачества? Конечно же, нет, ибо фактов, подтверждающих такую точку зрения, не существует в природе. Поэтому А.В. Сопов либо повторяет не выдерживающие научной критики умозаключения известных поборников «автохтонной теории» («с трудом верится, что русские беглецы уходили в никуда, во враждебную степь» и т. д.⁷⁷¹), либо просто дает глухие ссылки на сочинения сторонников «нетрадиционного подхода» и истории казачества. Среди них упоминаемые выше Е.П. Савельев, А.А. Гордеев, авторы «Казачьего словаря-справочника», Л.Н. Гумилёв, но самым авторитетным специалистом по казачьей истории для него, похоже, является также упоминаемый выше философ и культуролог И.Г. Яковенко. Сноски на его статью в журнале «Родина» за 1995 г. (№ 10) встречаются почти в каждой работе А.В. Сопова, а степень некритичности восприятия построений И.Г. Яковенко в них такова, что даже грубые ошибки этого исследователя (например, в изложении точки зрения Р.Г. Скрынникова) воспроизводятся Соповым с абсолютной точностью⁷⁷².

Особенно нравится А.В. Сопову определение, данное И.Г. Яковенко господствующей до последнего времени в научной и учебной литературе концепции происхождения казачества. Яковенко называет ее «казенной», а Сопов считает это определение «метким» и постоянно его цитирует⁷⁷³. В развернутом же виде свое к ней отношение А.В. Сопов формулирует следующим образом: «Законченную форму миграционно-колониационная теория получила в исследованиях виднейших российских ученых – С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского... В 80-х гг. прошлого столетия данную гипотезу (!? – Н.Н.) приняли и марксисты российского толка. Первым это сделал Г.В. Плеханов, а затем ее развил в своих трудах В.И. Ленин. Миграционная теория в предельно выраженном виде отвечала имперским устремлениям самодержавия и планетарным целям носителей идеи мировой революции одновременно, поэтому на ней сошлись такие казалось бы антиподы, представлявшие противоборствующие лагеря»⁷⁷⁴.

Таким образом, А.В. Сопов (как и И.Г. Яковенко) главные причины живучести «миграционно-колониационной теории» склонны объяснять, в первую очередь, ее политической значимостью, а вовсе не научной обоснованностью. Невольно вспоминается трактовка этого же вопроса вышеупомянутым ростовским журналистом В.И. Вареником, который считает, что «большинство советских историков просто боялось впасть в противоре-

⁷⁷¹ Он же. Место и роль казачества в формировании русской нации и российского государства // Материалы научно-практ. конф. Неделя науки в МГТИ. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 157; он же. Родина казаков: история с географией. С. 40.

⁷⁷² См.: Он же. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. С. 67.

⁷⁷³ Он же. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. С. 66; он же. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 5; Сопов А.В., Бузаров А.Ш. Указ. соч. С. 30–31.

⁷⁷⁴ Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 11.

чие с установлениями марксизма-ленинизма» и потому «рабски следовали» миграционно-колонизационной теории⁷⁷⁵.

«Однозначный ответ о происхождении и современном этническом облике казаков невозможен, — пишет А.В. Сопов⁷⁷⁶, и с ним в данном случае можно было бы согласиться, но — с поправкой на стиль и с одной оговоркой: невозможен, если искать решение этого вопроса в «синтезе» научных и псевдонаучных теорий...

Другое дело — синтез различных *научных дисциплин* при изучении вопроса об этнической природе казачества. Используя эту методику, Ю.М. Куклев, например, пришел к однозначному выводу (назвав его, правда, «предварительным»): «пока не выявлено оснований для отнесения казачества де-факто к отдельному и самостоятельному этносу ни по отношению к правоустанавливающим субъектам, ни по культурно-историческим, ни по биологическим признакам»⁷⁷⁷.

Заключение

По мнению известного писателя, кубанского казака П.И. Ткаченко, «попытка представить казаков не частью русского народа, а отдельным самостоятельным народом... это не просто нелепость, но умышленная сепаратистская идеология, запущенная в общественное сознание для того, чтобы казачество никогда не возродилось, и вместе с тем для того, чтобы не использовать его потенциал для новой организации жизни в России»⁷⁷⁸.

Донской казак С. Антонов в осуждении деятельности «казачьих сепаратистов» еще более эмоционален. Но он обращается к ним с призывом: «Прежде чем обличать братьев своих и дурить им головы, примиритесь сами с собой, разберитесь хотя бы со своей совестью (поскольку разобраться в своих “научных” воззрениях вам всё равно невозможно, т. к. они не базируются на фундаментальном знании, которым обладают лишь профессиональные историки) и станьте “мудры как змии и кротки, как голуби”»⁷⁷⁹.

Вряд ли, однако, подобные обращения могут адекватно восприниматься теми, кому они адресованы и кто сознательно поддерживает «казачий сепаратизм». Истина эту публику интересует, лишь если она соответствует их представлениям о политической выгоде. И если факты расходятся с ними — то «тем хуже для фактов».

Таковыми принципами идеологи разных «школ» и направлений руководствуются издавна, и освещение истории казачества здесь не исключение. Разыграть «казачью карту» пытались и пытаются многие политические деятели. Еще находившийся в услужении у немцев генерал П.Н. Краснов, в своем обращении к соратникам на курсах пропаганды в Потсдаме в 1944 г.,

⁷⁷⁵ Вареник В.И. Указ. соч. С. 39, 41.

⁷⁷⁶ Сопов А.В. Казачества единый корень? С. 30.

⁷⁷⁷ Куклев Ю.М. Указ. соч. С. 188.

⁷⁷⁸ Ткаченко П.И. Русские люди казаками хотят быть! // Казачество в истории России. Мат-лы Всеросс. научно-практ. конф. М., 2007. С. 232.

⁷⁷⁹ Антонов С. Казакобесие, или О том, откуда и на что казаки «ведутся».

вопреки написанному им же ранее, говорил: «...Помните, вы не русские, вы казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам»⁷⁸⁰. В 1990-е гг. чеченский лидер Джохар Дудаев пытался привлечь казаков на защиту «независимой Ичкерии», также противопоставляя их России и русскому народу⁷⁸¹. Известный оппозиционный деятель, бывший премьер-министр Российской Федерации, лидер «Партии народной свободы» (ПАРНАС) Михаил Касьянов в ходе предвыборной кампании (в Госдуму) в сентябре 2016 г., выразив свою солидарность с нынешними почитателями П. Краснова⁷⁸² и других казачьих коллаборационистов, воевавших на стороне Гитлера, призвал добиваться «признания казаков отдельным народом»⁷⁸³.

Активисты «казачьего возрождения» могут, конечно. «не во всём» разделять подобные взгляды, но использование в политических целях «сепаратистских» настроений казачества должно бы его насторожить. Упорно внедряемые в общественное сознание антинаучные представления о существовании особого «казачьего этноса» вредят прежде всего самому казачьему движению, создавая серьезные препоны для достижения главной из декларируемых им целей – службы государству Российскому. Но еще больше вреда тиражирование этих взглядов наносит исторической науке, опять создавая о ней впечатление как о «политике, опрокинутой в прошлое»...

⁷⁸⁰ См.: Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 86.

⁷⁸¹ См.: Бугай Н.Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). Исторический экскурс. М., 2015. С. 170–171.

⁷⁸² См.: URL: <http://maxpark.com>Русский мир>content/5432692>; vk.com>wall-92700616_18059;ok.ru>eurasiadaily/topic/65878847829334.

⁷⁸³ См.: Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 86.

ИСТОРИОГРАФИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЕ

М.С Исакова., Ю.Н. Гусева, В.С. Христофоров

Архивы и архивная политика Узбекистана в XXI веке

(К 100-летию архивной службы Республики Узбекистан)

Аннотация: Статья содержит материалы, раскрывающие динамику развития архивной сети в Республике Узбекистан в период с начала 2000-х годов по настоящее время, особенности реализации архивной политики, освещает достижения и проблемы, связанные с сохранностью, рассекречиванием и организацией доступа исследователей к документам. На основе анализа результатов анкетирования территориальных архивных управлений, проведенного Агентством «Узархив» делается вывод о направлениях, динамике, успехах и проблемах в формировании Национального архивного фонда. Авторы уделяют внимание количественным и качественным показателям работы узбекских архивов, анализируют тематику исследования отечественных и иностранных исследователей, приводят их оценки деятельности архивов Республики. Отдельно рассматривается сюжет доступности архивов для ученых-иностранцев. В заключение делается вывод об основных направлениях архивной политики Узбекистана и их связи с историческим и текущим вектором внутри- и внешнеполитического развития страны.

Ключевые слова: архивы, архивная политика, Республика Узбекистан, Узархив, Национальный архивный фонд Узбекистана

Archives and archival policy of Uzbekistan in the XXI century

Abstract: The article contains materials about the dynamics of the development of the archival network in the Republic of Uzbekistan from the beginning of the 2000s to the present. It features of the implementation of the archival policy, highlights the achievements and problems of the preservation, declassification and organization of researchers' access to documents. Based on the analysis of the results of a survey of territorial archive administrations conducted by the Uzarkhiv Agency, a conclusion is drawn on the directions, dynamics, successes and complexities of the National Archival Fund's formation. The authors pay attention to quantitative and qualitative indicators of the work of the Uzbek archives, analyze the research topics of domestic and foreign researchers, give assessments of the activities of the Uzbekistan archives. The plot of accessibility of archives for foreign scientists is considered separately. The conclusion is drawn about the main directions of the archival policy of Uzbekistan and their relationship with the historical and current vector of domestic and foreign policy of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: archives, archival policy, Republic of Uzbekistan, Uzarchive, National Archival Fund of Uzbekistan

Потребность человечества в бережном сохранении документальной информации, отражающей его историю, послужила причиной для создания

специальных учреждений – архивов. Архивное дело в Узбекистане имеет многовековую историю, и сегодня в ходе полномасштабных реформ оно является одним из важных направлений государственной политики. В свою очередь, узбекские архивы, бережно сохраняя материальное культурное наследие республики, поэтапно осуществляют мероприятия по модернизации и информатизации своей деятельности, направленной на комплектование, учет, обеспечение сохранности и широкое использование архивных материалов. Тем не менее на пути совершенствования деятельности архивов республики существует ряд проблем, которые нуждаются в анализе с учетом мировых тенденций архивоведения. Все вышеназванное объясняет исследовательский интерес к текущим результатам реформирования архивного дела в Узбекистане.

Архивная служба Республики Узбекистан: динамика развития в 2001–2019 гг.

Реформирование нормативно-правовой базы архивного дела в Узбекистане в современный период сопровождается совершенствованием системы ее управления. С учетом текущих социально-экономических и политических преобразований правительством Республики Узбекистан предпринят ряд шагов по повышению административного статуса и расширению полномочий органа управления по архивному делу. В отличие от некоторых стран СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Украина), где наблюдалось повсеместное снижение подчиненности⁷⁸⁴, а значит – статуса государственных архивных служб, в Узбекистане сохранилась прямая подчиненность государственного органа управления по архивному делу исполнительной власти – Кабинету Министров Республики Узбекистан.

С преобразованием в феврале 2004 г. Главного архивного управления «Узглавархив» в Агентство «Узархив» при Кабинете Министров Республики Узбекистан ему были представлены полномочия по осуществлению единой государственной политики не только в области архивного дела, но и делопроизводства в целом. При этом особое внимание уделяется усилению сотрудничества архивов с научно-исследовательскими учреждениями с целью издания учебно-методической литературы и информационно-справочных пособий, активизации работ по привлечению в архивную сферу молодых специалистов, посредством укрепления связей с профильными образовательными учреждениями.

⁷⁸⁴ В Армении архивная служба страны в лице Национального архива республики сначала была подчинена Министерству культуры, по делам молодежи и спорта (2002–2005 гг.), затем (с 2005 г.) – Министерству территориального управления республики. В Белоруссии высокий статус государственной архивной службы, подчиненной правительству и Администрации Президента, сохранялся достаточно долго, несмотря на ее кратковременное преобразование в Национальный центр по архивам и делопроизводству, пока в 2006 г. она не стала Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики. В Казахстане в 1999 г. архивная служба была передана в ведомство Министерства культуры и информации. На Украине Государственный комитет архивов передан в подчинение Министерства культуры и туризма. В Кыргызстане с 1998 г. Департамент по архивному делу передан в ведомство Министерства образования, науки и культуры республики (Козлов В.П. Архивы СНГ в период демократических преобразований. Доклад на 52-й сессии Международного Совета архивов. Куала-Лумпур, 2008. С. 3–4; Архивное дело в странах СНГ в 1992–1998 гг. / Аналитический обзор. М., 2002. С. 7–16). Сегодня на рассмотрении находится проект постановления правительства республики о передаче архивов в ведение Администрации Президента Республики Узбекистан.

Совершенствование деятельности Агентства «Узархив» способствует не только повышению качества контроля над работой государственных и различных ведомственных архивов, но и позволяет найти пути решения актуальных проблем развития и расширения сети архивов. В частности, 20 сентября 2019 г. Президент Республики Узбекистан подписал Указ «О мерах по совершенствованию архивного дела и делопроизводства в Республике Узбекистан» и Постановление «О совершенствовании деятельности Агентства «Узархив» Республики Узбекистан», согласно которым все центральные госархивы были преобразованы в Национальные архивы, а архив города Ташкента стал Центральным архивом.

Согласно актуальным статистическим данным, в период независимости число государственных архивов республики заметно выросло (Таблица 1).

Таблица 1.

Развитие сети государственных архивов Узбекистана

Государственные архивы	Годы			
	1991	2005	2009	2019
Национальный архив Узбекистана (НАУз)	1	1	1	1
Национальный архив кинофотофонодокументов Республики Узбекистан (НА КФФДУз)	1	1	1	1
Национальный архив научно-технической и медицинской документации Узбекистана (НА НТМДУз)	1	1	1	1
Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан	1	1	1	1
Его филиалы	-	6	10	10
Областные государственные архивы	12	12	12	12
Их филиалы	55	59	71	75
Центральный государственный архив г. Ташкента	1	1	1	1
Всего	72	82	98	103

Как видно из таблицы, к 2019 г. количество госархивов увеличилось в 1,5 раза, что произошло за счет увеличения количества филиалов областных государственных архивов и филиалов ЦГА Республики Каракалпакстан. Данный процесс непосредственно был связан с резким ростом количества сдаваемых на хранение документов. В частности, если в 1991 г. в государственных архивах республики было сосредоточено свыше 5,4 млн дел, то в 2005 г. – 7,1 млн единиц хранения, а к 2018 г. это число выросло до 8,4 млн единиц хранения. При этом рост количества управленческой документации, поступающей в архивы, составил 147 %, документов личного происхождения – 175 %, кинодокументов – 114 %, фото – 120 %, фонозаписей – 123 %⁷⁸⁵.

В то же время до 2010 г. значительная часть госархивов сталкивалась с проблемой отсутствия свободных площадей, помещений в хранилищах, что оказывало заметное негативное влияние и на качество обеспечения сохранности архивных документов. Для решения вышеперечисленных задач

⁷⁸⁵ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2015 г.

правительство Республики Узбекистан в 2009 г. выделило из государственного бюджета 2 млрд умм, а также из внебюджетных средств архивов – 4,5 млрд умм⁷⁸⁶.

Наряду с госархивами заметно расширилась и сеть межведомственных хозрасчетных архивов документов по личному составу (МХАДЛС), создаваемых при местных органах управления – хакимиятах. К примеру, если в 1993 г. в республике функционировало всего 89 МХАДЛС, то в 2009 г. их число выросло до 122. Данные архивы выполняют немаловажную роль в удовлетворении информационных потребностей граждан. Так, если в 2011 г. Госархивами было исполнено 112 тысяч запросов граждан, а МХАДЛСами – 300 тысяч, в 2014 г. данный показатель был увеличен госархивами на 164 тысячи, а МХАДЛСами на 330 тысяч⁷⁸⁷.

Однако в деятельности данных архивов существует несколько проблемных моментов. В частности, 78 % хранилищ названных архивов переполнены документами, здания и архивохранилища большинства из них не отвечают нормативным требованиям, а помещения приема посетителей, материально-техническая база, спектр оказываемых услуг требуют кардинальных обновлений.

При этом межведомственные хозрасчетные архивы по личному составу прикреплены к Агентству «Узархив» лишь организационно-методически и не обеспечиваются бюджетными средствами, 50 % организаций – источников комплектования архива ликвидированы, что создает серьезные экономические трудности. В результате этого в 2013–2018 гг. из-за нерентабельности 12 МХАДЛС были ликвидированы, а их документы переданы на хранение в соответствующие территориальные госархивы.

В соответствии с новыми указами от 20 сентября 2019 г., все межведомственные хозрасчетные архивы документов по личному составу будут преобразованы в государственные архивы документов по личному составу, а с марта 2020 г. – переданы в ведомственное подчинение Агентства «Узархив».

Если тенденция увеличения количества государственных архивов и межведомственных хозрасчетных архивов документов по личному составу была связана с увеличением объема документов, образовавшихся в результате ликвидации или приватизации государственных учреждений, то рост числа ведомственных архивов органов управления, организаций, учреждений и предприятий объясняется усилением нормативного воздействия и повышением внимания руководителей соответствующих учреждений к обеспечению сохранности своих архивных документов. Так, по данным статистики за 2009 г., в республике функционировало около 7 500 ведомственных архивов, а в 2019 г. их количество стало свыше 10 тысяч. Сегодня в ведомственных архивах хранятся более 1,2 млн единиц хранения документов, включенных в состав Национального архивного фонда (далее – НАФ)⁷⁸⁸.

⁷⁸⁶ Приложение 1. Пункт 2 Постановления № 194 Кабинета Министров «О дополнительных мерах по дальнейшему развитию архивного дела в Республике Узбекистан» от 26 августа 2008. С. 5.

⁷⁸⁷ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2016 г.

⁷⁸⁸ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2016 г.

Ежегодно из ведомственных архивов государственные архивы принимают на хранение свыше 200 тысяч единиц хранения документов.

Кроме того, на основании Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан за № 482 от 30.10.1999 ведомственные архивы 16 министерств и органов управления республики (Администрация Президента Республики Узбекистан, Академия наук, МИД, Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, Агентство «Узстандарт» и т. д.) наделены правом постоянного хранения документов НАФ. В данных архивах сосредоточено более 4,1 млн единиц хранения.

Пополнение Национального архивного фонда: успехи и сложности

Общественно-политические и социально-экономические реформы, проводимые в Узбекистане, усиливают внимание к вопросу планомерного комплектования архивов. Становление Узбекистана как независимого государства сопровождалось уничтожением идеологической монополии властных структур. Наряду с демократическими государственными институтами стали формироваться многочисленные частные предприятия, акционерные общества, совместные фирмы, компании, ассоциации, неправительственные организации. Среди них преобладали негосударственные формирования, являющиеся для государственных архивов совершенно новыми партнерами, в первую очередь, с точки зрения правовых основ взаимоотношений с ними.

Развитие частного сектора и политика демонополизации и децентрализации экономики страны, а также увеличение количества негосударственных организаций, предприятий и учреждений, в 1999–2009 гг. привели к созданию нового вида архивов – негосударственных архивов (НГА). В 2009 г. в Узбекистане функционировало 29 НГА, в частности: в г. Ташкенте – 1, в Республике Каракалпакстан – 11, в Навоинской области – 9, Кашкадарьинской области – 8. Изучение их деятельности путем анализа результатов анкетирования территориальных архивных управлений, проведенного весной 2009 г. Агентством «Узархив», позволило выявить существенные недостатки в их работе. Так, НГА, несмотря на установленные нормативные ограничения, оказывали услуги юридическим лицам, являющимся источниками комплектования государственных архивов по упорядочению архивных документов, включенных в состав НАФ Узбекистана. При этом качество проделанной работы не отвечало нормативным требованиям, что нанесло заметный ущерб полноценности информации и планомерному пополнению архивного фонда.

В отдельных случаях негосударственными архивами были приняты на хранение и архивные документы, включенные в состав государственной части Национального архивного фонда. Подобные случаи были выявлены и в г. Ташкенте, и в Республике Каракалпакстан⁷⁸⁹. В то же время, как показали результаты письменного опроса, в административно-организационном отношении негосударственные архивы не были подотчетны территориальным управлениям по архивному делу, что не позволяло последним быть в курсе их деятельности⁷⁹⁰.

⁷⁸⁹ Маматов А. Архивлар ҳаёт кўзгуси // Миллий тикланиш, 2009 йил 10 июн.

⁷⁹⁰ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2009 г.

Тем не менее ежегодное увеличение количества негосударственных организаций, предприятий, учреждений, в которых скапливается разного рода документация, подлежащая сдаче в архив, в частности документы по личному составу, ограниченность площадей архивохранилищ в государственных архивах, создают естественную потребность в расширении сети негосударственных архивов. Так, число НГА в 2012 г. выросло до 47. Учитывая, что деятельность значительной части НГА противоречила требованиям Закона «Об архивном деле» Республики Узбекистана и нормам, установленным Кабинетом Министров, к 2019 г. их количество резко сократилось до семи⁷⁹¹.

При этом естественные жизненные потребности и реформа правовой практики послужили толчком к выстраиванию взаимодействия между государственными и негосударственными архивами. На современном этапе развития НГА над ними установлены: 1) методическое руководство (агентство ведет единую политику в сфере архивного дела); 2) подотчетность в учете документов негосударственной части НАФ посредством предоставления информации в Государственный каталог НАФ. Как показывает мировая практика (США, Франция), увеличение количества негосударственных архивов позволяет решить ряд насущных проблем: во-первых, в определенной мере уменьшить прием государственными архивами документов непрофильных учреждений, что предотвращает переполнение госархивохранилищ документами временного хранения, и сосредоточить основное внимание на работе с документами НАФ; во-вторых, развить негосударственный сегмент НАФ; в-третьих, планомерно распределить функции между архивами в исполнении запросов юридических и физических лиц.

В этих условиях необходимо было пересмотреть критерии дальнейшего выбора источников комплектования архивов и найти новые пути качественного пополнения НАФ. В связи с этим, в первую очередь, возникла проблема выбора из множества потенциальных организаций и учреждений, чьи документы в действительности представляли историческую и научную ценность. Применявшиеся в архивной практике СССР критерии определения круга источников комплектования государственных архивов⁷⁹² в новых условиях почти не действовали, так как они были разработаны применительно к конкретным историческим реалиям прошлого. Изменение политической системы, исчезновение иерархических ведомственных структур лишили смысла такие понятия, как значение организации или масштаб ее деятельности. В XXI веке государственные архивы работают с юридическими лицами разных форм собственности, а масштабы и значение их деятельности являются величинами непостоянными, меняющимися в зависимости от множества факторов.

Как следует из таблицы № 2, основной объем собранных в госархивах материалов составляют документы государственных учреждений, значительная часть которых относится к советскому периоду.

⁷⁹¹ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2019 г.

⁷⁹² Основные правила работы государственных архивов. М., 1980; Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. М.: Типография им. Воровского, 1980. 164 с.

Таблица 2.

Статистические данные об архивных фондах госархивов на 2009 г.⁷⁹³

№	Территория	Фонды государственных учреждений (в тыс.)	Фонды негосударственных учреждений ⁷⁹⁴ (в тыс.)	Документы НАФ (в тыс.)	Документы по личному составу (в тыс.)
1	Андижанская обл.	1 210	539	453,8	417,5
2	Бухарская обл.	1 031	612	334,5	158,3
3	Джизакская обл.	1 158	1 034	347,7	60,6
4	Кашкадарьинская обл.	5 572	19	224,6	251,0
5	Наманганская обл.	1 408	871	383,1	437,8
6	Навоинская обл.	670	141	147,3	55,6
7	Самаркандская обл.	997	33	304,4	664,3
8	Сырдарьинская обл.	1 324	368	294,0	233,0
9	Сурхандарьинская обл.	440	544	390,0	184,0
10	г. Ташкент	4 466	1 293	283,0	69,3
11	Ташкентская обл.	1 489	1 362	523,0	642,6
12	Ферганская обл.	1 294	3 285	330,1	225,1
13	Хорезмская обл.	689	730	232,7	245,6
14	Республика Каракалпакстан	296	655	212,7	125,2
15	НА НТМД Уз	85	46 (из них 44 л/ф)	222,2	17,0
16	НА КФФД Уз	38	17 (из них 3 л/ф)	266,5	0
17	НАУз	2800	199 (л/ф)	1 653,0	93,0
Всего		24 967	11 748	6 602,6	3 879,9

В качестве негативного фактора, влияющего на качество архивирования документов Узбекистана периода независимости, необходимо отметить неполноценную или несвоевременную передачу на хранение архивных документов учреждениями, являющимися источниками комплектования архивов. Как показали результаты изучения Агентством «Узархив» состояния комплектования госархивов в 2016 г., из 9 600 организаций – источников комплектования – в 687 содержатся документы НАФ с истекшими сроками ведомственного хранения.

⁷⁹³ Текущий архив Агентства «Узархив» на 2009 г.

⁷⁹⁴ Представленные в таблице цифры о фондах негосударственных учреждений в значительной мере относятся к ликвидированным или не являющимся источниками комплектования госархивов частным хозяйственным и общественным организациям.

К основным факторам, сдерживающим полноценное комплектование негосударственной части НАФ, можно причислить недостаточную разработанность правового вопроса ее формирования, нехватку финансовых средств для приобретения документов, а также слабую работу архивов по созданию личных архивов граждан. При этом значительная часть госархивов не укомплектована квалифицированными сотрудниками, занимающимися выявлением новых источников комплектования.

В этом отношении, как показывает практика работы ведущих архивов мира, наряду с комплектованием архивов официальной документальной базой требуется сбор нетрадиционного архивного материала. Это, в свою очередь, позволит расширить возможности архивов в удовлетворении информационной потребности не только общества, но и современных исследований. К примеру, в США и во Франции уделяют особое внимание сбору и формированию своеобразного архивного фонда материалов устной истории. По тематическому содержанию коллекции устной истории делятся на пять групп: 1) биографии; 2) социальные, профессиональные, этические группы; 3) институты и учреждения; 4) история штатов и городов; 5) определенная проблема и событие. Кроме того, архивами Германии, России придается большое значение сбору «эго-документов», т. е. дневников, мемуаров, воспоминаний и личной переписки не только известных лиц, но и обычных граждан – участников или очевидцев событий.

Научно-информационная работа узбекских архивистов

Одним из основных направлений деятельности государственных архивов является организация использования архивных документов, которую можно рассматривать как одну из форм научно-информационной работы. Исходя из практики организации использования архивных документов, в качестве основных можно выделить: а) управленческие; б) политические; в) экономические; г) научные; д) культурно-просветительские; е) социально-правовые цели.

Рост значения архивов можно проследить и по показателям исполнения тематических запросов. К примеру, если в 1991 г. госархивы на основе архивных документов исполнили свыше 1 200 тематических запросов юридических лиц, то к концу 2016 г. общее число исполненных архивами тематических запросов составило свыше 9 тыс.⁷⁹⁵.

Как известно, качество исторических исследований напрямую зависит от организации доступа ученых к архивным документам. Рассмотрим основные показатели этой работы на примере деятельности НАУз за 2010–2016 гг. НАУз, являясь одним из крупных архивов Средней Азии, ежегодно предоставляет услуги значительному количеству исследователей (Диаграммы 1, 2)⁷⁹⁶.

⁷⁹⁵ Текущий архив Агентства «Узархив» на 2016 г.

⁷⁹⁶ Материалы отчета работы читального зала ЦГА РУз за 2010–2016 гг. / Текущий архив ЦГА РУз.

Диаграмма 1.
Показатели работы ЦГА РУз за 2010–2016 гг.

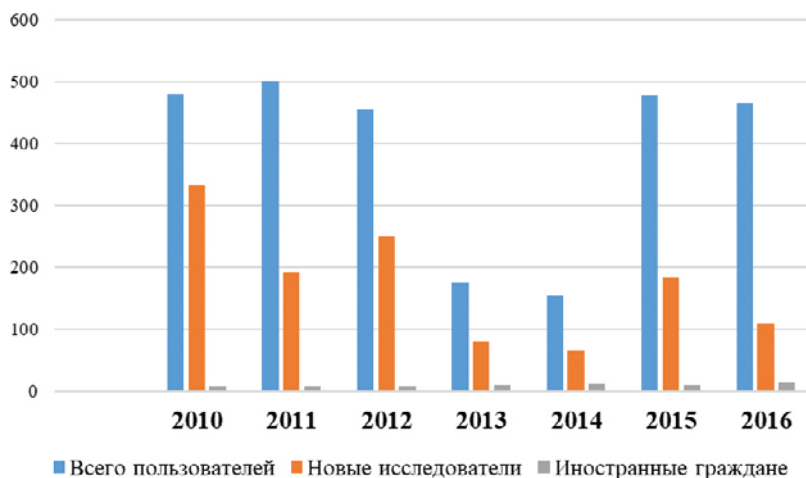


Диаграмма 2. Статистика работы пользователей ч/з
ЦГА РУз в 2010–2016 гг.



Как видно из диаграмм, число пользователей до 2016 г. изменялось незначительно и имело тенденцию к сокращению. Снижение числа исследователей было связано с переходом в 2012 г. на одноступенчатую систему защиты научных работ: в результате до 2016 г. защита кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам была де-факто приостановлена.

С переходом на двухступенчатую систему защиты диссертаций (PhD и DSc) в читальных залах госархивов вновь появилось много посетителей (Таблица 3). Рост числа зарубежных исследователей в архивах прямо связан с изменениями узбекского внешнеполитического курса.

Таблица 3.

Статистика работы исследователей в читальном зале ЦГА РУз⁷⁹⁷

Год	Всего пользователей	Из них:		Кол-во выданных дел	Кол-во изготовленных ксерокопий (в листах)	Кол-во электронных копий (в кадрах)
		новые исследователи	иностранцы			
2017	350	99	8	15 021	2 856	10 781
2018	326	139	27	19 290	1 154	7 187
2019⁷⁹⁸	321	165	13	31 591	103	7 849

С 2008 г. в ЦГА РУз расширен спектр услуг, оказываемых исследователям. Сегодня наряду с ксерокопией изготавливаются электронные копии документов как на бумажных носителях, так и на микрофильмах. Резкое уменьшение количества заказов электронного копирования объясняется увеличением цены на копии архивных документов.

Организация использования и доступа к архивным документам является одним из важных показателей качества работы государственных архивов. За прошедшие четверть века в архивной системе современного Узбекистана осуществлена кардинальная реформа нормативно-правовой базы, положительные изменения наблюдаются в сфере демократизации системы управления архивами и использования архивных источников. Последовательно с ослаблением режима запретности активизировалась работа государственных архивов по снятию ограничений доступа исследователей к документам. В частности, постепенно архивы Узбекистана стали открыты и для иностранных исследователей из США, Германии, Великобритании, Италии, Израиля, Франции, Японии, Южной Кореи, Китая.

В этом отношении хотелось бы обратить особое внимание на хронологические рамки и вообще на научный интерес отечественных исследователей. Анализ архивных исследований узбекских исследователей позволил выявить следующие направления научных работ (Таблица 4).

Таблица 4.

Данные о количестве и тематике исследований отечественных ученых, занимавшихся в архивах Республики Узбекистан⁷⁹⁹

Тема и период	Годы						Всего, чел.
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
История Туркестанского края второй половины XIX – начала XX вв.	58	42	36	58	75	30	299
История УзССР в 1924–1990 гг.	56	50	50	44	63	29	292
Узбекистан в период независимости	21	22	18	26	40	9	136
История Туркестана в 1917–1924 гг.	25	24	19	11	19	9	107
История Средней Азии до второй половины XIX в.	10	15	13	21	17	14	90

⁷⁹⁷ Материалы отчета работы читального зала ЦГА РУз за 2010–2016 гг. / Текущий архив ЦГА РУз.

⁷⁹⁸ Данные приведены по состоянию на третий квартал 2019 г.

⁷⁹⁹ Материалы отчета работы читального зала ЦГА РУз за 2005–2010 гг. / Текущий архив ЦГА РУз.

Тема и период	Годы						Всего, чел.
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
История Бухарского эмирата второй половины XIX – начала XX вв.	10	8	6	12	10	2	48
Неисторические проблемы	22	4	7	4	4	3	48
Этнография Узбекистана	6	4	4	7	8	4	33
История Хивинского ханства второй половины XIX – начала XX вв.	8	8	2	3	9	2	32
Вопросы архивного источниковедения	6	5	7	2	3	2	25
История Бухарской народной социалистической республики	3	2	3	9	6	1	24
Узбекистан в годы войны (1941–1945 гг.)	8	4	-	3	5	1	21
История архивного дела	-	3	1	2	4	6	16
История Хивинской народной социалистической республики	2	1	1	2	2	2	10

Анализ научных предпочтений исследователей показывает то, что архивные фонды, отражающие историю Узбекистана в период второй половины XIX – XX вв., а именно экономическую, политическую и духовную жизнь Туркестанского края в период господства Российской империи и после установления советской власти, являются наиболее популярными.

Малоизученность архивных фондов, отражающих историю среднеазиатских ханств, объясняется сложностями перевода документов со староузбекского, арабского, персидского языков. В свою очередь, вопросы истории архивного дела, отечественного источниковедения и археографии непосредственно взаимосвязаны с вопросом подготовки соответствующих специалистов в масштабах республики. Низкий исследовательский интерес также характерен для тематики истории Узбекистана в военный (1941–1945 гг.) и послевоенный период.

Необходимо отметить, что среди научных тем были и вопросы, остающиеся вне поля зрения историков из Узбекистана. В частности, это история становления и развития дипломатики (документалистика, документоведение), социальная история среднеазиатских государств, повседневная жизнь населения, история диаспор, земельно-водные отношения в ханствах, традиционная система образования в медресе Бухары, история транспорта, история медицины и гигиены, транслокальные связи населения, этнокультурные процессы, градостроительство и архитектура, а также культурные изменения советского периода.

Хронологические рамки научных работ иностранных исследователей также в основном охватывают историю досоветского и раннего советского периода с акцентом на имперский период. Зарубежные и отечественные исследователи зачастую неоднозначно высказываются о доступности архивов Узбекистана, что связано: а) с проблемой закрытости архивных фондов; б) с трудностью оформления доступа для иностранных исследователей.

Действительно, в этом отношении архивы Узбекистана отстают от глобального процесса рассекречивания архивных материалов. В нормативных документах срок временного хранения секретных документов в ведомствен-

ных учреждениях определен в количестве 30 лет, по истечении которого представители соответствующего ведомства должны провести экспертизу документов и принять решение о рассекречивании и передаче документов в государственные архивы на открытое пользование либо вынести заключение об оставлении документов на секретном хранении. Однако сроки рассекречивания документов в государственных и ведомственных архивах Узбекистана, в России и ряде других государств на постсоветском пространстве, не всегда соблюдаются. Учитывая, что данный вид деятельности во многом зависит от работы экспертов ведомств, а также от межведомственных комиссий, архивы в такой ситуации оказываются практически бессильны, чтобы повлиять на процедуру рассекречивания.

Тем не менее, как показывает мировой опыт работы архивов, практика направлена на то, чтобы выделить наиболее «конфиденциальные» документы в особую категорию и установить более длительные сроки ограничений на их использование⁸⁰⁰.

Решение проблемы доступа к документам, как показывает история и современная общественно-политическая практика, в значительной степени зависит от активности самых исследователей – историков. Как известно, развитие исторической науки во второй половине XIX в. и публичные требования историков относительно создания централизованных архивов способствовало трансформации архивов из «арсеналов власти» – в архивы «лаборатории истории»⁸⁰¹. В 2008 г. модернизация архивного законодательства Франции состоялась не вследствие реформ госаппарата или развития информационных технологий, а была связана с изменением отношений между гражданским обществом и государством⁸⁰². Иными словами, либерализация использования и доступа к архивным материалам, в первую очередь, может быть достигнута повышением научного интереса исследователей и консолидацией архивистов и историков.

Второй вопрос – о доступе иностранных исследователей – требует специального исследования. Почему архивы Узбекистана в первые годы независимости были малоизвестны исследователям, но легкодоступны? А сегодня, когда они активно стали цитироваться крупными зарубежными специалистами по истории Центральной Азии, по мнению некоторых ученых, становятся «труднодоступными», «закрытыми»⁸⁰³?

⁸⁰⁰ <http://marinakr.blogspot.com/2017/02/bundesarchivgesetz-barchg.html>; http://rusrim.blogspot.com/2012/06/blog-post_6643.html.

⁸⁰¹ Старостин Е.В. Французскому историку-архивисту Р.-А. Ботье – 75 лет. // Отечественные архивы. 1997. № 6. С. 112–113; Starostin. E. V. Fransuzskomu istoriku-arxivistu P.-A. Boetie – 75 let. [French historian-archivist R.-A. Boetie – 75 years] Otechestvennye arxiv [Domestic archives] 1997. № 6. P. 112–113.

⁸⁰² В 1994 г. премьер-министр Э. Балладюр поручил государственному советнику Г. Бребану подготовить доклад об итогах применения закона об архивах 1979 г. в течение последних 20 лет. Доклад Бребана был опубликован в 1996 г. и нашел широкий отклик среди историков, архивистов и общественных деятелей. Одним из основных из 40 высказанных в этом докладе предложений было сократить сроки секретности для документов, поступивших на государственное хранение. См. Подробно Prozorova V. French archives law of July 15th 2008: redaction and debate history (<http://www.vestarchive.ru/za-rybejom/1821-francyzskii-zakon-ob-arhivah-ot-15-iyulia-2008-g-istoriia-podgotovki.html>).

⁸⁰³ Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область past-исследований // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 209–258.

Как показывает приведенная выше статистика, иностранные исследователи имеют доступ к материалам узбекских архивов (см. диаграмму 1). Согласно нормативным правилам работы пользователей в читальных залах государственных архивов Республики Узбекистан, зарегистрированным Министерством юстиции от 17.06.2002 за №1053-1, допуск иностранных пользователей в читальные залы государственных архивов производится с письменного согласия Министерства иностранных дел Республики Узбекистан в соответствии со следующими установками:

а) на основе двусторонних соглашений о научном и культурном обмене на принципах взаимности в той мере, в какой граждане Республики Узбекистан имеют доступ к архивным документам соответствующего государства;

б) при отсутствии двустороннего соглашения между Республикой Узбекистан и государством – страной проживания иностранного пользователя – он допускается к работе с документами по согласованию с Министерством иностранных дел Республики Узбекистан.

В письменном согласии МИДа указывается название страны проживания пользователя, фамилия, имя, отчество, его образование, ученая степень, название темы и ее хронологические рамки, цель исследования, в каких архивах может работать.

Очевидно, что подобный порядок создает трудности на пути оформления допуска и сопряжен с существенными временными затратами.

Зарубежные исследователи о работе в узбекских архивах

В последние десятилетия мировое архивное сообщество уделяет большое внимание обсуждению правовых проблем государственного регулирования и совершенствования работы архивов по организации доступа и использования архивных материалов. На ход подобных дискуссий в Узбекистане влияют мнения зарубежных исследователей, знакомых с местными архивами.

Историографический анализ подобных публикаций позволяет условно квалифицировать исследователей, согласно теории Эдварда Саида об ориентализме как инструменте европейской колониальной политики, на две категории: первая – ученые, преследующие преимущественно исследовательские цели и служащие на благо науки. Вторая группа – исследователи, проводящие под эгидой науки «заказные» изыскания, в которых больше учитываются определенные политические стратегии финансирующих их организаций. Финансовая зависимость этой группы ученых зачастую заставляет их забыть об объективности научных выводов.

К числу исследователей первой группы можно отнести американского востоковеда Адиба Халида, который на основе изучения архивных материалов по истории Средней Азии в начале XX в. опубликовал статьи и монографии, имеющие как практическую, так и источниковедческую ценность. В исследовательском отчете о восьмимесячной работе в архивах Узбекистана в 2000–2001 гг. он даёт общую информацию о деятельности Центрального государственного архива Республики Узбекистан, государственных архивов города Ташкента и Самаркандской области, а также приводит краткий обзор архивных фондов. Начавший свои исследования в архивах Узбекистана еще в первые годы независимости страны, автор тепло отзывается о профессио-

нализме архивных сотрудников и обращает отдельное внимание исследователей на условия по заказу копии архивных документов. В качестве сравнения Адиб Халид отмечает, что копирование архивных документов в Узбекистане в начале 1990-х годов стоило в 5 раз дешевле российских аналогов⁸⁰⁴.

В другой статье архивно-источниковедческого характера автор дает ценные рекомендации по использованию архивных материалов. Описывая схему устройства архивов с точки зрения их документального наследия, Адиб Халид делит их на: 1) государственные архивы, хранящие документы различных органов управления и учреждений; 2) архивы компартии Узбекистана; 3) архивы правоохранительных органов. Относительно доступности данных архивов он подчеркивает, что государственные архивы Узбекистана более открыты для изысканий, нежели ведомственные⁸⁰⁵.

Сравнивая документальный потенциал архивов Узбекистана, России и Киргизстана в изучении мусульманского вопроса, он разбивает их на два исторических периода (колониальный и советский). При этом автор, обращая особое внимание на источники комплектования и истоки формирования архивных фондов в постсоветских архивах, рекомендует потенциальным исследователям использовать документы государственных архивов в сочетании с материалами периодической печати, манускриптами и книгами на местных языках, а также документами из частных коллекций. По мнению А. Халида, именно эти материалы, менее зависимые от государственного дискурса, помогут услышать реальные голоса носителей исламских воззрений и объективно оценить общественно-политическую реакцию местного мусульманского населения.

Как показывает практика, научная апробация подобных материалов оказывает заметное влияние на качество последующих работ. К примеру, Дж. Пикетт, защитивший в 2015 г. в Принстонском университете (США) докторскую диссертацию, подчеркивает особую роль Адиба Халида, повлиявшего на выбор его исследовательской темы⁸⁰⁶. Работа Дж. Пикетта также была написана на сочетании различных видов исторических источников, среди которых, как утверждает сам диссертант, немаловажное значение сыграли архивные материалы Узбекистана. Высоко оценивая документальное архивное наследие республики, автор выразил признательность архиву, оказавшему большое содействие в его работе⁸⁰⁷.

Публикации ряда других ученых доказывают существование традиционной практики архивирования и хранения документов в Средней Азии даже в древний период⁸⁰⁸. Например, итальянский ученый Паоло Сартори отмеча-

⁸⁰⁴ Khalid Adeeb. Recent work in archives in Uzbekistan and Russia // *Central Eurasian Studies Review*, 2002. Vol. 1, No.1. P.18-19.

⁸⁰⁵ Khalid Adeeb. Searching for Muslim Voices in Post-soviet Archives // *Ab Imperio*. 2008. No 4. P. 303.

⁸⁰⁶ Будучи студентом Карелтонского колледжа, диссертант получил свои первые знания о Центральной Азии именно от А. Халида, который по настоящее время содействует усовершенствованию его исследований своими рекомендациями.

⁸⁰⁷ Pickett J.R. The Persianate Sphere during the Age of Empires. A Dissertation Presented to the Faculty of Princeton University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. June 2015. – P.35-37.

⁸⁰⁸ Симс-Вильям Н. Новые бактрийские документы // *Вестник Древней истории*, 1997. – №3. – С. 3–10.

ет: «Архив хивинских ханов – это одна из самых богатых и хорошо сохранившихся коллекций документов из Центральной Азии до его завоевания Российской империей»⁸⁰⁹. Кроме того, Сартори показывает, как архивные материалы Узбекистана помогают исследователям изучить местную практику делопроизводства, а многообразие исторических источников позволяет расширить исследовательские возможности⁸¹⁰. Основанные на глубоком анализе архивных материалов Узбекистана данные публикации раскрывают значение коллекции архивов среднеазиатских ханств казийских, бийских судов, вакуфных документов, сформированных еще в доколониальный период.

Вместе с тем в работах некоторых исследователей встречаются и критические отзывы об архивной политике Узбекистана⁸¹¹. Исследователи – Александр Моррисон, Марк Крамер⁸¹² – высказывают критические мнения о закрытости архивных фондов, связанных с деятельностью Коммунистической партии Узбекистана или КГБ (Комитета государственной безопасности) Узбекской ССР, которые труднодоступны не только для зарубежных исследователей, но и для значительного числа отечественных ученых.

В целом, изучение подобных публикаций служит ценным источником для проведения сравнительного анализа тенденций развития архивной политики в постсоветских республиках. Кроме того, они помогают посмотреть на ситуацию со стороны, выявить слабые стороны отечественного архивного строительства и предложить дальнейшие направления его усовершенствования.

Заключение

Рассматривая архивное строительство в Узбекистане как часть государственной политики по сохранению исторической памяти и конструированию гражданской идентичности, можно констатировать, что после 1991 года ситуация в архивном деле существенно изменилась: была радикально обновлена нормативно-правовая база, приняты государственные программы, направленные на улучшение материально-технической базы архивов, создана система подготовки кадров и повышения квалификации специалистов, занимающихся формированием Национального архивного фонда, который понимается максимально широко – как корпус документов государственных и негосударственных архивов, хранящихся как внутри Ре-

⁸⁰⁹ Sartori P. Seeing Like a Khanate: On Archives, Cultures of Documentation, and 19th Century Khorezm // *Journal of Persianate Studies* 9/2 (2016).

⁸¹⁰ Sartori P. Murder in Magishlaq: Notes on an Instance of Application of Qazaq Customary Law in Khiva (1895) // *Der islam*, 88 (2012), pp. 217-257; Ibit, "On Khorezmian Connectivity: Two or Three Things I know about It" // *Journal of Persianate Studies* 9/2 (2016).

⁸¹¹ К примеру, проработавшая в архиве Самаркандской области Кристина Эванс описывает всю внешнюю картину, окружавшую ее: окружающую среду, коммунальные условия, слабую оснащенность помещений архива, которые мешали ей сосредоточиться. Однако автор умалчивает о своих исследовательских находках и информационном потенциале архива, выявленном в ходе ее работы с архивными фондами.

⁸¹² Morrison A. Russian rule in Samarkand 1868–1910. A comparison with British India. New York: Oxford University Press, 2008. Pp. XXIX. Ibid, "Archives: Central Asia", in: *Encyclopaedia of Islam*, THREE, Edited by: Kate Fleet, Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas, Everett Rowson. Consulted online on 22 September 2016 <http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_ei3_COM_24236>. First published online: 2016; Kramer M. "Archival Policies and Historical Memory in the Post-Soviet Era," in: *Demokratizatsiya* 20, no. 3 (2012): 213, .

спублики, так и за ее пределами⁸¹³. Государство стремится навести порядок и в сфере негосударственных архивов.

Однако, как показывает наше исследование, с учетом глобальных процессов, протекающих в мировом архивоведении, современная нормативная правовая основа доступа к архивам Республики далека от масштабной либерализации, особенно в части доступа к ведомственной документации советского периода. В этом отношении архивная политика Узбекистана отличается относительной закрытостью по сравнению с тем, как дело обстоит в некоторых постсоветских республиках. Сравнительно большая открытость в части документов советского периода, характерная, к примеру, для архивов Украины, стран Балтии, на наш взгляд, продиктована стремлением политиков данных государств использовать документы партийных и советских органов для обличения советского исторического наследия, формирования общественного мнения в духе неприятия политики бывшего союзного центра, поддержания негативного имиджа России как правопреемницы Советского Союза.

В то же время курс на открытость архивов должен быть поддержан общественным запросом, интересом исследователей к тем или иным темам. Как мы показали выше, в последние два десятилетия наибольшее внимание узбекских и зарубежных ученых приковывают материалы, относящиеся к истории Туркестана как части Российской империи, что во многом объясняется сохранностью документов, их сравнительной многочисленностью и отсутствием языкового барьера. Однако не стоит забывать, что узбекская история, как и история многих государств – бывших среднеазиатских республик, усилиями европейских и американских историков прочно вписана в мировую проблематику колониальных исследований, когда эпоха российского завоевания второй половины XIX века и советская модернизация века XX рассматриваются через призму укрепления российско-советского имперского курса, расширения российского имперского пространства. Это, в свою очередь, не всегда находит понимание со стороны российского востоковедного сообщества, предлагающего более взвешенное и сложное видение узбекско-российского взаимодействия.

С данных позиций относительная закрытость узбекских архивов, особенно в части доступа иностранных исследователей, может свидетельствовать о нескольких ключевых моментах: о важности культурного наследия, сформированного в советский период истории Узбекистана и невозможности его огульного обличения и отрицания; о влиятельности советской политической традиции и элитарных групп, уходящих корнями в советскую эпоху, а также о текущих геополитических предпочтениях руководства Республики.

⁸¹³ В частности, недавно созданный при Кабинете министров Республики «Центр исследований культурных ценностей Узбекистана, находящихся за рубежом», занимается выявлением культурных ценностей, находящихся за пределами страны, установлением двусторонних культурных связей с музеями, архивами, библиотеками, фондами и частными коллекциями. Его представители летом 2019 г. посетили с рабочим визитом Москву и Санкт-Петербург, подписали соглашения о сотрудничестве с крупнейшими научными учреждениями и библиотеками России, обладающими коллекциями документов разных эпох по истории Узбекистана (см.: Визит специалистов из Узбекистана в РГБ // <https://www.rsl.ru/ru/all-news/vizit-speczialistov-iz-uzbekistana-v-rgb>, дата обращения – 10 сентября 2019 года).

Геополитические репрезентации внешней политики России в отечественных и зарубежных историографических источниках

Аннотация: Статья посвящена анализу и оценке интерпретаций истории внешней политики российского государства в работах советских, российских, европейских и американских исследователей. Первая особенность представленного исследования заключается в направленности анализируемых историографических источников на период с начала XVIII до начала XXI века. Его вторая особенность связана с включением в состав данной совокупности источников работ, написанных в области не только исторической науки, но также в сфере политической науки, международных отношений и региональных исследований. В качестве основной проблемы при оценке данных текстов в статье подчеркивается различное отношение конкретных авторов к определению применяемой ими совокупности обобщающих концептуальных интерпретаций и изучения конкретных событий внешней политики российского государства. В качестве таких событий в тексте выделены внешняя политика Петра I, война России с Японией, Первая мировая война, формирование внешней политики советского государства, факты «холодной войны» и внешняя политика Российской Федерации после провозглашения ее государственной независимости.

Ключевые слова: внешняя политика, российское государство, историография, источники, геополитическая репрезентация, региональные исследования.

Geopolitical representations of Russia's foreign policy in domestic and foreign historiographical sources

Abstract: Paper is devoted to analysis and to evaluation of interpretation of external policy of Russian state in works of soviet, Russian, European and American scientists. First feature of presented study includes in orientation of analyzing historiographic sources to period from beginning of XVIII to beginning of XXI century. Its second feature is connected with inclusion to this community of sources of works created not only in sphere of historical science but also in sphere of political science, international relations and regional studies. In quality of main problem in evaluation of these sources in paper is indicated different attitude of concrete authors to definition of realized by them composition of generalizing conceptual interpretations and study of concrete events in external policy of Russian state. Among these events are presented external policy of Peter I, war of Russia with Japan, First world war, forming of external policy of soviet state, facts of "cold war" and external policy of Russian state after proclaiming of its state independence.

Key words: external policy, Russian state, historiography, sources, geopolitical representations, regional studies.

Изучение особенностей и моделирование перспектив развития внешней политики российского государства занимает значительное место в исследованиях многих зарубежных исследователей. Применительно к данной предметной области, в отличие, например, от сферы историко-экономических исследований, можно выделить достаточно жесткое разделение мировой историографии, выделение которой в качестве целостного интеллектуального явления было характерно для периода перестройки в СССР, на западное и евразийское направления. Сущность евразийского направления заключается в том, чтобы продемонстрировать и обосновать особую идентичность институциональной и политической истории России, которая в отличие от многих европейских государств и других, находящихся от нее к западу стран может иметь особый путь исторического развития. В частности, данная интенция являлась основной при формировании доктрины многополярности внешнеполитического курса российского государства в период, начавшийся с конца 1990-х гг. после вызванной боевыми действиями на территории югославского субрегиона дискуссии с бывшими оппонентами стран социалистического блока периода «холодной войны». Западное направление в сфере интерпретации внешнеполитического курса России, временный ренессанс которого произошел в период конца 1980-х и большей части 1990-х гг., основывается на отрицании возможной многовекторности в его реализации, предполагает формирование представлений о неестественности и, следовательно, о временности данного курса. При этом все ситуации военного и дипломатического развития воспринимаются сторонниками западнической концепции в качестве проявлений либо попытки догнать европейские и североамериканские страны путем признания и заимствования ценных стратегий развития, либо кризиса, который рано или поздно закончится разрушительными явлениями. Характерным является тот факт, что именно такое восприятие всех фактов внешнеполитической истории России в имперский, советский и постсоветский периоды проявляется в работах западных в плане своей территориальной и геополитической принадлежности авторов независимо от отстаивания ими по-прежнему распространенных тоталитаристской и ревизионистской концепций применительно к изучению внутрироссийских процессов.

Вполне очевидной причиной такой методологической статичности является существование своеобразных идеологических архетипов, которые имеют длительную историю формирования и вызваны всегда имевшими конфликтный потенциал геополитическими отношениями между Россией, обладающей значительным и притягательным ресурсным потенциалом, и западными странами, испытывающими его дефицит. Данное объяснение основывается на актуальных для современной научной литературы исследовательских подходах, относящихся к области экспертной геополитики. Их приверженцы ведут обращенную ко всем регионам мира научную работу как в ведущих зарубежных центрах (например, в Национальном институте геополитики при университете Paris VIII⁸¹⁴), так и в российских высших учебных заведениях, среди которых следует, прежде всего, отметить Московский

⁸¹⁴ Loyer, Barbara. *Geopolitique: Methodes et concepts*. Paris, Armand Colin, 2019. 226 p.

государственный институт международных отношений⁸¹⁵. В основе данных подходов, применяемых к изучению специфики развития различных регионов и входящих в их состав стран, находится представление о том, что одним из наиболее важных и распространенных процессов в развитии территориально-политических институтов власти и этносоциальных процессов является стремление к освоению новых территорий. В связи с этим с точки зрения экспертной геополитики еще до момента ее становления в данном понятийном качестве Россия всегда рассматривалась в качестве пространственной среды, имеющей богатый по содержанию и нуждающийся в освоении ресурсный потенциал. С другой стороны, еще со времен выхода из зависимости от монгольского ига и начала расширения своей территории в направлении Поволжья и Сибири ее стали воспринимать в качестве потенциальной евразийской империи, правящие круги которой стремились добиться выхода за пределы узких границ восточноевропейской равнины⁸¹⁶. В дальнейшем восприятие развития российского государства в рамках геополитического пространства зависело от колебаний в его положении по отношению к странам, идентифицируемым в качестве образа западного мира по отношению к нему. Эти колебания представляли собой циклы от периода кризиса и распада, нередко сопровождавшегося нарастанием социальной нестабильности, к восстановлению и далее к стремлению восстановить в прежних границах или даже расширить свое внешнее влияние. Перспектива достижения высшей позитивной точки в рамках этой динамики, которая в настоящее время признается близкой в связи с внешнеполитическими достижениями России на Ближнем Востоке, в Причерноморье и на пространстве евразийской интеграции, всегда встречала попытки противодействия.

Данный процесс имеет ярко выраженный, закономерный характер, имея под собой в том числе и теоретические основания, которые могут быть почерпнуты из сферы смежных по отношению к исторической науке региональных исследований. Исходя из своего геополитического положения, связанного с наличием достаточно большого числа внутренних водоемов и ограниченного объема внешних морских границ, соседствующих с границами других, нередко обладающих большим военным потенциалом стран, Россия на протяжении длительной и в том числе продолжающейся истории идентифицируется в качестве части территории Хартленда. Это обозначает стремление продвинуть свое влияние к новым, имеющим привлекательный характер внешним пограничным территориям и, в частности, к овладению оснащенными бухтами, которые, в свою очередь, дадут возможность построения аналога «островного полумесяца». В связи с этим она, так же как, например, Германия, будет оказываться в состоянии устойчивого, в большей мере латентного противостояния со странами, относящимися к пространству территории Римленда в силу своего стремления оттеснить их от морских границ, например, с помощью создания военно-стратегических

⁸¹⁵ Мировое комплексное регионоведение: учебник. Под редакцией профессора А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 416 с.

⁸¹⁶ Каррер д'Анкокс, Элен. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007. 360 с.

плацдармов. Для обоснования подобной возможности периодически возникают и, следовательно, констатируются различные исторические примеры, для которых приводятся вполне рациональные обоснования. В частности, в связи с дискуссиями о причинах наступления и особенностях начала Второй мировой войны рассматривается представленный в документальных источниках, опубликованных в период распада советского государства, опыт расширения Советским Союзом своих границ в прибалтийском субрегионе в конце 1930-х гг., завершившийся вхождением в его состав стран Балтии⁸¹⁷. В зависимости от избираемой в качестве исходной точки зрения данный, объективно возникший факт имеет различную интерпретацию с точки зрения сторонников евразийской и западнической концепций развития внешней политики России. Если с позиций евразийского интеллектуального течения такого рода пространственная экспансия рассматривалась в качестве спасительного не только для советского государства, но и для всех антинацистских государств шага, то с западнической точки зрения она воспринималась в качестве проявления агрессии. Далее в сфере дискуссии оказывался исключительно вопрос о том, насколько вынужденным или, напротив, произвольным становился данный шаг.

Аналогичные интерпретации событий и этапов внешней политики России наблюдаются по отношению к оценке практически всех периодов, когда представители ее политического и при необходимости поддерживавшего их военного руководства стремились запланировать и далее реализовать намерения в сфере расширения своего территориального влияния. В частности, достаточно распространенным аргументом в пользу осуществления активных действий становилась защита местного, гипотетически положительно относящегося к получению внешней поддержки населения от внешних территориально-политических сил, рассматриваемых в качестве источника агрессии и возможных лишений. Если применительно к периоду конца 2000-х и 2010-х гг. в качестве практического примера для использования такой аргументации часто выступали и продолжают оставаться окраинные территории бывшего советского государства, то, например, в период второй половины XIX и начала XX в. в данном качестве выступали гораздо более отдаленные территории Ближнего Востока и затем Балканского полуострова.

В обоих случаях в качестве основной причины поиска и выбора пространства для последующей экспансии зарубежные исследователи видели стремление представителей политической и военной элиты российского государства повысить как авторитет страны в системе международных отношений, так и собственное влияние. В частности, применительно к периоду последних двух десятилетий, определяемому многими зарубежными авторами в качестве «эпохи Путина», внешнеполитическая активность России объясняется стремлением преодолеть кризис, вызванный последствиями распада советского государства. К периоду второй половины 1980-х гг. при этом присовокупляется восьмилетний период, в течение которого руководи-

⁸¹⁷ Полпреды сообщают...: Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 г. – август 1940 г./Министерство иностранных дел СССР. М.: Международные отношения, 1990. 540 с.

телем Российской Федерации был Б.Н. Ельцин. Он рассматривается, с одной стороны, многими аналитиками из западных стран и сторонниками приоритета космополитической либеральной демократии над национальными интересами России в качестве времени поиска либеральной альтернативы существовавшему до распада СССР и возродившемуся, по их мнению, в начале 2000-х гг. партийно-бюрократическому порядку управления. В частности, в настоящее время при интерпретации повышенной внешнеполитической и военной активности российского государства в ближневосточном и, более фрагментарно, в южноазиатском, юго-восточноазиатском и восточноазиатском регионах представители экспертного сообщества из бывших колониальных метрополий указывают на стремление руководства России к выходу из геополитической изоляции. В качестве аргументов при этом приводятся издержки, испытываемые от наложенных на Россию после присоединения территории Крымского полуострова и начала вооруженного конфликта в восточной части Украины санкций, и часто проявляющуюся тенденцию сближения между собой представителей авторитарных политических режимов. Применительно к более ранним историческим периодам как в зарубежной, так и в отечественной историографии также выявляются аналогичные процессы, связанные с мотивацией внешнеполитических действий представителей российского государства стремлением выйти из состояния изоляции по отношению к странам, относящимся к западному миру.

В частности, применительно к истории развития советского государства они с достаточным основанием выделялись в стремлении к экспорту изначально успешного революционного опыта советского государства в страны, где была достаточно высокой степень неудовлетворенности капиталистическими отношениями⁸¹⁸. При этом изначально еще в период, последовавший за революционными событиями 1848–1849 гг., во Франции и Австро-Венгрии на первый план выдвигались именно идеологические аргументы. В начале в качестве интегрирующего элемента, несмотря на поражение восстания Парижской коммуны, выдвигались футурологические положения марксистской теории о неизбежном кризисе капиталистической формации.

Затем, после прихода к власти в России представителей большевистской партии в качестве имиджевой и политической стратегии стало выдвигаться объединение рабочих и коммунистических партий, поддержка которого, впрочем, сочеталась представителями советского государства со стремлением сформировать новые дипломатические отношения со странами западного мира. Далее в рамках политики, прослеживавшейся применительно к стремлению расширять авторитет в рамках системы международных отношений руководители СССР вплоть до провозглашения доктрины «нового политического мышления» использовали уже в послевоенный период целый комплекс практических мер. Он сочетал в себе как прежние инструменты в виде продвижения коммунистической и социалистической идеологии и, следовательно, определенных усилий в сфере «экспорта революции», так и новые средства, возникшие благодаря отоброулизованному в том числе в интересах

⁸¹⁸ Ланской Г.Н. Международный контекст революционной идеологии в России начала XX в. // Исторический вестник. Революционный транзит: Россия. М.: Руниверс, 2018. Т. 23. С. 192–209.

борьбы за геополитическое влияние в так называемых развивающихся странах экономическому, дипломатическому и военному потенциалу. Именно по этой причине, о чем свидетельствуют, в том числе, и общеизвестные идеологические документы (например, произнесенная У. Черчиллем 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже в Фултоне речь), страны западного мира стали, как и в период до начала Второй мировой войны, использовать тактику сдерживания геополитической активности советского государства, ее ограничения в выше обозначенном пространстве Хартленда. Для достижения данной цели конструировались с целью последующей реализации идеологические проекты, что стало характерным свойством развития в период 1960–1980-х гг. американской школы региональных исследований, наиболее известным представителем которой являлся З. Бжезинский⁸¹⁹. В соответствии с создававшимися научными представлениями, сочетавшими в себе политологические установки, элементы философской теории цивилизационных культурно-исторических типов и синтезированные под конкретные теоретические построения исторические факты, происходил процесс повсеместной апроприации конфликтов различной степени интенсивности. В них советское государство и его геополитические оппоненты в лице стран западного мира могли выступать как в роли скрытых акторов (как, например, происходило в ходе событий гражданской войны в Афганистане), так и в значительно более редких случаях в качестве оппонентов, сталкивавшихся между собою напрямую. Данная форма конфронтации естественно проявлялась, главным образом, в форме конкурентной борьбы дипломатических представительств, которая в связи с провозглашенной М.С. Горбачевым⁸²⁰ и его единомышленниками доктриной нового политического мышления повсеместно заканчивалась отступлением представителей советской стороны, что, в частности, определило специфику явления «бархатных революций».

Примечательным является тот факт, что некоторые специалисты в области политической истории России, стремившиеся проследить в ней циклические движения в рамках динамики развития национального государства и общественных отношений, выявляли сходные черты между процессами падения дореволюционной российской и советской имперских моделей⁸²¹. В обоих случаях в качестве причин возникновения данных процессов ими подчеркивалась слабость и непоследовательность внешнеполитических действий представителей правящей элиты; игнорирование и в отдельных случаях имеющее подтверждающее обоснование игнорирование национальных интересов отдельными государственными и общественными деятелями, психологически и в ряде случаев практически тяготеющих к странам западного мира. Также при выявлении параллелей в событиях, приведших к упадку имперских моделей, указывалось на выявлявшееся в их рамках расхождение интересов представителей большинства населения и деяте-

⁸¹⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.

⁸²⁰ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. 270 с.

⁸²¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб: Изд-во СПбГУ: Воробьев, 1997. 159 с.; Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М.: Родина, 2019. 384 с.

лей, обладавших государственной властью. В качестве противников геополитического могущества России при этом обозначались представители крупного и частично среднего бизнеса, искавшие возможность заниматься спекулятивной деятельностью как в ходе событий Первой мировой войны, так и затем в условиях приватизации объектов российского экономического потенциала в ранний постсоветский период. Страдающей стороной в данном случае представлялась во многом идеализировавшаяся крестьянская община применительно к истории Российской империи и значительные слои населения бывшего советского государства, капиталовложения которых обесценились в результате избрания стратегии управления с помощью инструмента «шоковой терапии». С другой стороны, уже применительно к периоду 2000-х и 2010-х гг. исследователями приводятся положительные примеры геополитической интеграции, в условиях реализации которых сходятся интересы представителей правящих элит, деятелей бизнеса и стремящихся к благополучной жизни представителей широких слоев населения. В данном сочетании, отсутствовавшем как в период распада Российской империи, так и в условиях кризиса советского государства, специалисты видят, в частности, основу будущего благосостояния на значительной части территории так называемого постсоветского пространства⁸²².

Характерной чертой в рамках анализа как зарубежными, так и российскими авторами особенностей внешнеполитической стратегии развития России применительно к имперскому, советскому и постсоветскому периодам является стремление объяснить активные проявления данной стратегии внутренними факторами, имеющими политический, экономический и отчасти духовный характер. Данная линия в сфере выдвижения аргументов и последующих выводов является характерной для изложения различных по своему содержанию событий начиная со времени правления Петра I. Одним из первых российских ученых, подчеркивавших определяющую роль внутренней консолидации общества под руководством государственных институциональных структур и руководителя с лидерским потенциалом, был С.М. Соловьев. В своих опубликованных лекциях, прочитанных в связи с празднованием двухсотлетней годовщины со дня рождения Петра I, он указывал на то, что одним из главных оснований становления Российской империи в качестве государства, добившегося получения морской границы на западе, являлась внутренняя консолидация вокруг решения данной геополитической задачи⁸²³. Активные военные действия, ставшие наиболее успешными в районе прибалтийского субрегиона, и значительные достижения в области создания новой централизованной системы государственного управления в виде ее обновленных высших и центральных органов стали основой для формирования тех предпосылок, которые С.М. Соловьев и в значительной мере представители «государственной школы» в российской историографии считали основаниями для достижения исторического прогресса. К ним относились благоприятная для привлечения и накопления

⁸²² Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект. Глобальные процессы на постсоветском пространстве. СПб: Алетей, 2019. 904 с.

⁸²³ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 231 с.

естественного ресурсного потенциала пространственно-географическая среда, прочная и эффективная система реализации государственной власти и наличие лидеров, способных консолидировать для обеспечения поддержки своих амбиций имеющие большинство слои населения. Объективный характер и, следовательно, обоснованность данных факторов подтверждаются в рамках смежных по отношению к исторической науке региональных исследований, что обусловлено тремя факторами.

Первый из них заключается в том, что изначально их наличие было выявлено и обосновано на уровне фундаментальной философской теории, выдвинутой Г.В.Ф. Гегелем в рамках написанных им лекций по философии истории и совместившей в своих рамках метафизические и частично рационалистические основания⁸²⁴. Вторым фактором являлась эффективная интеграция на методологическом уровне положений данной теории в создававшиеся фундаментальные труды, представлявшие национальную историю конкретных, преимущественно европейских стран и их формировавшуюся роль в системе международных отношений. Именно на основе одного из таких глобальных исторических исследований была представлена национальная история германского государства, одним из создателей которой был Л. Фон Ранке⁸²⁵. Впоследствии в 1880–1890-х гг. она стала одним из оснований для формирования методологической направленности континентально-европейской школы теоретического регионоведения, одним из основоположников которой был сторонник идей Л. Фон Ранке Ф. Ратцель. Базовые концептуальные положения представителей данной школы основывались на сочетании философских положений гегелевской теории, интерпретации опыта исторического развития Германии и обосновании геополитических интересов Германской империи и ее союзников по отношению к другим западноевропейским странам.

В России данные, определявшие методологическую направленность историографических, социально-политических и философских теорий интеллектуальные основания складывались в более разобщенном ключе. Это было связано в значительной мере с существовавшей разобщенностью между представителями научного сообщества, которые либо тяготели к западническому направлению общественной мысли, либо стремились выстроить идеальный образ евразийской империи, и деятелями правящей элиты государства, которые ставили перед собой задачу сохранения собственной власти в обществе на основе достаточно абстрактной модели единства компонентов самодержавной власти, православного единства и общинной народности. Однако и в России в процессе формирования стратегии внешнеполитического развития ставившиеся задачи освоения дополнительной пространственной среды были обусловлены стремлением институциональных структур и их лидеров обеспечить внутренние социальные потребно-

⁸²⁴ Гегель Г.В. Ф. Лекции по философии истории. СПб: Наука, 1993. 477 с.

⁸²⁵ Дурновцев В.И. «Историческая школа» Л. фон Ранке и позитивистский историзм в судьбах современной исторической науки //Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения. Международная научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина. Москва: 7 апр. 2015 г.: Доклады, статьи и воспоминания /под общ. ред. чл.-кор. РАН В.П. Козлова. М.: Древлехранилище, 2017. С. 87–104.

сти, что подчеркивается в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, по достаточно распространенному среди других исследователей мнению английского историка Д. Хайта, «российская внешняя политика частично детерминировалась внутренним развитием. Стремление утвердиться в качестве великой державы также определялось отменой крепостного права и индустриализацией. К тому же основные войны, в которые она была вовлечена, имели значительный внутренний эффект»⁸²⁶.

Между тем с точки зрения исследователей, критически воспринимавших существовавшую в России авторитарную модель управления и дававших скептическую оценку уровня ее экономического потенциала по отношению к странам западного мира, представители российской правящей элиты были по объективным причинам ограничены в реализации своих геополитических амбиций. В связи с этим зарубежные авторы достаточно четко делят историю России применительно к имперскому, советскому и постсоветскому периодам на два периодически повторяющихся цикла. Первый из них связан с формированием конструктивных и в оптимальном случае союзнических отношений с руководителями более сильных по своему потенциалу государств «западного мира». В рамках второго цикла обобщаются все периоды, в течение которых государственные деятели, отвечавшие за формирование и реализацию внешнеполитического курса страны, вступали или планировали вступить в конфронтацию с представителями правящих элит стран Запада. Нередко данная, имеющая определенную степень упрощенности теоретическая конструкция приводила к имеющим внешне парадоксальный характер наблюдениям и выводам. В частности, объектами противопоставления стали придерживавшиеся общей самодержавной модели системы государственного управления императоры Александр III, отдававший предпочтение выстраиванию дипломатических связей на многополярном уровне, и Николай II, допускавший необходимость не всегда четко спланированных военных конфликтов.

Применительно к советскому периоду достаточно характерной стала своеобразная идеализация личности М.С. Горбачева, который позиционировался в положительном ключе по отношению к своим предшественникам во главе коммунистической партии и советского государства. В этом контексте даже применительно к периоду разрядки международной напряженности, обусловленному в значительной мере достижением военно-стратегического паритета между странами Организации Варшавского договора и государствами, вошедшими в состав Организации североатлантического альянса, зарубежные историки, политологи и общественные деятели всегда стремились подчеркнуть сохранявшийся консерватизм взглядов представителей военного и дипломатического руководства. На этом, в частности, основывалась достаточно последовательная критическая оценка руководителей советского внешнеполитического ведомства В.М. Молотова и А.А. Громыко, личности и взгляды которых ассоциировались с проведением в союзе с представителям военного ведомства и структур обеспечения государственной безопасности жесткой линии по отношению к странам западного

⁸²⁶ Hite, John. *Discovering history: Tsarist Russia, 1801 – 1917*. London, 1989. P. 114.

мира. Разделение политических деятелей России на сторонников консервативной линии, ассоциируемой с отстаиванием идей приоритета реализации интересов национальной государственности над применением доктрины конвергенции вокруг международных либеральных ценностей, и представителей демократических взглядов является распространенным и в рамках современной политологии 2000-х и особенно 2010-х гг.

В связи с не всегда широким использованием документальных источников и при этом достаточно устоявшимися представлениями о наиболее значимых фактах внешнеполитической истории России большое место в рамках ее геополитических репрезентаций занимает аксиологический подход. Он проявляется в интерпретации таких понятий, как авторитаризм, демократия и гуманизм. Данные понятия, заимствованные из социальных наук, особенно активно анализируются зарубежными исследователями, что объясняется отмеченным еще в историографической литературе 1970-х гг. стремлением к конструированию схем, генерализирующих восприятие и объяснение исторического процесса. Еще начиная с исследований, создававшихся представителями первой и второй волн российской эмиграции, авторы с различными политическими взглядами стремились объяснить особенности геополитического выбора представителей правящей элиты Российской империи спецификой их мировоззрения. В частности, ими выстраивалась прямая связь между отклонением от идей западничества и стремлением отстаивать суверенные интересы государства, в концепции формирования и функционирования которого особенно подчеркивалось значение национальной идентичности представителей как бюрократии, так и остальных социальных слоев. В качестве периода, являвшегося исходным для формирования данной аксиологической тенденции, многие западные авторы выделяли вторую четверть XIX в. При этом характерным для их исследований являлось отрицание факта существования либеральной направленности в рамках славянофильства, которое ассоциировалось зарубежными учеными с консерватизмом, и в его рамках со стремлением представить собственную, отличную от идеологии «западного мира» трактовку понятий авторитаризма, демократии и гуманизма.

Зарубежные исследователи, совмещая выдвигаемые ими типологические оценки с выделявшимися в советской историографии периодами реформ и контрреформ применительно к периоду со второй половины 1820-х гг. до начала Первой мировой войны, интерпретировали выдвижение теории «официальной народности» в качестве проявления идей славянофильства. Далее, рассматривая понятия славянофильства и национализма практически в качестве синонимов, они выделяли применительно к периоду 1870–1880-х гг. в качестве особого понятия применительно к развитию интеллектуальной истории неославянофильства, для которого, по их мнению, был характерен переход от дискретного русофильства к панславизму. В частности, в своей опубликованной в 1990 г. монографии «Русский национализм» английский историк С. Картер выявлял тот факт, что «следующее поколение неославянофилов, включавшее таких мыслителей, как Данилевский и Достоевский, ориентировалось на своего рода экспансионистское мессианство или даже на военные акции... Такой агрессивный национализм содержал

элементы расовой исключительности и стал основой панславизма»⁸²⁷. Стремясь подчеркнуть большую распространенность и влияние славянофильства и сформировавшегося, по их мнению, на его почве панславизма в рамках консервативно настроенных кругов российской политической элиты, зарубежные исследователи причисляли к сторонникам данной идеологической концепции всех сторонников идей консерватизма. В частности, к данной группе ими относились П.Н. Дурново, В.К. Плеве, К.П. Победоносцев, В.П. Мецкерский, которые, по их мнению, пользовались слабостью и непоследовательностью характера Николая II и подталкивали его к самонадеянным и недальновидным геополитическим акциям. Повышенное внимание к подобным ситуациям, в качестве примера которых особенно активно исследовалась русско-японская война 1904–1905 гг., может с большим основанием рассматриваться в качестве характерной черты зарубежного россиеведения.

И применительно к имперскому периоду, завершившемуся революционными событиями 1917 г. и гражданской войной; и по отношению к советскому и постсоветскому периодам исследователи из западных по отношению к российским границам стран подчеркивали, что избрание идей национализма наряду с отказом от идеологии западничества всегда приводило к негативным последствиям. С особенной отчетливостью и последовательностью они выявлялись в экономической сфере⁸²⁸, которая, по их мнению, сразу же оказывалась в ситуации отставания от передовых стратегий и технологий развития западных стран. В условиях распада советского государства и отставания частью отечественных экономистов идеи необходимого переноса в особенности американской системы капиталистического развития в практику развития российской хозяйственной системы, данное противопоставление идей приоритетности национального пути развития по отношению к опыту развития многих стран мира также стало весьма распространенным⁸²⁹. При этом подчеркивалось, что только в рамках восприятия западного пути развития сформируется объективная возможность отойти от традиций авторитаризма и сформировать систему общественных отношений, основанную на принципах либерализма, гуманизма и демократии.

Данная концепция, будучи сформированной в рамках социально-экономических исследований, имеет прямую связь с конструированием геополитических репрезентаций образа российской внешней политики применительно к советскому и в особенно актуальной степени применительно к современному периоду в истории России. При анализе особенностей внешней политики российского государства в период 2000-х и особенно 2010-х гг. большинство авторов, скептически воспринимающих представителей правящей в современной России элиты, подчеркивают, с одной стороны, наличие «агрессивного, авторитарного национализма» во внешней

⁸²⁷ Carter, Stephen K. Russian nationalism. London, 1990. P. 20.

⁸²⁸ Sapyr, Jacques. Les fluctuations économiques en URSS, 1941 – 1985. Paris: Editions de l'Ecole des hautes études en sciences sociales in Paris, 1989. 239 p.

⁸²⁹ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006. 448 с.

политике российского военного и политического руководства и, с другой стороны, высокую социальную цену такого курса. Они в рамках текстов, которые могут быть отнесены к жанрам научной и политической историографии, стремятся продемонстрировать и доказать безнадежность попыток лидеров российского национального государства выстроить и реализовать самостоятельные геополитические приоритеты его развития.

Анализ представленных в исследованиях как зарубежных, так и частично российских авторов подходов к описанию и характеристике внешней политики России применительно к периоду с первой половины XVIII в. и до настоящего времени показывает, что во многих случаях исследователи, опираясь на известные факты, занимаются их интерпретацией, исходя из своих идеологических предпочтений. При этом они достаточно четко разделяются по методологической стратегии своего мировоззрения на сторонников националистического направления, которое можно также назвать патриотическим и этатистским, и западнического направления, являющегося по своей направленности космополитическим. Также для большинства исследований, посвященных геополитическим аспектам внешней политики России, характерно стремление их авторов к генерализирующим конструкциям, предметно-тематическая протяженность которых может распространяться на достаточно длительные периоды. В связи с данной особенностью, а также проявляющейся во многих текстах избирательностью в отборе выполняющих иллюстративную функцию исторических фактов, рассмотренные комплексы историографических источников, созданные как в России, так и в странах Запада, нуждаются в разностороннем и во многих случаях критическом осмыслении.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В.Ф. Ершов

Северокавказское зарубежье XX века и становление культурно-исторического пространства глобального Русского мира

Аннотация: Статья посвящена послереволюционной северокавказской эмиграции как институциональному и социально-культурному компоненту российского зарубежья XX – начала XXI веков.

Исследование опирается на концепцию Русского мира как многоэтничного глобального сообщества, построенного на российской цивилизационной платформе и взаимодействующего как в совокупности, так и на уровне отдельных этнокультурных элементов со своей исторической родиной и мировыми цивилизациями.

Автор рассматривает глубокие русско-кавказские культурные связи, сложившиеся в России к 1917 г., включая интеграцию военных, административных и интеллектуальных элит Северного Кавказа в систему государственно-общественных отношений Российской империи, как основу для формирования в рамках российского зарубежья 1920–1930-х гг. в Европе, США и других регионах мира северокавказских общин и кавказских землячеств. В статье освещается участие политических деятелей, офицерства, ученых и творческой интеллигенции северокавказского происхождения в общественной жизни и творчестве зарубежной России 1920–1950-х гг. Особое внимание уделяется русско-кавказской воинской и фольклорной культуре, оказавшей значительное влияние на формирование образа зарубежной России в глобальном пространстве.

Автор отмечает существенное значение живых и активно развивающихся в начале XXI века традиций этнокультурного и научно-информационного взаимодействия северокавказских диаспор с зарубежным Русским миром, республиками Северного Кавказа и Россией как Большой Родиной в системе современного глобального диалога культур и цивилизаций.

Ключевые слова: российское зарубежье XX века, российская эмиграция, Русский мир, северокавказское зарубежье, Черкесский мир, глобализация, диалог культур, диалог цивилизаций.

The north caucasian abroad in the 20th century and the formation of cultural and historical space of the global Russian world

Abstract: The article is devoted to the post-revolutionary North Caucasian emigration as an institutional and socio-cultural component of the Russian abroad community of the twentieth and early twenty-first centuries.

The study is based on the concept of the Russian World as a multi-ethnic global community built on the Russian civilization platform and interacting

both collectively and at the level of individual ethnic and cultural elements with its historical homeland and world civilizations. The author considers the deep Russian-Caucasian cultural ties that had developed in Russia by 1917, including the integration of the military, administrative and intellectual elites of the North Caucasus into the system of state-public relations of the Russian Empire, as the basis for the formation of the North Caucasian communities and Caucasian communities in the framework of Russian emigration in Europe, the USA and other regions of the world of the 1920–30s. The article highlights the participation of politicians, officers, scientists, figures of art and literature of North Caucasian origin in the public life and work of Russia abroad in the 1920s and 1950s. Particular attention is paid to the Russian-Caucasian military and folklore culture, which had a significant impact on the formation of the image of Russian emigration in the global space.

The author notes the significant importance of the living and actively developing tradition of cultural, scientific and informational interaction of the North Caucasian diasporas with the foreign Russian World, the republics of the North Caucasus and Russia as the Big Homeland in the system of modern global dialogue of cultures and civilizations.

Keywords: Russia abroad of the twentieth century, Russian emigration, Russian World, North Caucasian countries, Circassian world, globalization, dialogue of cultures, dialogue of civilizations.

Русский мир и северокавказское зарубежье: цивилизационный подход к изучению

В 1990–2010-е гг. активно развивается многоаспектный диалог народов Российской Федерации с крупными национальными диаспорами за рубежом, включая многочисленное зарубежное сообщество народов Северного Кавказа, в среде которого растет общественное стремление к воссоединению с исторической родиной, реализуются совместные деловые и историко-культурные проекты на общероссийском, региональном и международном уровне.

Расширение сферы конкретно-исторических знаний о роли российских диаспор в сохранении исторической памяти и национальной идентичности народов, дает возможность «шире взглянуть на современные процессы, происходящие в русских диаспорах за рубежом, и на формирование взаимоотношений современной России с соотечественниками, разбросанными по всему миру»⁸³⁰.

В 1990–2000-е гг. отечественная историография формирует новую концепцию изучения мира российского зарубежья, в соответствии с которой данный историко-культурный феномен рассматривается как часть многовекового общественно-культурного и геополитического диалога России и окружающего мира, в контексте мировых миграций и межкультурной

⁸³⁰ Проблемы национальной идентичности эмиграции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917 – начало 50-х годов XX века). По материалам конференции (г. Москва, Институт славяноведения РАН, апрель 2017 г.) // Славяноведение. 2019. Январь – Февраль. № 1. С. 95.

онного взаимодействия. Важнейшим вкладом в формирование современной научной концепции истории и институционализации российского зарубежья XIX – начала XXI вв. являются фундаментальные научные труды Ю.А. Полякова, Е.И. Пивовара, М.Н. Мосейкиной, З.С. Бочаровой и др.⁸³¹. Тема российского зарубежья как историко-культурного феномена глобального цивилизационного пространства XX – начала XXI веков получила отражение на страницах сборника научных статей «Постигая историю», вышедшего в РГГУ в 2019 г.⁸³².

В настоящее время представляется актуальным изучение роли и места северокавказского зарубежья в жизни современной России и в рамках глобального Русского мира в контексте цивилизационного подхода. Член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар в книге «Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века» отмечает: «Современное геополитическое пространство определяет объективные причины перспективного успешного развития Русского мира в XXI веке: формирование поликультурной цивилизации открывает широкие возможности для сохранения национальных идентичностей в рамках глобального интеллектуального и информационного пространства. При этом Россия, исторически сложившаяся как многоэтническая и многоконфессиональная страна, народы которой обладают генетической памятью миграций и адаптаций и, в то же время, сильным чувством родины, сама по себе представляет модель сложной, многоцветной и глобальной по своим масштабам цивилизации, позволяющей осуществлять взаимодействие и синтез культур без утраты их самобытности»⁸³³.

Специфика мира российского зарубежья определяется особенностью процесса его формирования: современный Русский мир складывался на протяжении нескольких десятилетий на основе самостоятельных миграционных потоков, включавших представителей разных национальностей и социокультурных групп населения бывшей Российской Империи, СССР и в период 1990–2010-х гг. – Российской Федерации⁸³⁴. При этом одной из его ключевых характеристик стало участие в широком диалоге цивилизаций и культур, который развернулся уже в начале XX века на основе многочисленных и разнообразных как исторически сложившихся, так и вновь возникших связей между различными сообществами, семьями, творческими коллективами и конкретными людьми.

⁸³¹ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. М., 1995; Пивовар Е.И., член-корр. РАН. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; Он же. Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М.: РГГУ, 2019; Русский мир в XX веке, в 6 томах / Под ред. Г.А. Бордюгова и АЛ. Касаева. – Т.1. Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира, XIX – начало XX века. М., 2014; Т.2. Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. М., 2014; Т.3. Она же. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. М., 2014.

⁸³² Постигая историю. К 70-летию члена-корреспондента РАН, президента РГГУ Ефима Иосифовича Пивовара: [Сборник статей] / Под ред. А.Б. Безбородова (гл. ред.), О.В. Павленко, А.В. Гущина, В.Ф. Ершова и др. – М.: РГГУ, 2019.

⁸³³ Пивовар Е.И. Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М.: РГГУ, 2019. С.17.

⁸³⁴ Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 68–80.

Феномен русского зарубежья 1920–1930-х гг. состоял, прежде всего, в том, что усилиями российских эмигрантов была в трудных условиях изгнания воссоздана «Россия в миниатюре», отражавшая культурное и этническое многообразие, творческий потенциал и ментальность многонационального сообщества народов бывшей Российской империи. Институциональную основу данного социально-культурного феномена составила система общественно-политических и культурных организаций, значительная часть которых формировалась по принципу землячества или принадлежности к той или иной этнической группе. Кавказское землячество складывалось на основе свойственного каждой диаспоре, как отмечает академик В.А. Тишков, «представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, солидарности и демонстрируемого отношения к родине»⁸³⁵.

Российская послевоенная эмиграция «второй волны» в 1950–1970-х гг. также продолжила реализовывать опыт и традиции общественной, историко-культурной, научной и литературно-издательской деятельности предшествующего поколения русских эмигрантов; в данной деятельности нашли выражение и богатые историко-культурные традиции северокавказских народов, которые разделили общую судьбу российской эмиграции в XX веке.

Современный Русский мир, являясь участником глобального диалога культур, который он осуществляет, в том числе посредством развития традиционных для российской эмиграции организационных и творческих структур, учитывает исторический опыт адаптации системы российского зарубежья к различным социальным, политико-экономическим, религиозным, общественно-культурным моделям мировой цивилизации. В данном процессе существенную роль играет мир северокавказского зарубежья как неотъемлемая часть большого Русского мира XX – начала XXI вв.

Как отмечает известный российский историк М.Н. Мосейкина, «сегодня укрепляется понимание того, что Россия и зарубежный «Русский мир» – части одного этнокультурного полюса»⁸³⁶. Начиная с 1990-х гг. идет процесс взаимного узнавания и историко-культурного воссоединения России и мира зарубежных соотечественников; при этом народы Северного Кавказа выступают в авангарде этого движения, воссоздавая единое пространство исторического прошлого родной земли, стремясь сберечь язык и обычаи предков в рамках общего цивилизационного измерения России как единой Большой Родины.

Высокую степень заинтересованности в расширении диалога с исторической родиной проявляет черкесское (адыгское) зарубежье – наиболее многочисленное сообщество среди диаспор народов Северного Кавказа. Современный Черкесский мир, включающий в себя крупные адыгские общины в странах Ближнего Востока, США, Западной и Центральной Европы, в значительной степени интегрированные в организационное и интел-

⁸³⁵ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. / 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 42.

⁸³⁶ Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг. М.: РУДН, 2011. С.5.

лектуальное пространство трансграничного Русского мира, представляет собой уникальное социальное и культурное образование, принявшее общемировые цивилизационные ценности, и в то же время сохраняющие основы традиционной национальной северокавказской культуры⁸³⁷.

Истории формирования, повседневной жизни и международной роли северокавказских диаспор в мире в XIX – начале XXI вв., историко-культурной деятельности горцев-эмигрантов по сохранению за рубежом национальных культур, традиций и языков посвящены научные труды Ф. Бадерхана, А.В. Кушхабиева, М.М. Хафицэ и др.⁸³⁸ Адыгской и осетинской общинам во Франции посвящены работы И.Л. Бабич, построенные, в том числе, на материалах французских архивов⁸³⁹.

В то же время ряд важных тенденций в развитии и деятельности Русского мира и его северокавказской составляющей требуют дальнейшего углубленного научного изучения, в том числе в перспективе дальнейшей интеграции России в глобальное цивилизационное пространство.

Историко-культурные основы интеграции северокавказских общин в мир послереволюционной российской эмиграции

Специфической институциональной особенностью формирования северокавказской части Русского мира в 1920–1930-х гг. являлись уже сложившиеся на рубеже XIX–XX вв. разнообразные личные и общественные связи представителей политической, деловой и творческой элиты народов Северного Кавказа с общероссийским социумом, в силу чего горская эмиграция в Западной и Центральной Европе оказалась глубоко укорененной в мире зарубежной России⁸⁴⁰.

Сообщество северокавказской эмиграции XX века было связано с культурой и общественно-политической жизнью российского зарубежья как общей историей исхода в период Гражданской войны в России 1918–1920 гг. и трудной борьбы за выживание на чужбине, так и предшествующей институционализацией организаций, литературных союзов и политических партий, создававшихся в 1900–1910-е гг.

Послереволюционная российская эмиграция видела свою историческую миссию в сохранении за рубежом отечественной культурно-языковой и ментальной идентичности, что в итоге обусловило институционализацию

⁸³⁷ Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., ИСАА МГУ, 2007. С. 195–196

⁸³⁸ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2001; Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик. 2007; Хафицэ М.М. Разбросаны адыги по белу свету. Нальчик, 2000; и др.

⁸³⁹ Бабич И.Л. Политические взгляды кавказской диаспоры во Франции на роль России в судьбе Кавказа // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. М 2015. С. 263–274; Она же. Северокавказские эмигранты во Франции: очерки по истории и современности. Москва-Берлин, 2019.

⁸⁴⁰ Ершов В.Ф. Северокавказское зарубежье 1920–1930-х гг. в Турции, Западной Европе и США: эволюция и социально-культурная специфика // Архивы и общество. Научно-просветительский журнал. Нальчик, 2012. № 22, 24.

уникальной системы общественных организаций, творческих союзов, военно-политических структур, издательств, библиотек, спортивных обществ, благотворительных фондов и др.

Фактором влияния на процесс институционализации российского зарубежья, стремившегося к воссозданию в эмиграции «России № 2», были дореволюционные традиции полиэтничной, поликультурной и многоконфессиональной государственности, утверждавшиеся в конце XIX – начале XX в. на Северном Кавказе⁸⁴¹. Взаимной интеграции Русского мира и сообщества северокавказских соотечественников в 1920–1930-е гг. в значительной степени способствовало то обстоятельство, что многие эмигранты-горцы имели дореволюционный опыт деятельности в российских государственных военных, научных, общественных и административных институтах (многие из подобных структур были в символическом виде восстановлены в рамках Зарубежной России)⁸⁴². Представители северокавказской интеллектуальной элиты уже в XIX веке стремились привнести на родную почву достижения российской науки, управления, системы образования, общественной жизни и др.⁸⁴³ Среди них – Ш.Б. Ногмов и Хан-Гирей, которые были последовательными сторонниками создания единого социального и интеллектуального пространства России и интегрирующегося в ее состав Северного Кавказа⁸⁴⁴.

Культурное сближение русского и северокавказских народов происходило наиболее активно в контексте процесса укрепления российской государственности и расширения границ страны. Кавказская военная культура и героическая боевая стилистика, имеющая глубокие исторические корни, уходящие в период Античности и Средних веков, оказала большое влияние на российскую военную культуру и ее символы: еще в эпоху Кавказских войн XVIII–XIX вв. в российской императорской армии возникло уважение к противнику – бесстрашным горским воинам – и увлечение Северным Кавказом: его национальными обычаями, тактикой ведения боя, холодным оружием и военным костюмом, воинской этикой, джигитовкой. Российских военных, проходивших службу на Кавказе, восхищала красота его величественной природы, романтика гор, зачаровывавшая прелесть и чистота водопадов⁸⁴⁵.

На протяжении XIX – начала XX вв. развивается процесс взаимовлияния горских военных традиций и российской военной культуры (офицеры-горцы изучали русский язык, получали военное образование в высших учебных заведениях Российской империи, русские офицеры перенимали

⁸⁴¹ Белозерова М.В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности XIX – начало XXI века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 32. С. 29–30.

⁸⁴² Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. Нальчик, 2016. С. 240.

⁸⁴³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 2008.

⁸⁴⁴ Афасижев Т.И., Афасижев А.Т., Ногмов и Хан-Гирей: социальные идеи адыгов. Майкоп, 2000. С. 120.

⁸⁴⁵ Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / Министерство образования и науки РФ; Северо-Кавказский Федеральный университет. – М., 2015.

кавказскую военную одежду – бурки, черкески, носили кинжалы и др.). Данные атрибуты кавказской военной культуры прочно вошли в обиход казачьих и регулярных кавалерийских частей русской армии благодаря своему удобству, красоте и эффективности в бою. Весной 2020 г. в Москве во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства с большим успехом прошла выставка «Империя и Кавказ. Оружие, обмундирование, ратные традиции. XIX – начало XX века», в концепции и экспонатах которой получила отражение тема диалога российской и кавказской воинских культур⁸⁴⁶.

Влияние северокавказской военной культуры в российской военной среде сохранилось и после окончания Кавказской войны, благодаря поступлению на русскую службу офицеров кавказского происхождения, многие из которых получили высокие воинские чины, в том числе звания штаб-офицеров и генералов российской армии. В то же время в дореволюционной России формировалась русскоговорящая северокавказская интеллигенция и предпринимательский слой, которые стали значимой социальной составляющей российского общества со второй половины XIX века. Впоследствии, уже будучи в эмиграции, представители различных горских народов и социальных групп Северного Кавказа свидетельствовали, что в российском обществе они были приняты на равных, с симпатией и уважением⁸⁴⁷.

Романтические образы Кавказа в дореволюционную эпоху привлекали российских художников, писателей, ученых, путешественников, администраторов и др. Очарованность горской культурой сохранялась у многих представителей мира зарубежной России и в 1920–1950-е гг. Особенностью источниковой базы изучения истории и культуры северокавказских диаспор как части российского зарубежья XX века является наличие широкого спектра близких по тональности мемуарных и публицистических материалов. Образ прекрасного Кавказа сливается в них с общим образом России, покинутой Родины, духовные традиции которой они сохраняли в трудных условиях изгнания: «Кавказ прежних времен имел свойство так привлекать к себе всех, проводших в нем несколько лет, что привязанность к нему не исчезала и после долгого времени, проведенного в других местах. Таким старым кавказцам дороги всякие о нем воспоминания...»⁸⁴⁸. Во многих литературных произведениях российского зарубежья в 1920–1950-е гг., созданных авторами, различными по своим политическим и религиозным убеждениям, проявляется восхищение самобытной национальной культурой горцев, их храбростью, гостеприимством, народным историческим эпосом и др.⁸⁴⁹. Тема истории и культуры Северного Кавказа получила отражение в ряде русскоязычных публикаций мемуарного характера, авторами которых

⁸⁴⁶ Империя и Кавказ. Оружие, обмундирование, ратные традиции. XIX – начало XX века: Каталог выставки / Сост. и ред. Д.А. Ключков. – М., 2020. 504 с.

⁸⁴⁷ Изгоев А.С. Письмо из Праги // Руль. Берлин, 29 декабря 1929 г. № 1848. С. 2.

⁸⁴⁸ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). М., 2014. С. 5.

⁸⁴⁹ Шеуджен Эмилия. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти / Министерство образования и науки РФ; Адыгейский государственный университет: Российское философское общество (Москва). – Майкоп: Издательство АГУ, 2010.

выступили представители самых различных социально-профессиональных групп российского зарубежья: общественные деятели, политики, ученые, творческая интеллигенция, военные, чиновники царской администрации на Кавказе, публицисты и др.

Во второй половине XIX – начале XX в. «происходит трансплантация в северокавказскую культуру российского просвещения и русской национальной культуры, затронувшей в предыдущий период лишь часть горской элиты, принявшей русскую ориентацию»⁸⁵⁰. При этом северокавказское общество, интегрировавшееся в общероссийское цивилизационное пространство, сохраняло комплекс традиционных социальных и этнокультурных институтов, которые впоследствии в определенной степени воспроизводились в рамках Зарубежной России 1920–1950-х гг. и в общественном пространстве горских диаспор на Ближнем Востоке, в Европе, США, Северной Африке⁸⁵¹.

Взаимное притяжение российской и кавказской культур проявлялось в полной мере и в условиях эмиграции. После 1917 года «картина социально-культурного взаимодействия российского зарубежья с обществами стран-реципиентов приобретает сложный многовекторный характер», в том числе вследствие полиэтничности и поликонфессиональности эмигрантского социума⁸⁵². В диалоге российской эмигрантской общественности с правительствами стран-реципиентов по вопросам социальной политики, правового положения русских беженцев, трудоустройства, идеологического давления эмигранты-северокавказцы практически во всех случаях разделяли позицию своих коллег и соотечественников, формируя общую линию поведения русских эмигрантов в отношении внутренней и внешней политики руководства государств проживания.

Мир северокавказского послереволюционного зарубежья изначально складывался как многонациональное сообщество, перенеся в эмиграцию все лучшие стороны дореволюционной кавказской исторической общественной культуры: межнациональную дружбу, религиозную толерантность, идеи социальной взаимопомощи, любовь к России как своей Большой Родине⁸⁵³. Черкесские, чеченские, дагестанские, осетинские эмигрантские общины 1920–1970-х гг. были вписаны в социальную структуру российского зарубежья, еще сохранявшую свои дореволюционные основы (в отличие от социума СССР, где социальная иерархия была выстроена в 1920–1950-е гг. заново, при полном отвержении прежней структуры общества). Так, в аристократических кругах российского зарубежья (часть которого была северокавказского происхождения), военных, ученых представителей творческой

⁸⁵⁰ Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал Ростов н/Д.: Северо-Кавказский научный центр высшей школы. 1999. № 3 (19).

⁸⁵¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 2012.

⁸⁵² Пивовар Е.И. Российское зарубежье и глобальный культурный диалог // IX Международные Лихачевские научные чтения «Диалог культур и партнерство цивилизации» / Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс интеллигенции Российской Федерации. – СПб: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2009. С.110.

⁸⁵³ Чхеидзе К.А. Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 42.

интеллигенции, сохранялась память о российских корнях и в последующих поколениях, в том числе благодаря выдающимся представителям старых известных дворянских фамилий и династий ученых и деятелей искусства.

Эмигранты северокавказского происхождения в 1920–1950-е гг. находились в общенациональном цивилизационном пространстве Зарубежной России, где русский язык являлся главным средством межличностного общения. В то же время его роль была значительно шире: на русском языке создавались многие научные работы и литературные произведения по теме кавказоведения, осуществлялась историко-культурная и просветительная деятельность сообщества северокавказской эмиграции в США и странах Западной и Центральной Европы, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Русский язык создавал единое коммуникационное пространство в рамках Зарубежной России, а в настоящее время – в формате глобального Русского мира, став основой «для общения выходцев из России различных национальностей»⁸⁵⁴.

Деятели интеллектуальной сферы, прежде всего, гуманитарных направлений творчества: филологи, литераторы, философы, историки – даже при глубоком погружении в культуру стран-реципиентов сохраняли российскую цивилизационную матрицу, обогащавшую их творческую деятельность в новом для них интеллектуальном и культурно-языковом пространстве.

Северокавказская культура в XIX–XX веках оказывала большое влияние на развитие общероссийского цивилизационного пространства, как на территории Российской империи/СССР и Российской Федерации, так и в мире зарубежной России. Причем и в рамках начавшего формироваться в уже 1920-е гг. Русского мира северокавказская культура входила именно в традиционную, дореволюционную модель интеллектуального и эстетического взаимодействия, сохраняя в условиях эмиграции альтернативный советскому вариант культурной интеграции, а в 1990-е гг., после снятия информационных барьеров, стала возвращаться на историческую родину вместе с традиционной отечественной культурой русского зарубежья.

Исторические культурные, личные, общественные и многие другие разнообразие и многочисленные связи между Россией и Кавказом, сложившиеся еще во второй половине XIX – начале XX веков, отразились в судьбах и деятельности представителей мира Зарубежной России. В трудных условиях изгнания чувство кавказского землячества приобретает широкий смысл, объединяя людей как по национальному признаку, так и по принципу принадлежности к кавказской культуре, боевому воинскому братству бывших сослуживцев, по признаку интеллектуальных интересов и др. Кавказское землячество находит свое выражение в развитии дружеских связей, в благотворительности, в оказании взаимной поддержки независимо от национальности, политических взглядов и социального положения «кунаков».

В целом, опыт становления и деятельности северокавказской интеллигенции и офицерства в дореволюционной России, а затем в сообществе российского зарубежья является подтверждением тезиса о возможности «эф-

⁸⁵⁴ Хисамутдинов А.А. «Русскость»: диаспора и периодическая печать на тихоокеанском побережье США (1867–1980 гг.). «США vs Канада: экономика, политика, культура». Май 2013. № 5 (521). С. 87.

фективной культурной адаптации к существованию в нескольких культурах или «между культурами», что часто наблюдается в современном мире»⁸⁵⁵.

Северокавказские сообщества и становление центров российской послереволюционной эмиграции в Европе и Америке (1920–1930-е гг.)

Значительная часть северокавказской политической элиты, интеллигенции и военных кругов, которая покинула Россию после революции и Гражданской войны 1917–1921 гг., в том числе в составе эвакуировавшихся за границу воинских частей белых армий, избрала местом своего временного (как считала тогда большая часть российских эмигрантов) пребывания страны Западной и Центральной Европы. В 1920–1930-е гг. основными центрами общественно-политической и культурной жизни эмигрантов с Северного Кавказа стали европейские столицы – Прага, Париж, Варшава, Белград, где были воссозданы многие общественно-политические организации, издательства кавказской литературы, культурно-просветительные общества, союзы взаимопомощи и др.⁸⁵⁶.

В зарубежной России 1920–1930-х гг. происходил процесс формирования северокавказских общин, внутри социума которых воссоздавалось привычное этнокультурное пространство горских народов. Так, можно говорить о наличии во Франции данного периода «адыгской (черкесской) среды», среди представителей которой было много военных и казаков, входивших в состав Кубанского и отчасти Терского казачьего войска⁸⁵⁷ и легко устанавливавших коммуникативные связи с миром российских военных некавказского происхождения.

Потоки кавказской эмиграции во многих случаях имели точкой исхода Владикавказ, Баку, Тифлис, Ереван – административные и одновременно интеллектуальные и культурные центры Кавказа и Закавказья, в которых еще в дореволюционное время сформировались просветительные и политические движения кавказской либеральной интеллигенции, издавалась общественно-политическая и научная литература. В период исхода белых северокавказских вооруженных формирований за рубеж в 1921 году они стали центрами концентрации беженцев, точками формирования эмиграционных потоков с Северного Кавказа и из Закавказья. Для этнических общин адыгов, чеченцев, осетин, эмигрировавших после 1917 г. в страны Европы и США, процесс возникновения «сферы контакта» с другими этно-конфессиональными группами⁸⁵⁸ включал взаимодействие в рамках северокавказ-

⁸⁵⁵ Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е. – М.: ИЭА РАН, 2018. С.6.

⁸⁵⁶ Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX начале XX в. Нальчик, 2002; Хашхожева Р.Х. Адыгские писатели-просветители XIX – начала XX в. Нальчик, 2003; и др.

⁸⁵⁷ Бабич И.Л. Северокавказские эмигранты во Франции: очерки по истории и современности. Москва-Берлин, 2019. С. 115.

⁸⁵⁸ Рабинович В.Ю. Диаспора как социальный институт // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение». 2009. До 1 (3): С. 60.

ской диаспоры, диалог с российским эмигрантским сообществом и социумом страны проживания.

Владикавказ являлся культурной столицей и крупным экономическим центром Северного Кавказа, где получили образование, жили и работали многие представители российской, в том числе кавказской послереволюционной эмиграции. Владикавказ давал лучшие, в сравнении с другими регионами Северного Кавказа, возможности для получения высшего образования, что обусловило высокую численность и общественно-политическую активность представителей осетинской интеллигенции в рамках всего северокавказского интеллектуального сообщества как во время революции и Гражданской войны 1917–1921 гг., так и в период их жизни и деятельности в российском зарубежье. Так, например, известный деятель Белого движения и военно-политической эмиграции, председатель «Союза русских военных инвалидов в Париже» генерал Н.Н. Баратов являлся уроженцем г. Владикавказа.

В столице Франции как главном политическом центре зарубежной России, проживали многие бывшие руководители национальных движений Северного Кавказа и Закавказья эпохи революций и Гражданской войны 1917–1921 гг., которые пытались продолжать свою политическую деятельность в условиях эмиграции, уже в рамках северокавказской части мира российского зарубежья.

Представители северокавказской эмиграции являлись руководителями находившегося в 1923 году в Стамбуле «Горского монархического центра», которые в этот период реально проживали в Париже. «Горский монархический центр» находился под эгидой французской спецслужбы «Сюртэ Женераль». Как отмечалось в информационном сообщении ИНО ОГПУ: «Комитет держит связь с представительство Высшего Монархического Совета и Союзом Возрождения – в Константинополе... Комитет является сторонником Николая Николаевича, которого регулярно оповещает о своей работе»⁸⁵⁹.

В социуме российского межвоенного зарубежья активно формировались многочисленные землячества, творческие союзы, интеллектуальные кружки, среди которых существенное место занимали общественные организации народов Северного Кавказа и Закавказья⁸⁶⁰, которые в условиях изгнания объединяли эмигрантов-северокавказцев, а также и способствовали их интеграции в пространство Зарубежной России, в рамках которого расширялись их деловые, личные, интеллектуальные и творческие контакты с представителями широкого Русского мира. Так, в 1920–1930-е гг. во Франции были созданы «Союз русских черкешенок», «Союз армян-офицеров и участников Великой войны», «Союз русских армянок», «Армянский Красный Крест», «Объединение бывших воспитанниц учебных заведений Св. Нины и Закавказского института императора Николая I», «Ассоциация

⁸⁵⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 4. У истоков «Русского Общевоинского союза». 1924. М., 2007. Т. 2. С. 191.

⁸⁶⁰ Ершов В.Ф. Институциональная структура северокавказского зарубежья во Франции в 1920-е – 1950-е гг. // Армия и общество. 2014. № 2 (39). С. 129–132.

грузин во Франции» и другие общественно-политические и историко-культурные организации, объединявшие различные социальные группы национальных диаспор Северного и Южного Кавказа.

Ингушские общественно-политические организации в период 1920–1930-х гг. оказывали существенное влияние на процесс формирования институциональной основы Зарубежной России и мира северокавказской эмиграции, сыграв значительную роль в социокультурной адаптации национальных диаспор народов Северного Кавказа в государствах Западной и Центральной Европы. Представители ингушской эмиграции принимали активное участие в работе культурно-просветительных организаций и общественной взаимопомощи⁸⁶¹.

Значительную роль в мире Русского Парижа 1920–1930-х гг. играла Осетинская община, в которую входили представители различных профессиональных и социальных групп: юристы, ученые, педагоги, деятели искусства и др. В августе 1925 г. в Париже состоялось учредительное собрание «Осетинского национального объединения», на котором был принят Устав организации и избрано Правление, в состав которого вошли М.Н. Абациев (председатель), В. Цараева и А. Сакоев⁸⁶². Как сообщала газета «Последние новости», «Осетинское национальное объединение» являлось строго аполитичным обществом и преследовало лишь цели благотворительности и культурной жизни осетинской диаспоры – «организованного общения осетин, проживающих во Франции и взаимопомощи в различных видах»⁸⁶³. Благотворительной и культурно-просветительной работой занималось также самостоятельное дамское общество – «Союз осетинок». В межвоенный период во Франции действовало «Общество горных народов Северного Кавказа», которое в 1933 г. возглавлял известный исполнитель кавказских национальных танцев и общественный деятель Руслан Алиевич Джанбеков (Джанибеков), уроженец кабардинского села Кучмазукино (в настоящее время г. Баксан в Кабардино-Балкарии). Выходцев из Терской области, проживавших во Франции с начала 1920-х и до мая 1940 г. объединял действовавший в Париже «Терский национальный комитет».

В мире зарубежной России к сообществу кавказцев, как правило, причисляли себя не только представители национальных кавказских диаспор, но и многие российские эмигранты, местом рождения или районом длительного проживания которых были регионы как Северного Кавказа, так и Закавказья – Армения, Грузия, Азербайджан. Кавказские землячества зарубежной России включили в себя представителей различных социальных групп самого широкого спектра, в него входили деятели науки и образования, бывшие чиновники, врачи, адвокаты, творческая интеллигенция. Так, выпускник Московского университета, присяжный поверенный И.А. Авакимов (1880–1953), проживавший и работавший в Париже с начала 1920-х гг. был уроженцем г. Грозного. Воспоминания И.А. Авакимова

⁸⁶¹ Чапанов А.К. Общественно-политическая жизнь ингушской эмиграции в Европе (1920–1940 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018, Vol. 17, № 1.

⁸⁶² Возрождение. Париж, 2 сентября 1925 г.

⁸⁶³ Последние новости. Париж, 9 августа 1925 г.

были опубликованы в журнале «Русская мысль» и вызвали живой интерес в среде интеллектуального сообщества Зарубежной России⁸⁶⁴. Во Франции в межвоенный период также жил и работал представитель кавказской интеллигенции Азиз-Гирей Саламлеевич Далгай (1882–1944), уроженец селения Оракли в Дагестане. А.С. Далгай, будучи доктором медицины, работал в качестве врача во Франции и в Конго, являлся членом «Общества русских врачей имени Мечникова», осуществлял научные исследования и др.

В рамках интеллектуальной жизни Русского Парижа в 1920–1930-е гг. проводились историко-культурные мероприятия, публичные лекции и корпоративные семинары по вопросам кавказоведения, в работе которых принимали участие широкие слои российского зарубежья – учёные-востоковеды, бывшие военные, писатели, философы, этнографы, литературоведы, представители эмигрантской общественности. Например, в декабре 1930 г. в помещении Союза русских инженеров в Париже выступал Э.Б. Войновский-Кригер с сообщением по теме: «Владикавказская дорога до революции». На заседаниях «Общества изучения Ривьеры и Черноморского побережья Кавказа» получили обсуждение результаты научных исследований в области истории, географии и природы данной уникальной местности; в частности, был заслушан доклад Н.И. Воробьева «Ново-Афонский монастырь и его роль в культурном развитии Черноморского побережья Кавказа».

Оказание взаимопомощи и гостеприимства как в мирной жизни, так и в боевой обстановке является важной частью традиционной культуры народов Северного Кавказа⁸⁶⁵. Этот обычай был особенно созвучен деятельности российской эмигрантской интеллигенции, развернувшей за рубежом систему общественных институтов взаимопомощи и благотворительности. Некоторые гуманитарные организации зарубежной России были непосредственно обращены к миру кавказского землячества. Так, например, в 1929 г. в Париже был создан «Кружок друзей Кавказа» – общество, преследующее благотворительные цели и ставящее своей задачей взаимное общение лиц, так или иначе связанных с Кавказом или интересующихся им⁸⁶⁶. Председательницей кружка была избрана графиня А.И. Воронцова-Дашкова, а его участниками стали представители черкесской и ряда других национальных общин Парижа, а также деятели культуры, ученые-историки, этнографы и философы российского зарубежья. Первый товарищеский вечер «Кружка друзей Кавказа» состоялся в ноябре того же года в помещении зала «Жан Гужон». В артистической программе вечера приняли участие А.Н. Вертинский, Н.Ф. Лежен, В.Н. Валентова, квартет им. Мусоргского, Варя Ласка, Р.А. Рафаэль, Саша Макаров, Жорж Северский, И.Л. Рене, Андрей Ратушев. Партии на рояле были исполнены А.Г. Гринбером, Борисом Коганом и И. Астваром. Денежные средства, полученные от концерта, были переда-

⁸⁶⁴ Русское зарубежье. Франция. Хроника научной, культурной и общественной жизни. / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М., 1995. Т. 1. С. 13.

⁸⁶⁵ Чурсин Г. Очерки по этнологии Кавказа // Кавказ: культы, легенды, предания. Вып. V. Нальчик, 2010. С. 95.

⁸⁶⁶ Русское зарубежье. Франция. Хроника. Т.1. С. 603.

ны в пользование особо нуждающимся и больным членам «Объединения бывших воспитанников 1-й Тифлисской классической гимназии».

Эмигранты-горцы и северокавказские организации в 1920–1950-е гг. принимали активное участие в общем деле российского зарубежья – в осуществлении взаимопомощи, благотворительной деятельности на всём пространстве Зарубежной России. В частности, северокавказские организации и конкретные лица (Дайдаш Тукаев и др.) помогали переправить российских беженцев на Запад, прежде всего в США и Канаду, оказывали помощь в снабжении их документами. При этом северокавказцы-эмигранты пытались облегчить им социальную адаптацию в странах-реципиентах, интегрировав в институциональную структуру Зарубежной России, работали в составе Толстовского фонда, в казачьих обществах взаимопомощи и ряде других аналогичных эмигрантских организациях. Соответственно, эмигранты-горцы оказывали помощь не только своим соотечественникам, выходцам с Северного и Южного Кавказа, но и являлись участниками общэмигрантского благотворительного движения, внося свой вклад в процесс организации помощи российским эмигрантам, без различия этносов и географии исхода.

Значительный вклад в благотворительную деятельность российской эмиграции внёс князь Т.К. Багратион-Мухранский, который, являясь сотрудником Толстовского фонда, а в 1984 г. – его председателем, реализовал ряд гуманитарных проектов, направленных на организацию помощи как российским эмигрантам «ди-пи», так и эмигрантам, выходцам с Северного Кавказа. В основном гуманитарная миссия Толстовского фонда и непосредственно Т.К. Багратиона-Мухранского состояла в содействии переезду в США из стран Западной Европы и Ближнего Востока российских беженцев после окончания Второй мировой войны и в предоставлении им материальной помощи (в виде беспроцентных ссуд на оплату билеты и первоначальное трудоустройство). Князь Багратион-Мухранский являлся активным участником антифашистского движения Сопротивления, в составе конно-артиллерийского полка Югославской армии воевал против войск гитлеровской Германии, разделяя патриотическую позицию российской белой эмиграции, поддержавшей в трудный час свою Родину, отбросив все политические и идеологические разногласия с советской властью. (Военное образование Т.К. Багратион-Мухранский получил уже находясь в эмиграции, в Югославии: сначала в Русском кадетском корпусе, а впоследствии – в Королевской Военной Академии⁸⁶⁷.) Гуманитарная деятельность князя Багратиона-Мухранского в значительной степени содействовала институционализации Русского мира в 1950–1980-е гг., прежде всего – в США и Канаде.

Представители народов Северного и Южного Кавказа в 1920–1950-е гг. принимали активное участие в институционализации и деятельности многих союзов и обществ в Русской Америке; так, в Нью-Йорке в межвоенный период существовало объединение казаков «Терско-Кубанская станица», в состав которого входили осетины, казаки-черкесы, кабардинцы. В Лос-Анджелесе в 1930-е гг. была основана Горская казачья станица. Северокав-

⁸⁶⁷ Русский американец. 1995. № 20.

казцы-эмигранты на протяжении XX века внесли большой вклад в культурную и общественно-политическую жизнь сообщества соотечественников Русской Америки.

Большинство представителей военной горской эмиграции испытывали симпатии к консервативному политическому направлению российского зарубежья, в 1920–1930-е гг., принимая участие в деятельности РОВС и других воинских белоэмигрантских союзов, что было характерно как для горской эмиграции в странах Западной и Центральной Европы, так и для США, Китая, стран Латинской Америки. При этом многие эмигранты-северокавказцы успешно интегрировались в деловой мир стран-реципиентов. Так, полковник К. Султан-Гирей владел конюшнями в пригороде Нью-Йорка, в то же время поддерживая связи с Комитетом казны великого князя Николая Николаевича, руководство которого предполагало привлечь его к сбору средств в США для проведения политической и пропагандистской антибольшевистской работы⁸⁶⁸.

Многим эмигрантам-северокавказцам в 1920–1930-е гг. российские общественные организации передавали полномочия представлять их на учредительных и историко-культурных мероприятиях Зарубежной России, что показывает их высокий авторитет в российском зарубежном сообществе. Например, уроженец Северного Кавказа полковник Ахмет (Ахмат) Тхостов был избран от русской общины в Болгарии делегатом Российского Зарубежного съезда. Со второй половины 1950-х гг. Ахмет Тхостов входил в состав правления Союза Георгиевских кавалеров, штаб-квартира которого находилась в Париже. Делегатом Российского Зарубежного съезда от русской общины в Югославии являлся также офицер-кавказец генерал-лейтенант Д.К. Абациев, ранее служавший в составе императорского конвоя, а затем командовавший Туземным конным корпусом. В воинской системе РОВС Д.К. Абациев занимал почетный и ответственный пост: с 1930 года он являлся председателем Суда совести и чести для генералов Русского Обще-Воинского Союза. В то же время его племянник подпоручик Михаил Абациев, окончив Русский юридический факультет в Праге, с 1925 года проживал в Париже, работая сотрудником ведущей эмигрантской газеты «Последние Новости». В отличие от своего старшего родственника, принадлежавшего к консервативному крылу российского зарубежья, Михаил Абациев разделял либеральные взгляды и в 1935–1939 гг. активно работал в левом Республиканско-демократическом объединении.

В состав эмигрантской воинской корпорации наряду с русскими офицерами и казаками входили представители черкесских, вайнахских, дагестанских и многих других северокавказских этносов, сохранявших за рубежом устойчивые связи со своими сослуживцами. В рамках военного мира Зарубежной России 1920–1930-х гг. был создан Русский общевойсковой Союз (РОВС) и система воинских обществ и союзов, охватывавшая широкое географическое пространство – Западную и Центральную Европу, США, Канаду, Австралию, Ближний Восток и др. В Париж, где находилась штаб-квартира РОВС, в 1920–1930-е гг. приехали многие северокавказцы-офицеры,

⁸⁶⁸ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 126. Д. 122. Л. 17.

участники Белого движения, которые в годы Гражданской войны занимали ответственные должности на Кавказе, входили в состав командования белогвардейских воинских формирований; среди них: правитель Ингушетии генерал-майор С.Т. Мальсагов, правитель Кабарды князь Ф.П. Бекович-Черкасский, правитель Осетии и глава «Совета объединенных горцев Северного Кавказа» генерал-майор Я.В. Хабаев и др.

Как будет показано далее, процессы интеграции и культурного диалога северокавказского и русского послереволюционного зарубежья наиболее наглядно проявились именно в среде российской военной эмиграции 1920–1930-х гг.

Представители Северного Кавказа в корпорации российского военного зарубежья: общая идеология, героика, историческая память

В офицерской и казачьей среде Зарубежной России 1920–1930-х гг. было представлено значительное число военнослужащих-северокавказцев, прежде всего – черкесов, которые традиционно тяготели именно к военной карьере и еще в период Российской империи конца XIX – начала XX века занимали в иерархической структуре русской армии достаточно высокие социальные позиции, находясь на командных должностях, в том числе и генеральского уровня. Соответственно, офицеры-горцы и члены их семей уже на самом раннем этапе эмиграции стали одной из основ российского эмигрантского социума «первой волны», став его важным системообразующим фактором. Выходцы с Северного Кавказа и Закавказья в 1920–1930-е гг. заявили о себе во многих сферах культурной, интеллектуальной и общественно-политической жизни Зарубежной России, формируя единый образ российской эмиграции в восприятии мировой общественности и граждан стран-реципиентов.

Историческое развитие российско-кавказского диалога в направлении синтеза воинских традиций в дореволюционный период проходило по следующим направлениям: включение представителей элиты Северного Кавказа и Закавказья в состав многонационального офицерского корпуса российской армии, участие офицеров-горцев в Отечественной войне 1812 года, в русско-турецких войнах XVIII–XIX вв., Русско-японской войне 1904–1905 гг., в Первой мировой войне 1914–1918 гг., создание горских воинских частей в составе российской императорской армии и белогвардейских воинских формированиях, сближение северокавказских этносов с кубанским и терским казачеством, установление личных дружеских связей российских офицеров и офицеров-северокавказцев как сослуживцев по общим воинским подразделениям.

Военнослужащие-северокавказцы имели возможность для карьерного роста в российской императорской армии: многие из них достигли штаб-офицерских и генеральских званий – Темирхан Шипшев, Эрис-Хан Алиев и др. При этом особо отличившиеся в боях и на службе черкесы, чеченцы, кабардинцы и другие выходцы с Северного Кавказа были приняты при им-

ператорском дворе, пользовались уважением и известностью в российском высшем обществе. Многие представители Дома Романовых увлекались историей и традициями Северного Кавказа, любили и высоко ценили мир его национальной военной культуры, боевое искусство джигитовки. Например, великий князь Николай Николаевич, по отзывам современников, «душевно полюбил Кавказ и кавказцев, которые, в свою очередь, ему отвечали сердечной любовью», и предпочитал носить кавказский военный костюм (черкеску) и холодное оружие⁸⁶⁹. Близость к Дому Романовых представители северокавказской военной аристократии сохранили и в условиях эмиграции, в том числе принимая участие в юбилейных и мемориальных мероприятиях членов императорской фамилии, в том числе при дворах европейских монархий. Северокавказская военная атрибутика использовалась монархическим крылом российской эмиграции в числе символов, напоминавших о былой военной славе императорской армии и царской династии.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. в составе российской армии был создан Кабардинский конный полк и ряд других северокавказских добровольческих частей, которые составили Кавказскую туземную конную дивизию, что стало дополнительным значимым фактором соединения воинских культур России и Северного Кавказа в общую, единую военную культуру, основы и традиции которой сохраняются и в условиях эмиграции. При этом российские офицеры и рядовой состав за крайне редкими исключениями симпатизировали своим сослуживцам, выходцам с Северного Кавказа, что нашло свое отражение в стремлении оказать им дружескую поддержку как в бою, так и в повседневной армейской жизни, в создании комфортной психологической обстановки, в уважении к кавказским традициям и менталитету.

В условиях эмиграции сослуживцы по Кавказской туземной конной дивизии, в которой проходили вместе боевой путь представители многих народов Северного Кавказа, и командный состав которой включал черкесов, чеченцев, ингушей, русских и др., сохраняли дружеские и корпоративные связи, которые поддерживались через систему офицерских обществ и союзов, переписку, литературно-издательскую деятельность. Значительная часть воспоминаний российских военных эмигрантов и казаков посвящена их совместной службе с представителями северокавказских народов – черкесами, чеченцами, ингушами и др., которые разделяли трудности военных походов и боевых будней периода Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922 гг.). На страницах мемуаров российских военных предстали яркие образы их однополчан, боевых товарищей – офицеров-горцев, боровшихся вместе с ними за тот исторический путь России, который они считали правильным. В большинстве случаев эти крепкие дружеские связи однополчан сохранялись в мире Зарубежной России навсегда, до старости. Лишь когда в 1970–1980-е гг. поколение военных соратников по антибольшевистской борьбе в годы Гражданской войны уйдет в основном из жизни, исчезнет и корпоративный мир российской военной эмиграции, неотъем-

⁸⁶⁹ Бигаев Н.А. Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний). (1902–1917) // Российский Архив. 2003. Т. XII. С. 442–443.

лемой частью которого являлись офицеры и казаки-северокавказцы. Так, в автобиографических книгах Ф.И. Елисеева, на страницах которых автор воссоздает яркие картины совместного боевого пути казаков и черкесов в годы Первой мировой и Гражданской войн, приводятся примеры воинской взаимовыручки, товарищеской поддержки в бою, спасения раненых и др. В них также содержатся красочные описания горских национальных обычаев, праздников, искусства джигитовки, кавказского военного костюма, столь любимого казаками Кубанского и Терского войска.

Известным популяризатором кавказской темы в зарубежной российской беллетристике стал Н.Н. Брешко-Брешковский, который в 1920–1930-е гг. опубликовал ряд исторических романов и литературных произведений авантюрно-приключенческого жанра на различные сюжеты из эмигрантской жизни, в которых созданы яркие образы горцев – черкесов, чеченцев, дагестанцев, кабардинцев – показана их дружба и боевое братство с русскими офицерами, их совместное участие в военных походах Первой мировой и Гражданской войн. Несмотря на то что данные произведения относятся к категории приключенческой художественной литературы, они, благодаря своей большой популярности, формировали романтический образ Северного Кавказа в среде Зарубежной России и в регионах общемировой культуры. Наибольшую известность среди работ Н.Н. Брешко-Брешковского этого цикла получил роман «Дикая дивизия», созданный в Риге в конце 1920-х гг.

Общая память о совместном участии в боевых действиях и трудных походах в период Первой мировой и Гражданской войн, когда вместе боролись против грозного врага, когда взаимовыручка спасала жизнь, а тяжелые испытания и кровь показывали характер и нравственные качества людей, способствовала укреплению корпоративного пространства русско-кавказской военной эмиграции 1920–1950-х гг., сохранению и даже приумножению связей российских военных и офицеров-северокавказцев.

В условиях эмиграции социально-психологическая и культурная основа российско-кавказского военного мира в целом сохранилась, войдя в институциональную структуру военного сообщества зарубежной России XX века. Синтез двух традиционных воинских культур – русской и горской, обусловил тот факт, что в 1920–1950-х гг. в восприятии зарубежных СМИ, общественности, научных кругах был сформирован единый образ военного мира российской эмиграции, основанный на глубоких исторических общенациональных традициях.

Российские офицеры-горцы и в дореволюционный период, и в условиях эмиграции отождествляли себя с общим для них миром отечественной военной культуры XVIII–XX вв., участвуя в формировании единой точки зрения на российскую военную историю, что также в значительной степени способствовало организационной и идейной консолидации русского зарубежья. Офицеры-северокавказцы в период 1920–1970-х гг. в составе российских официальных делегаций РОВС, ВМС и других общественно-политических союзов Зарубежной России. Северокавказцы-эмигранты являлись членами таких военных организаций, как «Общество галлиполийцев», «Союз первопоходников», «Объединение бывших воспитанников Тифлис-

ского военного училища», «Объединение бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища» и др.

Офицеры и генералы-горцы в ряде случаев занимали в данных обществах и административных структурах РОВС руководящие должности, входя в высший круг российского военного сообщества. Среди них можно назвать одного из руководителей РОВС в Чехословакии и в то же время старшину местного Кавказского куначества полковника Н.А. Бигаева (бывшего начальника Конвоя вел. кн. Николая Николаевича на Северном Кавказе), проживавшего в 1925–1937 гг. в Праге, генерал-майора Я.В. Хабаева, избранного в Совет Общеказачьего объединения во Франции и в Правление Союза Георгиевских кавалеров, генерала К.Н. Хагондокова, с 1931 г. возглавлявшего Союз русских военных инвалидов во Франции, входившего в состав Объединения офицеров Генерального штаба и в Союз Георгиевских кавалеров, полковника Эльмурзу-Магомета Тамбиева, являвшегося председателем Объединения 8-й кавалерийской дивизии и др.

Участие многих северокавказцев в Гражданской войне на Юге России 1917–1921 гг. на стороне белых армий нередко определялось спецификой национального менталитета и упоминавшимися выше установками воинской культуры – верности присяге и боевой дружбе, абреческими традициями. Для некоторых офицеров-черкесов борьба против большевиков приобретала характер кровной мести за гибель родных и близких, становясь формой конфликта личности и общества⁸⁷⁰.

День начала Бичераховского восстания 23 июня 1918 г. казаки Терского войска отмечали как одну из своих памятных дат. В его праздновании принимали участие и российские офицеры-белоземляне, и казаки Кубанского и Донского войск, а также общественные деятели русского зарубежья. Восстание Л.Ф. Бичерахова, борьба терских казаков на Кизлярском фронте в 1918 году под командованием генерала Эльмурзы Мистулова, а также волнения в Дагестане и Чечне начала 1920-х гг. вошли в список наиболее крупных антибольшевистских выступлений, который был опубликован белоэмигрантским журналом «Вестник Первопоходника» ко Дню непримиримости 7 ноября 1965 г., отмечавшемуся консервативными кругами российского зарубежья как символ твердой антибольшевистской позиции⁸⁷¹.

Северокавказцы – офицеры бывшей российской императорской и белой армий – наиболее значимо проявили себя в тех сферах общественно-политической жизни Зарубежной России, которые были в той или иной степени связаны с Белым движением. Входя в РОВС и ряд других активистских организаций российского военного зарубежья, они принимали участие в подготовке планов военно-политического реванша белых армий в СССР, в разработке идеологии Белого движения за рубежом, во внутривойсковом конфликте в Болгарии в 1923 г., поддерживали режим короля Александра I в Югославии и др.

Представители народов Северного Кавказа, российские офицеры и казаки внесли существенный вклад в формирование историко-культурно-

⁸⁷⁰ Ботяков Ю.М. Абреки // Кавказ. Вып. XVI. Нальчик, 2014. С. 422–432.

⁸⁷¹ Вестник Первопоходника. Лос-Анджелес. 1965. № 50. С. 2–4

го наследия Первой мировой и Гражданской войн, собирая материалы по истории жизни на чужбине в 1920–1950-е гг., принимали участие в историко-культурных и мемориальных мероприятиях, посвященных памяти Первой мировой войны и проводившихся под эгидой правительственных органов Франции, Великобритании, Бельгии. Российские военные эмигранты, в том числе и офицеры-северокавказцы, приглашались на данные мероприятия в качестве бывших союзников по Антанте, получая, таким образом, высокий статус в рамках российско-французского и российско-британского боевого братства.

Многие эмигранты-северокавказцы на склоне жизни передавали свои личные и служебные документы в государственные и университетские архивы США, Канады и стран Западной Европы, а также в белоэмигрантские историко-мемориальные центры (полковые архивы и музеи при воинских организациях РОВС, ВМС и др.), где они хранились вместе с материалами российских офицерских обществ и союзов. В рамках мира российского военного зарубежья 1920–1970-х гг. издавался значительный комплекс военно-научных сборников, исторических журналов, информационных листов, альманахов, газет; среди них наиболее популярные в эмигрантском сообществе – «Часовой», «Первопоходник», «Вестник военных знаний». На страницах данных военно-публицистических и исторических изданий публиковали свои воспоминания и военно-научные труды, в том числе офицеры-северокавказцы, рассказывали о боевых походах периода Первой мировой и Гражданской войн, о совместной службе со своими товарищами, русскими офицерами, в Российской императорской армии и в белогвардейских подразделениях.

Мемуары, изданные офицерами-северокавказцами в условиях эмиграции 1920–1950-х гг., являются неотъемлемой частью общего военно-исторического наследия Зарубежной России, разделяя его основные идеологические и историко-культурные концепты. Так, в начале 1950-х гг. в парижском эмигрантском издании «Русская мысль» были опубликованы выдержки из мемуаров генерала К.Н. Хагондокова, посвященные событиям периода Русско-Японской войны 1904–1905 гг.⁸⁷² Позднее они были переизданы в США в получившей известность в российском военно-политическом зарубежье книге Л. Масянова «Гибель Уральского войска» (Нью-Йорк, 1963). Полностью воспоминания К.Н. Хагондокова, рукопись которых сохранялась в Париже в семье его потомков, были впервые опубликованы в России в 2019 г.⁸⁷³

В свою очередь российские офицеры и генералы в своих воспоминаниях и военно-научных работах отмечали высокие боевые качества горских всадников Кавказской армии, Кубанского и Терского казачьих войск, Кавказской туземной конной дивизии и др., воссоздав в своих мемуарах яркие образы офицеров-горцев, вошедших в историю Гражданской войны на Тереке:

⁸⁷² Хагондоков К.Н. Уральцы на русско-японской войне // Русская мысль. Париж, 1954. 27 января (№ 627); 10, 12. 17, 24 февраля (№ 631–633, 635); 3 марта (№ 637).

⁸⁷³ Воспоминания русского офицера: Мемуары генерала К.Н. Хагондокова. В 2 томах. / Сост. В.П. Имтосими, А.Д. Портнягин. – Кисловодск, 2019.

генерал-майора Эльмурзы Мистулова, полковника А.А. Агоева, ротмистра Заурбека Даутокова-Серебрякова и др. Российскими эмигрантами «первой волны» был осуществлен целый ряд военно-исторических научных проектов, посвященных событиям Кавказской войны XVIII–XIX вв., а также теме Первой мировой и Гражданской войны в регионе Кавказа. Так, генерал-лейтенант Е.В. Масловский подготовил и в 1933 г. опубликовал фундаментальный труд «Мировая война на Кавказском фронте»⁸⁷⁴.

Значительный вклад в сохранение общей памяти о боевом братстве российских военных и офицеров-горцев эпохи Гражданской войны в культурном пространстве Зарубежной России внес известный эмигрантский еженедельник «Возрождение», издававшийся в Париже и поступавший во все основные центры межвоенного Русского мира. На его страницах публиковались выдержки из воспоминаний офицеров и общественных деятелей-северокавказцев, некрологи, литературные эссе и др.⁸⁷⁵. Например, был опубликован некролог бывшего офицера Кабардинского конного полка Мудара Анзорова, участвовавшего в Русско-Японской и Первой мировой войнах, кавалера ордена Св. Георгия и нескольких других российских высоких военных наград⁸⁷⁶. М. Анзоров с ноября 1917 г. проходил службу в составе Кабардинского конного полка Кавказского Туземного конного корпуса.

Значительная роль северокавказцев-офицеров в институционализации военно-политического мира российского зарубежья в 1920–1930-е гг. определялась формировавшимся в его пространстве консервативным идейным пространством, системой воинских культурно-исторических и нравственных ценностей военной эмиграции, спецификой ее адаптации в странах-реципиентах: в Западной и Центральной Европе, США, Канаде, Австралии, государствах Латинской Америки.

Совместная деятельность в общественно-политических организациях и корпоративных союзах, дружеские и семейные связи в рамках российско-кавказского сообщества зарубежной России 1920–1950-х гг. были основаны на взаимодействии и взаимовлиянии культур, которое сформировалось в предшествующие десятилетия, прежде всего – в военной среде эмиграции, где личные дружеские связи между российскими военными и горскими офицерами установились еще в конце XIX – начале XX вв., в период их совместной службы в Российской императорской армии, а позднее – в рядах белых армий периода Гражданской войны 1917–1921 гг.

В зарубежной России сохранились воинские традиции проведения корпоративных праздников (юбилеев, именин командиров, полковых обедов и др.), в которых принимали участие российские и горские офицеры. Был распространен обычай обмена дружественными визитами однополчан и боевых товарищей, утвердившийся в русско-кавказской военной среде в конце

⁸⁷⁴ Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте, 1914–1917 г.: стратегический очерк: с приложением 13 схем, двух таблиц и одной диаграммы на отдельных листах и 22 приложений в тексте книги. Париж: Книгоиздательство «Возрождение», 1933. 530 с.

⁸⁷⁵ Возрождение. Париж, 25 июля 1927 г.

⁸⁷⁶ Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в.: Биографический справочник. Нальчик, 2006. С. 42, 43–44.

XIX – начале XX века и продолживший свое существование и в условиях жизни на чужбине, в рамках военной культуры русского зарубежья.

Сыновья российских офицеров северокавказского происхождения в 1920–1930-е гг. обучались в русских зарубежных кадетских корпусах, мечтая о продолжении военной карьеры уже в постбольшевистской России, как их исторической родины. Это показывает, что в исторической перспективе офицеры-северокавказцы и горская молодежь видели себя в составе российского военного мира, являясь и в условиях изгнания хранителями отечественной воинской культуры.

Влияние российско-кавказской военной культуры проявилось в рамках зарубежного Русского мира XX века и на уровне повседневной жизни: в быту, в одежде, в нормах поведения, в этике общения, при комплектовании личных библиотек, в музыкальных предпочтениях и др. Особенно заметно это было в эмигрантской студенческой среде, поскольку большинство русских студентов, оказавшихся за рубежом в 1920–1930-е гг., в прошлом являлись участниками Гражданской войны в России. Северокавказская воинская символика напоминала им о драматических страницах их жизни, о героике борьбы с большевизмом, а кавказские танцы и костюмы широко использовались молодежными театральными и музыкальными коллективами.

Таким образом, военный русско-кавказский мир зарубежной России стал одним из ее важных системообразующих компонентов, вобрав в себя лучшие свойства двух военных культур, обусловив их конструктивный синтез. Военно-политические события на Северном Кавказе в период Гражданской войны 1917–1921 гг. стали частью общего историко-мемориального наследия российского военного зарубежья.

«Кавказское как русское» в массовой культуре зарубежной России и иностранного социума

На протяжении всего XX века активно развивался культурный диалог российского зарубежья с обществами стран-реципиентов, в рамках которого происходила интеграция музыкального и изобразительного искусства народов России в интернациональное художественное пространство США, Франции, стран Латинской Америки, Австралии и др. При этом русская музыка и танец всех жанров, фольклорные ансамбли, значительную часть репертуара которых составляли произведения в кавказском стиле, в 1920–1930-е гг. быстро приобрели популярность в Западном мире, способствуя интеграции российских эмигрантов-северокавказцев в зарубежное творческое сообщество. Данный процесс стимулировался активной музейно-выставочной, театральной и коллекционерской деятельностью российской эмиграции, включая представителей народов Северного Кавказа. Мотивы культуры народов Северного Кавказа находили отражение в таких заметных общеевропейских культурных событиях, как спектакли «Русских сезонов» Дягилева, выставка русского искусства в Брюсселе 1928 г., выступления театра-кабаре «Летучая мышь», открытие Русского культурно-исторического музея в Праге.

Спектакли по сюжетам кавказской истории входили в репертуар многих российских эмигрантских театров, в том числе в репертуар Русского теа-

тра Д.Н. Кировой в Париже, одного из ведущих театров зарубежной России межвоенного периода: в ноябре 1930 года для юбилейного 90-го спектакля театра была выбрана пьеса Щеглова «В горах Кавказа», роли в которой исполняли В. Кострова, Г. Панютин, Д. Кирова, С. Кононенко и др.

Эпический образ Северного Кавказа раскрывается в творчестве композитора М.М. Ипполитова-Иванова, произведениям которого сопутствовал успех на ведущих американских и европейских сценах. Большинство произведений М.М. Ипполитова-Иванова звучало в исполнении российских эмигрантов: например, сюита кавказских танцев «Аул» входила в репертуар «Балета Зинаиды Узаровой», который выступал в Театре на Елисейских полях 5–13 июня 1930 года⁸⁷⁷.

Сюита «Кавказские эскизы» прозвучала в январе 1931 г. на первом концерте в Париже Русского симфонического оркестра под управлением М.Ф. Сириньяно («Кавказские эскизы» перед иностранной публикой были впервые исполнены еще в 1904 году старейшим Русским симфоническим оркестром в США, организованном М.И. Альтшулером). В 1917 г. М.И. Альтшулер осуществил в Карнеги-холле постановку симфонической поэмы Скрябина «Прометей», имевшую определенную ассоциативную связь с миром северокавказского зарубежья.

В рамках общего интеллектуального и художественного пространства российского зарубежья XX века самобытная и яркая культура Северного Кавказа стала символом не только самих кавказских народов – шапсугов, кабардинцев, чеченцев и др., – но и всей культуры России в целом, формируя в иностранном социуме единый образ Российского мира и его интеллектуального пространства. В массовом сознании европейцев и американцев, в Китае, Японии и других странах мира, как и в сообществе самого русского зарубежья, утверждается образ «кавказского как русского», когда кавказские символы (черкески, кинжалы, бурка) и русские (народные пляски, самовар) соединяются в едином восприятии как образы общего культурного пространства. Следует отметить, что аналогичный характер приобрело бытование в зарубежной России и на Западе цыганского романа и танца, утвердившихся в качестве популярных символов традиционной русской культуры.

Возникшая в 1930–1950-е гг. в Западном мире мода на горский стиль в одежде, на черкесскую джигитовку, кавказские танцы и кухню актуализировала интерес к российской культуре и фольклору в целом без разделения ее на российскую и северокавказскую часть. В 1920-е гг. кавказский стиль стремительно приобрел популярность в российской эмигрантской и общеевропейской индустрии развлечений, что определило художественный репертуар многих артистов и музыкантов мира русского зарубежья. Например, уроженец Владикавказа, бывший белый офицер Григорий (Марат) Тугаев выступал исполнителем народных национальных горских танцев на площадках престижных европейских ресторанов и концертных залов и на различных праздничных и юбилейных мероприятиях, организованных различными кавказскими обществами, среди которых были «Союз армян-офи-

⁸⁷⁷ Русское зарубежье. Франция. Хроника. Т. 2. С. 71.

церов, бывших участников Великой войны», «Общество кавказских тифлисских евреев» и др.

Кавказский репертуар мастеров искусства зарубежной России включал в себя песни, танцы и фольклор как Северного, так и Южного Кавказа: например, Р.А. Джанбеков, уроженец селения Баксан в Кабардино-Балкарии, исполнял на своих концертах и творческих вечерах как черкесские, так и грузинские танцы; кавказские горские песни наряду с песнями тифлисских кинто входили в репертуар популярного исполнителя Виктора Хенкина и др.

В программу концертов горских и русских мастеров искусства включались порой и сюжеты из истории Кавказских войн XVIII–XIX вв., в музыкальных номерах звучали военные эпические мотивы эпохи мамлюков XIV–XVI вв., романтические мелодии и др. Так, в декабре 1930 г. в помещении Cristal Palace в Лионе состоялся бал-концерт Общеказачьей станицы, в котором принял участие оркестр русских моряков под управлением Линицкого. В программу вечера входила премьера пьесы «Ночной привал имама Шамиля с мюридами»⁸⁷⁸. В Бордо в апреле 1932 г. состоялся концерт Русского хора под управлением С.С. Козлова, который сопровождался показом «русского фильма из кавказской жизни»⁸⁷⁹.

В 1920-х гг. в Париже на эстраде и по радио с вокальными номерами выступала княгиня Софья Султан-Гирей, которая в светских кругах дореволюционного Санкт-Петербурга была известна как «жемчужина Кавказа». В 1928 г. Софья Султан-Гирей исполняла на балу в Союзе русских шоферов авторскую программу «Песня любви и печали».

Многие эмигрантки кавказского происхождения нашли себя в мире Haute couture Западной Европы и США. Горские красавицы ярко проявили себя в европейской индустрии моды 1920–1950-х гг.: кавказские певицы, танцовщицы, модельеры блистали на подиумах европейских столиц и в аристократических салонах Парижа. Например, внучатую племянницу известного ингушского общественно-политического деятеля Вассан-Гирея Джабагиева, славившуюся своей красотой, в Русском Париже называли «Принцесса Дженера».

Как уже отмечалось выше, еще в XIX веке в период, когда соприкоснулись российская и северокавказская военные культуры, искусство кавказской джигитовки было воспринято кубанскими и терскими казаками, спортивные и танцевальные традиции горцев стали частью казачьей военной и фольклорной культуры⁸⁸⁰. В условиях эмиграции джигитовка стала давать горским и казачьим цирковым труппам реальные средства к существованию, позволяя организовывать успешные туры по странам Европы, США, государствам Латинской Америки. Известными организаторами казачьих цирковых и фольклорных ансамблей, в репертуар которых входили эстрадные номера с джигитовкой, были бывшие белогвардейцы, в частности, уже упоминавшийся выше полковник Ф. И. Елисеев. Наибольшего успеха в 1920–

⁸⁷⁸ Русское зарубежье. Франция. Хроника. Т. 2. С. 97.

⁸⁷⁹ Там же. С. 307.

⁸⁸⁰ Карпов Ю.Ю. Джигиты // Кавказ. Вып. XVI. Нальчик, 2014. С. 233.

1930-е гг. достиг ансамбль Ф.И. Елисеева, который много гастролировал по странам Западной и Центральной Европы, США, Канаде, став одним из наиболее популярных в своем жанре коллективом. В 1925 г. по инициативе полковника Ф.И. Елисеева был подготовлен фотоальбом, запечатлевший эффектные выступления казачьей труппы. Верность казаков традициям горской военной культуры, мастерское исполнение кавказской джигитовки, искусство владения клинковым оружием, яркий танцевальный стиль получили высокую оценку в мире российской эмиграции, включая офицеров-северокавказцев, ранее служивших в воинских подразделениях Российской империи и белых армиях. По инициативе Ф.И. Елисеева фотоальбом был разослан многим офицерам и генералам бывших российских кавказских и казачьих частей, что еще больше усилило известность данного казачьего ансамбля в сообществе российского военного зарубежья. Генерал С.Г. Улагай, по достоинству оценивший искусство джигитовки казачьей труппы Ф.И. Елисеева, писал ему в сентябре 1925 г. из Марселя: «Картины былой военной нашей службы, родные картины нашей единственной в мире джигитовки – хоть на короткое время оттеснили эти безотрадные дни, бесконечные туманы жизни изгнанника и перенесли мечты – и мечты и мысли – в другую эпоху, в другие переживания. Хорошее Вы дело делаете. Не имея пока возможностей служить Родине более активным образом – Вы со своими джигитами рассказываете перед иностранцами картины былой славной могучей России, о которой, я думаю, во многих-многих странах не имели и не имеют настоящего представления. Прошу принять и передать всем участникам альбома мою искреннюю благодарность за добрую память...»⁸⁸¹.

Следует отметить, что в российском зарубежье и в западном социуме в 1920–1950-е гг. джигитами называли всех участников танцевальных ансамблей и спортивно-акробатических трупп с кавказским репертуаром и стилистикой, независимо от национальной принадлежности и социального статуса. (В основном, участниками подобных художественных коллективов являлись бывшие чины российских кавказских и казачьих воинских подразделений дореволюционного времени или периода Гражданской войны 1917–1921 гг.) В то же время в знаменитые казачьи танцевальные коллективы, которые восхищали своим мастерством европейских и американских зрителей, как правило, входили этнические горцы, представители народов Северного Кавказа⁸⁸².

На концертах и фестивалях Зарубежной России большой популярностью пользовалось исполнение кавказскими и казачьими танцевальными коллективами лезгинки. Многие терские и кубанские казаки, а также и представители эмигрантской студенческой молодежи, восхищаясь зажигательным динамизмом этого танца, сами пытались его изучать и исполнять на дружеских встречах и праздничных мероприятиях. Кавказские военные костюмы (черкески) и национальные горские танцы в 1920–1950-е гг. стали распространенным атрибутом многих российских эмигрантских самодеятельных коллективов, выступавших на воинских юбилеях, историко-культурных

⁸⁸¹ Елисеев Ф.И. Джигитовка казаков по белу свету. М., 2006. С. 38–39.

⁸⁸² Великий русский исход. Европа. 1917–1939. С. 516.

праздниках, благотворительных концертах в Париже, Берлине, Белграде, Вене, Нью-Йорке и других крупнейших индустриальных и культурных центрах Западной Европы и США.

В мае 1936 г. лезгинка в рамках художественной постановки «Вечерней зари» была исполнена на концерте Кубанской казачьей дивизии, организованном в пользу Панчевского госпиталя Российского общества Красного Креста, и восторженно принята присутствующими. Ранее, в 1934 г. состоялся благотворительный «Бал осетин в пользу нуждающихся земляков» с концертом на лучшее исполнение лезгинки⁸⁸³.

Практически во всех крупных центрах русского зарубежья, от Парижа и Харбина до Нью-Йорка открывались, начиная с 1920-х гг., рестораны и кафе восточной и кавказской кухни, владельцами и работниками которых нередко были российские эмигранты – выходцы с Кавказа и военнослужащие кавказских воинских частей. Популярность этих заведений также способствовала широкому распространению в мире русско-кавказских кулинарных и фольклорных традиций.

В 1950–1980-е гг. самобытный мир Кавказа продолжает жить как в российской эмигрантской культуре, так и в глобальном цивилизационном пространстве: например, известный хореограф и педагог Шота Абашидзе продолжает проводить в Париже вечера кавказских танцев, князь А.В. Оболенский на собрании Литературно-артистического общества в Ницце читал главы своего произведения «Кавказ» и др.

Таким образом, многие атрибуты старинной военной и бытовой культуры народов Северного Кавказа через сферу развлечений, которая в XX веке стала одной из распространенных и эффективных форм социально-экономической адаптации российских эмигрантов, быстро вышли за пределы северокавказской диаспоры, формируя образ России в глобальной массовой культуре. Самобытная горская традиция в восприятии западного общества была внесена в контекст общей российской цивилизации.

Интеллектуальная элита Северного Кавказа в творческом пространстве зарубежной России

Русскую и северокавказскую эмиграцию объединял интерес к событиям на родине, находивший выражение в научных работах и политической публицистике⁸⁸⁴.

Северокавказские эмигрантские общественные организации в странах Западной и Центральной Европы и на Ближнем Востоке в 1920–1950-е гг. осуществляли активную культурно-просветительскую, научно-исследовательскую и издательскую деятельность, что стало их заметным вкладом в формирование интеллектуального пространства глобального российского зарубежья. На страницах печатных изданий кавказской прессы публиковались работы по общественно-политической тематике, эссе по истории Северного и Южного Кавказа, статьи, посвященные этнографии, культуре

⁸⁸³ Русское зарубежье. Франция. Хроника. Т. 2. С. 272.

⁸⁸⁴ Чапанов А.Х. Указ. соч. С. 209–210.

и искусству кавказских народов, что способствовало широкому распространению информации о кавказской части мира Зарубежной России в русскоязычном пространстве страны Европы, США и Ближнего Востока. И в настоящее время историко-философское и литературное наследие горских мыслителей представляет большую научную и культурную ценность, являясь неотъемлемой частью интеллектуального наследия Зарубежной России 1920–1950-х гг. и современного Русского мира.

Необходимо отметить, что востоковедение и кавказоведение в зарубежной России опиралось на глубокие научные традиции ещё дореволюционных отечественных исследовательских школ, при том что многие российские учёные-востоковеды работали в XIX – начале XX вв. за границей: с 1877 г. М.И. Венюков, географ, историк и этнограф, жил и работал во Франции; в Париже также проживал и работал с 1900 г. М.И. Тамамшев, являвшийся действительным членом Французского общества изучения Азии, который в Русской высшей школе общественных наук в Париже читал курсы лекций по истории Кавказа и кавказоведению⁸⁸⁵.

В межвоенный период тема истории и этнографии Кавказа и российско-кавказского интеллектуального диалога получила отражение в научных работах представителей эмигрантской академической науки и высших образовательных учреждений зарубежной России. Данная проблематика исследовалась известным философом и идеологом евразийства, востоковедом М.С. Трубецким, подготовившим работу «Фонология и лингвистическая география»⁸⁸⁶. Значительный вклад в российское эмигрантское кавказоведение внёс историк-арабист А.А. Беннигсен, окончивший в 1924 г. в Париже Школу восточных языков, а в 1950-е гг. в звании профессора Школы высших исследований, возглавлявший кафедру неарабского ислама. А.А. Беннигсен изучал преимущественно мусульманские народы СССР, включая национальные этносы Северного Кавказа⁸⁸⁷.

Известный деятель культуры Осетии Г.В. Баев в эмиграции занимался изучением проблем кавказоведения, осуществлял издания исторических материалов по истории Северного Кавказа. В мае 1922 г. в Берлине была опубликована его концептуальная научная статья «Кавказ (К восстановлению России)», содержащая анализ хозяйственно-экономического положения северокавказского региона в начале XX века и оценку перспектив его развития в условиях постбольшевистской России. В своей статье Г.В. Баев подчёркивает большое значение Юга России и непосредственно Северного Кавказа для дальнейшего успешного наращивания экономического потенциала России⁸⁸⁸. Г.В. Баев по поручению Лондонского Библейского обще-

⁸⁸⁵ Балагова-Кандур Л.Х. Адыгская литературная диаспора: История. Этнодуховная идентичность. Поэтика, Москва: Изд-во Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН, 2009; и др.

⁸⁸⁶ Trubetzkoy N.S. Phonologie und Sprachgeographie // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1931. № 4. S. 228–234 (Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии, М., 1987. С. 31–36).

⁸⁸⁷ Alexandre Bennigsen, Chantal Quelquejay. The Evolution of the Muslim Nationalities in the USSR and their Linguistic Problems, London, 1961; Мусульмане в СССР / А. Беннигсен. Paris: YMCA-press, 1983; и др.

⁸⁸⁸ Баев Г. Кавказ (К восстановлению России) // Сполохи: Художественно-литературный и общественный журнал. Берлин, 1922. Январь. № 3. С. 39–43.

ства осуществил перевод Библии на осетинский язык в 1920-е гг., работал в Берлинском университете на должности доцента, специализируясь по тематике кавказоведения.

Тема истории Северного Кавказа и российско-кавказского культурного диалога как за исторический период XVII – начала XX вв., так и в условиях зарубежной России после 1917 года получила широкое освещение в научных исследованиях и публицистических работах многих представителей различных направлений российской эмигрантской литературы, общественных наук и искусства. В рамках данной темы создавали свои научные работы и литературоведческие исследования также учёные и философы-сеveroкавказцы, публикуя их в российских общеэмигрантских изданиях. Со второй половины XX века в Турции, Арабском мире и странах Ближнего Востока также публиковалось достаточно большое число литературных и исторических произведений, посвящённых истории северокавказской зарубежной диаспоры, их культурным и интеллектуальным связям как с российскими учёными, так и с научными центрами Западной Европы и США.

В 1920–1930-е гг. в странах Западной Европы происходит активная институционализация историко-культурных и научных организаций северокавказского зарубежья. Там, под эгидой Европейского центра Музея Н.К. Рериха, расположенного в Париже, был создан Комитет осетиноведения, в работе которого принимали участие многие российские эмигранты – учёные-кавказоведы, специалисты по античной истории и культуре Востока. Комитет осетиноведения издавал журнал «Осетия» (редактор Д. Джанти). В 1932 г. в Музее Рериха, в рамках научно-просветительской деятельности Комитета осетиноведения, Д. Джанти прочитал доклад по теме: «История осетин и её значение»⁸⁸⁹.

Представители научной элиты северокавказского зарубежья в условиях изгнания 1920–1970-х гг. проявляли высокую деловую и творческую активность, формируя научно-исследовательские, институциональные структуры, объединяющие специалистов в области кавказоведения, истории, культуры и других гуманитарных наук в трансграничную профессиональную корпорацию. Учёные-кавказоведы, как русские, так и горцы по происхождению, осуществляли научно-футурологические исследования, стремясь дать оценку перспективам политического и социально-экономического развития северокавказского региона, проводили историко-культурные мероприятия просветительского характера в целях популяризации в эмигрантском обществе и западном интеллектуальном пространстве знаний о Северном Кавказе, его истории и хозяйственно-экономическом развитии. При этом в научной деятельности северокавказских исследовательских центров и просветительных учреждений наряду с российскими учёными-эмигрантами принимали участие и авторитетные европейские учёные. Так, в сентябре 1925 г. в Праге при Институте изучения России было создано «Общество кавказоведения», инициаторами создания которого выступила группа северокавказской и научной интеллигенции, а официальными членами-учреди-

⁸⁸⁹ Русское зарубежье. Франция. Хроника. Т. 2. С. 314, 342.

телями стали Ф.Т. Аспидов, Е.К. Васильев, СМ. Верещак, В.М. Краснов, В.С. Минахорян, Г.М. Нокашидзе, П.А. Орлицкий. Т.Ф. Фальчиков, Д.К. Цареков, А.Т. Цаликов и Д.К. Эмухвари.

В рамках научно-исследовательской и просветительской деятельности Общества кавказоведения в Праге осуществлялась подготовка докладов и чтение лекций по истории, культуре, географии и природе Северного Кавказа, его роли во всеобщей истории и мировой цивилизации, были организованы кавказоведческие кружки и курсы, предполагалось создание научных работ на русском и чешском языках⁸⁹⁰. Финансовые средства на развитие «Обществу кавказоведения» предоставлял Институт изучения России; например, в 1926 г. «Обществу кавказоведения» было выделено 1 500 чешских крон. В ноябре 1926 г. в Русском Доме в Праге Обществом был организован «Вечер-чай кавказцев», на котором А. Цаликов сделал доклад «Задачи Общества кавказоведения», а чешский учёный-литературовед Говелка выступил с сообщением по теме: «Кавказ в чешской литературе». На Вечере танцев выступил квартет народных инструментов в Музыкальной секции под художественным руководством профессора А.Г. Чеснокова⁸⁹¹. В конце 1920-х гг. деятельность Общества была прекращена, а его документы переданы в Русский Заграничный исторический архив в Праге⁸⁹².

Необходимо отметить, что многие кавказоведческие научно-исследовательские центры и историко-культурные общества после Второй мировой войны стали институциональной основой европейских и североамериканских советологических центров изучения СССР либо вошли в структуру высших учебных заведений США и стран Западной Европы, осуществляющих учебную подготовку по специальности «востоковедение».

В 1950-е гг. в Париже вели научно-исследовательскую и просветительскую работу в сфере кавказоведения Академический центр по кавказологии под руководством Б.П. Цараева и Институт осетиноведения, которые имели широкие научные связи с французскими исследовательскими структурами и профессиональным сообществом востоковедов, что также было обусловлено востребованностью в научном мире Франции и Запада в целом северокавказской проблематики. Запрос на кавказскую проблематику в США и европейских странах стимулировал научно-исследовательскую и педагогическую деятельность российских эмигрантов северокавказского происхождения, либо проходивших военную и административную службу на Северном Кавказе. Так, известный учёный и просветитель М.Э. Джабагиев в условиях эмиграции проводил исследования чеченского и ингушского фольклора, осуществляя научное сотрудничество как с зарубежными российскими, так и с французскими исследовательскими востоковедческими учреждениями.

Главным предметом изучения философов, историков литературы и военной культуры Северного Кавказа и зарубежной России являлось творческое

⁸⁹⁰ Ершов В.Ф. Общество кавказоведения в Праге (к истории северокавказской эмиграции в 1920–1930-е гг.) Образование. Наука. Инновации Южное измерение. Ростов-на-Дону. 2012. № 2 (22). С. 168–173.

⁸⁹¹ Дни. Париж, 1926. 11 ноября. № 1. С. 2–3.

⁸⁹² Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 196.

наследие черкесской диаспоры на турецком, арабском и северокавказских национальных языках. Таким образом, научное и философско-литературное наследие северокавказской эмиграции можно рассматривать в качестве важной составляющей интеллектуальных процессов, развивавшихся в среде российско-кавказского зарубежья 1920–1980-х гг.⁸⁹³.

В литературно-публицистическом наследии зарубежной России широко представлены публикации, содержащие описание образа Северного Кавказа, – живописные виды природы, национальных традиций, культуры и повседневного быта горских народов. Например, в 1924 г. в Париже в журнале «Военно-исторический вестник» был опубликован очерк Л. Пенькова «От Темир-Хан-Шуры до Ахульго», описывающий повседневную жизнь дагестанских селений, рисующих пейзажи аула Гимры, развалины укреплений на горе Ахульго и др.⁸⁹⁴. В 1954 г. в парижской газете «Русская мысль» были опубликованы воспоминания П.Л. Штейнгеля, содержащие, в том числе, описание приключений охотников за турами в Верхнем Дагестане и Чачском ущелье. Вышедшая в журнале «Новое русское слово» в Нью-Йорке в 1955 году заметка Н.В. Вороновича «Черкесские сады» содержит рассказ о культивировании старинных садов в приморских аулах в период 1870–1910-х гг. и о их судьбе после революции 1917 г.⁸⁹⁵.

Российское зарубежное кавказоведение, равно как и вся эмигрантская гуманитарная наука, уделяло большое внимание популяризации результатов своей исследовательской работы через систему научных обществ и культурно-просветительских организаций, делая свои исследования достоянием интеллектуального мира русского зарубежья и иностранного научного сообщества. В данной деятельности принимали участие наряду с представителями северокавказской зарубежной диаспоры русские учёные-востоковеды и европейские учёные-гуманитарии, в сферу научных интересов которых входила история России и Северного Кавказа, формирование общероссийской полиэтнической цивилизации XVIII–XX вв. Большой вклад в отечественное и европейское кавказоведение внесли бывшие российские военные и представители царской администрации, проходившие службу на Северном Кавказе. Например, при Франко-русском институте восточных языков в конце 1920-х гг. под руководством члена Петербургского Общества ревнителей истории и древностей Г.Д. Воронца были открыты Курсы осетиноведения. В то же время его отец генерал Д.Н. Воронец читал курс филологии осетинского языка в Школе восточных языков в Париже⁸⁹⁶. В мае 1928 г. по приглашению осетинского национально-

⁸⁹³ Анчабадзе Ю. Кавказоведческие исследования в научной мысли русского зарубежья // Кавказские научные записки. 2010. № 4 (5). С. 182.

⁸⁹⁴ Пеньков Л. От Темир-Хан-Шуры до Ахульго: Из Дагестанских воспоминаний // Военно-исторический вестник, Париж, 1964. № 24. С. 12–16.

⁸⁹⁵ Воронович Н.В. Черкесские сады. Из воспоминаний о старой России // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1955. 20 ноября. № 15485. С. 2.

⁸⁹⁶ Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь / Под общ. ред. Л. Мнухина. М. Авриль, В. Лосской. – М., 2010. Т. 1. С. 312.

го объединения в Париже Д.Н. Воронец выступил с докладом «Осетины и осетинский язык»⁸⁹⁷.

Научно-просветительные лекции по кавказской истории в рамках российско-северокавказского интеллектуального диалога проводились и на базе европейских научных площадок и исследовательских институтов. Так, в августе 1932 г. в Париже в помещении Социального музея (Salle de Musée Social) был заслушан доклад Д. Вачнадзе «Кавказская проблема», после которого состоялась дискуссия. В сентябре 1932 г. в помещении Союза галлиполийцев в Париже на собрании «Объединения терцев во Франции» был представлен доклад профессора А.П. Маркова «Современное экономическое состояние Северо-Кавказского края».

В октябре 1932 г. в Париже, на собрании «Общества бывших воспитанников Санкт-Петербургского университета» А.А. Башмаков выступил с докладом по теме: «Тавро-киммерийцы – черкесское население Юга России – около 2000 лет до РХ»⁸⁹⁸, в котором осветил ранние страницы черкесской истории. Доклад вызвал дискуссию, в которой приняли участие как учёные-востоковеды, так и представители других направлений гуманитарной науки российского зарубежья, а также лица, в личном порядке интересующиеся северокавказской историей эпохи Античности и Средневековья.

Русско-кавказское сообщество Зарубежной России в 1920–1930-е гг. осуществляло просветительские историко-культурные и научные мероприятия в Польше, где эмигранты-северокавказцы имели существенную научно-организационную поддержку со стороны польских деятелей высшей школы и академической науки. Так, в январе 1936 г. в Варшаве в Восточном институте инженер Коста Занги выступил с докладом «Кавказская женщина». Выступление было организовано участниками польской Кавказской секции «Ориенталистического кола» (Востоковедческого кружка) молодёжи).

Российско-кавказский культурный диалог в 1920–1950-е гг. получил яркое выражение на страницах художественной литературы Зарубежной России. В мире российского зарубежья переиздавались как произведения классиков русской литературы, посвящённые теме Северного Кавказа, – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, так и создавались новые литературные произведения, в том числе отражавшие жизнь северокавказской диаспоры в эмиграции в США, Западной и Центральной Европе, на Ближнем Востоке и др. Образы далёкой родины – России и Северного Кавказа, история и культура горских народов, национальный эпос были и остаются широко востребованы Русским миром на протяжении всего XX века и в начале XXI в. В то же время представители северокавказской части русского зарубежья принимали активное участие в общественной и культурной жизни общеземлигратских организаций, содействовали популяризации русской классики как в интеллектуальном пространстве российского зарубежья, так и в рамках глобального цивилизационного измерения. Например, эмигранты-горцы входили в состав Комитета по подготовке празднования 125-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова, который был создан в Париже в 1939 г. и про-

⁸⁹⁷ Русское зарубежье. Франция. Хроника. Т.1. С. 449.

⁸⁹⁸ Там же. Т. 2. С. 314, 342.

вёл ряд историко-культурных мероприятий, в том числе возрождавших кавказскую тему в общественном сознании Зарубежной России.

В художественной литературе русского зарубежья особое место занимают произведения национальных северокавказских авторов, написанные на русском языке. Созданный в них завораживающий образ Северного Кавказа вдохновлял, в то же время, и многих русских поэтов и писателей Зарубежной России. Литературное и поэтическое творчество представителей горских народов создавало в условиях Зарубежной России романтический образ далёкой родины предков – Северного Кавказа. В 1920–1930-е гг. в США, во Франции, Польше, Чехословакии, Болгарии и других странах, где существовали крупные историко-культурные и общественно-политические центры северокавказского зарубежья, публиковались стихи и проза, посвящённые образу далёкого и желанного Кавказа, в которых звучала душевная ностальгия, была выражена мечта о скорейшем возвращении на родную землю.

Большую роль в популяризации темы истории и культуры Северного Кавказа в интеллектуальном пространстве российского зарубежья сыграло издательство Е.А. Гутнова, выходца из Владикавказа, на типографской базе которого печатался литературно-художественный и общественный журнал «Сполохи». На его страницах появлялись произведения многих знаменитых писателей и поэтов Константина Бальмонта, Вячеслава Ходасевича, Ивана Бунина, Максимилиана Волошина, а также и известных представителей русско-кавказского литературного сообщества – А. Ахматова, Е. Галати, Гаппо Баева, Г. Евангулова и др. Так в 1923 г. в журнале «Сполохи» была опубликована поэма Косты Хатагурова «Плачущая скала» (издательство Е.А. Гутнова действовало в Берлине в 1919–1925)⁸⁹⁹.

В середине 1920-х гг. в издательстве Е.А. Гутнова была напечатана книга В.Я. Искуля «Кавказские наброски» (перевод с немецкого языка), содержащая исторические повести об Осетии XIX века (две из них – «Абрек» и «Свадьба Райханат» – были ранее опубликованы в журнале «Сполохи» в 1922 году⁹⁰⁰). Сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. национальная пресса северокавказского зарубежья была востребована как в интеллектуальном пространстве Русского мира, так и в общественно-культурном пространстве стран Западной и Центральной Европы, США и Канады, а также в адыгских диаспорах Ближнего Востока, которые сформировались ещё в XIX веке и лишь частично входили в систему Зарубежной России. Для данных публикаций была характерна поэтизация образов и национальных традиций народов Северного Кавказа, романтизация его природы, ностальгия о покинутой родине и т. д. К литературным произведениям, отражавшим подобные настроения, можно отнести сборник стихов Г. Малиева «Горские мотивы».

Эмигрантами-северокавказцами публиковались также тексты песен и легенд народного фольклора, в основном собранные и литературно обработанные ещё в дореволюционное время. К таким литературно-историческим памятникам можно отнести записанные Цоцко Амбаловым и опу-

⁸⁹⁹ Бердичевский Я.И. Владикавказ – Берлин. [Электронная публикация]. 19.08.2013. URL: <https://oldvladikavkaz.livejournal.com/79831.html>

⁹⁰⁰ Кавказские легенды // Сполохи. Берлин, 1922. Январь. № 3.

бликованные в журнале «Кавказский горец» с предисловием А. Кантемира «Сказания горцев Кавказа о нартах». Литературно-художественный журнал «Кавказский горец» издавался в середине 1920-х годов в Праге «Союзом горцев Кавказа в Чехословацкой Республике» и пользовался в среде российской и северокавказской эмиграции большой популярностью.

Литературные и поэтические произведения авторов-северокавказцев радушно встречались интеллектуальными кругами российской эмиграции: так, в Париже в 1921 г. объединением «Палата поэтов» был устроен торжественный вечер по поводу публикации книги стихов Г.С. Евангулова «Белый духан», в подготовке которого приняла участие поэтесса княгиня А.Н. Меликова, известная в России под псевдонимом «Замтари».

Во второй половине 1920-х – 1930-е гг. происходит организационная и идеологическая консолидация мира зарубежной России, что было обусловлено крушением надежд на скорое возвращение на родину, что поставило на повестку дня вопрос о необходимости адаптироваться к новым условиям проживания в иностранном социуме на длительную перспективу. Этот процесс охватил все категории и этнические группы российских эмигрантов; в среде русского зарубежья без различия политических убеждений, национальности, религии, культурных традиций усиливается объединяющее всех вокруг общей Родины – России – чувство товарищества, землячества. Яркое проявление чувства землячества и тоски также и по исторической родине – Кавказу – нашло свое выражение в литературном творчестве и общественной деятельности эмигрантов⁹⁰¹.

В литературном творчестве российского зарубежья и северокавказской диаспоры XX века центральное место занимают мотив изгнания и образы покинутой Родины⁹⁰². Так, Джамбулат Джанти в 1931 г. в Париже выпустил поэтический сборник «Изгнанник Кавказа», а также серию научных очерков по истории, археологии и национальному фольклору Осетии. В пражском издательстве «Пламя» Ахмед Цаликов опубликовал роман «Брат на брата», посвящённый драматическим событиям на Северном Кавказе в период революции и Гражданской войны 1917–1921 гг.; им был также написан и подготовлен к печати роман «Окровавленные горы»⁹⁰³.

Особый вклад в формирование эмигрантской кавказской литературы внёс талантливый писатель и мыслитель К.А. Чхеидзе, который «обладал несомненным литературным даром, умением ясно и легко писать о сложном»⁹⁰⁴. К.А. Чхеидзе происходил из русско-грузинской офицерской семьи, получил хорошее военное образование: окончил Полтавский кадетский корпус, затем Терское кавалерийское училище, служил в Кабар-

⁹⁰¹ Ершов В.Ф. Интернациональное кавказское землячество – элемент социокультурной среды зарубежной России XX века // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. С. 117–120.

⁹⁰² Салтанов К.К. Поэзия северокавказской эмиграции: мотив «исторической родины» // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Вып. I. М.: Наследие, 2000.

⁹⁰³ Мусаидова Д.О. Структура повествования романа Ахмеда Цаликова «Брат на брата» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 2. С. 342–345.

⁹⁰⁴ Леонидов В. Константин Чхеидзе. Путник с Востока // Новый Журнал. 2013. № 272.

динском конном полку. В период Гражданской войны Константин Чхеидзе являлся адъютантом Заурбека Даутокова-Серебрякова, а после его гибели в 1917 г. – адъютантом начальника Кабардинской конной дивизии и правителя Кабарды князя Бековича-Черкасского. В эмиграции К.А. Чхеидзе испил горькую чашу изгнанничества: находился в военных лагерях для беженцев, эвакуированных в составе Русской армии генерала П.Н. Врангеля, на острове Лемнос, затем работал на строительстве дорог в Болгарии. Но в дальнейшем ему удалось повысить свой социальный статус: в 1923–1928 гг. Константин Чхеидзе прошёл обучение на Русском юридическом факультете в Праге, защитил магистерскую диссертацию, находился на преподавательской работе, активно осуществлял просветительскую деятельность. В годы Второй мировой войны К.А. Чхеидзе поддержал СССР, занял патриотическую оборонительную позицию, участвовал в антифашистском движении Сопротивления. К.А. Чхеидзе принадлежал к российской дореволюционной культуре, поддерживал дружеские отношения со многими русскими офицерами-эмигрантами, однополчанами, принимал участие в историко-культурных мероприятиях РОВС и военного зарубежья, собирал документальное наследие российской эмиграции. В 1932 году К. Чхеидзе создал в Шанхае автобиографическую книгу «Страна Прометей», которая затем была переиздана в Праге на чешском языке. В ней Константин Чхеидзе создаёт поэтический образ Кавказа, народных обычаев и яркой природы Кабардино-Балкарии, описывает судьбы и характер горцев, вместе с которыми служил сначала в российской императорской, а затем – в Белой армии. В книге «Страна Прометей» воссоздан мир многонационального Северного Кавказа дореволюционного времени, передана тоска автора по утраченной в изгнании родине – России, выражены надежды на возвращение на землю юности⁹⁰⁵. К.А. Чхеидзе выпустил также ряд исторических романов – «Глядящий на Солнце», «Пророк в Отечестве», «Навстречу буре», «Невеста гор» и др., которые были опубликованы в период 1935–1944 гг., некоторые лишь в отрывках, на чешском и словацком языках, вследствие чего историко-литературное творчество К.А. Чхеидзе в СССР и России долгое время было известно лишь узкому кругу специалистов. Но в рамках мира Зарубежной России К.А. Чхеидзе получил широкое признание как автор художественной прозы, воспевающей Россию и традиции родного ему Кавказа.

К.А. Чхеидзе активно участвовал в интеллектуальном диалоге как в рамках зарубежной России, так и в общеевропейском культурном и общественно-политическом пространстве, много времени и сил уделял утверждению исторического образа России как общей Большой Родины для всех, населяющих ее народов, в том числе и северокавказских соотечественников. Константин Чхеидзе на протяжении многих лет возглавлял «Кружок по изучению современной русской литературы» при Русском Народном университете в Праге, сотрудничал в чешской литературной группе «Далибарна» и в ряде других российских эмигрантских и русско-чешских историко-культурных

⁹⁰⁵ Гачева А.Г. Образ Кавказа в книге К.А. Чхеидзе «Страна Прометей» // Северный Кавказ и русская литература XIX–XX в. М.: Изд-во филологического факультета МГУ, 2013.

организациях, являясь заметной фигурой в интеллектуальном диалоге между российской, включая ее северокавказскую часть, и чешской интеллигенцией. Он внес существенный вклад в историю и теорию философской мысли русского зарубежья, являясь одним из идеологов евразийства и исследователем учения русского мыслителя Н.Ф. Федорова. В настоящее время имя Константина Чхеидзе возвращается в отечественное культурное и научное пространство; ему посвящены исследовательские работы О.Л. Опришко⁹⁰⁶, А.Г. Гачевой и других; осуществлены публикации его литературных произведений, эпистолярного и мемуарного наследия и др.⁹⁰⁷

Русско-кавказский культурный диалог проходил также в рамках интеллектуального пространства Русской Америки, где в послевоенные годы сформировались новые общественные и историко-просветительские центры российской эмиграции. В Нью-Йорке активно осуществляло издание книг, в том числе по кавказской тематике, известное в мире российской эмиграции «Издательство имени Чехова», книги которого распространялись через сеть эмигрантских книжных магазинов и библиотек в социуме Зарубежной России. Так, в 1954 г. им было выпущено переиздание дореволюционного исторического романа Д.Л. Мордовцева «Железом и кровью», посвященного событиям на Кавказе в XIX веке и содержащего яркие образы кавказских национальных характеров, народного быта, романтическую сюжетную линию. В предисловии к нью-йоркскому изданию была проведена параллель с романом советского писателя Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара».

В послевоенный период 1950–1970-х гг. многие представители интеллектуальной элиты Северного и Южного Кавказа продолжали свою творческую деятельность, создавая новые произведения искусства, научные работы, литературные эссе, исторические романы и др., сохраняя верность национальным традициям и участвуя в деловой жизни за рубежами родины. При этом сущностная основа позиции интеллектуалов-северокавказцев, мечтавших о возвращении на родину их научного и культурного наследия, в полной мере совпадала с миссией всего мира российского зарубежья XX века – познавать себя не в изгнании, а в Послании – в послании к родной земле, к памяти предков и потомкам, к которым и было обращено их интеллектуальное творчество. Память о Кавказе, мечта о возвращении на родину, надежда на то, что их литературные философские и исторические труды будут востребованы, с опорой на внутренние духовные и культурные силы северокавказского мира «стали основополагающими в сложной системе ценностных предпочтений»⁹⁰⁸.

Эмигранты-северокавказцы, осуществлявшие за рубежом научную, художественную и литературную деятельность на протяжении XX века, а так-

⁹⁰⁶ Опришко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия. Нальчик, 2007; Гачева А.Г. Русский космизм в идеях и лицах. (РГНФ), М., 2016.

⁹⁰⁷ Константин Чхеидзе. Страна Прометея. Нальчик, 2004; Его же. Крылья над бездной: Роман-сказ. Кавказская проза. Нальчик, 2010; Его же. Путник с Востока / Сост., вст. статья, подг. текста, комментарии Л. Гачевой. М.: Русский Путь, 2012; и др.

⁹⁰⁸ Салтанов К.К. Идеал, опрокинутый в прошлое. Образ Кавказа в литературе ... северокавказской диаспоры // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. Вып. III. ИМЛИ РАН. – М., 2005. С. 65.

же продолжающие её и в настоящее время, внесли значительный вклад как в культуру трансграничного Русского мира, так и в культуру стран-реципиентов. Черкесская диаспора в Турецкой Республике стала существенным фактором развития интеллектуального потенциала страны, способствуя при этом распространению коммуникативного пространства международного Черкесского мира⁹⁰⁹.

Общественно-политический облик северокавказской эмиграции и Русский мир XX–XXI веков

Северокавказское послереволюционное зарубежье, равно как и политическое сообщество Зарубежной России в 1920–1930-е гг., характеризовалось большой идеологической неоднородностью, социальной разобщенностью, различием менталитета, что в итоге приводило к бесконечным дискуссиям в прессе, взаимным обвинениям и личным конфликтам, политической замкнутости в рамках партийных групп и кружков.

В идеологии и структуре северокавказского зарубежья 1920–1930-х гг. в отличие от национальных диаспор махаджиров XIX – начала XX вв. преобладала не религиозная, а политическая составляющая, что нашло своё выражение в возникновении в странах Западной Европы ряда общественно-политических организаций, которые в своей деятельности были сосредоточены на проблемах новейшей истории, общественной жизни и перспективах северокавказской государственности, вопросах религиозной и культурной ориентации Северного Кавказа в геополитическом измерении.

Политические идеалы и футурологические концепции консервативных кругов северокавказского зарубежья, отождествлявших себя с Россией как Большой Родиной, совпадали с проектами восстановления российской государственности в постбольшевистской России, которые были разработаны идеологами РОВС и декларировались как общеэмигрантские. При этом институционализация прежних административных структур, равно как и формирование новых, предполагалась на исторической территории Северного Кавказа в равной мере, как и на всей российской территории, в едином государственно-политическом пространстве, что, по сути, являлось бы восстановлением искусственно прерванной в 1917 г. линии государственного строительства Российской империи.

Представители северокавказской части российского зарубежья в период 1920–1950-х гг. принимали участие в политической и идеологической деятельности русской эмиграции, занимая при этом различные позиции: некоторые лидеры национальных движений на Северном Кавказе и в Закавказье эпохи революций 1917 г. и Гражданской войны 1917–1921 гг., занимая резко антибольшевистские позиции, отождествляли себя с позицией левых и либеральных партий, отвергая идеологию Белого движения и монархических консервативных партий. Представители данного политического направления дистанцировались от общероссийских эмигрантских центров (в работе

⁹⁰⁹ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 98

которых принимали активное участие их земляки – горцы) и осуществляли свою общественно-политическую деятельность в контексте комплекса идей Кавказской конфедерации. Так, в политической программе «Народной партии горцев Кавказа» (НПГК) была поставлена задача создания Независимой Федеративной Республики горцев Северного Кавказа.

В 1920–1930-е гг. северокавказские политические национальные организации пытались найти идеологическую поддержку в революционно-демократических кругах российской эмиграции, которые проявляли интерес к проблемам истории социально-экономической жизни и перспективам развития Северного Кавказа в XX веке. Так, вероятная модель будущего общественно-политического устройства Кавказа регулярно становилась темой дискуссий на собраниях Республиканско-демократического объединения в Париже, существовавшего под эгидой левого крыла партии кадетов в изгнании. Политический интерес к северокавказской эмиграции и движению махаджиров в 1930-е гг. проявлял «Национальный Союз нового поколения», на собрании которого, проходившем в парижском кафе «Моризо», состоялась, в частности, лекция В.М. Левитского на тему: «Борьба на Северном Кавказе»⁹¹⁰.

Северокавказцы в период 1920–1930-х гг. проявляли высокую активность как в социокультурной жизни Зарубежной России, так и в общественно-политической жизни стран-реципиентов, прежде всего – в Турции и государствах Арабского мира⁹¹¹. В 1920–1930-е гг. часть северокавказской диаспоры Зарубежной России под влиянием идеологии махаджирства предпочла интегрироваться в систему черкесских эмигрантских обществ и других диаспоральных структур, находящихся в США, Канаде, Турции, странах Северной Африки и на Ближнем Востоке. При этом они вышли из идейного пространства мира российского зарубежья, прекратив в большинстве случаев и контакты с представителями русского зарубежья, в том числе прервав и дружеские связи с российскими офицерами-однополчанами. Но они оставили меньшую часть Черкесского мира, большинство офицеров-горцев остались в рамках институциональной системы и идеологии зарубежной России.

После окончания Второй мировой войны начинается распад системы русского зарубежья, основу которого составляли эмигранты «первой войны» и дореволюционного периода. В контексте данного процесса приобщают свою деятельность и многие общественно-политические и историко-культурные объединения национальных диаспор, в том числе и северокавказские организации.

Российские белые эмигранты и соотечественники – северокавказцы, находившиеся в рамках мира зарубежной России, в условиях изгнания 1920–1950-х гг. сохраняли общую память об историческом прошлом и единую точку зрения на роль и институциональное значение Российской империи

⁹¹⁰ Русское зарубежье. Франция. Хроника. Т.2. С. 366.

⁹¹¹ Абдулаева М.И. Северокавказцы в общественно-политической жизни Турции в начале XX в. // Сборник научных трудов АН ЧР и КНИИ РАН. № 7 /Под ред. Ш.А. Гапурова, Д.К.-С. Батаева. – Грозный, 2018. С. 291.

в XVIII – начале XX вв., в том числе в регионе Северного Кавказа. В период «холодной войны» 1950–1980-х гг. и в настоящее время, когда против многих базовых концептов отечественной истории западными странами развернута информационно-идеологическая война, данная позиция приобретает особенно актуальное значение. При том что идеологи США оказывают системное влияние на общественно-политические и культурные центры Черкесского мира, расположенные в США (Черкесская благотворительная ассоциация в Нью-Джерси, Черкесское благотворительное общество Калифорнии и др.) и странах Евросоюза, в целях формирования у них антироссийской позиции и идейной поддержки экономических санкций Запада, зарубежное сообщество северокавказцев-соотечественников как трансграничная система глобальной цивилизации поддерживает свою историческую родину, расширяя с ней информационную и общественно-культурные связи.

В 1957 г. в Москве был учрежден Комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом, который получил статус государственного органа и располагал филиалами в Кабардино-Балканской Республике. В 1970–1980-е гг. активно занималась налаживанием культурных связей с мировой черкесской диаспорой Ассоциация «Родина». Большой вклад в расширение культурного пространства Черкесского мира и его интеграцию с многонациональным сообществом российских соотечественников вносит Международная черкесская ассоциация (МЧА).

В настоящее время общественно-политическое и интеллектуальное взаимодействие России и глобального многоэтничного Русского мира, объединяющего и северокавказские национальные диаспоры, включает в себя деятельность не только в сфере поддержки русского языка и традиционной культуры, а также национальных культур народов России, но и актуальные задачи совместного противостояния выпадам идеологической информационной войны, навязываемой Западом, противодействие неофашизму и попыткам пересмотреть итоги Второй мировой войны, исказить и умалить значение Великой Победы. В 2010-е гг. русскоговорящие общины, в том числе и представители международных северокавказских диаспор, известные международные общественные деятели русского зарубежья и Черкесского мира осуществили ряд патриотических и историко-культурных акций: выступали в мировых СМИ и социальных сетях в защиту исторической правды о Второй мировой войне, рассказывая международной общественности о совместном подвиге народов России в годы борьбы с фашизмом. Также с 2015 г. в большинстве стран мира российские соотечественники проводят массовые шествия в рамках историко-патриотической акции «Бессмертный полк», организуют фотовыставки, акции памяти на военных мемориалах и другие мероприятия в честь Великой Победы над фашизмом. В этих патриотических и историко-культурных мероприятиях принимают участие и представители северокавказских национальных общественных организаций, формируя единый образ Русского мира как продолжения Отечества в глобальном цивилизационном пространстве XXI века.

Взаимодействие современной России с северокавказскими соотечественниками: международный диалог и воссоединение с Родиной

В настоящее время в России и в рамках зарубежного Русского мира, включая и его северокавказскую часть, происходит формирование национального исторического сознания на основе возрождения традиционных культурных ценностей народов, составляющих цивилизационную основу российского государства и общества. При этом историческое сознание современных россиян имеет общенациональный характер, а пространство трансграничного Русского мира развернуто в глобальном измерении, что актуализировало включение историко-культурного наследия зарубежных диаспор в процесс утверждения общих духовных и интеллектуальных ценностей современной России.

В рамках внутреннего пространства Русского мира на рубеже XX–XIX веков происходит межкультурный диалог, включающий в себя и интеллектуальное взаимодействие зарубежных национальных диаспор с исторической родиной, развивающийся на основе как традиционных, так и новых институциональных систем и гуманитарных концепций. Интеграция культурного наследия северокавказской эмиграции XX века в общероссийский интеллектуальный фонд является важным фактором консолидации российского общества, способствуя решению перспективных задач всесторонней модернизации страны.

Историческая память о российских эмигрантах-северокавказцах является частью интеллектуального пространства как русского зарубежья XX века, так и современной России. Вклад эмигрантов-горцев в историко-культурное наследие Русского мира получил отражение в музейно-выставочных экспозициях Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, а также в рамках работы Конгрессов соотечественников в Москве и Петербурге, в издательских проектах, в исторических научно-популярных кинофильмах и др. Например, в марте 2014 г. в Доме русского зарубежья была организована выставка, посвященная жизни и деятельности известного российского предпринимателя и путешественника А.И. Караева, уроженца Владикавказа, в сложной судьбе которого «переплелись родной Кавказ, Дальний Восток, Америка, Япония, Китай, потом снова Россия»⁹¹². На выставке были представлены уникальные документы и материалы семейного архива Караевых и Архива МИД Японии.

Культурное взаимодействие России и российского зарубежья, включающего в себя пространство Черкесского мира и других северокавказских культур, в 1990–2010-е гг. характеризуется разнообразием национальных традиций, полифонией языков, исторических образов и гуманитарных идей, благодаря которым полиэтническая культура Русского мира вышла в глобальное цивилизационное пространство, сохранив в то же время свою

⁹¹² В Доме русского зарубежья пройдет выставка, посвященная Александру Караеву // Горец: Познавательный электронный журнал. 24 февраля 2014 г. URL: <http://gorets-media.ru/v-dome-russkogo-zarubezhja-projdet-vystavka-posvjashhennaja-alekcanfru-karaevu>

уникальность и общероссийскую сущность как потенциал для дальнейшего развития в XXI веке.

Расширение этнокультурного знания в рамках Русского мира, развитие информационных и организационно-коммуникативных связей российского зарубежья, в том числе и институтов Черкесского мира с российскими общественно-политическими, научными и культурными организациями играет позитивную роль в утверждении международного статуса России в качестве одного из ведущих центров многополярного мира⁹¹³.

Вопросы современного положения черкесов (адыгов), вайнахских и дагестанских общин в различных странах проживания получили отражение в процессе научного диалога российских ученых с их западными коллегами. Так, 19 апреля 2011 г. в Институте этнологии и антропологии РАН состоялся очередной семинар на тему «Кавказ и Средняя Азия: история, культура и народы», в ходе которого К. Броссар, специалист Института политических исследований (Париж, Франция), выступила с докладом «Сохранение национальной культуры в адыгской диаспоре современной Франции»⁹¹⁴, а также был показан документальный фильм о жизни современных общин адыгов в Европе.

В 2010-е гг. расширяются интеллектуальные и организационные связи Русского мира, значительную часть которого составляют общественные организации горских народов с учреждениями культуры республик Северного Кавказа. Так, в 2014 году московский Дом русского зарубежья передал в дар Национальной библиотеке Республики Дагестан им Расула Гамзатова свыше 300 книг, посвященных теме русского зарубежья XX века и роли в нем представителей северокавказских народов.

Российские ученые, представляющие республики Северного Кавказа, участвуют в работе международных научно-исследовательских групп, занятых в масштабных исследовательских проектах в высокотехнологичной сфере производства и фундаментальной науки: например, доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой физики Карачаево-Черкесского технологического института М.Д. Бавижев принимал участие в разработке научного проекта коллайдера (Superconducting Super Collider – SSC) в США. Российский предприниматель из Северной Осетии В.А. Хаблиев в середине 1990-х гг. создал высокотехнологичное предприятие, осуществляющее производство информационных носителей SKY Media Manufacturing, вошедшее в структуру промышленной группы «Skytecgroup» (Люксембург). Продукция данной компании распространяется в государствах Европейского Союза, в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки, в главном офисе «Sky-media» в Швейцарии подняты четыре флага – Швейцарии, России, Кантона Вуд и Северной Осетии – Алании. Созданный В.А. Хаблиевым коллектив специалистов объединил 250 ученых более 20 национальностей, включая северокавказских соотечественников.

⁹¹³ Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. акад. РАН Тишкова В.А.; Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 2008.

⁹¹⁴ Кларисс Броссар о черкесской диаспоре во Франции. Электронный ресурс. Сайт Института этнологии и антропологии РАН. 19.04.2011. URL: <http://aheku.net/events/2376>

Большой вклад в развитие интеллектуального диалога ученых, представителей России и мира северокавказских соотечественников вносит Адыгская (Черкесская) Международная академия наук (АМАН), созданная в 1992 г. в Нальчике как независимое научное сообщество, включающее ученых из разных стран мира, гуманитариев и специалистов в сфере точных и естественных наук. В состав АМАН вошли как представители черкесской научной общественности из Кабардино-Балкарии, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесии, так и из Турции, США, Израиля, Испании, Иордании, Узбекистана и др. АМАН развивает широкие научно-коммуникативные связи с учеными многих стран мира, в том числе – Франции, Великобритании, Сирии, Египта и др. В частности, членом-корреспондентом АМАН является С.Х. Хотко (США) – известный писатель, автор книг о черкесской истории и культуре периода Средневековья, а также о жизни черкесских диаспор в современном Арабском мире и Турецкой Республике⁹¹⁵.

Сотрудниками Академии являются более 300 ученых и деятелей культуры, в том числе 2 академика и 4 члена-корреспондента РАН, 2 члена Российской академии художеств, академики Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, представители свыше 20 российских отраслевых государственных и общественных академий; 68 членов АМАН награждены государственными наградами Российской Федерации. Академия регулярно проводит расширенные заседания Президиума, общие собрания, в работе которых принимают участие как российские ученые, так и представители международного черкесского сообщества. Академия выпускает отчеты о своей деятельности, периодические сборники («Доклады АМАН»), в том числе электронные издания. Многогранная научно-исследовательская, организационная, историко-культурная и просветительская деятельность АМАН содействует, с одной стороны, развитию институциональной структуры и интеллектуальной среды современного Черкесского мира, а с другой – вносит значимый вклад в процесс интеграции международного северокавказского научного сообщества в университетскую и академическую среду Российской Федерации. В 2000-е гг. стала заметно возрастать роль гуманитарного направления в деятельности Академии, которая обеспечивает утверждение и продвижение объективного научного знания по истории, культуре и общественной жизни Черкесского мира в российском, международном северокавказском и глобальном информационном пространстве начала XXI века. Масштабным историко-культурным проектом, осуществляемым АМАН в контексте решения данной задачи, является создание многотомной энциклопедии «Черкесика», научную подготовку которой организует Институт адыгской энциклопедии АМАН под руководством известного черкесского ученого и публициста М.М. Хафицэ⁹¹⁶.

В период 1990-х – 2010-х гг. благодаря формированию правовых, общественных, организационных и социально-культурных основ глобального

⁹¹⁵ Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (АМАН) // Сайн АМАН. URL: aman.niipma.ru/

⁹¹⁶ Мухамед Хафицэ: Первооткрыватель Черкесского зарубежья. Жизнь и творчество. Статьи, очерки, зарисовки, интервью. Нальчик, 2016. С. 32.

Русского мира, созданию в международном сообществе российских соотечественников широкой сети информационных коммуникаций, диалог республик Северного Кавказа с зарубежной диаспорой получает дальнейшее позитивное развитие.

Развивающееся в рамках трансграничного Черкесского мира движение репатриации на историческую родину стало новым социально-культурным феноменом северокавказского зарубежья начала XXI века. При этом происходит объединение интеллектуального потенциала Русского мира и адыгской зарубежной культуры и общероссийской цивилизации, восстанавливается «связь времен», укрепляется информационное пространство современного российского зарубежья⁹¹⁷.

В условиях возникшей в начале XXI века религиозно-политической сегментации и появления очагов этнорелигиозных конфликтов (Сирия, Ирак, Йемен, Ливия и др.) в глобальном цивилизационном пространстве, тенденция к расширению гуманитарного взаимодействия северокавказских этносов, проживающих в эмиграции, с Россией или исторической родиной приобретает особенно конструктивный характер.

Выводы

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в рамках зарубежной России возник уникальный цивилизационный феномен – русско-кавказский мир, сформировавшийся на основе диалога двух национальных культур и интеллектуального взаимодействия различных социально-профессиональных групп – общественных деятелей, военных, ученых, предпринимателей, творческой интеллигенции. В тяжелых условиях изгнания русско-кавказское братство способствовало адаптации эмигрантов в иностранном социуме, а также стало одной из форм народной дипломатии, культурного диалога, взаимодействия в сфере искусства, создав в глобальном цивилизационном пространстве неповторимый образ зарубежной России⁹¹⁸.

Сформировавшаяся в период конца XIX – первой четверти XX века русско-кавказская военная культура стала важным компонентом в формировании идеологии и образа российского зарубежья, как в рамках самого Русского мира, так и в глобальном цивилизационном пространстве. Северокавказская эмиграция «первой волны», прежде всего ее военная составляющая (офицеры, генералы, воины, ушедшие с исторической родины вместе с эвакуировавшимися частями белых армий либо на кораблях флота Антанты) была в высокой степени интегрирована в мир Зарубежной России: вовлечена в орбиту повседневной жизни эмигрантского сообщества, являясь фактором влияния в глобальных военно-политических и общественных процессах в 1920–1950-е гг., определявших институциональную социальную динамику основных центров Русского мира.

⁹¹⁷ Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. Нальчик, 2013. С.209

⁹¹⁸ Ершов В.Ф. Черкесская культура и мир российского зарубежья XX в. // Дискуссия. 2013. № 1 (31). С. 14–21.

Представители послереволюционной северокавказской эмиграции в XX веке внесли существенный интеллектуальный и организационный вклад в становление и эволюцию историко-культурного феномена зарубежной России, привнеся свое творчество в эмигрантскую и иностранную науку, культуру и искусство, принимая участие в деятельности политических партий, просветительских организаций, благотворительных обществ, художественных центров, издательств и др. Многие интеллектуалы – северокавказцы, оказавшись в 1920–1930-е гг. в изгнании, сосредоточили свои усилия на научно-исследовательской и гуманитарной работе, взаимодействуя с иностранными высшими учебными заведениями и научными советологическими центрами, а также с эмигрантскими историко-культурными и просветительскими организациями.

Ученые-горцы и деятели культуры – уроженцы Северного Кавказа, внесли существенный вклад в интеллектуальное наследие зарубежной России, обогатив мировое востоковедение и литературу, оказав влияние на формирование образа русского зарубежья в глобальном информационном пространстве. Значительная часть северокавказского историко-культурного наследия российской эмиграции была создана на русском языке и неотделима от всего интеллектуального мира зарубежной России, являясь яркой и самобытной частью историко-культурного феномена российского зарубежья XX века.

Фольклорное искусство и традиции народов Северного Кавказа стали одним из ключевых компонентов историко-культурного пространства российского зарубежья, формирующих образ многоэтничного Русского мира в глобальном цивилизационном пространстве XX – начала XXI века.

Современные диаспоры народов Северного Кавказа также являются одним из системообразующих компонентов в восприятии российского зарубежья в международном измерении. Благодаря патриотической позиции и конструктивной международной деятельности общественных и историко-культурных организаций соотечественников в рамках Русского мира, в том числе и национальных организаций северокавказских диаспор, выражающих солидарную поддержку своей исторической родины – России, в настоящее время организационная, просветительная, информационная работа институтов российского зарубежья приобрела скоординированный характер, получила внутренний вектор развития, сформировала собственное интеллектуальное пространство в глобальной информационной цивилизации XXI века. Происходит быстрое расширение информационного обмена – историко-культурного, научно-исследовательского, этно-социального характера, укрепляются и становятся более интенсивными разнообразные контакты между представителями северокавказских этнических диаспор, их национальными общественными организациями в различных странах и структурами Русского мира, что превращает данную многоаспектную общественно-культурную систему в значимый фактор геополитического влияния России в рамках международного сообщества.

Таким образом, в сообществе российского послереволюционного зарубежья был не только сохранен, но и получил новый импульс развития творческий диалог русской и северокавказской культур, который на протяжении

XVIII–XX веков оказывал значительное влияние на общественно-политическую сферу, литературу и искусство, научно-исследовательскую деятельность и повседневную жизнь формировавшегося Русского мира в странах Западной и Центральной Европы, в США и Канаде, в Китае и на Ближнем Востоке.

В современном Русском мире, как и зарубежной России 1920–1950-х гг., продолжают сохраняться исторические традиции российско-кавказской культуры, проявляющиеся в совместных общественно-культурных мероприятиях, публикации научных изданий и мемуаров, в музейных экспедициях северокавказских обществ соотечественников, в фольклорных песнях и былинах, в использовании национального народного костюма и др.

Российско-кавказское интеллектуальное взаимодействие стало важной частью утверждающейся в глобальном цивилизационном пространстве многонациональной и в то же время единой в своем многообразии культуры экстерриториальной Зарубежной России.

Стремление северокавказских национальных зарубежных диаспор, преимущественно находящихся в системе исламской культуры, и гуманитарной интеграции и общественно-культурной деятельности в рамках как внутреннего пространства Русского мира, так и в контексте глобального цивилизованного пространства начала XXI века в плане расширения информационных и общественно-политических связей с исторической родиной и с другими национальными центрами российского зарубежья, представляет собой значимый фактор международной стабильности и демонстрирует эффективность и актуальность традиционных принципов толерантного взаимодействия религий и культур в Российской Федерации и в глобальном современном мире.

Организация переселения российских эмигрантов в страны Латинской Америки в 1920-е гг.: правовой и социальный аспекты

Аннотация: Революция 1917 г. в России породила мощную эмиграцию. Надеясь на скорое возвращение на родину, бывшие подданные Российской империи стремились расселиться поближе к ее границам. Цель данной статьи – показать причины, механизмы и особенности возникновения русских диаспор на другом континенте – в странах Латинской Америки, в 1920-х гг. Переселение за океан рассматривалось как крайняя мера, которая могла привести к утрате человеческого капитала для России, а также национального самосознания переселенцев. Однако узость миграционных возможностей европейских стран, поиск свободного рынка труда привели ко вторичной миграции россиян в Южную Америку. Глава Международной организации труда А. Тома предложил использовать пространства континента и спрос государств на расширение колонизации их территорий.

Процесс организации переселения за океан способствовал совершенствованию правового регулирования транснациональных передвижений беженцев, включая разрешение на безвизовое возвращение в страну выезда, которая выдавала им специальные удостоверения личности, разработанные Лигой Наций в 1921–1922 гг. для «лиц русского происхождения, не принявших никакого другого подданства», с целью перемещения за границу. В результате в 1926 г. из удостоверения личности, была изъята пометка «без права возвращения в страну, выдавшую сертификат».

В статье сделан вывод о том, что при всей поливариантности решения русской беженской проблемы государства Латинской Америки сыграли существенную компенсаторную роль в адаптации русской эмиграции 1920-х гг.

Ключевые слова: русская эмиграция, миграция, переселение, беженцы, нансеновский паспорт, Международное бюро труда (МБТ), К.Н. Гулькевич, М.Н. Гирс, А. Тома.

The organization of relocation of the Russian emigrants to Latin America in the 1920s: legal and social aspects

Abstract: The Russian Revolution of 1917 led to significant emigration from the country. Hoping for a rapid return to their homeland, the former subjects of the Russian Empire sought to settle closer to its borders. The purpose of the article is to show the reasons, mechanisms and features of Russian diasporas formation in Latin America in the 1920s. Emigration across the ocean was considered as an extreme measure that could result in the loss of human capital for Russia, as well as of the migrants' national identity. However, the limited opportunities of migration to European countries and the search for a free labor market led to secondary migration of Russians to South America. A. Toma, the head of

the International Labor Organization, suggested using the continent's space and states' demand for expanding the colonization of their territories.

The process of organizing overseas migration helped improve the legal regulation of transnational migration of refugees, including permission for visa-free return to the country of departure, which issued them special identity cards developed by the League of Nations in 1921-1922. In 1926, for "people of Russian origin who did not take any other citizenship", there was removed from the identity card the mark "no right to return to the country that issued the document".

The article concludes that despite the polyvariety of the solution to the Russian refugees problem, the Latin American states played a significant compensatory role in the adaptation of the Russian emigrants in the 1920s.

Keywords: Russian emigration, migration, resettlement, refugees, Nansen passport, International Labor Office (ILO), K.N. Gulkevich, M.N. Giers, A. Toma.

Русская революция 1917 г., разрушившая Российскую империю, имела значительный мировой резонанс. Следствием стала мощная волна эмиграции, получившая в историографии название «первой» послереволюционной. Захлестнув вначале приграничные страны, она докатилась и до Латинской Америки. Регион принял как русских беженцев с турецких и греческих берегов, состоявших на французском пайке, так и более позднюю эмигрантскую волну из Европы. Другой путь на континент лежал через Дальний Восток, Австралию, Японию.

В современной отечественной историографии литература по изучению послереволюционной эмиграции из бывшей Российской империи занимает значимое место. Обобщающие труды о Зарубежной России важны с точки зрения теоретических подходов, общего контекста организации жизни русских вне России⁹¹⁹. В работах, посвященных послереволюционной волне эмиграции в Латинской Америке 1920–1930-х гг., изучены ее особенности, социальный состав, адаптационные практики, реализованы биографический, научно-популярный подходы⁹²⁰.

⁹¹⁹ Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2008; Утургаури С.Н. Белые русские на Босфоре 1919–1929. М.: ИВ РАН, 2013; Бочарова З.С. Феномен Зарубежной России 1920-х годов. М.: АИ-РО-XXI, 2014; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015 и др.

⁹²⁰ Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк). Киев: Наук. думка, 1980; Дик Е.Н. У истоков российской эмиграции в Мексику: 1906–1926 годы (по мексиканским источникам) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. С. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 130–134; Сизоненко А.И., Панков Н.А. Наши соотечественники в Латинской Америке. М.: Амипресс, 2002; Кублицкая М.А. Русский генерал в Парагвае. Кадетская переписка. Нью-Йорк, 2006. № 77. С. 108–121; Путяткова Э.Г. Россия и Южная Америка: трудовая эмиграция и дипломатические отношения в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2006; Путяткова Э.Г. Российские иммигранты в Южной Америке: проблема социокультурной адаптации (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2008. № 1. С. 265–274; Мартынов Б.Ф. Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М.: Военное издательство, 2006; Курганский К.С. Белая эмиграция в Латинской Америке: попытка сохранения русской культуры, традиционного быта и православной веры (на примере Аргентины и Парагвая) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С. 5–7; Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео, 2009; Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930 годы // Российская история. 2010. № 3. С. 98–115; Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010; Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011; Емельянова Н.М. Один в поле воин. Белый генерал – вождь краснокожих. Иван Беляев. СПб.: Питер, 2019 и др.

Цель данной статьи – показать причины, механизмы и особенности складывания русских диаспор в странах Латинской Америки в 1920-е гг.

После поражения Белой армии в Гражданской войне и эвакуации ее из Крыма во главе с генералом П.Н. Врангелем в ноябре 1920 г. в Константинопольском районе сконцентрировалось не менее 200 тыс. беженцев. В сложившихся условиях одной из главных задач мировых держав стало их расселение. В самом начале 1921 г. французское правительство⁹²¹, которое активно финансировало Русскую армию генерала Врангеля в обмен на корабли русского флота (примерно 40 млн франков в месяц⁹²²), заявило о прекращении экономической помощи.

В результате в феврале 1921 г. оккупационные власти Великобритании, Италии, Франции и Турции открыли запись желавших вернуться в Россию, куда и было отправлено более 10 тыс. человек. Весной началась агитация по переселению из Константинопольского района в страны Латинской Америки, против чего категорически выступил П.Н. Врангель, «ибо ехать туда – это равносильно подчиниться белому рабству»⁹²³. Эмиграционный (позднее – Эмигрантский) Совет, созданный 9 января 1921 г. генералом П.Н. Врангелем по инициативе Центрального объединенного комитета российских общественных организаций по оказанию помощи русским беженцам⁹²⁴, настаивал на отправке прежде всего в европейские славянские страны, расположенные ближе к России, и лишь во вторую очередь могла идти речь о переселении за океан. Поэтому когда Болгария исчерпала резерв казенных земель для организации русских колоний, а Сербия перешла к строгому отбору беженцев, выставив в качестве требования для въезда предъявление крупных денежных сумм, международная помощь русским переориентировалась на поиски земель для колонизации за пределами европейского континента.

Вывод с территории Турции оккупационных войск Франции, Италии и Великобритании в 1923 г. и предстоявшая высылка российских эмигрантов повлекли новую волну отъезда и не только в Болгарию, Югославию, Францию, но и за океан, в Бразилию, Уругвай и другие страны, о чем активно писали стамбульские газеты.

Переезд в Южную Америку был связан с серьезными вызовами и большими трудностями. Расстояние, разделявшее континенты, становилось препятствием к скорому возвращению, переселение означало расставание с родиной на неопределенное время и рождало опасность утраты национальной идентичности. И если в Европе уже складывались или сложились институты, отстаивавшие права русских эмигрантов, то в этих новых странах поселения таковых не было. По мнению бывшего российского генерального

⁹²¹ Франция была единственной страной, признававшей правительство Врангеля.

⁹²² Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященный пребыванию 1-го армейского корпуса Русской Армии в Галлиполи / Волошин Г.Ф. и др. отв. ред. Берлин: EAG Druck, 1923. С. 458.

⁹²³ Утургаури С.Н. Белые русские на Босфоре 1919–1929. М.: ИВ РАН, 2013. С. 92.

⁹²⁴ В Центральный объединенный комитет российских общественных организаций по оказанию помощи русским беженцам входили Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, Российское Общество Красного Креста.

консула в Рио-де-Жанейро Вильдгаузена, лишь официальное покровительство какой-либо европейской страны (например, Франции) могло обеспечить защиту интересов русских переселенцев. В письме на имя председателя Эмигрантского Совета в Париже в марте 1921 г. он высказывал свои опасения, что уехавшие за океан будут потеряны для России ввиду плохой постановки эмигрантского дела в Бразилии, незащищенности переселенцев, ужасного климата, тяжелых условий труда, зависимости от местных властей, трудностей, связанных с ликвидацией хозяйства в случае перемены места жительства, отдаленности от родной страны⁹²⁵.

Решение о переезде в страны Латинской Америки беженцам приходилось принимать в условиях отсутствия объективных сведений, которые были скудны и противоречивы, основывались на ненадежных данных прессы, писем соотечественников, на слухах. Судить по ним об истинном положении дел было сложно. Эмигрантские организации, французское правительство пытались организовывать просветительские лекции, публиковать достоверную информацию и распространять ее в беженской среде. Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, размещая на своих страницах «очень интересные сведения об Аргентине только что полученные из Буэнос-Айреса от лица, живущего там уже много лет и, видимо, хорошо знакомого с наиболее важными условиями колонизации и местной жизни»⁹²⁶, предварил их замечанием, что они «далеко не полные и совершенно недостаточны для практического решения основного вопроса, ехать или не ехать»⁹²⁷.

Совет по расселению русских беженцев в Турции предупреждал, что русских переселенцев ждет участь чернорабочих на частных и общественных землях при минимальной возможности стать колонистами, ведущими самостоятельное дело, что промышленные предприятия находятся в руках английского, североамериканского, французского капитала, доступ к ним для русских ограничен. Поэтому Совет по расселению русских беженцев поддержал предложение российского генерального консула в Рио-де-Жанейро опереться на покровительство Франции или иной европейской страны в деле защиты интересов русских эмигрантов и добиваться наиболее льготных условий и гарантий для них⁹²⁸.

Самая многочисленная на тот момент русская диаспора, приумножившая дореволюционную трудовую эмиграцию, сформировалась в Аргентине. Примерно каждый десятый русский направлялся в Бразилию, которая была признана страной с наиболее благоприятными условиями для получения земли и возможностями ее обработки. Только бразильский штат Сан-Пауло готов был принять 10–20 тыс. русских из Турции, предоставив

⁹²⁵ Материалы по эмиграции и устройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Константинополь: [б. и.], 1921. Вып. 2. С. 45.

⁹²⁶ Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. № 2. 15 марта 1921 г. Париж, 1921. С. 9.

⁹²⁷ Там же.

⁹²⁸ Материалы по эмиграции и устройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Константинополь: [б. и.], 1921. Вып. 2. С. 45.

им землю, субсидии лишь при одном условии – остаться работать на земле. В Парагвай и Уругвай крестьяне-эмигранты выезжали реже. В Парагвае задавала тон политическая эмиграция. В Мексике, первой из латиноамериканских стран, установивших в 1924 г. дипломатические отношения с СССР, прибытие «русос бланкос» (представителей белого движения) власти не приветствовали.

В силу обстоятельств, вынудивших людей покинуть родину, они оказались за границей, а затем и на другом континенте, с самыми различными документами. Более того, это не были удостоверения личности единого образца, например, российские заграничные паспорта (к тому же потерявшие в связи с гибелью Российской империи силу). Сроки действия многих из имевшихся на руках документов заканчивались или уже истекли. В одном из писем, направленных в адрес Бюро защиты русских граждан за границей, было перечислено почти все их многообразие. Эмигрант А. Дудин из Сан-Пауло писал 24 июля 1922 г.: «Будьте добры, не откажите в любезности сообщить, где и как мы, русские, эмигрировавшие в Бразилию, можем получить русский заграничный паспорт. 400 человек из 600 эмигрировавших в Бразилию не имеют абсолютно никаких бумаг, кроме военных паспортов и удостоверений, а те голландские паспорта⁹²⁹, что выданы остальным 200 в Константинополе, уже просрочены и не имеют силы. 600 человек оказались абсолютно выброшены не только за пределы своей родины, но и из общества русской эмиграции в Европе»⁹³⁰. К названным в письме видам удостоверений личности можно добавить заграничные паспорта, выдававшиеся губернаторами царской России, или русскими миссиями за рубежом, или белыми правительствами⁹³¹.

Пытаясь разрешить эту проблему, глава совета русских (несоветских) послов за рубежом М.Н. Гирс (1856–1932) просил своего представителя при Лиге Наций К.Н. Гулькевича (1865–1935) выяснить у верховного комиссара по делам русских беженцев, какие следовало принять меры для улучшения положения русских эмигрантов. Речь также шла о том, чтобы побудить правительство Бразилии признать имевшиеся на руках у переселенцев документы либо выдать им временные свидетельства. М.Н. Гирс предлагал воспользоваться участием в Совете Лиги Наций бразильского представителя и через него повлиять на правительство в благоприятном для беженцев ключе⁹³².

В это время в Лиге Наций завершилось обсуждение вопроса о сертификатах (удостоверениях личности) для русских беженцев, поставленного на повестку дня еще на межправительственной конференции в августе 1921 г.

⁹²⁹ Голландия как нейтральная страна в Первой мировой войне взяла под свою защиту подданных Российской империи за границей, и ее представительства выполняли консульские функции.

⁹³⁰ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 71.

⁹³¹ Подробнее см.: Алешковский И.А., Бочарова З.С. «Перемещенные и неуместные»: феномен беженства и развитие международного режима защиты беженцев в XIX – начале XXI вв. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 11 (85) [Электронный ресурс]. <https://history.jes.su/s207987840008064-9-1/> (DOI: 10.18254/S207987840008064-9).

⁹³² ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 71 об.

После одобрения проекта сертификата Советом Лиги Наций в марте 1922 г. он был принят на межправительственной конференции, прошедшей в Женеве 3–5 июля того же года⁹³³. Одна из задач, которую эти документы должны были решить, – это упорядочение этого сегмента правового поля беженцев. Предполагалось, что учреждение *Certificat d'identite* не только сможет компенсировать отсутствие у изгнанников заграничных паспортов, но и создаст унифицированную систему документов вместо разнообразных имевшихся на руках у беженцев. Верховный комиссар по делам русских беженцев при Лиге Наций просил представителя Бразилии в Совете Лиги Наций телеграфировать своему правительству о просьбе считать действительными имеющиеся у беженцев документы до признания *Certificat d'identite* на национальном уровне, т. е. до того момента, когда этот одобренный Лигой Наций документ можно было бы выдавать «русским, не принявшим никакого другого подданства» (позже их стали называть нансеновскими паспортами).

Государства-реципиенты предоставляли сертификаты факультативно, преимущественно для выезда беженцев за границу, и не несли никаких обязательств в случае высылки таких лиц из страны-выезда, т. е. могли не принять их обратно. Таким образом, обладатели *Certificat d'identite* оставались не только без покровительства государства своего происхождения, но и любого другого. Пометка в документе беженца «без права возвращения в страну, выдавшую сертификат» оказывалась несовместимой с организацией процесса переселения за океан. Южноамериканские государства хотели оставить за собой право избавиться от неугодного эмигранта. Но высылка лица без гарантии его приема другим государством, которое могло не предоставить визу, была несовместима с международным правом.

Поэтому российская эмиграция стала добиваться отмены условия выдачи сертификатов, невольно ограничившего транснациональные передвижения. Между тем нансеновский паспорт был признан латиноамериканскими странами-реципиентами и стал необходимым для получения визы документом. Так, например, его предъявляли аргентинскому консулу наряду со свидетельством о несудимости эмигранта в течение пяти последних лет, выданным властью той страны, из которой он выезжал. Желательна была также справка о прививке оспы, хотя в перечень обязательных документов она не входила⁹³⁴.

Вопрос об изменении статуса паспорта актуализировался в середине 1920-х гг., когда вновь возрос интерес к переезду русских эмигрантов в латиноамериканские страны теперь уже не столько из Турции, сколько из Европы. Возможности европейского рынка труда к этому времени оказались исчерпаны. По сведениям верховного комиссара по делам беженцев Лиги Наций Фритьофа Нансена (1861–1930), более 200 тыс. русских беженцев оставались не трудоустроены⁹³⁵, в связи с чем Южная Америка рассматри-

⁹³³ См. подробнее: Бочарова З.С. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // Диалог со временем. М.: ИВИ РАН, 2019. Т. 68. С. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.68.34702>.

⁹³⁴ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–43.

⁹³⁵ Последние новости. Париж, 1924. 16 сент.

валась как серьезный ресурс для получения работы и улучшения их положения. Кроме того, отсутствие особых иммиграционных ограничений, наличие незаселенной местности со здоровым климатом и плодородной почвой, относительно низкая стоимость земли, вероятность предоставления льгот, открывавшиеся перспективы развития местной экономики, нуждавшейся в опытных и знающих специалистах, которых в русской среде было достаточно много, вселяли оптимизм. Возрастали возможности для применения труда интеллигенции. Этот фактор был чрезвычайно важен, т. к. в европейских странах реализовать свой потенциал квалифицированные эмигранты в полной мере не могли. Кроме того, характер сельскохозяйственного труда в латиноамериканских странах носил настолько специфический характер, что европейский опыт и европейские методы, которыми овладели русские крестьяне-эмигранты, могли в новых условиях и не пригодиться. В то время как легче адаптируемые и более гибкие лица интеллигентных профессий оказывались востребованными⁹³⁶.

Таким образом, необходимость обеспечения работой эмигрантов с возможным последующим переездом их из Европы на другой континент требовала усовершенствования правового и личного статуса потенциальных переселенцев. Встала задача реорганизации структур Лиги Наций, занимавшихся беженством. Верховный комиссар по делам беженцев был переведен из подчинения секретариату Лиги Наций в ведение Международного бюро труда (МБТ), куда с 1 января 1925 г. перешло трудоустройство беженцев.

Директор МБТ, французский социалист, государственный деятель А. Тома (1878–1932) инициировал активизацию переселения в Южную Америку. План А. Тома предусматривал использование больших территорий Южной Америки и «спроса государств ...на сельскохозяйственную колонизацию для расселения русских беженцев, находящихся в избытке в Европе»⁹³⁷. Для исследования условий колонизации Лига Наций направила в латиноамериканские страны специальную комиссию, в которую вошли сотрудники верховного комиссариата по делам беженцев Т. Проктор и Т.Ф. Джонсон. В отчете главы миссии полковника Проктора отмечалось, в частности, что правительство Аргентины принимало только колонистов, земледельческих рабочих и лиц, желавших поселиться на земле, и решительно выступало против переселения тех, кто намеревался обосноваться в городах⁹³⁸. Аналогичная ситуация складывалась и в других странах континента.

После обсуждения русского вопроса на заседании Административного Совета Международной организации труда в октябре 1925 г. на К.Н. Гулькевича обрушился вал вопросов: «Ведь это первый шаг на пути расселения избытков населения Европы. Это выведение безжизненного статистического учета МБТ на путь реальной работы. Решение Административного Совета интересно не только с «нашей» точки зрения, но и для общего направления

⁹³⁶ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 4–5.

⁹³⁷ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.

⁹³⁸ ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 73. Л. 38.

дела МБТ ...Кого полагают в должности агентов в Южной Америке? ...Какие новые гарантии открываются в вопросах расселения?»⁹³⁹.

В результате для координации процесса переселения с иммиграционными службами принимающих стран было решено создать два эмигрантских Бюро Лиги Наций – в Буэнос-Айресе и Рио-де-Жанейро. На их содержание ассигновывались 100 тыс. швейцарских франков⁹⁴⁰. Представителями МБТ в этих странах стали, соответственно: в Аргентине – бывший представитель Лиги Наций в Константинополе полковник Л. Чайльдс и его русский помощник И.Н. Чумаков, в Бразилии – бывший помощник Л. Чайльдса по Константинополю П.А. Гессе (1886–1932). В странах рассеяния эмиграции была организована перепись лиц, желавших выехать в Южную Америку. При этом учитывалось не только количество, но и профессия опрашиваемого⁹⁴¹.

Лига Наций ответила на запрос стран Южной Америки дать им возможность высылать нарушавших общественный порядок лиц – обладателей *Certificat d'identite*, созвав межправительственную конференцию в Женеве. 12 мая 1926 г. 24 государства приняли решение о введении нового принципа выдачи беженцу не только выездной визы, но и визы на право обратного въезда в страну, выдавшую документ. Пометка в нансеновском паспорте «без права возвращения в страну, выдавшую сертификат», упразднилась, тем самым снималось основное препятствие для получения визы страны-реципиента и, соответственно, расширялись возможности для передвижения.

Организация переселения и затраты на обустройство требовали значительных средств. МБТ, не имея надлежащих сумм для помощи переселенцам и при нежелании правительств разделить финансовое бремя, предложило создать так называемый Особый (оборотный) фонд в размере 100 тыс. фунтов стерлингов. Для формирования этого фонда межправительственная конференция 1926 г. ввела 5-франковые сборы за нансеновские марки (с изображением Ф. Нансена), которые клеивались в беженский паспорт. Вместо гербов, символизировавших власть государства, марки делали *Certificat d'identite* законным. Сбор взимался при получении удостоверения личности с каждого лица, достигшего 16 лет. Неимущие от него освобождались, но степень состоятельности такого беженца не определялась. Таким образом, оборотный фонд формировался в основном за счет самих эмигрантов.

Субсидии оборотного фонда выдавались на условиях возврата. В заявке следовало указать место переселения, на что будут израсходованы средства, а также имя поручителя, отвечавшего определенным критериям, которые выставляло МБТ. Ходатайства эмигрант направлял местному представителю МБТ с указанием требуемой суммы, а копию – К.Н. Гулькевичу, чтобы тот поддержал просьбу перед Лигой Наций. При этом достоверная информация о субсидиях МБТ и льготах, предоставляемых странами-реципиента-

⁹³⁹ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 35 об.

⁹⁴⁰ Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. С. 41.

⁹⁴¹ Последние новости. Париж, 1924. 16 сент.

ми, распространялась очень плохо. Но в Женеву К.Н. Гулькевичу шли все новые и новые запросы на выделение денежной помощи.

Попытки беженства в лице совета послов организовать собственные структуры по защите интересов русских в странах Южной Америки не увенчались успехом из-за отсутствия достаточных средств. Вопрос о переселении активно обсуждался в эмигрантской прессе, в среде русских общественных организаций, которые включились в разработку проектов трудоустройства в Америке. Представительства Российского общества Красного Креста (РОКК) в разных странах также вели учет лиц, желавших перебраться в Южную Америку. При этом подходы представителей эмиграции и МБТ к организации переселения могли существенно различаться, и, более того, бывали случаи, когда они видели друг в друге конкурента.

Так, Ф.В. Шлиппе (1873–1951), возглавлявший отделение РОКК в Германии, в начале 1925 г. призывал воспользоваться возможностью записаться для отправки в Бразилию, Аргентину и другие страны через эмигрантскую берлинскую газету «Руль». Но инициативу представителя РОКК не одобрил делегат МБТ в Германии Мориц Шлезингер (1886–1974). Он опубликовал в эмигрантской газете «Дни»⁹⁴² письмо, опровергавшее правомерность предварительной записи, организованной РОКК, поскольку та не получала от МБТ никаких полномочий. Сам М. Шлезингер входил в состав делегации, изучавшей возможности эмиграции в Южную Америку русских беженцев, и образовал Объединенный комитет общественных организаций по отправке их на работу в другие страны, которому обещал 3 тыс. швейц. фр. для выдачи ссуд. При этом эмигрантские общественные организации, с которыми отношения у представителя МБТ не сложились (преимущественно правой ориентации), он проигнорировал и в Объединенный комитет они не вошли. Германское правительство, озабоченное безработицей, также согласилось помогать МБТ в организуемых им переселениях из Германии за океан и выделило для этого 100 тыс. марок.

Конфликт между РОКК и представителем МБТ зашел настолько далеко, что глава Организации защиты интересов русских беженцев в Германии С.Д. Боткин (1869–1945) обратился с письмом к А. Тома и опротестовал состав Объединенного комитета общественных организаций М. Шлезингера. Желание С.Д. Боткина взять под свой контроль отправку беженцев в Южную Америку диктовалось рядом причин. Он считал, что «находясь в руках Шлезингера, профессора-теоретика Брунста (порядочный человек, но без свойств практического деятеля) и других каких-либо иностранцев», организация переселения «вряд ли может послужить на пользу русским уроженцам». С.Д. Боткин также обратил внимание на тяжелые условия жизни и совершенно не подходящий русскому человеку климат⁹⁴³, и предполагал, «что лучшие местности будут предоставлены немецким колонистам, а наиболее неподходящие ...будут предоставлены нашим соотечественникам»⁹⁴⁴.

⁹⁴² Дни. Берлин, 1925. 14 февр.

⁹⁴³ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 23–24.

⁹⁴⁴ Там же. Л. 25.

Эти опасения не были беспочвенны. Б.К. Шуберт, капитан I ранга, в частном письме М.Н. Гирсу от 24 марта 1925 г. из Буэнос-Айреса писал по поводу представителя МБТ в Аргентине: «Сам Чайльдз, присланный сюда Лигой Наций, по-видимому, человек безвольный и покладистый, и как мне сообщили, хотел бы собрать комиссию из давно проживающих здесь русских, дабы не то иметь при себе совещательный орган, не то “в ограждении себя” в будущем. Во всяком случае, те земли, которые ему сейчас предлагаются, ...абсолютно никуда не годны, и владельцы, на землях этих проговорившие, стремятся сплавить их Лиге Наций, и путем обработки их “белыми рабами” поправить свои обстоятельства»⁹⁴⁵. А также переселение на другой континент необходимо «для разряжения Европы от „русского засилья“ или попросту с целью уничтожения истинно русских людей, ибо едва ли те, что будут переселены сюда... вернутся когда-либо на Родину»⁹⁴⁶.

Основательно и ответственно подошел к решению своей задачи представитель МБТ в Бразилии П.А. Гессе. Сориентировавшись на месте, он всячески тормозил массовый приток соотечественников в страну, несмотря на рекомендации А. Тома переселять не менее 10 тыс. беженцев в год. П.А. Гессе называл этот эксперимент авантюрой, абсурдом и даже преступлением из-за плохой организации, непродуманности, подготовленности и недофинансирования проекта. Не говоря уже о совершенно не подходящих для россиян климатических условиях. За два года жизни в Бразилии он сам потерял здоровье, с трудом перенес акклиматизацию⁹⁴⁷.

С.Д. Боткин высказывал сомнения «в целесообразности, с общегосударственной точки зрения будущей России, выселения навсегда в далекие края наиболее энергичных (очевидно только таковые и решаются на эту авантюру) русских людей»⁹⁴⁸. М.Н. Гирс, лично посетивший Южную Америку и познакомившийся с положением иммигрантов, солидаризовался с ним: «Прокнер [Проктор] стремится осчастливить наших беженцев, обращая их в иммигрантов в другие страны, иммигрантов, имеющих [намерение] окончательно осесть там. Мы же хотим спасти наших беженцев для будущей России, рассчитывая, что, конечно, далеко не все, но, во всяком случае, большинство из них вернется на родину и будет служить ей всем тем опытом и теми познаниями, которые они приобретут за границей. ...Нельзя, конечно, сурово проводить ее во всех индивидуальных случаях, т. к., прежде всего, следует спасти людей от голодной смерти, но она должна быть руководящей линией в нашей деятельности». Глава совета послов исходил из того, что Т. Проктор и Т.Ф. Джонсон будут вербовать всех работоспособных беженцев. Задача же состоит в отправке – «перевести туда лишь тех из них, коих нет надежды устроить в Европе, ближе к России, дабы по мере возможности они не утратили сознания долга служения родине»⁹⁴⁹.

⁹⁴⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 7.

⁹⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁹⁴⁷ Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. С. 43.

⁹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 24.

⁹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 34.

Однако начальник переселенческого управления РОКК Г.В. Глинка (1862–1934) в своем докладе собранию представителей Российского общества Красного Креста о проектах переселения в Южную Америку, состоявшемся 17 декабря 1925 г., заявил, что поскольку эмиграция на латиноамериканский континент не приобретает широкие масштабы, «она не может внушать опасений потери значительных русских сил для будущего России». Но в целом выводы были неутешительными. Во-первых, переселение, говорилось в докладе, не может стать решением вопроса о предоставлении труда безработным беженцам и, тем более, вариантом улучшения положения российской эмиграции. Во-вторых, все проекты не обеспечивают правовое положение беженцев, в том числе право на труд. В-третьих, необходимо выявление всей полноты сведений о каждом из четырех государств, предназначенных для переселения (о свойствах земель, правовом положении переселенцев, видах помощи и т. п.). В-четвертых, важно привлечение к участию в деле переселения российских представительств на местах и широкое осведомление о действительных условиях переселения⁹⁵⁰.

Поэтому на первый план выходила самопомощь и самоорганизация эмиграции. В южноамериканских странах действовали колонизационные общества. Условием вступления в такие общества был, как правило, отказ от политической борьбы и способность к сельскохозяйственному труду. Колонизационные бюро стали создаваться в Европе. Еще в 1920 г. появилось Русское колонизационное общество в Лондоне. Организовывались колонизационные отделы РОКК, Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за рубежом в Париже (во главе с кн. В.А. Оболенским (1869–1950) и В.И. Выборовым), а также при центральных эмигрантских организациях в различных странах (например, при Особом комитете по делам беженцев в Финляндии). В конце 1924 г. в Белграде, столице Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), А.П. Пилкин (1869–1944) создал Русское колонизационное общество, ставившее «задачу способствовать переселению русских эмигрантов в Южную Америку (Парагвай)» и «организовать русские фермерские поселения на собственной земле». Устав Общества был утвержден МВД 5 октября 1924 г. Прием посетителей А.П. Пилкин вел три раза в неделю в помещении Правительственного уполномоченного в КСХС С.Н. Палеолога (1877–1933)⁹⁵¹.

Начавшаяся в Европе с 1925 г. кампания по организации переселения за океан подтолкнула к созданию новых русских колонизационных бюро для содействия переезду беженцев в Южную Америку. В Париже активно работал Комитет по содействию русским иммигрантам в Парагвае, созданный Иваном Тимофеевичем (1875–1957) и Николаем Тимофеевичем (1878–1955) Беляевыми и парагвайским консулом во Франции Х. Лапьеро. Председателем его стал Донской атаман А.П. Богаевский (1873–1934). М.Н. Гирс

⁹⁵⁰ Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. С. 43–44; Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 23–24; ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 2; АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 4, 7, 9, 21 об.

⁹⁵¹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 2.

в одном из писем писал: «Я вполне отдаю себе отчет в том, что первые усилия Беляева вполне похвальны и принесли уже известный результат для него и для той группы лиц, которая ныне устроилась. Я не знаю, что им сулит в будущем их новая жизнь в Южной Америке, ибо покуда мы вправе рассматривать эти зачатки русских поселений как первый опыт русских колонизаций»⁹⁵².

Подобные объединения появились в Софии, в Чехословакии. В 1925 г. в Праге образовались Русская Земледельческая колония под руководством князя П.Д. Долгорукова (1866–1951) для содействия созданию русских земледельческих хозяйств в Южной Америке, Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку и др. В Берлине в августе того же года учредили Русское колонизационное товарищество во главе с Б.И. Солодовниковым. В Лигу Наций им был направлен доклад, организационный (Устав) и технический планы, смета на 100 хозяйств, составивших бы ядро проектируемой колонии. Правление товарищества рассчитывало на покровительство, руководство и контроль Лиги Наций, но, прежде всего, на материальную помощь «в потребном размере в виде краткосрочной ссуды». Однако и к 1928 г. средства не были получены, и ни одно хозяйство не переселилось при содействии Товарищества. В Польше «особый синдикат получил на весьма льготных условиях крупную земельную концессию в Перу, и должен был получить такую же концессию в Боливии». Для освоения земель требовались земледельцы, а получение 30 га земли в плодородной местности казалось делом привлекательным⁹⁵³. Представитель российской эмиграции в Польше В.М. Горлов в начале 1929 г. информировал К.Н. Гулькевича об отправке беженцев в страны Южной Америки.

Переселенцы часто становились жертвами недобросовестных вербовщиков. Приведем один пример, о котором пишет В.И. Косик. Братья Королеви-чи, желая придать вес своему предприятию, написали письмо начальнику Управления по делам российских эмигрантов в КСХС В.Н. Штрандтману (1877–1963) в 1930 г., характеризую Перу как страну, весьма благоприятную во всех отношениях для переселенцев. Их агитации поддались казаки, оказавшиеся в Сербии в трудном положении. Группа численностью примерно сто человек во главе с генералом Павлюченко отправилась в Перу. Но реальность являлась совсем иной. Полученная земля была малоплодородной, условия жизни и работы – невыносимыми, заработок приходилось отдавать Королевичам за проезд до Лимы. Попытки казаков «рассчитаться» с вербовщиками за обман и найти какую-либо работу в перуанской столице, закончились тюремным заключением, так как Павлюченко обвинил их в большевизме. После содержания в тюрьме казаки были интернированы на один из небольших островов⁹⁵⁴.

К 1930 г. Лига Наций признала переселение в Южную Америку бесперспективным. Часть эмигрантов, не найдя себе здесь достойного места, по-

⁹⁵² ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 73.

⁹⁵³ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

⁹⁵⁴ Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919-1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 24.

старалась перебраться в США, Канаду или вернуться в Европу, хотя североамериканские страны относились к эмигрантам очень избирательно. Когда в начале 1930-х гг. вновь вспыхнул интерес к переселению на американский континент особенно в Маньчжурии, и даже возник Американско-Славянский Колонизационный Трест, широко обсуждаемый и критикуемый в эмигрантских кругах, речь шла уже о переселении в Перу, Мексику, США, Канаду, ибо прошлый опыт по отправке в Аргентину, Бразилию закончился «очень трагично для переселяющихся»⁹⁵⁵.

Таким образом, несмотря на сложные социально-экономические условия, сложившиеся в послевоенной Европе, верховному комиссару Ф. Нансену в сотрудничестве с Международной организацией труда и национальными правительствами удалось помочь найти постоянную работу, по некоторым данным, более чем 50 тыс. беженцев⁹⁵⁶, часть из которых смогла трудоустроиться в результате вторичной эмиграции, на другом континенте.

В связи с актуализацией межконтинентальной миграции в рассматриваемый период обострилась проблема упорядочения личных прав беженцев. Лига Наций в этой связи предприняла попытки ликвидировать юридические препятствия для миграционных потоков и облегчить адаптацию переселенцев. Процесс организации переселения за океан способствовал совершенствованию правового регулирования транснациональных передвижений беженцев, включая, прежде всего, разрешение на безвизовое возвращение в страну выезда, которая выдавала удостоверение личности для беженца. В условиях, когда мировое сообщество окончательно еще не готово было признать принцип не высылки беженца, этот шаг являлся прогрессивным.

При всей многовариантности решения русской беженской проблемы государства Латинской Америки сыграли существенную компенсаторную роль, хотя и сохраняли статус стран вторичной эмиграции, оставаясь «запасным вариантом» для изгнанников, прежде всего из-за удаленности от России, угрозы утраты национального самосознания и возможной демографической потери человеческих ресурсов для родины.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ананьев Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, старший преподаватель Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Бочарова Зоя Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Бухарин Михаил Дмитриевич – академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Вах Кирилл Алексеевич – генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик»,
член Издательского совета Русской Православной Церкви,
заместитель руководителя Научной секции ИППО;

Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ);

Гусева Юлия Николаевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, Самарский филиал ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»;

Державин Виктор Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела славяно-русской археологии Института Археологии РАН;

Ершов Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Центра аналитики и прогнозирования Московского государственного областного университета;

Мосейкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Российского университета дружбы народов;

Исакова Мухаё Сражиддиновна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Республики Узбекистан; старший научный сотрудник Национального архива Республики Узбекистан;

Катагощина Мария Всеволодовна – кандидат исторических наук, соискатель кафедры стран постсоветского зарубежья ИПиМИ РГГУ;

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор РГГУ;

Мухин Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, старший научный сотрудник кафедры стран постсоветского зарубежья ИПиМИ РГГУ;

Христофоров Василий Степанович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Никитин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН.

INFORMATION ABOUT AUTHORS:

Vitaly G. Ananyev – Doctor of Cultural Studies, Senior Lecturer at the Institute of philosophy of Saint Petersburg State University;

Zoya S. Bocharova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department for the study of global issues faculty of global processes of M.V.Lomonosov Moscow State University;

Mikhail D. Bukharin – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of General history of the Russian Academy of Sciences;

Kirill A. Vach – General Director of the Scientific-publishing center «Indrik», member of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Deputy Head of the scientific section of the Imperial Orthodox Palestine society;

Eugene Y. Wittenberg – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of Russian State University for the Humanities;

Yulia N. Guseva – Associate Professor of the Department of history, international law and foreign regional studies, Samara branch of the Moscow City University;

Victor L. Derzhavin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Slavic-Russian archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences;

Vitaly F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Center for analytics and forecasting of Moscow State Regional University;

Marina N. Moseikina – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Head of the Department of Russian history of RUDN University;

Mohaa S. Isakova – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Senior Researcher of the National archive of the Republic of Uzbekistan;

Maria V. Katagoshchina – Candidate of Historical Sciences, Applicant of the Department of the post-soviet countries of the Institute of post-soviet and interregional studies;

Grigorii N. Lanskoï – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian State University for the Humanities;

Mikhail Yu. Mukhin – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;

Vasily S. Khristoforov – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay I. Nikitin – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Centre of history of Russian feudalism of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Подписано в печать 24.11.2020. Формат 70х100 1/16.
Гарнитура Times. Печ. л. 19,75.
Тираж 300 экз. Заказ № 5612.

Издатель – Российская академия наук

Оригинал-макет подготовлен
«Буки Веди»

Публикуется в авторской редакции

Отпечатано в «Буки Веди»
117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Издается в соответствии с постановлением Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 11 февраля 2020 г. № 01
и распространяется бесплатно